

Historia Russica

Scan - anatoli
Red - waleriy

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Н.Е. Быстрова

«Русский вопрос»
в 1917 – начале 1920 г.:
Советская Россия
и великие державы

Центр гуманитарных
инициатив

Москва — Санкт-Петербург
2016

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)251
Б95

Серия «Historia Russica» основана в 2015 г.

Редакционная коллегия серии:

Ю.А. Петров (председатель), С.В. Журавлев, В.Н. Захаров,
В.А. Кучкин, Д.Б. Павлов, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов,
В.В. Шелохаев, В.А. Шестаков, А.В. Юрасов

Серийное оформление: Ю.В. Балабанов

*Утверждено к печати Ученым советом Института российской истории
Российской академии наук*

Рецензенты:

доктор исторических наук Л.А. Сидорова,
доктор исторических наук В.А. Невежин

Быстрова, Н.Е.

Б95 «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы [Текст] / Н.Е. Быстрова ; Институт российской истории Российской академии наук. – М. : Институт российской истории РАН : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 368 с. — (Historia Russica).

ISBN 978—5-8055-0297-3

Монография посвящена актуальной научной проблеме – взаимоотношениям Советской России и великих держав Запада после Октября 1917 г., когда русский вопрос, неизменно приковывавший к себе пристальное внимание лидеров европейских стран, получил особую остроту. Поднятые автором проблемы геополитики начала XX в. не потеряли своей остроты и в наше время. В монографии прослеживается влияние внутрисполитического развития Советской России на формирование внешней политики в начальный период ее существования. На основе широкой и разнообразной источниковой базы, включающей как впервые вводимые в научный оборот архивные, так и опубликованные документы, а также не потерявшие ценности мемуары, в книге раскрыты новые аспекты дипломатической предыстории интервенции стран Антанты, показано, что знали в мире о происходившем в ту эпоху в России и как реагировал на эти события. Автор стремился определить первенство одного из двух главных направлений во внешней политике Советской России: борьбу за создание благоприятных международных условий для развития государства и содействие мировому революционному процессу; исследовать поиск руководителями страны возможностей для ее геополитического утверждения.

ISBN 978-5-8055-0297-3

© Быстрова Н.Е., 2016
© Институт российской истории РАН, 2016
® Центр гуманитарных инициатив, 2016

*Памяти мамы
посвящается*

Оглавление

Введение.....9

Глава 1. Взаимоотношения Советской России и стран Антанты

в конце 1917 — середине 1918 г.	16
Пролог	16
Политика «умалчивания»	23
Формирование внешнеполитического механизма	28
Еще союзники, но уже интервенты	38
«Шанс на признание»	52
Брестская петля	60
Нота В. Вильсона от 3 марта 1918 г. — оппозиция интервенции	68
Речь А. Бальфура — призыв к интервенции?	68
Нота Л.Д. Троцкого от 5 марта 1918 г.: приемлемость интервенции?	73
После Бреста: Россия, Германия, союзники	79
Интервенция «на базе взаимных интересов»	90
Заявление Д. Фрэнсиса 16 апреля 1918 г.	94
Противовес Брестскому миру	96
Чехословацкое восстание	106
Вопрос о германских военнопленных	110
Кампания за интервенцию в западной прессе	122
Призыв к военной интервенции, или Эпизод с А.Ф. Керенским	129
Беспрецедентное соглашение	135
Отъезд послов из Вологды	141
Советская Россия и Германия	142

Глава 2. Советская Россия на дипломатическом фронте в годы

интервенции, вторая половина 1918 г. — начало 1919 г.	158
«Мы все еще ваши союзники...»	158
Архангельский десант	162
«В тисках иностранного представительства»	165
Власть над насилием	177
Россия — Германия: дополнительные соглашения	183
В состоянии «фактической войны»	193
Формирование новой внешней политики	198

Обострение «русского вопроса»	218
Союзники и Белое движение	222
Русские дипломаты в борьбе за Россию	233
Глава 3. Россия и Версальский мир	238
Главная дипломатическая битва	238
Советская Россия и Версальский договор	242
Глава 4. Советская Россия и державы Согласия	
в 1919 — начале 1920 г.	256
Россия и союзники после войны	256
«Тайна Принцевых островов»	260
Миссия Уильяма К. Буллита в Россию	270
Третий — Коммунистический	278
На фронте «мировой революции»	282
Репатриация военнопленных и миссия Д.З. Мануильского	285
«Дипломатический фронт» союзников	304
Шаг к решению «русского вопроса»	319
«Неразгаданная» позиция Англии в «русском вопросе»	333
РСФСР «желает жить в мире со всеми народами...»	342
Советская Россия и державы Антанты в начале 1920 г.	345
Заключение	357
Указатель имен	363

Введение

Проблема взаимоотношений Советской России и стран Запада после Октябрьских событий 1917 г. столь многомерна, что несмотря на большой комплекс посвященной ей литературы, остается по-прежнему актуальной.

«Русский вопрос» возник с падением военной и экономической мощи России после свержения монархии, проявился с особой остротой именно с Октября 1917 г., став вопросом жизнеспособности советского государства. С этого переломного момента российской истории — появления Советской России, приступившей к формированию новых основ внешней политики и международных отношений, начинается исследование автора. Доведено оно до начала 1920 г., когда была фактически отменена экономическая блокада Советской России, выведены иностранные войска с ее территории и великие державы пришли к осознанию невозможности построить прочный международный порядок без привлечения России, как крупнейшего евразийского государства.

Несмотря на то, что Россия была союзницей стран Антанты, «сердечной» близости между ними никогда не было. Сильной России ни Великобритания, ни Франция, ни США не желали и, стремясь использовать ее в своих геополитических и стратегических интересах, предпочли бы уход ее из мировой политики как влиятельной силы — великой державы¹. Министр иностранных

¹ Термин «Великая держава» был принят на Венском конгрессе 1815 г. для обозначения государств, играющих ведущую роль в международных отношениях и несущих особую ответственность за поддержание мира и международной безопасности. Первоначально этот статус получили пять государств: Российская империя, Пруссия — Германская империя (с 1871 г.), Австрия — Австро-Венгрия (с 1867 г.), Английское королевство — Британская империя (с 1878 г.) и Франция. Позднее этот статус получили Италия (1867 г.), США (1898 г.) и Япония (1905 г.).

дел Временного правительства П.Н. Милюков в свое время справедливо говорил о том, что у государства есть свои жизненные, насущные интересы, независимо от того, управляют ли Россией либералы, социалисты или царские чиновники. Советская Россия, выросшая на обломках сражавшейся в рядах победившей коалиции Российской империи — создателя великой территориальной державы, стала первой жертвой территориального передела. Поставив себя вне мировой системы международных отношений, своими внешнеполитическими задачами она тем не менее считала выход из изоляции и восстановление отношений со всеми государствами. Оказавшись во внешнеполитической «тени», Советская Россия пыталась заниматься внешнеэкономической деятельностью. Однако уровень развития экономических отношений, равно как и политических, ограничивали идеологические установки как с советской стороны, так и со стороны западных стран.

Автор не претендует на всесторонний охват всего комплекса проблем, связанных с исследуемой темой, понимая ее сложность и многоплановость. Особое внимание в монографии уделено реакции внешнего мира на происходившее в Советской России в первые годы ее существования.

Новизна работы состоит в том, что ее основой в значительной степени послужили материалы иностранной печати и составлявшиеся сотрудниками НКВД обзоры российской и зарубежной прессы, наряду с дипломатическими материалами сыгравшие важную роль в обеспечении того минимума сведений, который позволял советскому руководству вырабатывать собственную внешнеполитическую линию. Термин *Советское правительство* в международно-правовом смысле требует уточнения. Так, советский дипломат, представитель РСФСР в Италии В.В. Воровский в одном из своих писем 1922 г. указывал: «В международном концерте мы — только Правительство России эвентуально с титулом Рабоче-Крестьянское, советское мы или нет, это не их, а наше дело, тем более, что такого титула официально у нас нет... Советское Правительство никогда места в европейском концерте не занимало, а его занимало Российское правительство и на его именно место мы претендуем»².

Монография основывается на документах из Архива внешней политики Российской Федерации, часть которых впервые вводится ав-

---

² Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0418. Оп. 1. Д. 36. П. 2. Л. 92.

тором в научный оборот. Впервые так широко используются материалы фонда Отдела печати НКВД, Бюллетени Отдела печати НКВД, в которых помимо аналитических обзоров зарубежной и российской прессы, вырезок из российских и иностранных газет и журналов, содержатся важные документальные сведения о международном и внутривластном положении Советской России; о деятельности белой эмиграции. Ценность этих материалов для раскрытия темы не вызывает сомнений: они позволяют в определенной степени проследить эволюцию взглядов западных политиков на происходившие в то время в России события; во многом благодаря прессе советские руководители узнавали об их намерениях и действиях.

В работе использованы также материалы фондов Г.В. Чичерина, М.М. Литвинова, Л.М. Карахана, других членов Коллегии и ответственных сотрудников НКВД: А.А. Иоффе, Х.Г. Раковско-го, Л.Б. Красина. Информационные материалы по странам (фонды референтуры великих держав), нотная переписка, записи бесед наркома, его заместителей, полпредов с иностранными представителями, тексты и проекты договоров и соглашений — все эти ставшие доступными документы АВП РФ помогли раскрыть тему исследования, так же, как и официальные публикации американских и британских внешнеполитических документов³ и опубликованные сборники документов по истории внешней политики СССР⁴.

Огромную ценность представляют публикации мемуаров и документов, таких, например, как сборник воспоминаний руководителей и участников интервенции в России: дипломатов, находившихся в 1917—1918 гг. в России: посла США и дуайена дипломатического корпуса Д. Фрэнсиса, посла Франции Ж. Нуланса, британского генерала У.Э. Айронсайда; дневниковые записи барона Карла фон Ботмера, представителя Верховного главнокомандования при немецкой дипломатической миссии — очевидца

³ См., напр.: Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1917. Suppl. 2. Wash., 1932. Vol. 1; 1918. Russia. Wash., 1931. Vol. 1. (Далее: FRUS); Documents on British Foreign Policy. First Series. Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. House of Commons. 29.11.1917, vol. 99, col. 2191.

⁴ См., напр.: Документы внешней политики СССР. М., 1957—1958. Т. 1—2. (Далее: ДВП СССР); Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1—2; Документы международных отношений и внешней политики СССР (1917—1945 гг.). М., 1996; Системная история международных отношений: события и документы, 1918—2000: в 4 т. М., 2000. Т. 2: Документы 1910—1940-х гг.; Коминтерн и идея мировой революции: документы. М., 1998; Москва — Берлин. Политика и дипломатия Кремля, 1920—1941: сб. док.: в 3 т. М., 2011. Т. 1: 1920—1926; и др.

и участника брестской эпопеи⁵; другие источники⁶. Особо важное значение для раскрытия темы нашего исследования имеет вводимая в научный оборот работа И.П. Гольденберга⁷ «Книга о взаимоотношениях между странами Антанты и Россией в 1917—1918 гг.» (рукопись, к сожалению, осталась незавершенной из-за скоропостижной кончины автора 1 января 1922 г.).

Исторические исследования, посвященные данному периоду российской истории, как в отечественной, так и в зарубежной историографии весьма многочисленны. Так, труды В.И. Голдина, демонстрируя особенности, которыми характеризуется генезис интервенции и Гражданской войны на региональном уровне (на Русском Севере), раскрывают тем не менее общероссийские тенденции. Исследователь отводит интервенции роль катализатора развернувшейся летом 1918 г. «широкомасштабной гражданской войны»⁸. Новый взгляд на проблему роли интервенции в российской Гражданской войне представлен в исследовании Л.Г. Новиковой⁹. Мы разделяем ее вывод о том, что интервенция в таком геополитически важном регионе, как Север России, где сталкивались интересы многих государств, в годы Гражданской войны выглядит значительным, но крайне противоречивым эпизодом, не оказавшим решающего воздействия на исход политического и военного противостояния. Правомерными в связи с этим представляются слова английского дипломата Дж. Бьюкенена о том, что интервенция оказалась на практике столь неудачной, что была осуждена в принципе всеми как ошибочная политика, и затраченные на

⁵ *Ботмер К. фон.* С графом Мирбахом в Москве: дневниковые записи и документы за период с 19 апреля по 24 августа 1918 г. Нью-Йорк, 1999.

⁶ *Заброшенные в небытие: интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников / сост. В.И. Голдин.* Архангельск, 1997; *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 2001; и др.

⁷ Иосиф Петрович Гольденберг (Мешковский) (1873—1922) — литератор, член РСДРП с 1903 г. С 1910 по 1914 г. был в ссылке, с марта по октябрь 1917 г. — член редакции «Известий» и Исполкома Петросовета. После Октябрьской революции был стокгольмским корреспондентом «Новой жизни», в 1920—1921 гг. работал в советском Бюро по делам военнопленных в Берлине, в начале августа заступил на должность заведующего Отделом печати и информации НКВД.

⁸ *Голдин В.И.* : 1) Революционный пролог и гражданская война в России на историографическом рубеже конца XX — начала XXI в. // Проблемы новейшей истории России: сб. ст.: к 70-летию со дня рождения Г.Л. Соболева. СПб., 2005. С. 196—197; 2) Интервенты или союзники?: мурманский «узел» в марте — июне 1918 года // Отечественная история. 1994. № 1. С. 74—88.

⁹ См., в частности: *Новикова Л.Г.* Интервенция и Гражданская война на Русском Севере: к переоценке проблемы // Отечественная история. 2007. № 4. С. 113—126.

нее деньги были выброшены на ветер; союзные правительства, не имея ясно определенной политики, прибегли к полумерам, неудача которых была почти предрешена. Таким образом, ряды Красной армии усилила не интервенция, а опасение того, что союзники намерены расчленить Россию¹⁰. Политике стран Антанты по отношению к Советской России в конце 1917 — начале 1918 г. посвящена не потерявшая своего значения книга Р.Ш. Ганелина¹¹; международная стратегия большевизма на исходе Первой мировой войны рассмотрена А.Ю. Ватлиным¹².

Вопрос о соответствии национальным интересам России геополитического аспекта ее политики в отношении восточной части Центральной Европы ставит в своих исследованиях В.А. Зубачевский¹³. Он справедливо отмечает, что хотя Советская Россия и провозгласила новый подход к внешней политике, но в 1917—1923 гг. прослеживается и традиционная для Российского государства преемственность в обеспечении национальной безопасности, в частности в связи с проблемами Виленского края, Восточной Галиции, Мемельской области. Л.Н. Нежинским обстоятельно проанализированы доктринально-концептуальные и конкретно-практические основы советской внешней политики, ее действия по линии дипломатии и Коминтерна, соответствие или несоответствие общественно-государственным интересам¹⁴. В монографии В.А. Шишкина, применительно к «советской» или «социалистической» оболочке национально-государственных интересов, показана преемственность национальной и геополитической традиции в политике России¹⁵. Лучше понять, почему интервенция, развиваясь по чрезвычайно сложному сценарию, завершилась серьезной внешнеполитической и военной неудачей стран-участниц, во многом определив на долгие годы конфронтационный характер отношений западных держав с Советской Россией, помогают работы

¹⁰ См.: *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 395—396.

¹¹ *Ганелин Р.Ш.* Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975.

¹² *Ватлин А.Ю.* Международная стратегия большевизма на исходе Первой мировой войны // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 72—82.

¹³ См., напр.: *Зубачевский В.А.* Политика России в отношении восточной части Центральной Европы (1917—1923 гг.) Геополитический аспект. Омск, 2005.

¹⁴ *Нежинский Л.Н.* В интересах народа или вопреки им?: советская международная политика в 1917—1933 годах. М., 2004.

¹⁵ *Шишкин В.А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917—1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». СПб., 2002.

С.В. Листикова, посвященные позиции русских антибольшевистских сил¹⁶.

Зарубежные исследователи истории дипломатии в начальный период русской революции, в частности, Р. Уорт, пытались ответить на вопрос, как страны Антанты из союзников России превратились в ее врагов¹⁷. Феномену России «под большевиками» посвящены исследования Р. Пайпса, Дж. Кеннана, Дж. Томсона, Ф. Шумана и др.¹⁸

Однако в этих работах вопросы политико-дипломатического характера, как правило, лишь дополняют военно-политическую составляющую, начальный этап борьбы за признание Советской России великими державами не получил достойного отражения в историографии.

«Русский вопрос», рассмотрение которого заняло центральное место в настоящей монографии, это и вопрос об организации борьбы против Советской России; интервенция стала камнем преткновения отношений России с великими державами. С учетом ставших доступными документов автор стремился по-новому представить дипломатическую предысторию интервенции стран Антанты, ее различные формы: «прикрытую» — оказание помощи внутренним антибольшевистским силам, и «открытую» — вооруженное вмешательство в дела России, обострившее Гражданскую войну.

Выяснить, что знали в мире о событиях в России в революционную эпоху и как реагировали на происходившее; каковы были место и роль Советской России в международных отношениях того времени — эти вопросы были поставлены автором, который принял попытку определить также первенство одного из двух главных направлений во внешней политике Советской России: борьбы за создание международных условий для укрепления и развития государства и содействия мировому революционному процессу.

---

¹⁶ Листиков С.В. : 1) Белые дипломаты о «русской политике» западных держав // Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919—1939 гг.: сб. ст. / отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011 С. 153—169 ; 2) «Русский след» в американской интервенции // Российская история. 2012. № 5. С. 139—151.

¹⁷ Уорт Р. Антанта и русская революция, 1917—1918. М., 2006.

¹⁸ См.: Пайпс Р. Русская революция: в 3 кн. М., 2005. Кн. 3: Россия под большевиками, 1918—1924; Вильямс А.Р. Путешествие в революцию; Россия в огне Гражданской войны, 1917—1918. М., 2006; Kennan G.F. Russia leaves the war. Princeton, ©1956; Schuman F.L. American policy toward Russia since 1917: a study of diplomatic history, international law, and public opinion. L., 1928; Rothwell V.H. British War Aims and Peace Diplomacy, 1914—1918. Oxford, 1971; и др.

В предлагаемой вниманию читателей монографии автор попытался проанализировать степень осуществления внешнеполитических задач советского государства, его отношения с великими державами — Великобританией, Францией, Италией, Соединенными Штатами Америки, Германией; показать суть их тактических разногласий в оценке русского вопроса. После окончания Первой мировой войны «русский вопрос» стал неотъемлемой частью геополитической стратегии западных стран. Однако к его решению не привело и дипломатическое признание Советской России ведущими державами в середине 1920-х годов.

Исследованию вопросов, находившихся в центре европейской политики первой половины 1920-х годов, от решения которых во многом зависели тактические особенности установления дипломатических отношений Советской России с великими державами (проблемы долгов, урегулирование репарационного вопроса, обеспечение гарантий международных границ и т.д.), выработке различных «формул признания» будет посвящена наша следующая книга, охватывающая период с 1920 по 1925 г.

Глава 1

Взаимоотношения Советской России и стран Антанты в конце 1917 – середине 1918 г.

Пролог

Россия была первой державой, не выдержавшей бремени военных лет. Новые политические силы, придя к власти после падения монархии, оказались не способны вывести страну из экономического и социально-политического кризиса. Довольно сложно шло признание Временного правительства полноправным преемником царской России в международных делах ее союзниками, обеспокоенными дальнейшим участием России в войне и ее внутривнутриполитическим положением. Только 22 марта 1917 г. Россия была признана де-юре Соединенными Штатами, а затем и другими союзниками. Снижение эффективности русского фронта сказалось на объеме военно-экономической помощи со стороны западных держав. Ослабление русской военной мощи привело к падению престижа России в мире, хотя Временное правительство до последнего держалось за статус великой державы, претендуя на равное с другими великими державами положение в коалиции. Падение международного престижа России отчетливо проявилось на Парижской и Лондонской конференциях июля — августа 1917 г.¹, на которых без ее участия обсуждались вопросы о мерах по удержанию России в коалиции до конца войны и о действиях союзников в случае, если Россия все же из нее выйдет. Без участия России рассматривался «русский вопрос» на совещании глав английской, французской и итальянской делегаций, на котором был одобрен французский проект разграничения «сфер помощи» Временному правительству. В проекте прямо говорилось об «административной реорганизации России» под контролем иностранных миссий в целях сохранения ее в рядах коалиции и борьбы с «внутренним разложением»². В августе — сентябре 1917 г. велись секретные переговоры германских финансистов с англо-французскими

¹ См.: Очерки истории Министерства иностранных дел России, 1802—2002: в 3 т. М., 2002. Т. 2. С. 28.

² Там же. С. 29.

об условиях будущего мира, на которых немцами был предложен план расчленения России на малые государства. Финансисты Германии мотивировали план, признанный англичанами приемлемым, тем, что сохранение единства России выгодно было прежде всего Соединенным Штатам Америки. С падением престижа России в зависимых странах возросло влияние более могущественных союзников: Англии — на Среднем и Японии — на Дальнем Востоке.

В октябре 1917 г. Временное правительство попыталось сформулировать свою внешнеполитическую программу с учетом национально-государственных интересов России: неприкосновенность российской территории, обеспечение экономической независимости страны, поддержание ее великодержавного статуса. Под экономической независимостью подразумевалась свобода выхода к Балтийскому и южным морям, то есть предотвращение создания в Прибалтике «автономных буферных государств», которые тяготели бы к Германии, и благоприятный для России договор о статусе Черноморских проливов. К этому добавлялось пожелание о свободе самоопределения славянских народов Австро-Венгрии.

Державы Антанты связывали надежды на возрождение боевой мощи России не только с иностранным контролем, но и с правогенеральским переворотом — корниловским мятежом, последствия которого, однако, привели к кризису в их отношениях с Временным правительством³. Официально союзники придерживались строгого нейтралитета, неофициально поведение их представителей в России и тон их влиятельных органов печати не оставляли сомнений в том, какие соображения владели руководящими кругами Великобритании и Франции. Военные миссии союзников поддерживали тесный контакт с Л.Г. Корниловым, причем поддержка эта была направлена не против «угрозы большевизма», а против демократического правительства дружественного союзника за два месяца до захвата власти большевиками. Дуайен дипломатического корпуса, английский посол Джордж Бьюкенен, писал в своих мемуарах о том, что неудача корниловской попытки государственного переворота разрушила его последние надежды на улучшение положения как на фронте, так и в тылу. «Нашим долгом, — откровенно признавал Бьюкенен, — было попытаться удержать Россию в войне для того, чтобы ее богатые ресурсы не были использованы Германией»⁴.

---

³ Там же. С. 30.

⁴ *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 2001. С. 351.

В поддержке Корнилова союзниками были попытки разглядеть и признаки грядущей интервенции в Россию. «Для будущего историка взаимоотношений России и Антанты дело Корнилова является водоразделом. Если фактически и юридически трудно доказать, что союзники имели свою долю в деле Корнилова, если по имеющемуся пока газетному и книжному материалу нельзя установить конкретных данных их участия, то во всяком случае этого материала достаточно, чтобы вынести союзникам в этом деле ясный и отчетливый обвинительный приговор, хотя бы и базирующийся только на моральной уверенности», — так начинает свое исследование Иосиф Петрович Гольденберг⁵, стремясь показать, что интервенция в русские дела началась задолго до Архангельского и Владивостокского десантов союзников. Первым периодом подготовки интервенции он назвал время с ноября 1917 г. по март 1918 г. Полагая, что достаточно материала для того, чтобы представители союзных миссий в России и их руководители в Лондоне, Париже, Вашингтоне и Токио поняли, что может наступить момент, когда им придется начать борьбу с Россией и русской революцией, Гольденберг напомнил о небывалом по ярости и продолжительности взрыве возмущения, которым встретила пресса стран Антанты, в особенности британская, весть о неудаче корниловской попытки государственного переворота. Он ограничился выдержками из двух речей, произнесенных позднее в английском парламенте, считая их своего рода объективным, подводящим итоги документом по отношению к корниловской эпохе. Так, 12 февраля 1918 г. член парламента Р. Макдональд в дебатах по общей политике правительства дал оценку его политике в «русском вопросе»: «Как только русская революция начинала укрепляться и побеждать — здесь начинали злобствовать... У членов парламента еще свежи воспоминания о корниловском восстании. Могут ли члены парламента представить себе, каково должно было быть положение Керенского в России, когда он был окружен врагами со всех сторон, когда перед ним были две невероятных задачи: держать германский фронт, успокоить Россию внутри и когда в это же время ему посылают статьи “Морнинг Пост” и “Таймса”...»⁶. Другой оратор критиковал настроения влиятельных общественных кругов в Англии: «Мы позволяли нашим газетам нападать на революционное правительство путем скандальных ругательств, мы позволяли “Мор-

---

⁵ АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 2.

нинг Пост” называть это правительство “тюремными пташками”... Но еще хуже, когда на сцену выступил Корнилов и контрреволюция, мы позволяли нашим газетам оказывать максимальную поддержку этой контрреволюции и славить Корнилова как грядущего спасителя России и царизма»⁷.

Как же относились к корниловскому мятежу, по оценке корреспондентов, союзные посольства в самом Петрограде? Рене Маршан, корреспондент газеты «Фигаро», писал, что перед корниловским восстанием русской буржуазии «надоела революция и многие из членов союзного дипломатического корпуса были согласны с русской буржуазией в этом вопросе. Во всех кругах появились мысли о необходимости установления открытой или замаскированной военной диктатуры. Начали искать генералов. Началась газетная кампания в пользу создания более энергичного правительства. Эта тенденция была особенно заметна в Британском посольстве, ибо в то время именно там воскресла формула, заранее приготовленная перед русской революцией на случай ее возникновения: революция ни в коем случае не должна выйти за пределы смены министерства, предоставив власть кадетской партии»⁸. После выступления Л.Г. Корнилова британский генерал, официально представлявший миссию Великобритании на Московском Совещании в июле 1917 г., воскликнул: «Вот диктатор!» Союзники возлагали надежды на эту сильную личность. Уильям Харт в книге «История Раймонда Робинса», на которую часто ссылается И.П. Гольденберг, так передал разговор между военным атташе британской миссии в Петрограде генералом А. Ноксом и полковником Р. Робинсом: «Вы должны были бы быть вместе с Корниловым, — сказал генерал Нокс Робинсу. — Вы были вместе с ним, — сказал Робинс. Генерал покраснел. — Да, сказал он, быть может, эта попытка была преждевременна, но я не заинтересован в правительстве Керенского; оно слишком слабо, необходима военная диктатура, необходимы казаки; этот народ нуждается в кнуте. Диктатура, — это как раз то, то нужно»⁹. Этот разговор состоялся 2 ноября 1917 г. Приведенный материал не оставляет сомнения, что корниловское восстание прошло не без ведома и одобрения английского посла. «Поскольку интервенция являлась не только военной операцией, но и моральной

---

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 4. См. также: *Hard W. Raymond Robins' Own Story*. New York: Harper & Brothers, 1920. 247 p.

поддержкой, оказываемой союзными посольствами одной из стран революции, постольку союзная интервенция в русские дела, — справедливо отмечал Гольденберг, — началась задолго до Архангельского и Владивостокского десантов»¹⁰ Подтверждая эту мысль, он процитировал запись из дневника дочери английского посла Мирель Бьюкенен: «За последние недели о большевистском восстании говорилось как о чем-то таком, что может произойти каждую минуту, но когда мой отец настоятельно требовал у Керенского, видимо, незадолго до октябрьского переворота, принять строгие меры против большевиков, Керенский отвечал, что правительство не может взять инициативы»¹¹. 1 ноября 1917 г. английская газета *The Glob*, орган милитаристских кругов, ставшая впоследствии лидером интервенционной прессы, писала: «Сейчас наступил наилучший момент для действий союзной дипломатии. К несчастью, союзники до сих пор беспомощно наблюдали, как Россия сама себе перерезает горло. С того самого момента, как в Петрограде раздалось магическое слово “революция”, наши политики были словно загипнотизированы, но еще не поздно поправить положение. И западные державы должны исправить его, послав в Россию своих способнейших офицеров, для того чтобы поддержать контакт правительства Керенского с союзными армиями». У союзников в России в то время находилось достаточно офицеров для того, чтобы поддерживать такой «контакт». Особенно тесный контакт с Корниловым поддерживали военные миссии союзников, неоднократно заверявшие его в своей моральной поддержке. Британский военный атташе генерал А. Нокс делал это довольно своеобразно. По существу, участником заговора считали и самого генерала Нокса, настолько подозрительными были его действия в отношении Корнилова. В конце августа Нокс уехал в Англию, где с упорством требовал, чтобы военный кабинет оказал поддержку Корнилову. Английский посол в России Дж. Бьюкенен, признавшись, что всей душой сочувствует Корнилову, отказался принять участие в попытке переворота¹².

После победы над «корниловщиной» создалась новая политическая ситуация, которая вывела на политическую авансцену большевиков. В октябрьские дни 1917 г., когда решалась судьба России, а Временное правительство оказалось слабым и беспомощным, саму возможность того, что большевики могут победить и образо-

¹⁰ АВП РФ. Ф. 56-б. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л.4.

¹¹ Там же.

¹² Уорт Р. Антанта и русская революция, 1917—1918. М., 2006. С. 142—143.

вать собственное правительство, никто всерьез не рассматривал. В ночь на 8 ноября (по новому стилю) началась новая российская история. Временное правительство было низложено. Советское правительство во главе с В.И. Лениным внесло коренное изменение в понимание и определение национально-государственных интересов страны в области внешней политики. Готовя партию к завоеванию власти, Ленин и другие большевистские лидеры рассчитывали в 1917 г. на революцию в других странах как на важное условие победы революции в России. Вместе с тем в отличие от выстрадавших подавляющим большинством населения России требований мира, земли и свободы, тезис о мировой пролетарской революции был скорее продуктом утопических, интеллектуально-доктринерских увлечений большевистской верхушки, нежели следствием серьезного научно-политического анализа действительности¹³. Западный пролетариат оказался не настолько классово сознательным, как того ожидали большевики, да и русскому рабочему мессианские компоненты сознания были навязаны позднее¹⁴.

8 декабря 1917 г. в своем первом (как оказалось позднее, и последнем) официальном заявлении после октябрьского переворота английский посол обратился со словами предостережения к русской демократии, лидеры которой были воодушевлены желанием создать братство рабочих всего мира. Симпатизируя этой цели, он просил рассмотреть, подходят ли их методы для демократии других стран, в особенности английской. «Лидеры русской демократии создают, может быть, ненамеренно, впечатление, что они имеют в виду скорее германский, нежели английский пролетариат, — сказал Бьюкенен. — Их отношение к нам скорее убьет, нежели притянет симпатии британских рабочих. Во время великой войны, которая последовала за французской революцией, речи, направленные против Великобритании и попытки вызвать революцию в нашей стране, лишь укрепили решимость британского народа воевать до конца, собрав британский народ вокруг его правительства. Если я не ошибаюсь, история повторяется в XX столетии»¹⁵.

В странах союзников октябрьский переворот был встречен с ужасом и возмущением, «но с неполным осознанием его огром-

---

¹³ *Нежинский Л.Н.* В интересах народа или вопреки им?: советская международная политика в 1917—1933 годах. М., 2004. С. 14.

¹⁴ *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 102.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 56-б. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 26.

ного значения»¹⁶. Первоначальный шок смягчался широко распространенным мнением, что большевики обязаны своей победой лишь случайному стечению обстоятельств и вскоре будут отстранены от власти. По словам участника тех событий социалиста В.А. Мякотина, члена «Союза возрождения России», всем или почти всем представлялось, что «эта власть должна рухнуть, как только у обманутых масс раскроются глаза на жестокие последствия большевистского переворота и большевистской политики»¹⁷.

Первый контакт (на длительное время он стал и последним) официального лица союзников с новой, советской властью состоялся по просьбе леди Бьюкенен. Жена английского посла уговорила генерала А. Нокса попытаться спасти захваченный в плен женский батальон от якобы уготованной им «судьбы хуже смерти»¹⁸. Генерал отправился в Смольный, потребовал от секретаря Военно-революционного комитета освободить женщин. В конечном счете необходимый приказ был отдан и исполнен.

8 ноября в английском посольстве в Петрограде состоялось и первое собрание всего дипломатического корпуса, созванное, по словам посла США Д.Р. Фрэнсиса, по инициативе французского посла для обсуждения вопроса о безопасности иностранцев. На собрании дипкорпуса было принято решение о самостоятельных действиях каждой миссии. Судя по всему, послы не обошли вниманием последнюю обращенную к ним просьбу министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского не признавать советского правительства, которую он передал накануне, утром 7 ноября, Фрэнсису через секретаря американского посольства Ш. Уайтхауза, чьим автомобилем воспользовался для отъезда из Петрограда. Дж. Бьюкенен в своих мемуарах писал о том, что просьба эта была обращена ко всем союзным послам¹⁹. Не случайно на следующий день после собрания послов английское посольство в специальном заявлении поспешило опровергнуть сообщение печати о принятом послами постановлении покинуть Россию в случае упорочения советской власти²⁰, которое, безусловно, имело под собой почву.

---

¹⁶ Уорт Р. Указ. соч. С. 185.

¹⁷ Цит. по: Пайнс Р. Московские центры: политический фронт в гражданской войне в России // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 52.

¹⁸ Уорт Р. Указ. соч. С. 182.

¹⁹ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 356.

²⁰ См.: Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975. С. 14—15.

Державы Антанты новую власть не признали. Вместе с тем они и не отзывали послов из Петрограда, сохраняя канал для диалога с большевиками, которых безуспешно пытались убедить продолжать войну с Германией. Главный тон в этом задавала пресса Великобритании. Так, после получения известия о перевороте, 8 ноября 1917 г. проконсервативная газета *Daily Express* писала о том, что любое вмешательство в события в России лишь ухудшит ее положение, и предлагала Англии предоставить Россию на время самой себе. В тот же день консервативная *Morning Post* выдвинула своего рода лозунг интервенции, сообщив, что последователи Ленина являются врагами Антанты и открытыми друзьями Германии, поэтому никаких дел с ними быть не может. Перед союзниками, писала газета, лишь одна задача: установить какими-либо средствами связь с русским народом и с верными союзникам его элементами. Словно следуя совету либеральной *Westminster Gazette* от 9 ноября «не делать ничего, что дало бы возможность максималистам (этим термином называли большевиков. — Н.Б.) сказать, что мы, а не немцы являемся врагами, что мы покушаемся диктовать им», правительство и общественные круги Великобритании решили держаться выжидательно. В течение двух недель в публикациях английской прессы наблюдалась определенная сдержанность: большинство статей ограничивалось сопоставлением информации о событиях в России; речь о признании советского правительства в них не шла. Приведем такой факт. Когда 10 ноября юнкера захватили на несколько часов Петроградскую телеграфную станцию, они успели разослать телеграммы о том, что советское правительство сброшено; английская пресса, хотя и с оговорками, склонна была довериться этим сообщениям. Освещать события в России в те дни начал Стокгольм, сообщив, что во главе победных войск в Питер вошел П.Н. Краснов. Однако в целом первые послеоктябрьские дни были днями выжидания. Ожидание господствовало и в британском парламенте. 12 ноября на запрос о положении дел в России министр иностранных дел А.Дж. Бальфур ответил, что никаких сообщений, помимо того, что появилось в прессе, он сделать не может. Через неделю, 19 ноября, последовал новый запрос, заставивший Бальфура признать факт «победы» советского правительства. Член парламента Кинг поинтересовался, осведомлен ли министр иностранных дел о положении в Петрограде; находился

ли он в течение последней недели в телеграфной связи с Дж. Бьюкененом; покинул ли кто-либо из дипломатических представителей Петроград по причинам безопасности. Бальфур ответил, что положение в России до сих пор неясно, хотя, очевидно, экстремисты вполне овладели Петроградом и Москвой, телеграфное сообщение с английским посланником в Петрограде, прерванное одно время, возобновилось; сэр Бьюкенен остался на своем посту. Сведения же об остальных дипломатических представителях у Бальфура не оказалось²¹.

22 ноября Кинг вновь сделал запрос Бальфуру, не обратил ли тот внимания на необходимость нового и более сильного дипломатического представительства в России, и не рассматривал ли он, ввиду создавшегося там положения, вопрос о посылке специальной миссии в Россию? Отрицательный ответ на обе части вопроса дал министр блокады²² лорд Роберт Сесиль. Следует отметить, что недовольство Бьюкененом наблюдалось в тот момент в британских и правых, и умеренно-левых кругах: правых — потому что он «не предупредил октябрьской революции», умеренно-левых — как не оказавшего поддержки правительству А. Керенского. Вопрос о посылке миссии в Россию в прессе не обсуждался, хотя и муссировался в правительственных кругах. О том, какова должна быть эта миссия, — заметка дипломатического корреспондента газеты “Daily Mail” от 23 ноября 1917 г. В заметке сообщалось, что в английских влиятельных кругах симпатизируют идее посылки в Россию авторитетной миссии, во главе которой мог бы стоять такой ответственный государственный деятель, как министр военного снабжения Уинстон Черчилль. Однако подобная миссия могла бы быть послана только по приглашению русского народа, трудность заключалась также и в том, как найти авторитетную власть, которая могла бы говорить от имени России. В дальнейшем о такой миссии во главе с Черчиллем в прессе не упоминалось.

Первым официальным лицом в Англии, который использовал термин «русское правительство» в отношении советской власти, был депутат от партии лейбористов Ноэль Бэкстон, задавший вопрос Бальфуру о том, какие сведения поступили от русского правительства относительно условий соглашения, якобы имевшего место между русским и немецким правительствами. Не удовлетворившись

²¹ АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 8.

²² Министерство блокады координировало мероприятия по морской блокаде Германии и ее союзников.

ответом Бальфура, не имевшего на этот счет никакой информации, Бэкстон послал запрос по поводу декрета советского правительства о мире, появление которого английская пресса обошла молчанием: правда ли, что декрет обсуждался во французской печати, но в Англии был запрещен к опубликованию? 21 ноября на этот вопрос ответил министр внутренних дел Дж. Кейв, сообщив, что слухи о том, что заявление о русских условиях мира было запрещено цензором к опубликованию, не соответствуют действительности.

Декрет о мире, принятый II Всероссийским съездом Советов 8 ноября 1917 г., напугал союзников, указав на готовность нового российского правительства вступить в мирные переговоры со всеми странами, в том числе и с Германией. Осудив войну, как величайшее преступление против человечества, советское правительство предложило всем воюющим народам и их правительствам немедленно начать переговоры о справедливом демократическом мире без аннексий и контрибуций. Новым в практике международных отношений был отказ от тайной дипломатии и намерение опубликовать тайные договоры, подтвержденные или заключенные Временным правительством России в период с февраля по 25 октября 1917 г. В Декрете о мире провозглашался также полный отказ от всяких форм агрессии, принцип самоопределения наций, идея равенства больших и малых народов.

Ленин и его сторонники, несомненно, сознавали, что условия мира не будут приняты ни одной из воюющих сторон, но еще более остро они сознавали необходимость заключения перемирия. Закладывая основы государственно-пропагандистского механизма, Декрет противопоставлял народы различных стран их правительствам. Адресуя предложение мира ко всем правительствам и народам всех воюющих стран, советское правительство особо обращалось к классово сознательным рабочим трех наиболее передовых стран мира — Англии, Франции и Германии. Позднее, 3 января 1918 г., американский президент В. Вильсон в беседе с английским послом отметил, что Декрет о мире в Италии несомненно, а в Англии и Франции вероятно оказывает свое воздействие. В Соединенных Штатах ведется активная агитация, и если ничего не делать для ее нейтрализации, влияние ее будет возрастать²³. Считая национальные движения своими естественными союзниками в борьбе против системы империализма, советское правительство приняло

---

²³ См.: Уткин А.И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М., 2004. С. 41.

еще два документа, призванные способствовать подъему национально-освободительного движения во всем мире и крушению колониальных империй: «Декларацию прав народов России» от 15 ноября 1917 г. и «Обращение ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 3 декабря 1917 г.

Как известно, все правительства воюющих держав проигнорировали и сам Декрет, и содержащиеся в нем предложения. 20 ноября Совет народных комиссаров отдал приказ генералу Н.Н. Духонину — главнокомандующему российской армией — обратиться ко всем воюющим странам с предложением о перемирии, через день за отказ выполнить приказ генерал был смещен и на должность Верховного главнокомандующего был назначен прапорщик Н.В. Крыленко. Декрет о мире был направлен 21 ноября послам союзных держав первым народным комиссаром иностранных дел Советской России Л.Д. Троцким, предлагавшим рассматривать этот документ как «формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров»²⁴. Телеграфируя об этом в министерство иностранных дел, Бьюкенен советовал оставить ноту Троцкого без ответа; правительству же Его величества следовало заявить в палате общин, писал английский посол, что оно готово обсудить условия мира с законно образованным правительством, оно не может обсуждать их с правительством, нарушившим обязательства, взятые на себя одним из его предшественников в соглашении от 5 сентября 1914 г.²⁵, согласно которому союзные государства договорились не заключать сепаратного мира. 22 ноября на собрании глав союзных посольств и миссий у Бьюкенена было единогласно принято решение не обращать внимания на советскую ноту. В тот же день на заседании английского военного кабинета рассматривался вопрос о возможности признания советского правительства. Тем не менее, на следующий день лорд Р. Сесиль заявил, что ни о принятии предложения советского правительства, ни о признании его самого не может быть и речи²⁶. Но через несколько дней, 27 ноября, Дж. Бьюкенен, чье дипломатическое чутье превалировало над его антибольшевистской позицией, как это весьма точно подметил Р. Уорт²⁷, написал в своем дневнике о необходимости пересмотреть позицию

²⁴ ДВП СССР. М., 1957. Т. 1. С. 16—17.

²⁵ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 370—371.

²⁶ Kennan G.F. Russia leaves the war. Princeton, 1956. P. 94.

²⁷ Уорт Р. Указ. соч. С. 193.

в отношении Советской России: «Я пришел к тому заключению, что единственное, что для нас остается, это сделать хорошую мину при плохой игре»²⁸. Опасаясь русско-германского союза после войны, который будет представлять, по мнению посла, вечную угрозу для Европы, особенно для Великобритании, он предлагал освободить Россию от ее обязательств продолжать войну. Однако боясь быть заподозренным в лояльности большевистскому правительству, Бьюкенен добавил, что вовсе не защищает какого-либо соглашения с большевистским правительством, а напротив, думает, что принятие его курса выбьет из их рук оружие, поскольку они не смогут упрекнуть союзников в том, что последние гонят русских солдат на убой ради своих империалистических целей. Вывод о необходимости рекомендовать резкое изменение тактики был сделан Бьюкененом и вследствие неспособности военных миссий союзников помешать большевикам заключить перемирие.

По точному замечанию Р.Ш. Ганелина, если в Англии при отсутствии единства взглядов на политику в «русском вопросе» шел ясно различимый процесс ее выработки, то правительство Соединенных Штатов в течение некоторого времени позволяло себе как бы не замечать Октябрьский переворот, узнав о нем лишь из газет и надеясь на недолговечность советской власти²⁹. Попытка выработать межсоюзническое соглашение о непризнании новой власти в России была предпринята Францией, пославшей 24 ноября в связи с этим запрос США. Формула этого запроса — «никакого нового русского правительства» — означала, что советское правительство считалось не только непризнанным, но и неупоминаемым. Соединенные Штаты отказались связывать себя подобным соглашением. Однако в тот же день госсекретарь США Р. Лансинг заверил Б.А. Бахметева, посла Временного правительства, что американское правительство и впредь будет считать его послом России в Вашингтоне³⁰. Можно было любить или ненавидеть большевиков, как отметил А.И. Уткин, но их выход на международную арену давал новый старт мировой политике, и, «согласное начать тур мировой дипломатии заново, вильсоновское руководство надеялось укрепить свои позиции в Европе»³¹.

²⁸ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 372.

²⁹ Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 38.

³⁰ Schuman F.L. American policy toward Russia since 1917: a study of diplomatic history, international law, and public opinion. L., [1929]. P. 56.

³¹ Уткин А.И. Указ. соч. С. 40.

Формирование внешнеполитического механизма

Союзники полагали невозможным признать советский режим, хотя Л.Д. Троцкий и стремился установить с ними партнерские отношения. Тем не менее в ответ на разъяснения дипломатов о том, что инициатива приглашения послов должна исходить от него и по протоколу новый министр должен известить их о своем назначении официально в письменной форме, Троцкий посчитал такую процедуру не соответствующей новым условиям. Наркоминдел не стремился налаживать и оперативную работу доверенного ему ведомства, рассматривая дипломатию как «буржуазный пережиток». Как известно, сотрудничать с новой властью согласились лишь считанные единицы бывших служащих российского МИДа. Только к концу 1917 г. аппарат Народного комиссариата иностранных дел Советской Республики (НКИД) был в основном сформирован для осуществления практических связей с внешним миром и насчитывал 125 сотрудников. На руководящие должности привлекались в первую очередь члены РСДРП (б) (с 1918 г. — РКП (б)), участники международного рабочего движения. Среднее и низшее звено аппарата составляли представители разночинной, беспартийной интеллигенции, владевшие иностранными языками.

Подавляющее большинство работавших за рубежом дипломатов, не признав Октябрьской революции, отказалось сотрудничать с новой властью. Приказом НКИД от 9 декабря 1917 г.³² они были освобождены от своих обязанностей. Своими представителями за рубежом Совнарком назначал не успевших вернуться в Россию революционеров-эмигрантов, таких, как В.В. Воровский, М.М. Литвинов. Однако в иностранных державах в течение нескольких лет еще продолжали функционировать старые дипломатические и консульские представительства.

Стратегический внешнеполитический курс государства и тактические приемы его реализации утверждались высшей партийной инстанцией. С момента своего создания НКИД был подчинен высшему политическому руководству страны. Позднее, в конце февраля 1918 г. ЦК РСДРП (б) принял решение, инициированное Троцким, об отделении НКИД от политического руководства внешней политикой: «Текущие дела может вести Чичерин, а политическое

³² Очерки истории Министерства иностранных дел России ... Т. 2. С. 35.

руководство должен взять Ленин»³³. Этот сформулированный Троцким принцип и лег в основу советского подхода к механизму внешнеполитических решений. В современной теории международных отношений под «механизмом внешнеполитических решений» понимается «совокупность (система) определенным образом организованных и взаимодействующих государственных органов, принимающих участие в процессе разработки и осуществления внешнеполитических решений»³⁴. Советский внешнеполитический механизм представлял собой сложное взаимодействие высшей партийной инстанции — Политбюро ЦК РКП (б)-ВКП (б) и хозяйственно-государственных наркоматов и ведомств, направленное на разработку и осуществление взаимовыгодных и оптимальных внешнеполитических решений. Первоначально этот механизм формировался как коллегиальный орган выработки принятия решений в области внешней политики. II Всероссийский съезд Советов, объявленный высшим политическим органом страны, был призван определять основные направления и важнейшие задачи внешней политики советского государства. На период между съездами Советов высшей компетенцией в решении вопросов войны и мира и международного положения страны обладал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК)³⁵. На Совнарком, руководимый Лениным, возлагалось практическое решение задач в области внешней политики. Согласно Постановлению ВЦИК от 30 ноября 1917 г., Совнарком являлся подотчетным перед ВЦИК органом и обязан был предоставлять последнему на рассмотрение и утверждение все законодательные акты и распоряжения внешнеполитического характера³⁶. Для ведения оперативной работы в области внешней политики был создан комитет по иностранным делам, преобразованный вскоре в Народный комиссариат иностранных дел, во главе которого стоял Троцкий. Совнарком и НКИД систематически отчитывались перед ВЦИК о проделанной работе. С сообщениями и отчетами по внешнеполитическим вопросам перед ВЦИК неоднократно выступал Ленин³⁷. Все основные звенья фор-

³³ См.: Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918. Стенографический отчет. М., 1962. С. 273.

³⁴ См.: Макаренко П.В. Механизм внешнеполитических решений в Советской России в начале 1920-х годов // Отечественная история. 2008. № 4. С. 144.

³⁵ См.: Декреты Советской власти, М., 1957. Т. 1. С. 20—52.

³⁶ Там же. С. 102.

³⁷ См., напр.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 376—380; Т. 36. С. 241—267, 327—347.

мируемого внешнеполитического механизма — Всероссийский съезд Советов — ВЦИК — НКВД — в первые послеоктябрьские месяцы были подчинены ЦК большевистской партии. В результате ни один значительный и серьезный вопрос в области внешней политики не мог быть принят НКВД без согласования и утверждения ЦК РКП (б). После VIII съезда РКП (б) (18—23 марта 1919 г.) ЦК РКП (б), как центр принятия внешнеполитических решений, уступил место вновь созданному Политбюро ЦК, без санкции которого не могло быть принято ни одно внешнеполитическое решение. Сменивший Л.Д. Троцкого нарком иностранных дел Г.В. Чичерин и его ближайшие помощники по НКВД не были приближены к партийной верхушке, выносившей решения по важным внешнеполитическим вопросам. Они считались «недостаточно политически зрелыми» и, по мнению членов Политбюро, не являлись «стопроцентными большевиками»³⁸.

Деятельность внешнеполитического ведомства Советской России началась с выполнения поставленной новой властью задачи — публикации секретных договоров. Она рассматривалась как «острейшее оружие против буржуазии» и не вызывала ни малейших сомнений в своей необходимости, несмотря на то, что советник французского посольства в Петрограде передал 5 декабря 1917 г. для печати текст принятого на совещании послов стран Антанты решения о том, что если советское правительство опубликует секретные документы, то тем самым оно сделает невозможным и какие-либо сношения союзных послов с ним³⁹. Основная работа по публикации тайных договоров и переписки легла на плечи шифровального и печатного отдела НКВД, возглавляемого матросом Балтийского флота Н.Г. Маркиным, хотя в отборе документов принимал непосредственное участие и Ленин. Публикация в газетах «Правда», «Известия», «Газета рабочего и крестьянского правительства», «Рабочий и солдат» за ноябрь 1917 — февраль 1918 г. около 130 секретных документов (в основном это была дипломатическая переписка правительств стран Антанты, их шифрованные телеграммы) не могла не усложнить международного положения Советской России. Одновременно все эти материалы были объединены в отдельное издание — «Сборник секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел»: всего было

³⁸ Макаренко П.В. Механизм внешнеполитических решений в Советской России в начале 1920-х годов. С. 145.

³⁹ Очерки истории Министерства иностранных дел России ... Т. 2. С. 39.

опубликовано семь таких томов⁴⁰. Появление в советской печати секретной дипломатической переписки правительств стран Антанты, в значительной степени их компрометирующей, вызвало глубочайший интерес в правительственных кругах разных стран. Союзные державы заявили в связи с этим резкий протест. Однако мировая пресса в основном обошла эти документы молчанием или, публикуя короткие выдержки, преуменьшала их важность, считая фальсификацией. Полностью перепечатали документы только манчестерская газета *The Guardian* — крупнейший печатный орган либеральной партии, и нью-йоркская *Evening Post*.

Советская публикация секретных документов поставила лидеров Антанты, в особенности Великобритании, в весьма затруднительное положение. 29 ноября 1917 г., сразу после публикации, Р. Сесиль, выступая от имени правительства, отказался отвечать на вопросы парламентариев об этих документах⁴¹. 29 января 1918 г. на настойчивые расспросы членов парламента о Лондонском договоре 1915 г., обещавшем Италии Южный Тироль и обширные владения на восточном берегу Адриатики, он ответил лаконично: «Было бы неправильно с моей стороны отвечать на вопрос о договоре, который в самом запросе назван секретным»⁴². К тому времени, по мнению российского исследователя А.М. Фомина, условия этих документов уже не отвечали интересам Великобритании, и Лондон взял курс на их демонтаж, в перспективе оглашение этих документов большевиками могло сыграть на руку англичанам. Широкое общественное обсуждение тайных соглашений, несогласие США уважать их условия облегчали пересмотр договоров в выгодном для Лондона ключе. Требовалась лишь некоторая дипломатическая ловкость, чтобы представить этот пересмотр как результат торжества принципа самоопределения. Как справедливо заметил А.М. Фомин, в конечном счете судьба той или иной территории в наибольшей степени зависит от фактического контроля над ней, а тут у Британской империи было достаточно козырей. В Азии и Африке, в отличие от Западного фронта, успех сопутствовал британ-

⁴⁰ Россия. Министерство иностранных дел. Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел / [отв. ред. Н. Маркин]. [Пг., 1917—1918]. 7 т. (Изд. Нар. ком. по иностр. делам; № 1—7).

⁴¹ Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. House of Commons. 29.11.1917. Vol. 99, col. 2191.

⁴² Цит. по: *Фомин А.М.* Военно-политические цели Великобритании на завершающемся этапе первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 83.

скому оружию. Завоеваны были все германские колонии, за спинами британских и индийских солдат остались Багдад и Иерусалим, крайнее истощение Турции не оставляло сомнений в том, что вскоре за ними последуют Дамаск, Аллепо и Мосул⁴³.

24 ноября лордом Сесилем от имени английского правительства было сделано первое официальное заявление о непризнании советской власти, лорд сообщил, что хотя и невозможно совершенно избежать деловых отношений (в частности, по вопросам, связанным с арестом британских подданных) с правительством, подстрекающим солдат арестовывать своих генералов и открывать мирные переговоры с врагами, но «не может быть и речи о дипломатическом признании и сношениях с ними (большевиками. — Н.Б.)»⁴⁴.

В тот же вечер после заявления Сесилия газета *The Evening Standard* писала о том, что если в России произойдет контрреволюция, то союзники должны быть готовы путем создания максимально авторитетной комиссии оказать помощь в восстановлении порядка и предоставить военную помощь А.М. Каледину, Л.Г. Корнилову и румынской армии.

День 24 ноября 1917 г. историки называют днем, когда британское правительство впервые заявило о своем принципиальном согласии на интервенцию⁴⁵. Так же считал и И. Гольденберг, отметивший интересный факт: посол Великобритании в России Дж. Бьюкенен назвал несвоевременной столь ясно выраженную мысль Р. Сесилия. Так, 29 ноября 1917 г. в заявлении, сделанном от имени британского посольства в Петрограде, Бьюкенен объяснял отказ союзников ответить на предложение Троцкого о всеобщем перемирии исключительно техническими соображениями, что русскому предложению предшествовал приказ верховному командованию открыть мирные переговоры, и поэтому союзники очутились перед *fait accompli*⁴⁶. Союзники были поставлены перед свершившимся фактом. В заявлении посла Великобритании было сказано: письмо г-на Троцкого Послу с предложением всеобщего перемирия поступило в Посольство через 19 часов после получения Русским Главнокомандующим приказа об открытии немедленных перегово-

⁴³ Там же. С. 84.

⁴⁴ АВП РФ. Ф. 56-б. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 10.

⁴⁵ См., напр.: *Мальцев Д.А.* Антанта и боевые действия на юге России в 1918—1920 гг. // Военная интервенция и гражданская война в России (1918—1920 годы). М., 2009. С. 93.

⁴⁶ АВП РФ. Ф. 56-б. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 12. *Fait accorpli* — свершившийся факт (*фр.*).

ров о перемирии с неприятелем. Союзники, таким образом, были поставлены перед уже совершившимся фактом, в предварительное обсуждение которого с ними не вступали⁴⁷. В том же заявлении Бьюкенен писал, что в интервью с представителем агентства Рейтер Роберт Сесиль *как будто бы* сказал, что британское правительство не может признать нового русского правительства и поручило своему послу воздержаться от всяких действий, могущих быть истолкованными, как признание с его стороны совершившегося переворота. Без сомнения, Бьюкенен был осведомлен о заявлении Сесилия, но считал его в тот момент неуместным, попытавшись словосочетанием «как будто» придать ему сомнительный характер.

В Обращении Советского Правительства к Правительствам и народам воюющих стран с предложением присоединиться к переговорам о перемирии от 28 ноября 1917 г.⁴⁸ говорилось, что в ответ на предложение немедленного перемирия на всех фронтах, в целях заключения демократического мира — без аннексий и контрибуций, с гарантией права на национальное самоопределение, германский Главнокомандующий ответил согласием на ведение мирных переговоров. Верховный Главнокомандующий армией Республики прапорщик Крыленко предложил отсрочить начало переговоров о перемирии на 5 дней, дабы снова предложить союзным правительствам определить свое отношение к делу мирных переговоров. «Правительство победоносной революции не нуждается в признании профессионалов капиталистической дипломатии. Но мы спрашиваем народы: выражает ли реакционная дипломатия их мысли и стремления? Согласны ли народы позволить дипломатии упустить великую возможность мира, открытую Русской революцией? 1 декабря мы приступаем к мирным переговорам. Если союзные народы не пришлют своих представителей, мы будем вести переговоры с немцами одни. Но если буржуазия союзных стран вынудит нас заключить сепаратный мир, ответственность падет целиком на нее...»⁴⁹.

Союзники промолчали в ответ на предложение Совнаркома присоединиться к переговорам о перемирии. Германия ответила согласием. Союзные правительства хранили молчание еще и в связи с тем, что европейские народы, если бы они действительно, как надеялись большевики, и созрели для революции, почти ничего не знали об этих увещательных прокламациях. Однако союзни-

---

⁴⁷ ДВП СССР. Т. 1. С. 31.

⁴⁸ Там же. С. 28—30.

⁴⁹ Там же. С. 30.

ков не могла не беспокоить перспектива потери второго фронта в борьбе против общего врага. Правда, премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж признавал, что большевики не призывали германские войска, не находили общего языка с немцами в Брест-Литовске, более того, они начали пропагандистскую войну против прусского милитаризма. «Большевики сломали фронт, противостоящий германской армии, но они стараются взять эту армию “идейным измором”»⁵⁰.

Единства взглядов по «русскому вопросу» у союзников не было. Все соглашались с тем, что большевизм — «учение зловредное» и что непризнание исповедующего зловредные взгляды правительства, номинально являвшегося союзническим, было бы правильным и с нравственной, и с политической точки зрения⁵¹. Однако до тех пор, пока сепаратный мир не стал реальностью, политическая мудрость такой тактики подвергалась сомнению. В связи с тем, что вероятность заключения перемирия существовала, к концу ноября 1917 г. неизбежным представлялся и контакт с Советской Россией.

Правительство большевиков не стремилось к сепаратным переговорам с Германией и ее союзниками, так как в случае успеха такие переговоры усилили бы позиции стран Четверного союза, ослабив при этом позиции стран Антанты. Учитывая же фактическую оккупацию в это время войсками Германии и Австро-Венгрии ряда западных земель бывшей Российской империи, такое усиление не соответствовало российским интересам. Поэтому «Совнарком и НКВД РСФСР продолжали буквально атаковать нотами не только правительства стран Четверного союза, но и Антанты, и США, предлагая приступить к немедленному обсуждению возможности заключения всеобщего перемирия»⁵².

Однако принятая 28 ноября 1917 г. в Париже на конференции стран Антанты формула подтверждала непризнание советской власти: каждое правительство должно было сообщить своему послу в Петрограде о готовности союзников к пересмотру целей войны с участием России, как только она будет иметь стабильное правительство, с которым они смогли бы сотрудничать⁵³.

Французское правительство, как и британское, весьма определенно заявляло о непризнании Совнаркома. Еще 23 ноября, до за-

⁵⁰ Цит. по: Уткин А.И. Указ. соч. С. 48.

⁵¹ Уорт Р. Указ. соч. С. 199.

⁵² Нежинский Л.Н. Указ. соч. С. 22.

⁵³ FRUS. 1917. Suppl. 2. Wash. 1932. Vol. 1. P. 352.

явления лорда Сесилия, военные агенты союзных миссий в России направили бывшему главкому генералу Н.Н. Духонину протест против нарушения Россией договора от 5 сентября 1914 г. о незаключении сепаратного мира. 25 ноября глава французской военной миссии в России генерал А.М. Бертело довел до сведения генерала Духонина телеграмму своего правительства о том, что Франция не признает власть Совета народных комиссаров и ожидает, что тот категорически отвергнет всякие преступные переговоры и сохранит русскую армию на фронте против общего врага. «Франция уже заявляла, — сообщалось в телеграмме, — и сейчас еще более определенно заявляет, что она не признает никакого русского правительства, способного на заключение соглашения с врагом»⁵⁴. Французская газета *Temps*, отражавшая взгляды Министерства иностранных дел, 26 ноября сообщила, что при открытии Парижской межсоюзной конференции правительство Франции предложит опубликовать заявление, указывающее на опасность, которой подвергается при большевистском правительстве Россия, и осуждающее нарушение последней своих союзнических обязательств. Так как Франция была союзницей Российской империи еще до войны, она имела особенно веские причины для недовольства и наибольшее право для того, чтобы взять на себя инициативу этого протеста. Франция пошла еще дальше по пути непризнания и бойкота советского правительства, специально пригласив на конференцию в Париж В.А. Маклакова, как посла Временного правительства, с оговоркой, что приглашение это неофициальное. В тот же день министр иностранных дел Бальфур подтвердил заявление, сделанное лордом Сесилем 24 ноября в английском парламенте, о непризнании СНК, сказав, что в России со времени падения Временного правительства нет правительства, с которым можно было бы войти в сношения⁵⁵.

Американское правительство, в отличие от английского и французского, официальных заявлений о непризнании большевиков избегало, придерживаясь позиции терпимости в «русском вопросе». По сведениям вашингтонского корреспондента *Associated Press* от 1 декабря 1917 г., у правительства США не было намерения рассматривать Россию как врага, даже в случае заключения ею перемирия с Германией. В связи с этим, если бы Межсоюзная конференция решила угрожающе предостеречь Россию, американские делегаты

---

⁵⁴ АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 15.

⁵⁵ Там же. Л. 19.

участвовать в этом предостережении не стали бы⁵⁶. В тот же день глава военной миссии США генерал У.В. Дждсон, знавший, очевидно, об этих настроениях в американских правительственных кругах, посетил Смольный и заявил Троцкому, что хотя он и не имеет еще права говорить от имени американского правительства, не признавшего пока новой власти, он, тем не менее, явился с целью завязать сношения и выяснить ряд обстоятельств. Получив формальное заявление Троцкого о мирной политике советского государства, Дждсон попросил разрешения передать это заявление в Вашингтон и добавил, что если и существовал когда-либо момент для протестов и угроз в адрес советского правительства, то теперь этот момент пройден⁵⁷. Сам факт беседы одного из лидеров Советской России с официальным представителем союзников вызвал в печати живейший интерес, однако большинство зарубежных комментариев были отрицательными, поскольку этот шаг был воспринят отчасти как признание советского правительства. Не удивительно, что через несколько недель Вашингтон отозвал Дждсона в связи с нарушением запрета на прямые контакты с Советами. Произошло это, видимо, после того, как в конце декабря 1917 г. американский посол Д. Фрэнсис, убежденный Р. Робинсом, неофициальным агентом США и главой американского Красного Креста в Петрограде, в том, что советское правительство сильнее, чем полагают союзные представители, поручил Дждсону неформально уведомить большевистских лидеров: если перемирие будет окончено и Россия продолжит войну против Центральных держав, Фрэнсис рекомендует своему правительству оказать России возможную поддержку и помощь⁵⁸. 2 января 1918 г. Фрэнсис писал в Вашингтон, что положение в стране настолько неясно и постоянно меняется, что ему необходимо иметь возможность предпринимать собственные действия в отношении большевистского правительства. Посол особо подчеркивал: все, что он делает, не будет являться формальным признанием этого правительства, однако необходимость неформальных переговоров в тот момент была настолько важна, что он «совершил бы большую ошибку, если бы не решился принять на себя ответственность за могущие быть сделанными шагами»⁵⁹. Содержание этого сообщения составляло суть так и не отправленной им в Госдепартамент телеграммы. Любопытным представляется тот факт,

---

⁵⁶ Там же. Л. 21.

⁵⁷ Там же. Л. 14.

⁵⁸ Там же. Л. 112.

⁵⁹ Там же.

что даже декрет советского правительства о национализации банков, принятый 27 декабря 1917 г., не произвел значительного впечатления на американских представителей⁶⁰. В дальнейшем Фрэнсис избрал тактику французов и англичан, увязывая «контакт с Советами» с поддержкой сил контрреволюции.

Если в правительственных заявлениях ведущих стран мира говорилось только о непризнании Советской России, то в европейской официальной и правой печати уже ставился вопрос об интервенции. Однако в целом просматривалась определенная тенденция, в особенности это касалось Великобритании, — как можно меньше говорить о России, выжидая результатов открывшихся 3 декабря 1917 г. в Брест-Литовске переговоров. «Русский вопрос», если и поднимался, то трактовался в основном в рамках максимального нейтралитета по отношению к советскому правительству и максимального дружелюбия по отношению к русскому народу⁶¹. Даже в остром вопросе об аннулировании долгов британское правительство воздерживалось от каких бы то ни было обязывающих заявлений, и тем более угроз. Так, 12 декабря во время парламентских дебатов лидер палаты общин канцлер казначейства (министр финансов) Э. Бонар-Лоу, касаясь вопроса о русских долгах, заявил, что за всю историю международных государственных долгов не было случая, чтобы большое государство отказывалось полностью их выплачивать. А принимая во внимание, что Россия является страной с огромными естественными богатствами, и что рано или поздно в России будет устойчивое правительство, которое поймет, что развитие ее богатств и ее процветание немислимо без финансовой поддержки со стороны других стран, он не верит тому, чтобы Англия рано или поздно не получила бы назад своих денег. Именно об этом призывал помнить Бонар-Лоу, когда речь заходила об аннулировании Россией своих долгов⁶².

В тот же день Бальфур отказался отвечать на ряд поставленных ему членами парламента вопросов, в частности, рассматривать ли Украину независимым государством и признана ли она британским правительством; имел ли право К.Д. Набоков, не признавший нового русского режима, представлять правительство России в Великобритании; каково положение вопроса об экономических интересах Англии в России, достигающих суммы 60 млн фунтов стерлингов?⁶³

⁶⁰ Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 110.

⁶¹ АВР РФ. Ф. 56-б. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 23.

⁶² Там же. Л. 27.

⁶³ Там же. Л. 28.

Принимая решение об открытии переговоров с Германией и ее союзниками в выбранном Германией городе — Брест-Литовске, на оккупированной немцами российской территории, советские руководители исходили из убеждения, что воюющие государства, прежде всего Германия и Австро-Венгрия, находились на пороге революции, поэтому рассчитывали использовать переговоры о мире для ускорения революционного процесса. Само начало переговоров стало событием чрезвычайным, так как означало фактическое признание легитимности нового российского правительства участвовавшими в переговорах европейскими государствами. Советская делегация, во главе с членом ЦК РСДРП (б) А.А. Иоффе, избрав тактику затягивания переговоров, предложила державам Четверного союза заключить перемирие сроком на один год. Но решительно отклонив советское предложение, представители этих стран вместе с тем согласились на условие запретить на время переговоров переброску германо-австрийских войск с Восточного фронта на Западный, на чем твердо настаивала советская делегация, чтобы отвести обвинения держав Антанты в фактическом переходе на сторону противника⁶⁴. Следует заметить, что публичные протесты советского правительства против подобных перебросок немецких войск, если и были искренни, как правило, ни к чему не приводили, «поскольку контролировать немцев не представлялось возможным и на любое заявление советской стороны германская неизменно отвечала, что проводимые переброски планировались еще до начала переговоров»⁶⁵. Соглашение о перемирии с 17 декабря 1917 г. до 14 января 1918 г. было подписано.

Еще союзники, но уже интервенты

Отказавшиеся от предложений Совета народных комиссаров страны Антанты, в частности, представители военно-политических кругов Лондона и Парижа, 4 декабря 1917 г. подписали краткий, а 23 декабря расширенный вариант «Конвенции между Францией и Англией по поводу их действий в Южной России». Согласно этому документу, французам предоставлялось право развивать свои дей-

⁶⁴ См.: Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений, 1918—1939 гг. М., 2006. С. 40.

⁶⁵ Фельштинский Ю.Г. Крушение мировой революции. Брестский мир, октябрь 1917 — ноябрь 1918. М., 1992. С. 147.

ствия на территории к северу от Черного моря, направив их против врагов (германцев и враждебных русских войск), англичанам — на востоке от Черного моря, против Турции. В конвенции отмечалось также, что генерал М.В. Алексеев в Новочеркасске осуществляет программу организации отпора врагу и установления там контроля союзников. По конвенции, Россия была поделена на «сферы влияния», отражавшие геостратегические интересы обеих стран: английская зона — Кавказ, Армения, Грузия и Курдистан; французская — Украина, Бессарабия, Крым. Союзники своими действиями во время интервенции подтвердили существование такого соглашения. Таким образом, можно говорить о продуманной тактике интервенции, хотя до окончания мировой войны реализации конвенции и не предусматривалось.

Об этом решении союзников правительство Италии узнало 31 декабря 1917 г. и отнеслось к нему весьма болезненно, так как в тот момент не имело возможности отправить в Россию свои войска⁶⁶.

Тем временем предпринимались попытки создания центра консолидации просоюзнических сил. Еще 14 декабря протокол № 298 Военного кабинета Великобритании предписывал: не отказывать в запрашиваемых деньгах для поддержки в юго-восточной России сопротивления центральным властям, если Военное министерство и Министерство иностранных дел сочтут это необходимым. В тот же день Англия и Франция предоставили генералу А.М. Каледину 10 млн фунтов стерлингов для создания армии в 2 млн чел.⁶⁷ В подготовленном 21 декабря английским Военным кабинетом меморандуме говорилось о необходимости поддерживать связи с Украиной, Финляндией, Сибирью, Кавказом и попытаться убедить Южную русскую армию возобновить войну. Важнейшей задачей называлось предоставление субсидий для реорганизации Украины, на содержание казаков и кавказских войск. Отмечалась необходимость привлечения к этому и Соединенных Штатов Америки. Сообщая своему правительству сведения об условиях англо-французского раздела сфер влияния в России («французские агенты должны осуществлять общее руководство политическими движениями в Румынии и на Украине, английские агенты — на Кавказе и в Персии с установлением смешанного руководства неантагонистического характера для Донской области»),

⁶⁶ Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией, 1917—1924 гг. М., 1993. С. 15.

⁶⁷ Военная интервенция и Гражданская война в России (1918—1920 годы). М., 2009. С. 93.

представитель США в Европе Кросби указывал: «Мне ясно, что британские действия в Персии и Армении в значительной степени продиктованы специальными интересами Великобритании, некоторые из них выросли из довоенных операций, причем все они не имеют никакого отношения к великой войне»⁶⁸. Однако официально Вашингтон не выразил своего отношения к англо-французскому разделу сфер влияния в России. Соединенные Штаты, в целом воспринимавшие советскую власть менее враждебно, чем Франция и Англия, также придерживались тактики непризнания, считая при этом необходимостью политику невмешательства во внутренние дела Советской России. Но тайно они все же поддерживали английские и французские инициативы, оказывая, в частности, финансовую помощь генералу Каледину и его сторонникам через Англию и Францию.

Временем тревог, разочарований и неопределенности для официальных и неофициальных представителей союзников в России можно назвать период, в течение которого проходил переговорный процесс в Брест-Литовске. Собственные правительства обрекали их на изоляцию, запрещая идти на контакты с большевистской властью, необходимые для повседневного исполнения дипломатических обязанностей. В такой ситуации большую услугу оказывали неофициальные агенты великих держав: Рэймонд Робинс (США), Брюс Локкарт (Великобритания) и капитан Жак Садуль (Франция). Эти люди обладали инициативой и широким кругозором, и хотя к советской власти относились весьма критически, здравый смысл позволял им воспринимать революцию как свершившийся факт. Робинс, например, надеясь на продолжение Россией войны с Германией, верил в возможность изменения характера политики советского правительства от революционного интернационализма к национальным задачам, в случае установления связи с Антантой и Америкой; к легенде о большевиках как немецких агентах относился скептически. Приехавший в Петроград в конце ноября 1917 г. представитель пропагандистского ведомства США — Комитета общественной информации — Эдгар Сиссон назвал Фрэнсиса «послом без политики». Как справедливо отметил Р.Ш. Ганелин, это броское выражение относилось по сути к общей позиции американской дипломатии в «русском вопросе», и вместе с Робинсом и Джадсоном Сиссон стал «делать политику»⁶⁹. Р. Робинс, Ж. Садуль и Б. Локкарт, в сущности, и являлись подлинными пред-

⁶⁸ Цит. по: *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 15.

⁶⁹ Там же. С. 96.

ставителями своих стран в России, так как только благодаря им происходили контакты между народным комиссариатом иностранных дел и союзными миссиями.

В феврале и марте 1918 г. Локкарт, по мнению Гольденберга, был одним из трех союзных представителей в России, которые серьезно старались сблизить Советскую Россию с союзниками и категорически протестовали против интервенции⁷⁰. Попытки сблизить Советскую Россию с союзниками, исходя из интересов Франции и успешности ее сопротивления Германии, предпринимал и член французской военной миссии капитан Садуль.

Миссия Локкарта, посланного в Россию вместо отозванного под предлогом болезни Дж. Бьюкенена, была связана с общими решениями союзников по «русскому вопросу», суть которых сводилась к тому, что игнорировать и дальше существование советской власти не только нецелесообразно, но и невозможно. В случае принятия Локкарта большевистским правительством как неофициального представителя, британское правительство обещало предоставить такие же уступки М.М. Литвинову, назначенному в январе 1918 г. русским послом в Англии⁷¹. Садуль, Робинс, а затем и Локкарт, по-видимому, считали необходимым признать власть большевиков, чтобы удержать их от подписания Брестского мира. Они старались воздействовать в этом направлении и на союзных послов, чтобы те, в свою очередь, оказывали влияние на правительства союзников. Робинсу, которого Фрэнсис считал ценным источником информации, получаемой в Смольном, удалось на время склонить на свою сторону Фрэнсиса, Садулю — сделать то же самое по отношению к Нулансу. Однако дальше этого дело не пошло.

Если изобразить интервенционные планы союзников графически, то можно заметить, что кривая агитации за интервенцию начала ползти вверх сразу после Октябрьского переворота 1917 г., дошла до максимума к началу заседания Парижского межсоюзного совета и резко упала, в середине февраля 1918 г. снова стала расти. С конца февраля кривая интервенционных планов неудержимо пошла вверх, добравшись до пика к концу марта; оставалась на одном уровне до июня, затем вновь пошла вверх, достигнув кульминационной точки в августе, когда, по официальному признанию, началась военная интервенция против Советской России.

---

⁷⁰ АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 110.

⁷¹ Там же. Л. 111.

20 декабря 1917 г. представитель левого крыла парламента Великобритании Кинг в очередной раз задал оставшийся без ответа вопрос, может ли правительство дать какую-либо информацию о своей политике в отношении России. Премьер-министром Ллойд Джорджем была произнесена речь об общем военном и политическом положении союзников, в которой упомянуто было лишь военное значение выхода России из войны. Член парламента от правительственной партии в своем выступлении после этой речи отметил, что Англия все еще рассматривает Россию как свою союзницу. При этом члены оппозиции, резко критиковавшие поведение английского правительства по отношению к русской революции, не касались текущей политики⁷². Таким образом, правительство Великобритании оставалось максимально сдержанным в «русском вопросе». Япония же решила на «репетицию интервенции», высадив небольшое число войск во Владивостоке в декабре 1917 г.

13 декабря 1917 г. во французской прессе появились первые сведения о том, что японцы высадили во Владивостоке десант, но известия оказались неточными. Речь шла не о высадке десанта, как писал токийский корреспондент *The Times*, а лишь об усилении уже находившихся во Владивостоке японских отрядов. Однако почти вся европейская пресса писала о японском выступлении как предвестнике военной интервенции. Французская газета *Éco de Paris* сообщила 13 декабря: «Экстремисты стали угрозой для японцев и их союзников. Поэтому в согласии с Америкой японцы захватили все находящиеся во Владивостоке товары в целях охраны их от находящихся недалеко от Владивостока австро-венгерских и германских военнопленных». Английская либеральная газета *Daily Chronicle* 14 декабря с удовлетворением отмечала, что Япония и Соединенные Штаты находятся в согласии относительно предпринятых действий.

Владивосток являлся весьма важным стратегическим пунктом для союзников: там находилось колоссальное количество военного снаряжения и других запасов; туда было послано большое число вражеских военнопленных, освобождение или бегство которых важно было предотвратить; это была мощная тихоокеанская операционная база, которая не должна была оказаться в распоряжении германских подводных лодок. Либеральная *Westminster Gazette*, одобряя действия Японии, писала, что они предприняты лишь в целях предосторожности. В дальнейшем сведения относительно владивостокского де-

---

⁷² Там же. Л. 31.

санта становятся все более запутанными. Так, 15 декабря *Daily Mail* сообщила, что Министерство иностранных дел, не получив подтверждения слухов о занятии японцами Владивостока, считало такие действия со стороны Японии вполне вероятными в целях охраны военных запасов союзников, однако никаких точных сведений английские власти не имели. Днем раньше корреспондент той же газеты телеграфировал из Вашингтона: «Секретарь по иностранным делам США Лансинг уведомил журналистов 13 числа, что он только что получил каблограмму от американского консула из Владивостока, сообщавшую, что между различными русскими партиями во Владивостоке происходят серьезные столкновения и настоятельно рекомендовавшую посылку американских войск». Сообщение Лансинга производит впечатление, что у него не было официальных сведений о высадке японских войск. Вашингтонский корреспондент газеты *The Times* телеграфировал 14 декабря, что хотя технически японский шаг можно рассматривать лишь как подкрепление, практически он сводился к заявлению большевикам: «Руки прочь от Владивостока и Транссибирской железной дороги». Далее корреспондент писал, что Япония находилась в тесном контакте с Соединенными Штатами по вопросу о положении в России. Эта телеграмма дала основание газете *The Manchester Guardian* 15 декабря сообщить читателям, что японские действия означали занятие Владивостока, Россия же являлась союзником Японии в войне с общим врагом, тем не менее без согласия России Япония занимает важнейший русский порт. Задавая вопросом, принимали ли участие другие союзники в японском выступлении, газета писала, что сведений о том, что этот шаг был предпринят с ведома и тем более с одобрения Соединенных Штатов, нет, и пока не будет об этом официального уведомления, нельзя говорить, что Соединенные Штаты, Франция, Италия и Англия несут какую-либо ответственность за участие в этих действиях. «Мы все имеем право не любить большевиков, — писала газета, — но это не дает союзникам право накладывать руки на русскую территорию». 19 декабря в английском парламенте на вопрос Кинга: имеет ли министр иностранных дел какие-либо сведения о высадке японских войск во Владивостоке, и если да, то было ли осведомлено об этом заранее английское правительство или союзники, Роберт Сесиль ответил: «Насколько известно английскому правительству, нет оснований верить сообщениям, что японские войска высадились во Владивостоке»⁷³.

---

⁷³ Там же. Л. 35.

Больше вопрос о Владивостоке в британской прессе не поднимался до конца февраля 1918 г., когда волна интервенционных планов достигла небывалой высоты. Десант, по-видимому, был пробным шагом или попыткой искусственно вызвать интервенцию тогда, когда союзники считали ее преждевременной.

В дальнейшем стоило японцам двинуться по Транссибирской магистрали, как в Лондоне ощутили, что события принимают нежелательный оборот. Великобритания не хотела отдавать японцам Сибирь и при этом потерять всю Россию — от сопротивления России зависел Западный фронт. Японию специально известили о выезде в Петроград Локкарта для контактов с Лениным и Троцким, чтобы дать ей ясно понять, что Британия никогда не согласится с ситуацией, когда Германия будет владеть европейской частью России, а Япония — азиатской. Лондон просил Токио координировать свои действия на Дальнем Востоке с ним ради осуществления общих интересов⁷⁴.

История заключения Брестского мира хорошо известна. Ее этапы неоднократно рассматривались как отечественными, так и зарубежными исследователями. Предложение большевистского правительства начать переговоры о мире сразу же оказалось в центре внимания политической жизни в Германии. Его почти единодушно поддержали представители самых различных политических ориентаций уже в конце ноября 1917 г. Отношение немцев к новой власти в России в последние месяцы 1917 г. было преимущественно положительным, а в некоторых кругах даже восторженным⁷⁵. Однако в дальнейшем под впечатлением от действий большевистского правительства (разгон Учредительного собрания, начало Гражданской войны) отношение к Советской России в среде немецких левых изменилось. Разгон Учредительного собрания в январе 1918 г., в частности, рассматривался немцами как очевидная готовность большевиков к прекращению войны какой угодно ценой⁷⁶. Правительство Германии опасалось, что советское правительство по воле большинства Учредительного собрания прервет мирные переговоры. Троцкий писал позднее, что после разгона Собрания тон главы германской делегации Р. фон Кюльмана в Бресте «сразу же стал наглее»⁷⁷.

⁷⁴ Уткин А. И. Указ. соч. С. 79.

⁷⁵ См.: Случ С. З. Германия и СССР в 1918—1939 гг.: мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1995). М., 1995. С. 28.

⁷⁶ Фельштинский Ю. Г. Указ. соч. С. 230.

⁷⁷ Троцкий Л. Д. О Ленине: материалы для биографа. М., [1924]. С. 80.

Поднимая вопрос, что же побудило стороны подписать Брестский мир, исследователи, в частности С.З. Случ, справедливо полагают, что Ленин не сразу сделал ставку только на достижение мира с Германией. Позиция советского лидера в связи с дилеммой — вести ли войну против мирового империализма (вместе с революционной Германией) или, заключив мир с кайзеровской империей, натравливать ее на Антанту — менялась в первые месяцы пребывания большевиков у власти⁷⁸. Рассчитывая на революционный взрыв в Германии, советская делегация в Брест-Литовске делала ставку не на скорейшее подписание мирного договора, а на затягивание переговоров. Однако надежды большевиков оказались тщетными: в феврале 1918 г. будущий вождь Коминтерна Г.Е. Зиновьев признал, что момент был упущен, и мир следовало заключать в ноябре.

На начавшихся 22 декабря 1917 г. переговорах о заключении мира между Советской Россией и державами Четверного союза Р. Кюльман представил советской стороне проект договора о мирном урегулировании, из которого следовало, что Германия не намерена выводить войска с оккупированных российских территорий, поскольку их нерусское население высказывается за отделение от России и переход под германское покровительство. В дальнейшем ультимативный тон и аннексионистский характер территориальных претензий лишь усилился. Так, 18 января 1918 г. от России требовали отделения уже не только польских земель, Литвы, Курляндии, части Эстонии и Лифляндии, но и значительной части Белоруссии. Однако, по мнению исследователей, эти условия не следует считать слишком жесткими, так как от большинства перечисленных территорий большевики отказались сами еще до брестского диктата⁷⁹, признав независимость Финляндии 31 декабря 1917 г. Вопрос о независимости Польши был фактически предрешен еще и тем, что с января 1918 г. за суверенитет этой страны выступала Антанта. Отделение Прибалтики также представлялось неизбежным, тем более, что немцы ревностно следили за тем, чтобы создать там своеобразный «санитарный кордон», препятствующий проникновению большевизма в Германию. По существу, «немцы не шли дальше требований, реализованных самим ходом событий. И они вполне могли ожидать, что советское правительство согласится на выдвинутые ими условия»⁸⁰.

⁷⁸ Случ С.З. Указ. соч. С. 28.

⁷⁹ Фельштинский Ю.Г. Указ. соч. С. 169.

⁸⁰ Там же.

В самом начале переговоров министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин от имени всех государств германского блока заявил о том, что они согласятся на подписание «демократического мира без аннексий и контрибуций при самоопределении народов» только при условии признания этих принципов всеми воюющими сторонами. Но условие это было невыполнимым: страны Антанты отказались участвовать в переговорах. Когда 19 декабря 1917 г. посол Франции в России Ж. Нуланс сообщил в МИД о беседе с Троцким, предложившим Франции присоединиться к переговорам, министр иностранных дел С. Пишон ответил, что не склонен присоединиться к мирным переговорам между германским правительством и «максималистами». 21 декабря Пишон телеграфировал Нулансу, что французское правительство «ни в коем случае не согласно вмешаться — официально или нет — в мирные переговоры максималистов и беседовать об интересах Франции с псевдо-правительством»⁸¹. Некоторые исследователи, в частности, Ю. Фельштинский, попытку привлечения Антанты к переговорам сочли банальным пропагандистским шагом, используемым советским правительством еще и для затяжки переговоров⁸². Весьма серьезные расхождения по ведению переговоров были как в Четверном союзе (между Германией и Австро-Венгрией), так и в самой Германии: позицию министра иностранных дел Р. Кюльмана критиковало высшее военное командование, стоявшее за более жесткую линию в переговорах с советским правительством. В вопросах о переговорах с Германией не была едина, как известно, и партия большевиков. Против самого факта подписания мира с Германией выступало и большинство членов советского правительства.

Попытку заключить сепаратный мир с Австро-Венгрией предприняла Великобритания, которая в конце 1917 — начале 1918 г. вела в Швейцарии тайные переговоры с австрийцами (так называемые переговоры Смэтса-Менсдорфа)⁸³. Главным камнем преткновения переговоров стали тогда территориальные претензии Италии. Однако иллюзия возможности сепаратного мира с Австро-Венгрией рассеялись довольно быстро.

Пристально следившие за ходом переговоров в Брест-Литовске союзники на все призывы Совнаркома принять в них участие не отвечали, но и проигнорировать миротворческий процесс не могли. 8 ян-

---

⁸¹ Цит. по: Там же. С. 153.

⁸² Там же.

⁸³ *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1935. Т. V: 1918 г. С. 25—38.

варя 1918 г. на объединенной сессии палат конгресса свою программу мирного урегулирования представил президент США В. Вильсон. Самым ошеломительным в речи президента о «14 пунктах» стало одобрение переговоров в Брест-Литовске и дипломатии большевистских властей на этих переговорах, заслуживавших, по мнению Вильсона, самой высокой похвалы за абсолютно ясное заявление о принципах мирного урегулирования и способах его достижения. Вильсон, считавший прозрачность намерений в дипломатии высшим проявлением чувства времени и правильно понятого долга перед истекающим кровью человечеством, за спиной которого вершилась мировая политика⁸⁴, нашел особо достойным стремление советских представителей вести переговоры открыто, не таясь от мирового общественного мнения. Выступая с осуждением тайной дипломатии, Вильсон, однако, предпочитал решать проблемы за закрытыми дверями.

В речи о «14 пунктах», названных позднее З. Бжезинским впрыскиванием в европейскую геополитику американского идеализма, подкрепленного американским могуществом, тема России была центральной. «14 пунктов» Вильсона включали такие демократические принципы, как отказ от тайной дипломатии, свободу судоходства на морях вне территориальных вод как в мирное, так и в военное время, свободу международной торговли, справедливое разрешение колониальных проблем при обязательном учете прав и интересов населения колоний, сокращение вооружений до предельного минимума⁸⁵. Программа затрагивала и конкретные вопросы европейского урегулирования: безусловный вывод германских войск с оккупированных территорий, восстановление Бельгии, возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии, исправление границ Италии на основе национального принципа, предоставление Сербии выхода к морю, создание независимого Польского государства в этнических границах, обеспечение автономии народам Австро-Венгрии и Османской империи.

Шестой пункт призывал освободить всю территорию России, урегулировать затрагивающие ее вопросы так, чтобы гарантировать ей полное и свободное содействие со стороны других наций в независимом определении своего политического развития и национальной политики, обеспечить ей прием в сообщество свободных на-

⁸⁴ Мальков В.Л. Вудро Вильсон и Новая Россия (февраль 1917 — март 1918 г.) // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 123.

⁸⁵ См.: Системная история международных отношений: события и документы, 1918—2003: в 4 т.: М., 2000. Т. 2: Документы 1918—1940-х годов. С. 27—28.

ций при том образе правления, который она сама для себя изберет, и всяческую поддержку во всем, в чем она нуждается. И для большевиков, и для их противников послание Вильсона оказалось — в каждом случае по-своему — неприятным сюрпризом. Большевикам, по мнению В.Л. Малькова, трудно было объяснить себе самим и народу подкупающую искренность, антиимпериалистическую и миротворческую патетику ведущей капиталистической державы. Возникла даже иллюзия возможного признания большевистского эксперимента⁸⁶. Однако называя план Вильсона ловушкой, исследователь полагает, что Вильсон стремился выйти на решение, ставившее Россию в положение страны, замкнутой на свои внутренние (главным образом национальные) проблемы вплоть до победы в войне, а по возможности и дальше. Подлинный смысл затеянной Вильсоном и его помощником полковником Э.М. Хаузом интриги состоял в подключении большевиков к подрыву изнутри русской великодержавности при сохранении, по крайней мере номинально, территориальной целостности России (за исключением Польши, Финляндии и возможно Украины). Особенно резких порицаний американский президент удостоился со стороны русской внутренней и внешней эмиграции. Предложения Вильсона были основаны на исследованиях, проводившихся группой таких экспертов, как У. Липпман, С. Мезес, Д. Миллер и др., которые собирали материалы для будущей мирной конференции, и были скорректированы президентом после замечаний полковника Хауза. С союзниками эти предположения согласованы не были.

Дружелюбный тон речи Вильсона советские руководители не заметить не могли, однако о признании советского правительства и помина не было. 11 января 1918 г. во время беседы с Лениным, тема которой была речь американского президента, Р. Робинс и Э. Сиссон настойчиво пытались обратить внимание лидера большевиков на дружественное отношение В. Вильсона к советскому правительству, тот, в свою очередь, спросил, почему же в таком случае Соединенные Штаты не признают Советскую Россию официально⁸⁷. Несмотря на то, что Ленин казался искренне довольным, было очевидно, что он считал Вильсона не своим единомышленником, а лишь справедливым и терпимым классовым противником. Тем не менее Ленин назвал речь громадным шагом

⁸⁶ Мальков В.Л. Указ. соч. С. 124.

⁸⁷ Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 134; FRUS. 1918. Russia. Wash., 1931. Vol. 1. P. 426.

в сторону мира на земле и не возражал против ее распространения. Газета «Правда» опубликовала большую часть речи Вильсона, снабдив ее замечаниями, «Известия» напечатали ее полностью с благожелательными комментариями редактора. Речь Вильсона широко распространялась как внутри России, так и среди германских войск. Американский журналист Альберт Рис Вильямс, работавший с Джоном Ридом в информационном бюро в отделе международной революционной пропаганды при МИД, вспоминал, что «14 пунктов» Вильсона распространялись на фронте вместе с листовками и газетами, «слова президента-златоуста разбрасывали в германские траншеи или вручали немецким и австро-венгерским солдатам на указанных точках, где происходило братание, газеты отправлялись в лагерь для военнопленных по всей России»⁸⁸.

Европейские страны Антанты оставили программу Вильсона без комментариев, что создало у общественного мнения впечатление, что они ее полностью поддерживают. Центральные державы, напротив, весьма определенно отказались рассматривать те пункты программы Вильсона, которые как-либо затрагивали территориальные проблемы. Более того, отказ Антанты принять участие в брест-литовских переговорах послужил Берлину и Вене поводом для отказа и от тех относительно либеральных принципов, которые были провозглашены ими 25 декабря 1917 г.⁸⁹ в Декларации министра иностранных дел Австро-Венгрии графа О. Чернина в ответ на предложенные большевиками принципы мира (отказ от аннексий и контрибуций, признание неограниченного права наций на самоопределение) и их предложения, сделанные на первом пленарном заседании конференции в Брест-Литовске 22 декабря⁹⁰. Чернин формально признавал эти принципы, но трактовал их так, что они всецело оборачивались против стран Антанты. Так, формально отказываясь от аннексий, он откладывал вывод войск с оккупированных территорий на неопределенное будущее⁹¹.

В декабре 1918 г. граф Чернин, который возглавлял в Брест-Литовске делегацию Австро-Венгрии, в связи с упоминанием о мир-

---

⁸⁸ Вильямс А.Р. Путешествие в революцию; Россия в огне Гражданской войны, 1917—1918. М., 2006. С. 226—227.

⁸⁹ Фомин А.М. Указ. соч. С. 87.

⁹⁰ Ключников Ю.В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926. Ч. 2: От Империалистической войны до снятия блокады с Советской России. С. 102.

⁹¹ Фомин А.М. Указ. соч. С. 74.

ных договорах Брест-Литовском и Бухарестском⁹², сделал несколько интересных заявлений, проливших свет на положение дел, существовавшее между Германией и двуединой монархией, в то время, когда война еще продолжалась. Чернин пытался доказать, что только под германским давлением согласился на насильнический мир в Брест-Литовске и что сам он выступал с предложениями о том, что никаких территориальных уступок не должно быть, что не следовало требовать никаких вознаграждений за военные убытки, и что Польша, Курляндия и Лифляндия должны сами определить свою судьбу. Между тем германское командование, по его словам, резко нападало на германских представителей за излишнюю мягкость, подкапываясь под положение Кюльмана, бывшего в то время министром иностранных дел Германии. Граф Чернин утверждал, что всячески старался удержать Кюльмана на почве его миролюбивых стремлений и даже грозил, что в случае необходимости Австрия заключит сепаратный мир с Россией. После перерыва в переговорах в начале января 1918 г., продолжал Чернин, Австрия нуждалась в продовольственной помощи Германии, и поэтому принуждена была отказаться от угрозы заключения сепаратного мира. Кроме того, генерал Гофман, немецкий военный представитель, заявил, что «было бы неважно, заключит ли Австро-Венгрия сепаратный мир с Россией или нет, т.к. во всяком случае, немцы могут идти вперед на Петроград, если русское правительство не уступит». Граф Чернин сказал далее, что он обратился к военному правительству, указывая на возможность сепаратного мира между Австрией и Россией, и что в принципе возможность такого шага была признана. После возобновления мирных переговоров граф выступил в Брест-Литовске с новым предложением, но оно ни к чему не привело из-за оппозиции Троцкого. Наконец, бывший министр иностранных дел заявил, что император Карл, граф Тисе и он сам — все противились введению субмаринной войны, но что им пришлось бы идти на резкий конфликт с Германией⁹³.

Возвращаясь к речи американского президента В. Вильсона, заметим, что его союзники, британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж и премьер-министр Франции Ж. Клемансо, не могли не уловить в ней моменты, направленные против занимаемых ими в мире позиций. Но выражать открыто свое недовольство они не стали, возлагая надежды на 12 американских дивизий, которые Ва-

⁹² Бухарестский мирный договор 1918 г. — сепаратный мирный договор, заключенный Румынией с государствами Четверного союза 7 мая 1918 г.

⁹³ АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 9. Д. 1. П. 110. Л. 64.

шингтон пообещал разместить на Западном фронте в 1918 г., и на приход американских линейных кораблей в европейские воды. В начале февраля 1918 г. Высший военный совет союзных держав заявил, что инициатива Вильсона не вызвала такого ответа вражеской стороны, который позволял бы надеяться на мирные переговоры⁹⁴. Ответом Германии на «14 пунктов» Вильсона было ее стремление разбить западные державы и максимально ослабить Россию.

14 января 1918 г. произошла первая встреча Ленина с иностранными дипломатами в связи с их протестом против ареста румынского посланника в России К. Диаманди, взятого накануне под стражу с целью заставить правительство Румынии прекратить разоружение русских войск и аресты российских представителей в этой стране. Дипломатический инцидент был исчерпан довольно быстро. Диаманди освободили и вскоре предложили выехать из страны, а «румынский золотой резерв, вывезенный ранее во время войны в Москву для сохранности, было приказано сохранить как собственность румынского народа и не допускать к нему румынскую олигархию»⁹⁵. Деньги были конфискованы в пользу России в качестве частичного восполнения потери Бессарабии, аннексированной через несколько недель Румынией. Захват в январе 1918 г. Бессарабии стал первым актом военной интервенции. В ответ на эти действия Советская Россия 26 января 1918 г. разорвала дипломатические отношения с Румынией и реквизировала ее золотой запас⁹⁶. Позднее, в ноябре 1918 г., местное законодательное собрание провозгласило присоединение Бессарабии к Румынии; в октябре 1920 г. Франция, Великобритания, Италия и Япония признали Бессарабию частью Румынии. Советское правительство начиная с 1918 г. неоднократно заявляло о непризнании включения Бессарабии в состав Румынии. Аннексия Бессарабии, как известно, длилась до 1940 г.

Любопытный факт — когда Диаманди на одной из встреч союзных послов предложил им покинуть Петроград в знак протеста против разгона Учредительного собрания, никто из послов его не поддержал. По мнению Р.Ш. Ганелина, роспуск Учредительного собрания не повлек за собой сколько-нибудь значительных изменений в «русской политике» США, равно как и другая проведенная

⁹⁴ Уткин А.И. Указ. соч. С. 58.

⁹⁵ Уорт Р. Указ. соч. С. 212.

⁹⁶ Арцыбашев В.А. Оценка советской военной разведкой международной обстановки во второй половине 1920-х годов // Военно-исторический журнал. 2011. № 6. С. 46.

мера Советской власти — аннулирование займов царского и Временного правительств⁹⁷. Но на общественное мнение эти осуществленные меры оказали крайне негативное действие. Американская дипломатия ответила на них жестах чисто формального характера. Когда декрет об аннулировании займов был принят ВЦИКом, посол США Фрэнсис принял участие в протесте дипкорпуса 12 февраля 1918 г., однако от дальнейших протестов против национализации земли и других экономических мер склонил английского и французского послов отказаться. В эти дни английское посольство в Вашингтоне получило указание из Лондона сообщить госдепартаменту, что «хотя в настоящее время невозможно пойти на полное признание большевистского правительства, было бы весьма нежелательно рисковать полным разрывом с ним»⁹⁸.

«Шанс на признание»

Практическая политика вынуждала идти на компромиссы как одну, так и другую сторону. «Совершенно бесспорная истина: компромисс западных ценностей с большевизмом невозможен», — писал в своей аналитической записке по «русскому вопросу» в начале 1918 г. Артур Буллард, один из ближайших советников полковника Э. Хауза. Однако общий вывод, к которому он пришел, — это целесообразность неформальных контактов с большевистским правительством на чисто деловой основе⁹⁹. Согласие на формальное признание могло быть дано, по мнению автора записки, только в обмен на важные уступки в области демократизации государственного устройства. «Шанс на признание», «козырная карта признания» (выражение Булларда) стал лишь средством влияния на ситуацию в России. Нельзя не согласиться с В.Л. Мальковым, что ставка в этой большой игре была чрезвычайно велика: «раскрой территории России на самоуправляющиеся национальные образования, ориентирующиеся на западные либеральные образцы и строящие свою внутреннюю и внешнюю политику в значительной мере самостоятельно от центра»¹⁰⁰.

Пока шла мировая война, германская угроза в глазах союзников оставалась опаснее угрозы большевизма. В дальнейшем Брестский

⁹⁷ См.: Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 138.

⁹⁸ Там же. С. 148.

⁹⁹ Мальков В.Л. Указ. соч. С. 128.

¹⁰⁰ Там же. С. 129.

мир с Советской Россией наглядно показал, что готовила Германия для проигравших.

В начале января 1918 г. Великобритания от враждебного непризнания советского режима, а затем максимальной сдержанности с большими колебаниями сделала шаг к признанию советского правительства. Признание было поставлено, «при известных условиях», в зависимость «от дальнейших событий», в первую очередь, на брест-литовских переговорах. В прессе тех дней почти не высказывались против возможности, «при известных условиях», признания советской власти, но при этом считали неразумным воздерживаться от того же в отношении других «русских правительств», которые образовались на Украине, на Дону и в Сибири. Так, например, английская проконсервативная газета *Manchester Dispatch* 5 января 1918 г. писала о том, что политика союзников должна состоять в поддержке южной и азиатской России и через созданные там правительства, а не через петроградское, работать над восстановлением страны.

5 января 1918 г. — день разгона Учредительного собрания — стал определенным рубежом во взаимоотношениях России и стран Запада. Советское правительство заявило правительству Великобритании о намерении назначить своего представителя в Лондон. В случае отказа, под вопрос было бы поставлено пребывание английского представительства в России. Полный разрыв с большевиками мог бы лишить англичан возможности использовать влияние своего посольства в Петрограде, предоставив большую свободу действий в России немцам. Однако продолжение переговоров в Брест-Литовске толкало англичан к такому разрыву. 6 января 1918 г. стал последним днем пребывания Дж. Бьюкенена в российской столице; 17 января он прибыл в Лондон. Однако в беседах с Бальфуrom и другими членами правительства Бьюкенен высказался против полного разрыва с правительством большевиков. Циркулировали слухи о том, что в связи с возвращением Бьюкенена из Петрограда усиленно обсуждаются кандидатуры его заместителей. В связи с назначением М.М. Литвинова советским представителем в Лондон в печати развернулась кампания за посылку в Россию представителей левых партий вместо Бьюкенена, за признание советской власти.

В ноте Министерства иностранных дел Великобритании представителю Советской России в Лондоне Литвинову от 10 января 1918 г. в ответ на просьбу последнего лично встретиться с Бальфуrom, сообщалось, что Правительство Его Королевского Величества не нашло еще возможным признать Троцкого и его соотрудников за-

конно установленным Правительством России и при таких условиях его прием в Министерстве иностранных дел мог быть неправильно понят¹⁰¹. Однако Бальфур, сознавая необходимость передачи Литвиновым для него депеш от Троцкого, предложил воспользоваться услугами Р. Липера в качестве неофициального посредника.

В свою очередь М.М. Литвинов в ноте А. Бальфуру 14 января 1918 г.¹⁰², подтвердив получение его письма от 10 января, заявил, что находит предложение Правительства Его Величества о не-прямых сношениях между ним, Представителем Русского Правительства и Министерства Иностранных Дел, весьма неудовлетворительным и приемлемым лишь как временная мера, пока не выработается более удовлетворительное разрешение этого вопроса. Как известно, члены британского посольства в Петрограде имели дело непосредственно с Троцким и было непонятно, почему такой же порядок не мог бы быть принят Правительством Великобритании. «Впрочем, так же как г-н Троцкий, я не придаю большого значения вопросам этикета и ненужных формальностей, — писал Литвинов, — и для меня совершенно безразлично, принимает ли меня Министерство иностранных дел лично или нет»¹⁰³. Литвинов счел необходимым также указать, что будет считать Липера официальным представителем Министерства иностранных дел, а все передаваемые им сообщения — исходящими от МИД. Кроме того, Литвинов указал, что намерен пользоваться этим путем не только для передачи сообщений, получаемых им от Троцкого, но и для того, чтобы обращать внимание Бальфура на просьбы и требования, какие он сочтет нужным сделать в интересах Советского Правительства и русских граждан, находившихся в Великобритании.

К началу января 1918 г. в правительственных кругах Японии стремление снять с нее обвинения в интервенционных планах было настолько сильно, что, по сообщению токийского корреспондента *Berliner Tageblatt* 3 января, «японское правительство постановило возобновить дипломатические отношения с новым русским правительством». Эта новость, казавшаяся лишь газетной «уткой», была весьма характерной для того момента. Английское правительство освободило из заключения и дало возможность выехать в Россию Г.В. Чичерину. «Новое положение в России», «Пробуждение России» — статьи с такими заголовками появились во

¹⁰¹ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 3. Д. 6. П. 2. Л. 2.

¹⁰² Там же. Л. 3.

¹⁰³ Там же.

многих зарубежных газетах. Так, *Daily Chronicle* 4 января 1918 г. писала, что Россия является страной неограниченных возможностей и возобновление ею войны вполне вероятно. Если бы это произошло, то тогда, естественно, последовало бы признание большевистской власти, как фактического правительства. Газета поместила обширное интервью с Литвиновым, выдержанное в лояльных по отношению к Советской России тонах.

5 января 1918 г. в Кэжстон-холле британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж, излагая перед представителями тред-юнионов взгляды правительства на характер и цели войны¹⁰⁴, заявил по поводу России, будущее которой неизбежно становилось одним из центральных пунктов любой программы послевоенного устройства, что «ее политика с момента революции развивалась так быстро, прошла так много этапов, что трудно говорить о том, каково будет положение, когда будут обсуждаться условия европейского мира. Нынешние правители России ведут сейчас сепаратные переговоры с общим врагом, не обращая внимания на те страны, которые Россия вовлекла в войну». «Я не хочу упрекать, — сказал Ллойд Джордж, — я хочу лишь изложить факты для того, чтобы выяснить, почему Англия не может считаться ответственной за решение, принятое без нее, без ее совета и без обращения к ней за помощью»¹⁰⁵. Далее премьер-министр, говоря о судьбе тех русских регионов, которые находились в руках немцев, заявил, что Англия с гордостью будет сражаться до конца бок о бок с новой русской демократией, то же сделает Америка, Франция и Италия; но если правители России предпримут шаги независимо от их союзников, то возможности вмешаться для предотвращения катастрофы, которая неизбежно постигнет Россию, у Англии не будет. Россия, по мнению Ллойда Джорджа, могла быть спасена лишь ее собственным народом. Эту фразу исследователи толкуют как «карт-бланш» Гер-

---

¹⁰⁴ Это выступление было важнейшей британской публичной декларацией о целях войны, имевшей принципиальное значение для прояснения британской позиции, поскольку «14 пунктов» В. Вильсона были признаны Великобританией, Францией и Италией лишь в октябре 1918 г., и то не безоговорочно. Решение о необходимости такого выступления было принято на заседании Военного кабинета 31 декабря 1917 г. При его подготовке был использован доклад секретаря Военного кабинета М. Хенки с анализом советской декларации от 22 декабря и декларации министра иностранных дел Австро-Венгрии графа О. Чернина, сделанную от имени Центральных держав на брест-литовских переговорах 25 декабря 1917 г. См.: *Фонин А.М.* Указ. соч. С. 74—78.

¹⁰⁵ *The Times*. 1918. 06.01.

мании в отношении России. Впоследствии, уже после Брестского мира, Ллойд Джордж высказал не нашедшую поддержки других членов английского кабинета идею, что мир с Германией может быть достигнут на основе признания ее завоеваний на Востоке в обмен на уступки союзникам на Западе (Эльзас — Лотарингия, Бельгия) и отказ от колоний. Для Британской империи было абсолютно неприемлемо предоставление Германии доступа к ресурсам южной России и Кавказа, а также возможность ее «транзитного» проникновения в сторону Персии и Индии через Кавказ и Центральную Азию. Великобритания должна была бороться против Брестского мира не из альтруистических побуждений, а во имя собственных интересов¹⁰⁶. Разумеется, наилучшим исходом для нее стало бы утверждение в России дружественного Лондону правительства, готового продолжить войну даже в глубине России¹⁰⁷. Заявление британского премьер-министра разительно отличалось от заявления лорда Сесилия 24 ноября 1917 г. и сделанного позднее, 9 марта 1918 г. заявления министра иностранных дел Бальфура.

8 января 1918 г., одновременно с речью Вильсона, в английских газетах появилось сообщение, что правительство Великобритании не собирается посылать в Россию нового посланника до тех пор, пока правительство России не станет «более упорядоченным». *Westminster Gazette* в связи с этим писала, что невозможно обходиться без посла в России, Англии нужен деятель, который авторитетно смог бы говорить с фактическим русским правительством. Радикальная газета *The Star* связала вопрос об английском представителе в России с речью Вильсона, указав, что политика американского президента по отношению к русскому правительству мудрее, конкретнее и справедливее, нежели политика правительства Великобритании, и призывала признать вильсоновскую политику открытой дипломатии. Однако «реакционная» пресса, замалчивая вопрос о посылке представителя в Советскую Россию, в своих комментариях речи Вильсона игнорировала ту ее часть, которая касалась России. Умолчание было неслучайным, оно подчеркивало разные позиции Вильсона и Ллойда Джорджа. Консервативная газета *Morning Post* поместила 11 января материал своего вашингтонского корреспондента — телеграмму, датированную 9 января. Текст телеграммы гласил: «Прочтя последнюю речь Ллойда Джорджа,

¹⁰⁶ *Rothwell V.H. British War Aims and Peace Diplomacy, 1914—1918. Oxford, 1971. P. 190—197.*

¹⁰⁷ *Фомин А.М. Указ. соч. С. 86.*

Вильсон был разочарован, ибо Ллойд Джордж в своей речи высказался за фактическое предоставление России ее судьбе, по крайней мере, таково было впечатление, произведенное речью на Вильсона». Стремясь заполнить этот пробел, писал корреспондент, Вильсон отвел в своей речи такое значительное место России.

Итак, после непродолжительного периода колебаний английское правительство возвратилось к политике непризнания Советской России, воздерживаясь от каких-либо обязывающих заявлений на этот счет.

Франция в январе 1918 г. решительно вступила на путь помощи врагам советского правительства, предоставив заем Украинской Центральной Раде, находившейся в открытой оппозиции к большевикам, и послав ее правительству военную миссию. Направив в Киев официального представителя (вскоре там появился и британский), французское правительство в то же время категорически отказалось отправить в Петроград даже неофициального представителя¹⁰⁸. Французские планы насчет Украины и, в частности, возлагаемые на Раду надежды относительно продолжения войны с немцами, разделялись и некоторыми английскими кругами. Однако права оказалась *The Manchester Guardian*, сообщившая 29 января 1918 г., что надежды эти ни на чем не основаны, и Рада первая заключит сепаратный мир с немцами. Действительно, 9 февраля 1918 г. Украинская Рада подписала мир с Четверным союзом.

Считая невозможным пойти на полное признание советского правительства, Англия не желала и рисковать разрывом с ним. Как сообщила 16 января 1918 г. *Daily Mail*, Министерство иностранных дел Великобритании пришло к выводу о том, что по крайней мере в данное время большевистское правительство в России сильно укрепилось и ничего не может быть достигнуто игнорированием его фактической власти. В связи с этим английское правительство пожелало расширить неформальные сношения, установленные с Петроградом через М.М. Литвинова, однако общественное мнение должно было провести четкую демаркационную линию между подобным методом создания канала для сношений исключительно в практических целях и тем, что могло бы быть воспринято как признание большевистского государства. Далее газета называла причины, по которым британское и другие союзные правительства воздерживались от такого признания. Среди них — отсутствие дока-

---

¹⁰⁸ АВП РФ. Ф. 56-б. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 48.

зательств того, что советское правительство представляет законное большинство русской нации; измена по отношению к союзникам, выразившаяся в непризнании договоров, заключенных с Россией; разрушение русской армии и уничтожение возможности ее помощи союзникам; подрыв кредитной системы России, захват банков, создание хаоса и анархии; и др. Если бы захват власти большевиками был признан союзниками, то каждую из союзных держав можно было бы обвинить в измене своим друзьям. Британское правительство считало нужным помогать своим друзьям. Акты большевистского режима, какими бы пацифистскими они не были по своим целям, нельзя было считать свидетельством дружбы к союзникам.

Таким образом газета пыталась внушить своим читателям, что отношений с представителем Советской России Литвиновым правительство Великобритании не скрывало. В парламентских заявлениях британское правительство пыталось всячески преуменьшить значение этих отношений, рассматривая их как неизбежное зло, и старалось не отступать от испытанной тактики отказа отвечать на вопросы о России. На заседании парламента 16 января 1918 г. министр иностранных дел Великобритании заявил: «Мы не признали Петроградской власти, как фактического и юридического правительства России, но мы проводим необходимые дела неофициальным путем через посредство агента, действующего по инструкциям нашего посольства в Петрограде. Большевистские власти назначили Литвинова своим представителем в Лондоне и мы намерены войти в аналогичные неофициальные отношения с ним»¹⁰⁹. Подчеркнув временный характер соглашения, Бальфур признал, что хотя оно и не может быть включено в обычные рамки дипломатических отношений, но является наилучшим, отвечающим нуждам данного момента.

На том же заседании член парламента Кинг задал вопрос Бальфуру, находился ли в каких-либо отношениях с английским правительством бывший посол Набоков, официально уволенный с поста новой русской властью. Бальфур ответил, что не может утверждать, что Набоков был официально уволен, и ничего нового не может прибавить к своему заявлению. Не удовлетворившись такой информацией, Кинг задал очередной вопрос: «Учитывая попытки партии, к которой принадлежит Набоков, восстановить Англию против нынешней Петроградской власти, не считает ли возможным Бальфур выяснить, не находимся ли мы в каких-либо отно-

---

¹⁰⁹ Там же. Л. 54.

шениях с лицами, устраивающими заговоры против существующей в России власти?» Бальфур вновь ничего не смог прибавить к сделанному ранее заявлению¹¹⁰.

Первый признак поворота Японии к интервенции нашел отражение в сообщении агентства Рейтер из Токио 15 января 1918 г. о том, что во Владивосток было отправлено военное судно для защиты иностранных интересов. 22 января японский премьер Тераучи заявил, что весьма встревожен последними сведениями из России о распространении внутреннего беспорядка на ее владения в Восточной Азии. Япония считала себя ответственной за поддержание мира в этом регионе; в случае опасности японское правительство готово было принять все необходимые меры для защиты своих интересов¹¹¹. Вслед за этим заявлением Тераучи последовало сообщение в *Manchester Dispatch* о том, что в случае бездействия Англии начнет действовать Япония: «Нам сообщают, что наше правительство не собирается признать нынешней Петроградской власти, но в то же время предпринимает все необходимые меры для того, чтобы удержать Россию в составе Антанты. Это весьма трудная задача; правительства Англии и Франции ведут в связи с ее выполнением важные переговоры, которые, как можно надеяться, приведут к удовлетворительным результатам. В случае их отсутствия, по сообщению авторитетных источников, правительство Японии примет в отношении России меры, не совместимые с дружескими отношениями». Британская консервативная *Pall Mall Gazette* в тот же день, 22 января, написала, что правительство Британии находится в тесном контакте с Петроградом, цели союзников там стали понимать лучше, чем прежде, тем не менее союзники продолжают политику ожидания, не предпринимая ничего, что носило бы характер вмешательства во внутренние дела России.

Но даже тот небольшой шаг, который предприняло английское правительство, вступив в неофициальные отношения с Литвиновым, в феврале 1918 г. оно постаралось дезавуировать. В печати началась кампания против советского представителя в Великобритании. 9 февраля консервативная *Morning Post* потребовала заключить М. Литвинова в концентрационный лагерь под предлогом ведения им революционной пропаганды. А 14 февраля в газетах было опубликовано заявление Министерства иностранных дел о серьезном внимании, которое оно обратило на деятельность Литвинова и

---

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Daily Mail. 1918. 29.01.

о возможных шагах со стороны правительства в связи с этим. Газета *The Globe* уже на следующий день потребовала от правительства аннулировать дипломатическое положение Литвинова, «если он такое имеет», и немедленно выслать его из Англии. Эта кампания наложилась на более широко развернувшуюся кампанию — за интервенцию. Застрельщиком выступила французская печать, в частности, орган военных кругов газета *Éco de Paris*.

В конце января 1918 г. во французской печати появились сообщения о том, что политика непризнания большевиков является пассивной и пора перейти к активным действиям. Определенную роль в морально-психологической подготовке антисоветской интервенции сыграли и так называемые «документы Сиссона» о «большевиках — немецких агентах». Эти документы были опубликованы во Франции в начале февраля, однако серьезного политического резонанса они не вызвали из-за их явно фальсифицированного характера¹¹². Следует учитывать, что основное внимание дипломатии союзников в то время было обращено на вероятное возобновление военных действий на Восточном фронте.

Волна антисоветской кампании поднялась и в британской прессе: стали публиковаться материалы о незащищенности подданных Великобритании в России, о конфискации их собственности советским правительством и о необходимости охраны их интересов.

Брестская петля

Понимая невозможность для России дальнейшего ведения войны в связи с развалом старой армии, малочисленностью Красной гвардии и непредсказуемостью сроков германской революции, В.И. Ленин пришел к выводу о необходимости безотлагательного заключения сепаратного мира с Германией и ее союзниками на выдвинутых ими тяжелейших условиях. В соответствии с ними от России отторгались занятые немцами территории, включавшие в себя польские, литовские земли, часть латышских земель, эстонские острова на Балтике, значительную часть Белоруссии. Россия должна была вывести свои войска с территории Османской империи и Австро-Венгрии. Ленину пришлось доказывать большинству членов ЦК, выступавших против

---

¹¹² См., напр.: *Макаренко П.В.* Германский фактор в Октябрьской революции 1917 г. // Вопросы истории. 2008. № 5. С. 30—45.

заклучения сепаратного мира, что его подписание не только обеспечит большевикам реальные гарантии удержания власти в стране, но и создаст благоприятные внешние условия, при которых продолжение войны между двумя империалистическими группировками не позволит им объединиться против Советской России. Так, из присутствовавших 63 человек на совещании членов ЦК с партийными работниками 21 января 1918 г. большинство не поддержало позицию Ленина (за его предложение подписать мир высказались только 15 человек); 32 человека проголосовали за поддержку лозунга «революционной войны», отстаиваемого «левыми коммунистами» во главе с Н.И. Бухариным; 16 — поддержали Л.Д. Троцкого с его формулой «ни войны, ни мира»: «Состояние войны прекращается, армия демобилизуется, уходим домой строить социалистическую Россию»¹¹³.

10 февраля 1918 г. на переговорах в Брест-Литовске Троцкий выступил с декларацией об отказе РСФСР подписывать аннексионистский договор о прекращении состояния войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией и о полной демобилизации российской армии. «Мы выходим из войны, — заявил он, — мы извещаем об этом все народы и их правительства... Мы ждем и твердо верим, что другие народы скоро последуют нашему примеру. В то же время мы заявляем, что условия, предложенные нам правительствами Германии и Австро-Венгрии, в корне противоречат интересам всех народов... Мы отказываемся санкционировать те условия, которые германский и австро-венгерский империализм пишет мечом на теле живых народов. Мы не можем поставить подпись русской революции под условиями, которые несут с собой гнет, горе и несчастье миллионам человеческих существ. Правительства Германии и Австро-Венгрии хотят владеть землями и народами по праву военного захвата. Пусть они свое дело творят открыто. Мы не можем освящать насилия. Мы выходим из войны, но мы вынуждены отказаться от подписания мирного договора»¹¹⁴. У немецких делегатов это заявление вызвало изумление. Макс Гофман, возглавлявший германскую делегацию, вспоминал, что все были оглушены. Советская же делегация в тот же день покинула Брест. В Берлине заявление Троцкого было воспринято как фактический разрыв перемирия, и 18 февраля, после того, как Петроград покинули германские посланники граф Мирбах и вице-адмирал Р. Кейзер-

¹¹³ Цит. по: *Нежинский Л.Н.* Указ. соч. С. 34.

¹¹⁴ Системная история международных отношений ... Т. 2. С. 12—13.

линг, немцы возобновили военные действия по всей линии фронта, фактически уже не существовавшего. Немцы продолжали наступать, не встречая сопротивления, и заняли несколько городов: 18-го февраля — Двинск, 19-го — Минск, 20-го — Полоцк, в ночь на 24-е — Псков и Юрьев, 25-го — Борисов и Ревель. «Но самым удивительным было то, писал Фельштинский, — что немцы наступали без армии. Они действовали небольшими разрозненными отрядами в 100—200 человек, причем даже не регулярными частями, а сборными, из добровольцев. Из-за царившей у большевиков паники и слухов о приближении мифических германских войск города и станции оставались без боя еще до прибытия противника. Двинск, например, был взят немецким отрядом в 60—100 человек»¹¹⁵. При слабости одной стороны и панике другой, русские все-таки кое-где оказывали сопротивление. Так, Нарва оборонялась до 4 марта¹¹⁶.

Несмотря на то, что в январе 1918 г. по многим городам Германии и Австро-Венгрии прокатилась волна забастовок и рабочих демонстраций в поддержку советской позиции на переговорах в Брест-Литовске, властям удалось обуздать это проявление революционной солидарности с Советской Россией. Таким образом, тактика затягивания переговоров в расчете на революционный взрыв в странах Европы не оправдала себя.

Установка Троцкого, известная как формула «ни война, ни мир», в историографии рассматривается чаще всего как демагогическая. Между тем, по мнению Фельштинского, эта формула имела вполне конкретный практический смысл. «Она, с одной стороны, исходила из того, что Германия не в состоянии вести крупные наступательные действия на русском фронте (иначе бы немцы не сели за стол переговоров), а с другой — имела то преимущество, что большевики “в моральном смысле” оставались “чисты” перед рабочим классом всех стран»¹¹⁷. Важно было также опровергнуть убеждение в подкупе большевиков немцами. Сам Троцкий писал впоследствии, что не он самолично, а большинство ЦК, по его предложению, решило мира не подписывать. “В Брест-Литовск, — писал он, — я уехал в последний раз с совершенно определенным решением партии: договора не подписывать. Все это можно без труда проверить по протоколам ЦК”¹¹⁸.

¹¹⁵ Фельштинский Ю.Г. Указ. соч. С. 260.

¹¹⁶ Чубарьян А.О. Брестский мир. М., 1964. С. 174.

¹¹⁷ Фельштинский Ю.Г. Указ. соч. С. 231.

¹¹⁸ Цит. по: Там же. С. 235.

Советские руководители, меж тем, вели переговоры с союзниками в надежде добиться от них какой-либо помощи. Так, Троцкий обращался к Локкарту, стремясь получить военную помощь Лондона; Ленин на встрече с Робинсом 13 февраля говорил о перспективах советско-американского экономического сотрудничества, 15 февраля состоялось заседание Коллегии хозяйственной политики при Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ) с участием представителей английского консульства и представителя консульства США по конкретным вопросам установления экономических отношений. Ленин вел переговоры и с представителем военной миссии Франции Садулем. Неофициально Франция предлагала свою финансовую помощь в случае, если Россия окажет сопротивление Германии.

Главным для стран Антанты было сохранить действующим Восточный фронт. Опасаясь того, что Антанта в конечном счете договорится со странами Четверного союза и заключит мир на Западном фронте, большевикам приходилось вести политику балансирования между Германией и Антантой, оставляя последней надежду на возможное изменение вектора советской внешней политики с прогерманского на проантантовский.

19 февраля 1918 г. французский посол в России Ж. Нуланс сообщил Троцкому, что Франция могла бы помочь советскому правительству деньгами и иными средствами, если последнее пожелает оказать сопротивление немцам¹¹⁹. С аналогичным предложением к советскому правительству обратились и англичане. Во время переговоров с представителями Антанты нарком иностранных дел дал им понять, что в случае оказания союзниками помощи сможет провести через Совнарком решение о возобновлении военных действий. На заседании ЦК РСДРП (б) 22 февраля была принята резолюция, в которой в интересах вооружения и снаряжения армии признано возможным закупать все необходимое у империалистических государств¹²⁰. Резолюция была одобрена 6 голосами против 5 (за резолюцию голосовали Свердлов, Держинский, Иоффе, Сокольников, Троцкий и Смилга; против — Бухарин, Ломов, Бубнов, Крестинский и Урицкий). Первых интересовало возобновление войны с Германией; вторых — бескомпромиссность русской революции и отказ от каких бы то ни было соглашений с буржуазными правительствами. Ленин на заседании не присутствовал, но при-

---

¹¹⁹ Там же. С. 281.

¹²⁰ Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б), август 1917 — январь 1918. С. 206—208.

слал записку: «Прошу присоединить мой голос за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского капитализма»¹²¹.

15 июня 1918 г. Ж. Садуль в письме социалисту Альберу Тома, бывшему французскому министру вооружений, привел сделанное большевистскими лидерами заявление по поводу военной и финансовой поддержки России со стороны Франции: «В конце февраля, накануне подписания Брестского мира, под угрозой немецкого наступления на Петроград, французская миссия как будто бы согласилась предоставить в распоряжение Троцкого известное число офицеров и солдат для организации разрушения железных дорог, ведущих к столице, и для организации отрядов обороны столицы. Очевидно, это запоздалое предложение Антанты было лишь обманом, на самом деле в распоряжение наших военных властей было предоставлено всего лишь один или два офицера и несколько инженеров. Конечно, это ничтожная помощь не могла нам принести никакой пользы и каким образом Ваши начальники — опытные военные профессионалы — могли надеяться, что эта помощь сможет остановить продвижение врага?»¹²²

Наступление немцев и их стремительное продвижение в глубь страны заставило союзников отказаться от каких-либо обещаний. Согласие же советского правительства на германские условия мира рассматривалось ими как аргумент в пользу союзнической интервенции. «Горячо настаиваю на том, — телеграфировал Д. Фрэнсис в Вашингтон 21 февраля, — чтобы мы установили свой контроль во Владивостоке, а англичане и французы — над Мурманском и Архангельском с целью не допустить, чтобы хранящиеся там материалы попали в немецкие руки»¹²³. Для союзников настало время действий.

Завершение периода революционной фразы провозгласил и Ленин, вынужденный перейти от декларативных лозунгов к «реальной политике». 23 февраля 1918 г., в день, когда в Петроград был доставлен новый германский ультиматум, содержавший еще более жесткие требования, на заседании ЦК РСДРП (б) Ленину с большим трудом, под угрозой отставки, при пятом голосовании удалось добиться согласия на германские условия мира. Ленина поддержали семь членов ЦК, четверо голосовали против, четверо, в том числе и Троцкий, воздержались. На основании принятого в ночь на 24 февраля на экстренном заседании ВЦИК большинством го-

¹²¹ Фельштинский Ю. Г. Указ. соч. С. 281.

¹²² АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 123.

¹²³ Цит. по: Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 163.

лосов решения, Совнарком принял германские условия мира, названные Лениным безмерно угнетательскими, хищническими¹²⁴.

Опасаясь вторжения немцев в Петроград, 27 февраля в Вологду выехали служащие американского и японского посольств, а также китайской дипломатической миссии. Представительства других стран, в частности Франции и Италии, присоединились к ним позднее.

28 февраля 1918 г. советская делегация, возглавляемая сторонником подписания мира Г.Я. Сокольниковым, прибыла в Брест-Литовск. 3 марта 1918 г. состоялось подписание мирного договора Советской России с державами Четверного союза на предъявленных ей тяжелейших условиях. Договор, как справедливо заметил С.З. Случ, весьма условно можно было назвать мирным. От Советской России было отторгнуто 780 тыс. кв. км территории с населением 56 млн человек; польские, литовские, латышские, эстонские и часть белорусских земель. На этой территории находилась $\frac{1}{3}$ железнодорожной сети страны, производилось 73% железа и добывалось 89% угля¹²⁵. Россия должна была заключить мир с Украинской Центральной Радой; вывести свои войска с территории Украины и Финляндии, а также из пограничных с Турцией закавказских областей Ардагана, Карса и Батума. Договаривающиеся стороны брали на себя обязательство воздерживаться от всякой агитации или пропаганды против правительства или государственных и военных установлений другой стороны. Советская Россия должна была произвести полную демобилизацию своей армии, включая войсковые части, вновь сформированные правительством¹²⁶. В приложениях к договору, а также в заключенных позднее дополнительных соглашениях определялись экономические отношения Советской России с каждой из стран Четверного союза.

Хотя советские руководители считали Брестский договор временным, лишь «передышкой», ни к чему не обязывающим клочком бумаги, как заявил Ленин¹²⁷, «немцы имели тогда реальную силу и обеспечили себе достаточные гарантии и выгодное стратегическое положение, дабы настоять на выполнении договора»¹²⁸.

¹²⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 376, 379.

¹²⁵ Очерки истории Министерства иностранных дел России ... Т. 2. С. 41—42.

¹²⁶ ДВП СССР. Т. 1. С. 119—124.

¹²⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 331.

¹²⁸ Из «Очерков русской смуты» А.И. Деникина // Системная история международных отношений: события и документы, 1918—2000: в 4 т. М., 2000. Т. 2. С. 15.

Брестский мир стал тяжелым ударом для союзных держав. Их неофициальные представители пытались помешать ратификации договора, обещая поддержку со стороны своих правительств, однако, в действительности их влияние на политику союзников было весьма ограничено. Так, Локкарт предостерегал Бальфура, что если союзники позволят японцам войти в Сибирь, перспективы сотрудничества с Россией перейдут в разряд безнадежных¹²⁹.

В странах Антанты усиленно обсуждался вопрос о военной интервенции, в частности о поддержке Францией и Англией намерения Японии вторгнуться на русский Дальний Восток и развивать свою интервенцию в Сибири. Соединенные Штаты, несмотря на все возраставшее давление Парижа и Лондона, выражали сомнение в целесообразности интервенции. Сказывались геополитические интересы самих США: нежелание способствовать усилению своего основного конкурента в Тихоокеанском регионе — Японии, а также собственный интерес к Сибири и Дальнему Востоку. Одним из основных путей воздействия Лондона и Парижа на Вашингтон в пользу его участия в интервенции на территории России весной 1918 г. были решения Высшего верховного военного совета союзников, состоявшего из военных представителей участвовавших в боевых действиях на Западном фронте стран. В конце февраля 1918 г. произошел определенный сдвиг в отношении США к японскому вторжению, так как возникла опасность, что вторжение может произойти и без их участия. 26 февраля в американской прессе было опубликовано интервью с начальником Генерального штаба Франции Ф. Фошем, о котором европейские газеты умолчали. Фош заявил, что Германия захватывает Россию; Америка и Япония должны встретить Германию в Сибири, они имеют для этого все возможное и должны предпринять решительные действия в этом важном вопросе¹³⁰. Значение этого заявления было немалым: Ф. Фош пользовался в то время большим авторитетом, к тому же весьма редко высшие офицеры давали во время войны политические интервью. 27 февраля в американской прессе появилась телеграмма из Лондона, в которой говорилось, что ввиду растущей деморализации России в лондонских политических кругах усиливается мнение, что для Японии настал момент действовать. И наконец, 28 февраля в американских газетах было напечатано полуофициальное сообщение из Вашингтона, в котором говорилось, что Япония

¹²⁹ Уорт Р. Указ. соч. С. 265.

¹³⁰ АВП РФ. Ф. 56-б. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 67.

сделала Америке и союзникам предложение начать совместные военные действия в Сибири в целях спасения обширных военных запасов, сконцентрированных во Владивостоке и по Сибирской железной дороге¹³¹. В американской и европейской прессе началась кампания за интервенцию, и велась она всю первую половину марта.

Англо-французские круги стали со своей очевидностью понимать, что переговорами с Америкой ничего не добьешься, и появилось стремление, как в военной, так и в дипломатической области, поставить Соединенные Штаты перед свершившимся фактом. 6 марта в английских газетах замелькали сообщения Рейтер и других телеграфных агентств, что китайское правительство якобы отдало приказ своим пограничным войскам выступить против большевиков, промышленные круги во Владивостоке снимают с себя ответственность за безопасность военных запасов, и что уже начались бои на Сибирской железной дороге между большевиками и генералом Семеновым.

В тот момент, когда в России велись жесткие дебаты о ратификации Брест-Литовского договора, американский президент Вильсон перестал рассматривать правительство большевиков как фактически представляющее российский народ и правомочное осуществлять государственное управление и национальную политику. В попытках найти убедительное обоснование возможному вмешательству, вместе с японцами, в российские дела, В. Вильсон наставлял чиновников госдепартамента проводить жесткую грань между русским народом и его правителями: «Русские люди во всех отношениях наши друзья и союзники в борьбе против общего врага», существующий же радикальный режим заслуживает лишь одного — полного игнорирования. «Фактически, — заявил Вильсон, — не существует никакого русского правительства, с которым можно было бы иметь дело. Соединенные Штаты никогда не признавали так называемое советское правительство, а коль скоро так, они не признают и никаких правовых или любых других актов, исходящих от него»¹³². Тем не менее, даже в июле 1918 г. один из наиболее решительных сторонников американской демократии российский дипломат Б.А. Бахметев с горечью констатировал, что американцы, «к сожалению, всегда будут бояться призрака реакции»¹³³.

---

¹³¹ Там же.

¹³² Цит. по: *Мальков В.Л.* Указ. соч. С. 132.

¹³³ *Листиков С.В.* Белые дипломаты о «русской политике» западных держав // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919—1939 гг.: сб. ст. / отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 158.

В прессе стали раздаваться призывы доверить управление «дипломатией войны» Вашингтону, по крайней мере в «русском вопросе». Американский журналист Линкольн Колфорд писал в журнале *Nation* 10 января 1920 г., что 28 февраля 1918 г. Вашингтон разослал длинную телеграмму, заявлявшую, что Япония сделала Америке и союзникам предложение организовать совместное военное выступление в Сибири с целью спасти запасы военного продовольствия во Владивостоке и по Сибирской железной дороге. Однако Япония пошла дальше, настаивая на единоличном выступлении без помощи союзников. Это предложение наткнулось на энергичное сопротивление Вильсона, о котором свидетельствовала его неопубликованная нота (яркий образец военной дипломатии), адресованная японскому правительству.

Нота В. Вильсона от 3 марта 1918 г. – оппозиция интервенции. Речь А. Бальфура – призыв к интервенции?

3 марта 1918 г. В. Вильсон ознакомил британского, французского, итальянского и японского посланников со своей нотой. Опубликована она, однако, не была, и никаких сведений о ней не проникало в печать вплоть до 21 февраля 1920 г., когда она появилась в американском журнале *Nation*. Нота была послана американскому послу в России Д. Фрэнсису, однако он не знал, кому нота была предназначена, и переслал ее полковнику Робинсу, чтобы тот довел выдержки из нее до сведения советского правительства. Посылая ноту, посол сопроводил ее следующим замечанием: «Я не могу определить, кому она предназначалась и кому была передана, но нота излагает нашу политику по вопросу о японском вторжении. Нота эта была прочтена в Вашингтоне 3 марта помощником секретаря иностранных дел Полком на обеде посланников французского, английского и итальянского»¹³⁴. Робинс сохранил у себя этот документ и огласил его лишь в середине 1919 г. по настоянию образованной в то время Сенатом комиссии по расследованию «русского вопроса».

В ноте сообщалось, что американское правительство вполне сознает опасность анархии, угрожающей сибирским провинциям, и риск германского вторжения, однако разумность интервенции для него сомнительна. Вот если бы было дано заверение, что интервенция принята Японией, как союзником России, в ее интересах и с целью

¹³⁴ АВП РФ. Ф. 56-б. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 76.

ее безопасности от Германии, а иначе Центральные державы могли бы представить дело так, что Япония делает на Востоке то, что Германия — на Западе. По мнению Соединенных Штатов, интервенция породила бы возмущение в России и встретила бы одобрение со стороны врагов русской революции, по отношению к которой правительство США питало горячие симпатии, несмотря на несчастья, ставшие следствием революции. Правительство Соединенных Штатов «еще раз желает выразить японскому правительству свое наиболее теплое и дружеское доверие и еще раз просит принять его это суждение, выраженное по праву откровенной дружбы»¹³⁵. Характеризуя ноту, Колфорд писал, что она против интервенции, так как вмешательство лишь усилило бы крайне революционные элементы России и противоречило бы демократическим целям, компрометируя моральную позицию США. В связи с этим в ноте было заявлено, что Америка против японской интервенции в Сибири, даже если бы Япония могла заявить о нарушении политической и территориальной целостности России.

Этой нотой, в случае ее своевременной публикации, Вильсон вызвал бы протест против интервенции; его аргументы были бы приняты либеральными кругами в Японии как официальная американская точка зрения. По-видимому, именно поэтому нота опубликована не была. Интервенционная кампания нарастала. Английская *Daily Mail* 5 марта 1918 г. писала: «Союзники должны пригласить Японию войти в Сибирь, захватить Сибирскую дорогу и богатые области, лежащие восточнее Урала, создать из Азиатской России противовес России Европейской. Каждый день промедления выполнения такого плана является потерей для жизненных интересов и союзников, и Японии». Днем раньше корреспондент *The Times* телеграфировал из Вашингтона, что сообщение из Берлина о заключении мира с Россией было встречено здесь общим стремлением немедленно заключить соглашение между союзниками и Соединенными Штатами о японском выступлении, полагая, что как только соглашение будет достигнуто, последует и официальное заявление. Но появилось оно лишь полгода спустя, после того как была побеждена оппозиция Вильсона. К 7 марта 1918 г. негативное отношение Соединенных Штатов к интервенции определилось совершенно ясно. Газета *The Globe*, сторонница интервенции, еще 2 марта писала, что японское выступление откладывается «благодаря безумию союзной дипломатии». Но кампания «за интервенцию» приняла такой размах, что несмотря на «подводный

---

¹³⁵ Там же. Л. 77.

камень» — вильсоновскую ноту, она не прекратилась, пока не привела к заявлениям Р. Сесиль — 9 марта и А. Бальфура — 14 марта 1918 г.

Лорд Сесиль 9 марта и Бальфур 14 марта, зная о ноте Вильсона против вмешательства в русские дела, высказались за интервенцию, которую весьма настойчиво желала Франция, и к которой довольно безразлично относилась Италия. Но началу интервенции препятствовало не столько несогласие США, сколько германское наступление на Западном фронте в конце марта 1918 г. Среди других факторов следует отметить как недоверие Америки к Японии, так и невозможность Великобритании в связи с общим военно-политическим положением оказывать давление на Японию. Последняя, в свою очередь, не решалась выступить самостоятельно из-за внутривосточных трений и сложных отношений с Китаем. Для советского правительства угроза интервенции со стороны Японии была столь же тяжела, как и со стороны Германии.

«Русское посольство» в Париже (В.А. Маклаков) в адресованной министру иностранных дел С. Пишону ноте, сообщило, что не признает Брестского мира. *Matin*, комментируя ноту, писала, что в случае создания где-либо в России правительства, не признающего мира с Германией, важно, чтобы Франция и Антанта объяснили России истинное значение японской интервенции. 8 марта *The Times* значение это разъяснила: японская интервенция важна, поскольку она не ограничивается занятием Владивостока и прилегающих местностей, ставит своей целью продвижение по Сибирской железной дороге и делает японскую армию своеобразным сборным пунктом для всех здоровых элементов России.

Роберт Сесиль, выступая с речью 9 марта 1918 г., сделал заявление, что был бы счастлив, если бы Япония предприняла необходимые шаги в своих интересах и интересах союзников, для предотвращения германизации России. Оратор не сомневался, что если Япония возьмет на себя обязанность предотвратить проникновение Германии на Восток, то выполнит его лояльно и по-деловому. Вопрос о том, насколько далеко зайдет Япония, Сесиль обсуждать отказался. По поводу опасения, что из-за японской интервенции Россия может быть перетянута на сторону Германии, он заявил, что много влиятельных русских деятелей горячо высказываются за планы японской помощи против германского нашествия¹³⁶. Это заявление носило довольно сдержанный характер, Сесиль подчеркивал, что выражает личную точку зрения.

---

¹³⁶ Там же. Л. 98.

Очевидно, к тому времени выяснилось, что сопротивление Вильсона не позволит дать Японии «мандат на выступление» от имени всех союзников, без Америки пойти на такой шаг союзники не решились.

Главная борьба по вопросу быть ли интервенции, велась не в Токио, где Япония этот вопрос для себя уже решила, не в Вашингтоне и не в Париже, так как Франция без всяких условий соглашалась на японскую интервенцию, а в Великобритании, которая не могла не учитывать позицию Соединенных Штатов.

14 марта 1918 г. Бальфур сделал заявление в палате общин, в котором признавал, что окончательное решение пока принято быть не может: «Если Япония выступит, то только в качестве друга России для того, чтобы предохранить Россию от германского предательства. Россия лишена сейчас всякой силы сопротивления, германское проникновение губительно для самой России, и опасно для союзников»¹³⁷. Россия всегда была страной сюрпризов, и она остается ею и в настоящий момент, сказал министр иностранных дел. «Чего боимся мы всего больше для России? Лично я боюсь следующего: под импульсом великой революции социальный порядок был потрясен до основания, и случилось много несчастий и преступлений. Я полагаю, что в интересах Германии продолжать и усиливать это состояние беспорядка. Что явится результатом этого? Результатом явится то, что в России, в стране, где чувство национального единства очень слабо, появятся круги, которые — одни из патриотических мотивов, другие — из эгоистических — будут приветствовать всех тех, кто даст им призраки устойчивого правительства. Я полагаю, что когда придет должный момент, Германия открытыми и тайными методами осуществит свою власть в России, и восстановит там в старой или новой форме прежнее самодержавие, и тогда все наши надежды на развитие свободы в России должны будут исчезнуть. Россия под властью правительства, созданного Германией, будет лишь эхом центральных держав»¹³⁸. Союзники, как было сказано, желали дать России помощь и симпатию, а не вторжение и грабеж. Бальфур выступил также против высказываний о нечестности и эгоистичности мотивов выступления Японии; назвав единственной целью Великобритании желание видеть Россию сильной и невредимой, безопасной и свободной.

Комментируя речь Бальфура, английская пресса отметила два основных момента: призыв к интервенции и намек на препятствие

---

¹³⁷ Там же. Л. 104—107.

¹³⁸ Там же. Л. 105.

на ее пути. Был сделан вывод, что союзники еще не пришли к соглашению по вопросу о японской интервенции. Между тем, пришло время использовать громадные японские резервы для оказания помощи России, при этом Япония не должна была действовать внезапно, по своему собственному усмотрению; и должна она была войти в Россию с согласия не только всех союзников, но и здоровых элементов России¹³⁹. Бальфур не высказал открыто, а лишь намекнул на возможность выступления Японии, предварительно давшей гарантию территориальной целостности России. Аргументы за военную интервенцию союзников, как отмечалось в печати, зависели от предположения, что Россия без этой интервенции бессильна сопротивляться Германии. Есть только один путь, которым может быть спасена Россия, писала, например, *Daily Chronicle*: союзники должны сражаться за нее, даже если это повлечет за собой союзную оккупацию русской территории, при этом должно быть ясно, что оккупация в интересах самой России. *Daily News* сомневалась, однако, в том, что это может быть ясно: «Есть достаточно фактов, доказывающих, что в России японское выступление будет трактоваться, как шаг ничем не оправданный и не вызванный необходимостью, особенно, если учесть, что существует две точки зрения на этот вопрос, как в самой Японии, так и у ее союзников»¹⁴⁰. Далее газета развивала тему скорейшего создания Лиги Наций, указывая, что если и должно произойти занятие русской территории, то под эгидой Лиги Наций, а не Японии.

После заключения Брестского мира отпала необходимость даже формального международно-правового обоснования японской интервенции. Помощник британского военного атташе в Пекине отмечал, что «если Японии не будет предоставлена свобода рук в определенной части Дальнего Востока, то существует опасность, что она способна перейти на сторону врага (то есть Германии)». И далее: «С Россией, немощно-нейтральной между ними, Япония и Германия составили бы чрезвычайно сильную комбинацию, которая явилась бы угрозой всем владениям союзников (имеются в виду Англия и Франция) в Азии и даже в Австралии»¹⁴¹.

---

¹³⁹ Там же. Л. 107.

¹⁴⁰ Там же. Л. 108.

¹⁴¹ Цит. по: *Сергеев Е. Ю.* Британская политика в Восточной Азии накануне и после Вашингтонской конференции // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919—1939 гг.: сб. ст. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 291.

В Лондоне в то время больше слушали не Локкарта, а своего бывшего военного представителя в России генерала Нокса, который исключал сотрудничество с Советами.

Нота Л.Д. Троцкого от 5 марта 1918 г.: приемлемость интервенции?

В начале марта 1918 г. НКВД, возглавляемый Г.В. Чичериным, на которого были возложены полномочия наркома по иностранным делам, вместе с правительством страны и другими государственными учреждениями переехал в Москву из-за возникшей угрозы наступления немецких войск на Петроград. 5 марта, в разгар борьбы за ратификацию Брестского мира, советское правительство приняло демарш, направленный на предотвращение японской интервенции и одновременно с целью установления деловых отношений со странами Антанты. В ноте, переданной Троцким Робинсу, запрашивалось: может ли советское правительство рассчитывать на поддержку в его борьбе против Германии и в какой форме она может быть оказана, в случае, если Всероссийский съезд Советов откажется ратифицировать мирный договор с Германией, или если германское правительство, нарушив договор, возобновит наступление, или если советское правительство вынуждено будет из-за действий Германии отказаться от мирного договора и возобновить военные действия¹⁴². «Какого рода поддержка может быть оказана самими США, если бы Япония в силу открытого или тайного соглашения с Германией или без такого соглашения попыталась захватить Владивосток и Восточно-Сибирскую железную дорогу, что угрожало бы отрезать Россию от Тихого океана, и серьезно помешало бы сосредоточению советских войск на Урале». В связи с этим запрашивалось, какие шаги будут предприняты другими союзниками, в частности США, для предупреждения японской высадки на Дальнем Востоке и для обеспечения непрерывных сношений с Россией по Сибирской дороге. Спрашивалось и о возможной помощи со стороны Великобритании через Мурманск и Архангельск. Все эти вопросы были обусловлены предположением, что «внутренняя и внешняя политика Советского правительства будет как и раньше направляться в соответствии с принципами интернационального социализма и что Советское правительство сохранит

---

¹⁴² ДВП СССР. Т. 1. С. 208—209.

свою полную независимость ото всех несоциалистических правительств»¹⁴³.

Р.Ш. Ганелин пишет, что Робинс попросил свидания с Лениным с тем, чтобы от него самого услышать обращение советского правительства к правительствам Антанты и США и получить его в письменном виде из рук Председателя Совета Народных Комиссаров¹⁴⁴. В тот же день состоялась встреча американца с Лениным, который одобрил английский перевод текста документа. Эта нота была передана Фрэнсису 5 марта для отправки ее в США. Позиция Вильсона в определенной степени совпадала с позицией, изложенной в ноте Троцкого. Но ответа на советскую ноту получено не было.

Робинс ознакомил с нотой Троцкого Локкарта, который послал в Лондон сообщение о том, что Троцкий уведомил его о возможном объявлении 12 марта на съезде Советов священной войны Германии, или о таком шаге, который сделает неизбежным объявление войны со стороны Германии. Однако для успеха подобной политики был необходим хотя бы намек на поддержку со стороны союзников. Но если союзники позволят Японии занять Сибирь, то положение, по мнению английского представителя, станет безнадежным: японская интервенция в Сибири после окончания войны вооружит против союзников все русское население. Те же предостережения были им высказаны и о планах Великобритании занять Архангельск и Мурманск. Опасаясь, что результатом таких шагов, в случае если они будут предприняты, явится усиление германского влияния в России и разрушение всех надежд на сопротивление со стороны русских, Локкарт с тревогой писал, что германские условия мира предоставили союзникам шанс на популярность в России, и если они позволят Японии войти в Сибирь, то аннулируют выгоды своего положения. Локкарт просил английское правительство не оставлять без внимания появившиеся возможности, предоставив ему полномочия «осведомить Ленина, что вопрос о японской интервенции отложен, что мы убедим Китай снять запрещение с подвоза продовольствия, что мы готовы поддерживать большевиков постольку, поскольку они будут сопротивляться Германии, и что мы предлагаем им осведомить их насчет наилучших способов оказания помощи. Взамен этого есть все шансы, что война Германии будет объявлена, и что она возбудит в России энту-

---

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 171.

зиализм»¹⁴⁵. Ответ на эту телеграмму со стороны английского правительства получен не был.

5 марта 1918 г. корреспондент английских газет Гарольд Вильямс, который, по словам Робинса, был конфиденциальным агентом британского правительства, послал в Лондон Ллойд Джорджу и в газету *Daily Chronicle* сообщение, что особенности революционной тактики большевиков не позволяют им принять мир с Германией как окончательный; на съезде Советов будет сильная агитация в пользу священной войны с Германией. Это движение может стать ядром подлинного национального сопротивления; а поскольку большевики — единственная партия, обладающая в России действительной силой, они могут помочь национальному возрождению. Слухи же о предполагаемой интервенции в Сибири увеличивают чувство унижения всего русского населения, перенося гнев с немцев на союзников¹⁴⁶. От Ллойда Джорджа Вильямс ответа не получил. Газета сообщение не напечатала.

9 марта 1918 г. Фрэнсис, обеспокоенный усилением слухов об интервенции, не получив ответа от американского правительства, посылает две другие телеграммы. Первая телеграмма: «Я опасюсь, что если съезд ратифицирует мир, то это явится результатом угрозы японской оккупации Сибири. Троцкий заявил Робинсу, что ни правительство, ни русский народ ничего не имеют против американского наблюдения над всеми отправлениями товаров из Владивостока в Россию, а также ничего не имеют против фактического контроля над Сибирской железной дорогой. Вместе с тем Троцкий сказал, что Япония, естественно, убьет возможность сопротивления Германии и может сделать из России германскую провинцию. По моему мнению, японское наступление явится сейчас до последней степени неумным. Я посылаю эту телеграмму специально для того, чтобы Вы употребили все свое влияние для его предотвращения»¹⁴⁷. В следующей телеграмме он сообщает о безумии японской интервенции, несмотря на возможность ратификации съездом Брестского мира. «Если Россия получила заверение от Вас, что угрозы японской опасности не существует, я считаю, что съезд Советов откажется ратифицировать этот мир. Советское правительство является единственной силой, которая в состоянии оказать сопротивление германскому преступлению»¹⁴⁸.

¹⁴⁵ АВП РФ. Ф. 56-б. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 117—118.

¹⁴⁶ Там же. Л. 119.

¹⁴⁷ Там же. Л. 120.

¹⁴⁸ Там же.

Первая из этих телеграмм показывала, что официальный аргумент в пользу интервенции (необходимость контроля Сибирской железной дороги) не выдерживал никакой критики, так как русское правительство само предлагало союзникам осуществлять подобный контроль. Насколько эффективной могла бы быть помощь союзников России в тот момент и могла ли она действительно парализовать опасность германского проникновения в Сибирь, свидетельствует цитата из письма Ж. Садуля Альберу Тома 7 мая 1918 г. о беседе в Вологде в начале марта с Фрэнсисом, заверившем его в том, что японская интервенция должна быть задержана, ограничена и не должна носить антирусский характер. «Соединенные Штаты, по словам Фрэнсиса, помогали большевикам продовольствием, посылали офицеров и инструкторов и даже отправили несколько дивизий. Группа железнодорожных специалистов должна была помочь организации транспорта. Американское правительство должно официально протянуть руку русскому народу, и признать, по меньшей мере фактически, советское правительство»¹⁴⁹. По мнению Садуля, без помощи союзников большевики ничего не могли сделать. «Мы можем предоставить в их распоряжение специалистов, чтобы подготовить на всем фронте защиту и разрушение, в случае необходимости, железнодорожных путей, — писал он. — Эти специалисты могут помочь эвакуировать жизненные припасы и военные снаряжения из тыла, и также из Петрограда и Москвы, для реорганизации русской армии. Кроме того наши специалисты могут помочь образовать новую добровольческую армию»¹⁵⁰. Однако планы сотрудничества, о которых Садуль писал в своем письме, остались только на бумаге.

Но если в переговорах с миссией США речь зашла уже о составлении конкретных планов, а американский представитель настоятельно доказывал своему правительству вред японской интервенции и необходимость помощи России, как, впрочем, и английский представитель, то в отношениях с Францией ничего подобного не было. Письма Садуля к Тома остались без ответа; позиция Садуля не встретила сочувствия посла Нуланса, который угрожал отослать его во Францию.

По свидетельству Гольденберга, эти материалы показывали, что интервенционные заявления Сесилия и Бальфура были ложными,

---

¹⁴⁹ Там же. Л. 121.

¹⁵⁰ Там же.

поскольку в них утверждалось, что интервенция если и будет принята, то только в интересах России¹⁵¹. 20 января 1920 г. американский журналист Линкольн Колфорд в журнале *Nation* писал, что никакой логической связи между японской интервенцией в Сибири и положением в Европейской России не было: Ленин мог подписать дюжину мирных договоров, германские армии — занять Москву, но Япония из Владивостока не смогла бы этому воспрепятствовать, так же, как Германия не могла угрожать Японии. Японская интервенция — это одно, а германская угроза — другое; и ничего общего они не имели. Единственной возможностью предотвратить подписание мира и парализовать угрозу занятия германскими войсками Москвы было оказание помощи Советской России, на что на известных условиях было согласно советское правительство. Союзники, зная об этом, помощи не оказали — более того, приложены были все усилия к тому, чтобы японская интервенция осуществлялась. Об этом было официально заявлено державами Антанты в начале августа 1918 г., период же с 15 марта по август стал временем, когда подготовка интервенции велась не столько на Западе, сколько в самой России. Этапами ее были владивостокский десант в апреле 1918 г., мурманское соглашение и чехословацкое восстание.

В союзнических кругах шли ожесточенные споры по вопросу о японской интервенции, которая обосновывалась необходимостью защиты от Германии Дальнего Востока. В советской ноте от 5 марта 1918 г. говорилось о защите всей России. Но если союзники имели в виду интервенцию Японии против советского правительства под предлогом борьбы с Германией, то большевики намекали на приемлемость интервенции совершенно другого рода — со стороны Соединенных Штатов и Англии против Германии при условии невмешательства во внутренние дела России¹⁵². Ответа на ноту Троцкого получено не было. Нельзя не согласиться с Ю. Фельштинским в том, что для Ленина «бумажный» ответ Антанты на «бумажную» же советскую ноту от 5 марта мог иметь какое-либо значение, даже если бы этот ответ был составлен в самых обнадеживающих выражениях¹⁵³. В США, правда, равносильным ответу на советскую ноту от 5 марта посчитали обращение В. Вильсона к IV чрезвычайному Съезду советов, в котором выражалось сочувствие русскому народу в тот момент, когда «Германия ринула свои

---

¹⁵¹ Там же. Л. 124.

¹⁵² Там же. Л. 116.

¹⁵³ Фельштинский Ю.Г. Указ. соч. С. 300.

вооруженные силы в глубь страны с тем, чтобы помешать борьбе за свободу и уничтожить все ее завоевания и вместо воли русского народа осуществить замыслы Германии»¹⁵⁴. Но слова американского президента об отсутствии возможности правительства США в данный момент оказать России непосредственную и деятельную поддержку означали отказ проявить это сочувствие на деле.

Нота советского правительства от 5 марта 1918 г. не привела к отказу от ратификации Брест-Литовского мира или к согласию на «интервенцию по приглашению». 15 марта 1918 г. Брестский договор был ратифицирован большинством голосов делегатов съезда: 784 делегата проголосовали — за, 261 — против, 115 — воздержались¹⁵⁵. 26 марта он был ратифицирован Германией. Формально договор включал в себя признание Советской Республики де-юре другими участниками, что стало неизбежным следствием заключения мира.

Германия, став первой державой, установившей дипломатические отношения с Советской Россией, то есть признавшей большевистский режим де-факто и де-юре, первой и нарушила Брестский мир. Продолжалось «состояние войны, при формально заключенном мире»¹⁵⁶. Воспользовавшись тяжелейшим внутренним (с весны 1918 г. в России проводилась политика военного коммунизма) и международным положением Советской России, Германия продвигалась все дальше на восток от согласованной в Бресте границы. Отсутствие твердо установленных границ между Россией и Украиной, фактически оказавшейся под германской оккупацией, привело в апреле 1918 г. к вторжению немецких войск в пределы Курской, Орловской и Воронежской губерний. В мае ими был захвачен Крым, шло активное продвижение к Северному Кавказу. Значительные силы германской армии оставались в Прибалтике, создавая потенциальную угрозу с юго-запада Петрограду. С северо-запада Советской России угрожали германские войсковые соединения вместе с белофинскими частями, продвигавшиеся в глубь Карельского перешейка. В результате подписания Брестского мира между Советской Россией и Германией на Северо-западе России в зону германской оккупации попали: Ковенская и Виленская губернии, Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, частично территория Псковского, Островского, Опочецкого и Гдовского уездов Псков-

---

¹⁵⁴ ДВП СССР. Т. 1. С. 212.

¹⁵⁵ Стенографический отчет 4-го Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. М., 1920. С. 64.

¹⁵⁶ ДВП СССР. Т. 1. С. 312.

ской и Петроградской губерний. Управление этими территориями осуществлялось командованием 8-й германской армией и ее командующим генерал-фельдмаршалом Г. фон Кирбахом, штаб которого располагался в Ковно¹⁵⁷.

Оценивая Брестский мирный договор, С. Случ выделил два наиболее существенных момента: первое — обе стороны были заинтересованы в прекращении войны на Восточном фронте, второе — с обеих сторон договор являлся только средством, а не целью. Однако в отличие от Ленина, делавшего ставку на трудно достижимую, но реальную цель — удержание и упрочение власти, германское руководство в 1918 г. ориентировалось на цель явно ирреальную — достижение победы на Западе¹⁵⁸. По мнению исследователя, Ленин и большевистский режим получили от Брестского мира значительно больше, чем можно было предположить, а кайзеровская Германия, напротив, — значительно меньше, а именно: возможность продлить на какое-то время войну на Западе, вывезти некоторое количество продовольствия из находившихся под ее контролем областей (прежде всего Украины).

После Бреста: Россия, Германия, союзники

16 апреля 1918 г. в газете «Псковский вестник» было помещено распоряжение германского командования «о взносе местными жителями недоимок по сбору налогов 1916—1917 г. в канцелярию управления 5-й дивизии». НКВД в связи с этим просил германское правительство «указать командованию всех войск, стоящих на русской территории, на неправильность подобного рода действий, происходящую вследствие того, что германские войска до сих пор руководствуются правилами военной оккупации, допускающей взимание налогов и наложение реквизиций. С момента заключения мирного договора подобного рода действия являются неправильными»¹⁵⁹. Ранее, 21 марта, Комиссариат по иностранным делам заявил о том, что из неизвестных источников систематически распространялись провокационные, ни на чем не основанные

---

¹⁵⁷ Смолин А. В. Немецкие войска в Прибалтике и Белое движение в условиях окончания Первой мировой войны // Россия и Германия в системе международных отношений: через века истории. СПб., 2012. С. 140.

¹⁵⁸ Случ С. З. Указ. соч. С. 31.

¹⁵⁹ АВП РФ. Ф. 56-б. Оп. 1. Д. 12. П. 2. Л. 2.

слухи, будто Германия намерена и имеет право по договору создать контрольные комиссии в разных городах России. Договором предусматривалось образование германо-русских комиссий для урегулирования обмена военнопленными, обоюдного возмещения убытков, обоюдного возвращения захваченных кораблей, для пересмотра договоров и для проведения на местах пограничной линии. Создания каких-либо контрольных комиссий в договоре предписано не было, «и никогда Советская власть не согласилась бы на такое вторжение в ее внутреннюю жизнь и независимость»¹⁶⁰. Несмотря на опровержение, подобные слухи продолжали распространяться; говорили даже, что в Петрограде заседает контрольная комиссия под председательством графа Фредерикса и без ее разрешения выезд из Петрограда запрещен.

4 апреля 1918 г. Чичерин протестовал против занятия украинско-германскими войсками Курской губернии, бесспорно, русской территории¹⁶¹. 17 апреля была получена радиотелеграмма германского правительства о том, что отдельные части Русского Черноморского флота произвели нападение на военно-морские силы союзников у Херсона, так же как и у Кавказского побережья, показав тем самым, что «не считают себя связанными с заключенным между Россией и союзниками мирным договором, предписывающим в ст. 5-й неподвижное пребывание или же разоружение всех русских военных судов. Будучи озабочены безопасностью своих собственных военно-морских сил союзные державы не могут требовать такого отношения со стороны русских командиров, но должны требовать применения ст. 5-й мирного договора также и ко всем военным судам Русского Черноморского флота, даже в том случае, когда эти суда перешли из государственного верховенства России в какое-либо другое государственное верховенство, распространяющееся на бывшие российские территории»¹⁶². Русское Правительство просили немедленно «принудить суда бывшего Черноморского флота, которые находились в сфере его власти или на владение которыми оно заявляло притязание», к исполнению указанной статьи заключенного с Россией мирного договора. В противном случае после 20 апреля эти суда должны были рассматривать как враждебные.

На Украине считали, что Германия грабит ее продовольственные запасы, в России царило всеобщее убеждение, что голод и недоста-

---

¹⁶⁰ Там же. Л. 1.

¹⁶¹ Там же. Ф. 028. Оп. 1. Д. 59453. П. 102. Л. 3.

¹⁶² Там же. Л. 6.

ток топлива являются следствием германской оккупации Украины. Союз с Украиной становился краеугольным камнем политики Германии в отношении России. Захват немцами Крыма вызвал протесты как Москвы, не считавшей Крым частью союзной с Германией Украины, так и Турции, имевшей на него свои виды. 21 апреля 1918 г. Чичерин в радиотелеграмме в Берлин (в связи с запросом МИД Германии в адрес местной власти Крыма о национальном флаге), подчеркнув, что Таврическая Республика это составная часть РСФСР, выразил уверенность в том, что «Германское правительство не будет в нарушение Брестского договора оказывать давление на часть Советской Республики в смысле отделения этой части»¹⁶³. Днем позже нарком отправил сообщение в МИД Германии о том, что по полученному донесению, германо-украинские войска перешли Перекоп и направляются к Симферополю; между тем, даже по одностороннему заявлению Украинского правительства Крым в пределы Украинской Народной Республики не включен. Таким образом, продвижение в Крым — существенное нарушение Брестского договора, так как является вторжением в пределы Советской республики, которое угрожает российскому Черноморскому флоту, что может привести к столкновениям. Народный Комиссариат Иностранных Дел выразил надежду, что дальнейшее продвижение войск в Крыму будет приостановлено¹⁶⁴. Продвижение своих войск немецкий посол объяснил случайными пограничными инцидентами.

28 апреля 1918 г. правительство Украины было арестовано немцами. Германия, не заинтересованная в сохранении руководства, саботировавшего, по ее мнению, выполнение продовольственных соглашений, совершила на Украине государственный переворот, приведя к власти правительство гетмана П.П. Скоропадского, придерживавшегося откровенно прогерманского курса. Военная политика Германии на Украине была подчинена продовольственным целям, а заключенный ею мир с Радой, скорее, был «хлебный», нежели политический.

17 мая 1918 г. Чичерин сообщил в Берлин полномочному представителю Советской России в Германии А.А. Иоффе о посланном графу В. фон Мирбаху письме, в котором говорилось, что немецкие военные власти на Донском фронте категорически отказались заключить соглашение о приостановке военных действий,

---

¹⁶³ Там же. Л. 7.

¹⁶⁴ Там же. Л. 9.

несмотря на сделанное им предложение и вопреки заявлениям германского правительства. В связи с тем, что российские делегаты ожидали открытия 22 мая переговоров с правительством Скоропадского, никаких оправданий для отказа от заключения перемирия на Донском фронте, по мнению наркома, не было¹⁶⁵. Советское правительство считало недопустимым и блокирование Новороссийска германскими подводными лодками. 24 мая 1918 г. Чичерин телеграфировал Иоффе, что германские подводные лодки в Ледовитом океане и Белом море обрекали на голодную смерть всех поморов, живущих рыбой и морской торговлей; даже хлеб по уездам там развозили морем. В связи с этим ожидалась голодные бунты северного Поморья с «резким подъемом настроения против германцев»¹⁶⁶. В конце мая Иоффе известили, что, по сведениям Мирбаха, генерал Краснов обращался в Киеве к германским представителям А. Мумму и Г. фон Эйхгорну, предлагая им свои услуги и прося денег и людей для занятия Донской области и для похода на Москву, но что «по сношению с Берлином ему было в этом категорически отказано и он перешел на противоположную ориентацию и уже по имеющимся сведениям получает деньги от Англии. Также по этим сведениям получает деньги оттуда и Дутов»¹⁶⁷. Возвращаясь к проблеме флота, Чичерин сообщал, что после оккупации Севастополя германскими войсками суда Черноморского флота обязаны были уйти в русскую гавань, они ушли в Новороссийск. Возвращение судов в Севастополь означало бы полную капитуляцию Черноморского флота. Между тем, правительство Германии, ссылавшееся на Брестский договор, оккупировало Крым вопреки этому договору и вопреки своему заявлению от 26 марта, что Крым не входит в состав Украины. «Факт же нахождения русского флота в русской гавани (Новороссийск) не представляет никакой опасности для германского флота, согласуется с Брестским договором и не дает германцам права на занятие русской территории; такие действия, наоборот, вызывают у населения убеждение, что германские власти пользуются не поддающимися проверке слухами и опасностями, чтобы занимать нашу территорию в полном противоречии с состоянием мира между Германией и Россией»¹⁶⁸. Иоффе просили еще раз довести до правительства Германии совет-

---

¹⁶⁵ Там же. Л. 14.

¹⁶⁶ Там же. Л. 25.

¹⁶⁷ Там же. Л. 45.

¹⁶⁸ Там же. Л. 71.

ское заявление, добиваясь прекращения ведения всяких военных действий; обратить особое внимание Берлина на тревогу народных масс в связи с известиями о якобы предстоящем разрыве отношений между Германией и Россией. 6 июня Чичерин послал в Берлин Иоффе телеграмму с сообщением о том, что Россия отдает свои военные суда Германии до заключения мира, а Германия в обмен признает за Советами право на этот флот и дает обязательство «не пользоваться этими судами»¹⁶⁹. 19 июня, подчиняясь очередному ультиматуму Германии, советское правительство перевело из Новороссийска в Севастополь часть своих судов для сдачи Германии¹⁷⁰.

Уступки советского правительства делегитимизировали большевистский режим в глазах политически активного класса больше, чем отмена демократии и частной собственности, и в итоге привели к появлению организованной оппозиции¹⁷¹. В марте 1918 г. либералы и консерваторы основали Правый центр. Члены этой организации начали переговоры с посольством Германии, стараясь убедить Берлин прекратить поддержку большевистского режима. 23 апреля 1918 г. в Москву прибыл назначенный послом Германии граф Вильгельм фон Мирбах. (Полномочным представителем Советской России в Германии, как уже сообщалось, был противник Брестского мира левый коммунист А.А. Иоффе, который считался одним из лучших советских дипломатов и экспертом по Германии.) Переговоры с Правым центром вел советник К. Рицлер. 20 июня 1918 г. Мирбах сообщил рейхсканцлеру Г. фон Гертлину о том, что его приемная заполнена русскими гражданами, которые просят Германию свергнуть большевиков. Однако Министерство иностранных дел предписывало ему поддерживать большевистский режим и политически, и деньгами, к тому же серьезного внимания эти просители, по мнению фон Мирбаха, не заслуживали. Но он сохранял контакт с ними для того, чтобы «предотвратить объединение антигерманских элементов, а также чтобы подготовиться к иному развитию событий в случае краха большевистского режима»¹⁷². Мирбах и Рицлер в частном порядке высказывали сомнения относительно жизнеспособности советского режима. Так, 25 июня Мирбах сообщил министру иностранных дел Р. фон Кюльману, что советский режим «тяжело болен», и если он падет, то просо-

¹⁶⁹ *Фельштинский Ю.Г.* Указ. соч. С. 350.

¹⁷⁰ Там же. С. 352.

¹⁷¹ *Пайнс Р.* Указ. соч. С. 53.

¹⁷² Там же. С. 53.

юзнически настроенные эсеры вместе с антисоветским корпусом чехословацких легионеров вернут Россию в ряды противников Германии. Он предлагал работать с кадетами и консервативными октябристами, чтобы предотвратить такую возможность. Однако предложения посла оказались настолько неприемлемыми для кайзера, что он собирался отозвать Мирбаха из Москвы. Посольство Германии не поддержало прогермански настроенных членов Правого центра, который вскоре распался: его место в мае — июне 1918 г. занял Национальный центр, ставший наиболее эффективной из всех антибольшевистских политических организаций¹⁷³. В апреле 1918 г. левые партии создали на антигерманской и просоюзнической платформе «Союз возрождения России», членами которого были такие социалисты, как А.Н. Потресов, В.Н. Розанов, В.О. Левицкий-Цедербаум и В.А. Мякотин. Своей задачей Союз ставил «воссоздание русской государственной власти, воссоединение насильственно отторгнутых от нее областей и защиту ее от внешних врагов»; в переговорах с союзниками обсуждалось прежде всего их предложение о переброске войск на российскую территорию для открытия Восточного фронта¹⁷⁴.

Если бывшие союзники пытались расстроить германо-советский блок, то посол Германии Мирбах в своей деятельности основное внимание уделял предотвращению соглашений правительства большевиков со странами Антанты. Его приезд в Россию совпал по времени с переворотом на Украине, с занятием германскими войсками Финляндии, с продвижением немецких войск восточнее линии, очерченной Брестским договором. 26 апреля 1918 г. при вручении верительных грамот германского посла, которое проходило в весьма холодной простой обстановке, советское правительство дало понять Мирбаху о своем недовольстве; граф, в свою очередь, сообщил рейхсканцлеру Г. Гертлингу, что первой причиной осложнений послужило германское наступление на Украине¹⁷⁵.

16 мая 1918 г. состоялась встреча Мирбаха с Лениным, который сказал, что до действительного мира далеко, но угрожать возможной переориентацией советской внешней политики в сторону бывших союзников не стал. Ленин вынужден был признать, что число его противников растет, даже в собственной партии, где сформировалось левое крыло. Оппоненты Ленина по партии, а также их

---

¹⁷³ Там же. С. 54.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ *Фельштинский Ю.Г.* Указ. соч. С. 418.

бывшие союзники по правительственной коалиции — левые эсеры требовали разорвать Брестский договор и вступить в войну с Германией. Однако к разрыву советско-германских отношений не привело даже совершенное эсером Я.Г. Блюмкиным ¹⁷⁶ 6 июля 1918 г. в Москве убийство немецкого посла Мирбаха, поскольку Брестский мир отвечал интересам обеих сторон: для Германии — как шанс на успешное завершение мировой войны, для Советской России — как жизненная необходимость в условиях разгоравшейся Гражданской войны и вмешательства в нее союзных держав. Но и стать основой нормальных отношений между странами Брестский договор, конечно, не мог. Обе стороны рассматривали этот договор как тактический и временный. Террористы задержаны не были, однако ряд косвенных улик говорил о том, что о намеченном на 6 июля теракте знал и Ф.Э. Дзержинский¹⁷⁷, временно снятый с поста председателя ВЧК. По мнению некоторых исследователей, от убийства Мирбаха Совнарком только выиграл: после 6 июля германское влияние на советскую политику ослабло¹⁷⁸. В «июле, — писал Ю. Фельштинский, — когда советская власть переживала серьезнейший кризис, убийство Мирбаха, каким бы это ни казалось странным, облегчало положение ленинского правительства. Со смертью Мирбаха разрубался запутаннейший узел советско-германских отношений и открывалась возможность для ликвидации партии левых эсеров — разрыва второго, не менее запутанного узла большевистско-левоэсеровских связей»¹⁷⁹.

Критика левыми эсерами брестской политики большевиков была резкой: они считали, что из-за подписания мира во внешней политике РСФСР произошел перелом, который вел не просто к территориальным и экономическим потерям, но к гибели страны. В партии большевиков также росло недовольство. Даже наркоминдел Чичерин, стремившийся наладить рабочие дипломатические отношения с немцами, считал, что Германия осталась главным врагом Советской России¹⁸⁰.

---

¹⁷⁶ Кстати, некоторые историки (например, Ю. Фельштинский) считают, что по неясным причинам лавры убийцы германского посла — представителя ревтрибунала Н. Андреева, — террориста, сопровождавшего Блюмкина, были отданы последнему. Подробнее см.: Там же. С. 434.

¹⁷⁷ См.: Там же. С. 449.

¹⁷⁸ Там же. С. 450.

¹⁷⁹ Там же. С. 460.

¹⁸⁰ Чичерин Г.В. Внешняя политика Советской России за два года: очерк, сост. к двухлетней годовщине рабоче-крестьянской революции. М., 1920. С. 7.

В памятной записке германского МИД, датированной началом мая 1918 г., говорилось, что Брест-Литовский мир был ратифицирован только большевиками, а «следовательно в наших интересах, чтобы большевики пока оставались у власти»¹⁸¹. Таким образом, Германия не только не угрожала, но была и заинтересована на время войны в сохранении большевистского режима. Положение правительства большевиков осложнялось еще и тем, что их власть не признавалась на национальных окраинах бывшей Российской империи. С крайним возмущением Брестский мир встретили в Закавказье, где была образована Закавказская Демократическая Федеративная Республика (ЗДФР), принявшая решение о формальном разрыве с Советской Россией и начале собственных переговоров с Турцией. Из-за возникшей угрозы оккупации турками всего Закавказья Россия обратилась к Германии с требованием вмешаться и остановить их. В апреле 1918 г. Германия заключила с Османской империей соглашение, согласно которому в зону турецкого влияния отходил Азербайджан, а Грузия и Армения переходили под контроль Германии. После распада в мае 1918 г. ЗДФР на три независимых государства — Грузию, Армению и Азербайджан, Османская империя заключила с ними мирные договоры, добившись для себя значительных территориальных уступок. В это критическое время большевистская власть перешла от заявлений о демократии «для большинства» к диктатуре военного коммунизма, от терпимости в отношении местного сепаратизма и национального отгораживания к жесткому подчинению национальной и региональной политики задаче восстановления территориальной целостности и централизованному управлению периферией бывшей империи¹⁸².

В российской прессе тех лет часто задавался вопрос, признают ли союзники Новую Россию? 24 мая 1918 г. газета «Известия» писала, что даже расчет дипломатических кругов американского капитала, хорошо ориентировавшихся в положении рынка, доказывает, что они не совсем понимают текущий момент. Признание советской власти они предлагали в случае принятия Россией временной помощи союзников, состоявшей в первую очередь в посылке китайских и японских войск, не понимая того, что Россия нуждалась бы в военной помощи, если бы была в состоянии войны с Германией. «Если русское правительство открыто заявит, что на случай германского

---

¹⁸¹ Случ С.З. Указ. соч. С. 31.

¹⁸² Мальков В.Л. Указ. соч. С. 132.

наступления оно считает возможным принять всякую помощь, то из этого не следует, что оно намерено приглашать “помощь”, дабы вызвать германское наступление», — указывала газета, отмечая также, что не верит в бескорыстность намерений Японии, но и не закрывает глаза на опасность со стороны германского империализма. Русское правительство недвусмысленно заявило германскому, сообщалось далее, что оно, как правительство нейтральной страны, пытается завязать экономические отношения со всеми странами; если союзники не хотят втянуть Россию в войну только для того, чтобы облегчить себе военное положение на Западном фронте, а стремятся действительно ей помочь в столь тяжелом положении, пусть думают о скорой экономической помощи, а не о чем-либо другом.

На Западе ратификацию Брестского договора восприняли как одностороннюю капитуляцию России на условиях Германии, ликвидацию Восточного фронта. После этого говорить о признании советского правительства даже де-факто стало невозможно. Самым неприятным сюрпризом было перевоплощение большевиков из сторонников идеи «свободного самоопределения» народов в поборников централизации и знаменосцев «объединенного движения», что выбило почву из-под ног у традиционных сторонников великодержавия — монархистов, октябристов, кадетов, социал-патриотов и т.д.¹⁸³

Политические круги Антанты, крайне обеспокоенные тем, что Брестский мир значительно облегчал военно-стратегическое положение Германии и Австро-Венгрии, давая им возможность усилить свой потенциал на Западноевропейском и Балканском театрах военных действий, и одновременно выводил из войны бывшего главного их союзника на Востоке — Россию, пришли к выводу о необходимости срочно вмешаться в происходившие там процессы¹⁸⁴. Правда, в статье профессора Академии Генштаба В.Ф. Новицкого (1922 г.) «Военное положение России и Англии в Мировой войне 1914—18 годов» утверждалось, что выход России из рядов воюющих стран, конечно, освободил некоторое количество неприятельских войск и дал немцам возможность перебросить их части во Францию, однако значение этой меры преувеличивалось бывшими ее союзниками и неверно

---

¹⁸³ *Булдаков В.П.* XX век российской истории и посткоммунистическая советология // *Российская империя, СССР, Российская Федерация: история одной страны?* М., 1993. С. 29—30.

¹⁸⁴ *Нежинский Л.Н.* Указ. соч. С. 54.

ставилось в непосредственную связь с Брестским договором¹⁸⁵. Эта переброска началась задолго до договора, как только обнаружилось разложение русской армии, к тому же прибывавшие из России во Францию германские войска, уже значительно «распропагандированные» во время братания с русскими войсками и за время оккупации Украины, способствовали разложению германской армии, а следовательно, по мнению Новицкого, не усиливали, а ослабляли германцев на Западе¹⁸⁶. Во-первых, писал он, «во время переговоров в Бресте наши представители настаивали на включении в мирный договор статьи, воспрещающей нашему противнику использовать для военных действий на Западе те войска, которые к началу переговоров находились на русском фронте». Как известно, подобное запрещение, хотя и весьма кратковременное, удалось ввести в условия перемирия, заключенного между сторонами в декабре 1917 г. Но если того же не удалось добиться при выработке текста мирного договора, то на это повлияли условия, в которых находилась в то время Россия, та трудная обстановка, при которой российским представителям приходилось вести переговоры после февральского наступления германцев в 1918 г. Во всяком случае Россия «ясно обнаружила свое желание не создавать для союзников своим выходом из войны лишних затруднений в борьбе с Германией и не ее, конечно, вина, что объективные, не зависевшие от нее, условия не позволили ей претворить этого искреннего желания в действительность»¹⁸⁷. Во-вторых, не все германские войска, находившиеся на русском фронте, были переброшены на Запад, но войска, переведенные туда, снимались с фронта постепенно. Справедливость этого мнения Новицкий подтвердил словами немецкого генерала Э. Людендорфа о том, что Брестский договор не дал прочного мира на Востоке, и положение там оставалось неопределенным; имелись основания подозревать молчаливое соглашение между Советской Россией и союзниками. Это обстоятельство не позволяло использовать для Западного фронта все войска, находившиеся в России. Силы, которые оставались на Востоке, были еще значительны; Германия имела там лишь хорошо вооруженный мир, говорил Людендорф¹⁸⁸. В-третьих, «переброска германских войск с Восточного на Западный фронт во всем своем объеме не связана с Брестским договором и лишь частично выполнена после этого

---

¹⁸⁵ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 33. П. 2. Л. 49.

¹⁸⁶ Там же. Л. 95.

¹⁸⁷ Там же. Л. 49—50.

¹⁸⁸ Там же. Л. 50.

договора, — писал Новицкий. — Перевозка этих войск началась уже с того времени, когда немцы убедились, что наша разлагающаяся армия не представляет собой опасного противника, и непригодна к активным действиям»¹⁸⁹. Наконец, в-четвертых, прибытие германских войск из России не могло существенно увеличить боевую мощь Германии на Западном фронте, потому что «в большинстве случаев они уже потеряли немалую долю своей боеспособности и были близки к разложению. Продолжительное бездействие на русском фронте, частое братание с разложившимися русскими войсками и негативное влияние военной оккупации Украины, все это должно было крайне неблагоприятно отразиться на дисциплине и настроении германской солдатской массы, среди которой в то время велась уже широкая пропаганда в пользу мира. И поэтому нет ничего невероятного в предположении, что именно войсковые части, привезенные из России, внесли первые семена разложения в германские армии на Западе». Это привело профессора к выводу, что «если переброска германских войск с Восточного на Западный фронт и дала некоторое численное увеличение армий противника, действовавших против союзников, то значение этого материального приращения неприятельских сил в большой мере ослаблялось невысокими боевыми качествами этих уже разлагавшихся подкреплений. Если же принять во внимание, что окончательное торжество союзников над Германией достигнуто отнюдь не их военным превосходством, не их искусством в стратегических и тактических действиях, вообще не победами их оружия, а обязано своим происхождением разложению германских вооруженных сил, вызванном политическими и экономическими условиями внутренней жизни страны», то нельзя не прийти к заключению, что переброска германских войск с востока на запад принесла более пользы союзникам, чем Германии¹⁹⁰. По мнению В.Ф. Новицкого, именно русская революция, прокатившаяся волной по Германии, дала союзникам возможность так быстро и легко добиться решительного поражения своего некогда могучего противника; выход же России из рядов коалиции и заключение ею с немцами сепаратного мира не повлекли за собой никаких тяжелых последствий для союзников. Обеспокоенные утратой русского рынка, они решили под предлогом борьбы с большевизмом вмешаться во внутренние дела России. Это вмешательство приняло в течение 1918—1920 гг. широ-

---

¹⁸⁹ Там же. Л. 51.

¹⁹⁰ Там же. Л. 52.

кие размеры; в поддержке (материальной и моральной) контрреволюционных сил, в блокаде сухопутных и морских границ России и в оккупации различных частей российской территории с эксплуатацией их естественных богатств. «Результатами этого, весьма тягостными для России, явились: а) необходимость создавать вновь крупные вооруженные силы для отражения белогвардейского наступления, б) невозможность восстановления хозяйственной жизни страны путем торговых сношений с соседями и в) лишение страны на более или менее продолжительные сроки средств богатейших районов, имевших огромное экономическое значение»¹⁹¹. Союзники, резюмировал Новицкий, в значительной степени ответственны за те жертвы, которые понесла Россия за годы Гражданской войны и интервенции.

15—16 марта 1918 г. в Лондоне состоялась конференция премьер-министров и министров иностранных дел Великобритании, Франции и Италии (США воздержались), на которой была принята декларация о непризнании Брестского договора. Обсуждая проблемы интервенции на Дальнем Востоке и Севере России и делая при этом ставку на враждебные большевистскому правительству силы, державы Антанты взяли курс на широкое вмешательство во внутренние дела советского государства. Первые воинские части стран Согласия появились на российской территории в начале весны 1918 г. И если в апреле 1918 г. Япония при фактической поддержке Великобритании и Франции предприняла открытую интервенцию на Дальнем Востоке, то высадка британских войск в Мурманске была согласована с местной советской администрацией накануне подписания Брестского договора и обосновывалась защитой этого важнейшего порта от немцев.

Интервенция «на базе взаимных интересов»

После ратификации Брест-Литовского договора, развеявшей надежды союзников на то, что Россия останется в войне, союзное Верховное командование решило открыть новый фронт в России, запросив Москву о праве разместить японские наземные войска с поддержкой союзников. Эти предложения были направлены одновременно наркомпо по военным делам Л.Д. Троцкому и членам Московских центров. Троцкий проинформировал военных атташе союзников о

---

¹⁹¹ Там же. Л. 92.

своей позиции в начале апреля 1918 г. в устной ноте, потребовав на нее письменного ответа. В ноте говорилось, что его правительство принимает предложение при условии, что войска будут действительно союзнические (то есть не исключительно японские), что это будет чисто военное предприятие, иностранные войска не будут вмешиваться в российские внутренние дела и что в ответ на это разрешение союзники окажут помощь в организации Красной армии. «Союз возрождения России», со своей стороны, соглашался на высадку союзников при условии, что в результате итогового мирного соглашения Россия не понесет территориальных потерь и что иностранные силы не будут вмешиваться в российские внутренние дела. Представитель союзников счел эти условия приемлемыми¹⁹².

5 апреля 1918 г. ограниченный контингент сил Японии высадился во Владивостоке (позднее, с началом интервенции численность японцев возросла до 70 тыс. человек), за ними последовали американские, британские, французские и итальянские соединения. Однако после провала наступления германцев во Франции вопрос об открытии второго Восточного фронта сошел с повестки дня.

С середины марта начал муссироваться второй интервенционный план, совместного выступления союзников, при условии сохранения целостности и независимости России и соглашения с советской властью, то есть план Садуля, Робинса и Локкарта¹⁹³. «Намеки» на этот исходивший из России план появился в западноевропейской прессе. Так, 18 марта 1918 г. петроградский корреспондент *Daily Telegraph* сообщал: союзная интервенция, не означавшая господства союзников и оккупацию территории России, будет встречена там радостно. Россия еще могла бы сопротивляться, и если большевики предпримут какое-либо военное усилие, кооперация между ними и союзниками на базе взаимных интересов будет весьма полезна, однако говорить о существовании союза между большевистским и союзными правительствами невозможно. Чтобы встретить понимание России, необходимы были, по мнению автора, решительные действия всех союзников, а не изолированное японское выступление. Либеральная британская газета *Daily News* 20 марта писала о том, что все действия союзников должны быть предприняты только с согласия русского правительства и с целью защиты прав русского народа.

¹⁹² См.: *Пайнс Р.* Указ. соч. С. 55—56.

¹⁹³ АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 129.

Сторонники этого плана пытались его реализовать: 26 марта в письме к Альберу Тома капитан Садуль сообщал, что сотрудничество союзных миссий с большевиками для организации армии началось; «несколько французских офицеров будут находиться у Троцкого и составят своего рода военный кабинет для наблюдения за действиями военного комиссариата»¹⁹⁴. Более действенный характер носило сближение с советской властью американской военной миссии, но оно натолкнулось на непреодолимое препятствие со стороны Вашингтона. 19 марта 1918 г. Р. Робинс телеграфировал из Москвы послу Д. Фрэнсису в Вологду о том, что свидание с Троцким имело вполне удовлетворительный результат: Троцкий просил 5 американских офицеров в качестве инструкторов по организации и обмундированию советской армии, а также помощи железнодорожников. 21 марта глава американской военной миссии в России Раггис, находившийся в Вологде, получил телеграмму от своего представителя в Москве Ригса (помощника военного атташе США в России): «Я и Садуль интервьюировали Троцкого вчера и сегодня. Советское правительство просит французскую миссию дать инструкторов для новой армии. Сотрудничество нашей железнодорожной миссии было бы желательно. Я вполне убежден, что советское правительство предпринимает все усилия для организации военных сил, и я настоятельно рекомендую оказать им поддержку»¹⁹⁵. Железнодорожная миссия, о которой упоминалось выше, была послана из США еще до октябрьского переворота для восстановления транспорта и задержалась во Владивостоке. Попытки добиться приезда ее в Москву были безуспешными.

Интервенция, которая обсуждалась в печати в феврале и марте 1918 г. как союзное дело, с апреля рассматривалась уже как дело только Японии. Однако интервенционный план поддерживался далеко не всеми кругами японского общества. Противниками его выступали коммерческие круги, трения были и в правительстве. 17 марта 1918 г. токийская газета «Асахи» писала, что в Совете министров Японии находятся противники интервенции, и несмотря на поддержку Франции, Англии и Италии, министру иностранных дел Японии И. Мотоно не удалось победить сопротивление своих коллег. Но дело было не только в этом: интервенция была невозможна без согласия Китая.

---

¹⁹⁴ Там же. Л. 130.

¹⁹⁵ Там же. Л. 131.

26 марта газета *Morning Post* сообщила о победе Северного Китая над Южным в гражданской войне, об усилении центральной власти и о неизбежной в связи с этим перемене в китайской внешней политике. Естественным шагом для Китая, по мнению корреспондента, была посылка войск в Маньчжурию для участия в движении по предотвращению германского проникновения на Дальний Восток. Только 19 мая китайское правительство сообщило о своем соглашении с Японией, заключенном 25 марта для совместной обороны, которое включало в себя военные операции в Сибири и в Маньчжурии. Соглашение не давало Японии никаких привилегий, не должно было входить в силу до проникновения в Сибирь враждебного влияния, а при отсутствии угрозы теряло силу¹⁹⁶.

Заручившись этим соглашением, Япония приобрела свободу действий в Маньчжурии и Сибири. 26 марта в парламентской речи виконт Мотоно заявил, что германское влияние завоевывает Сибирь и это весьма беспокоит не только Японию, но и всех союзников. Японское правительство не планирует и не предлагает военных операций в этом регионе; подобных предложений от союзников Япония также не получала, но если это произойдет, тщательно их рассмотрит при условии ухудшения положения в Сибири и необходимости решительных действий в интересах союзников. Положение в Сибири изменилось к худшему 2 апреля 1918 г., когда во Владивостоке был убит японский купец, а командующий японской эскадрой адмирал Като 4 апреля высадил там десант. С японцами во владивостокском порту высадились и английские моряки.

Значение высадки десанта 4 апреля 1918 г. было не большим, чем в декабре 1917 г., — как писал в связи с этим Гольденберг, «мертво-рожденные попытки», «абортивные интервенции»¹⁹⁷, существовавшие об отсутствии у Японии решимости осуществить интервенционный план изолированно; это была лишь попытка создать собственную опорную точку на Дальневосточном побережье. Известие о японском десанте было встречено в союзной прессе с недоумением: десант не мог считаться выполнением плана интервенции против советского правительства, и тем более выполнением плана сотрудничества с советской властью против Германии. 5 апреля агентство Рейтер телеграфировало из Вашингтона: «Высадка последовала, как следствие нападения русских на японского купца. Чис-

---

¹⁹⁶ Там же. Л. 139.

¹⁹⁷ Там же. Л. 140.

ло высадившихся весьма незначительно. Официально Соединенные Штаты не придают политического значения этому инциденту»¹⁹⁸.

9 апреля Фрэнсис сообщил Робинсу, что, по мнению его дипломатических коллег, включая японского посла, десант — это только полицейская предосторожность, а не начало интервенции, поэтому союзники не будут открыто протестовать. Днем позже он телеграфировал: «Только что получил сообщение из Вашингтона. Като целиком ответственен за высадку войск и он немедленно сообщил британским и американским адмиралам и консулам во Владивостоке, что сделал это исключительно для защиты японской жизни и собственности»¹⁹⁹.

Попытки связать интервенцию и сотрудничество предприняли английские левые. В речи одного из лидеров лейбористской партии Артура Гендерсона, произнесенной 24 марта 1918 г. на конференции рабочей партии, было обращено внимание на то, что японская интервенция могла начаться только в случае ее одобрения большинством русского народа, согласия всех союзников, и в частности Соединенных Штатов и Китая, и при безоговорочной гарантии японской незаинтересованности. 30 марта 1918 г. Садуль в письме Альберу Тома утверждал, что получить от советского правительства согласие на японскую интервенцию можно при определенных условиях: она должна быть межсоюзной, а не только японской, союзники должны гарантировать советам, что сотрудничество будет исключительно военным без вмешательства во внутренние дела России (как говорил Троцкий, сотрудничество должно быть честным), большевики должны быть осведомлены о территориальной и экономической плате, которую им придется заплатить японским «реалистам»²⁰⁰. Попыткой реализовать план Садуля стал мурманский десант.

Заявление Д. Фрэнсиса 16 апреля 1918 г.

Официальное заявление Д. Фрэнсиса 16 апреля 1918 г. гласило: «Советское правительство и советская пресса придают слишком большое значение высадке японских моряков, которая не носит политического характера, но является лишь политической предосторожностью, предпринятой японским адмиралом под его личную ответственность для защиты японской жизни и собственности

---

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же. Л. 142.

²⁰⁰ Там же. Л. 137.

во Владивостоке»²⁰¹. Высадка английских матросов была предпринята, по его словам, по просьбе британского консула о защите в связи с возможной угрозой, вызванной беспорядками — следствием японского десанта. Американский консул не просил помощи у стоявшего во владивостокской гавани крейсера США, и поэтому американские матросы на берег не высадились. В свою очередь, французский консул не просил помощи у японского, американского или английского крейсеров, находившихся в гавани, что, по мнению Фрэнсиса, доказывало: высадка союзных войск не является согласованным действием союзников²⁰². Зато вполне убедительно доказывало, что японский десант был самостоятельным шагом Японии, которая преследовала особые, не связанные ни с одним из двух вышеуказанных планов цели.

Английское правительство было осведомлено, но умалчивало об этих целях. 11 апреля 1918 г. на парламентский запрос, действительно ли британские и японские войска высадились во Владивостоке, какова цель десанта и получило ли это одобрение со стороны Соединенных Штатов, Роберт Сесиль ответил, что из-за убийства японских подданных британские и японские корабли во Владивостоке высадили отряды для защиты британского консульства и японских подданных; у английского правительства нет оснований полагать, что Соединенные Штаты не одобряют шага, единственная цель которого — защита собственности и жизни²⁰³. На следующий вопрос: было ли сделано заявление, что войска будут удалены, как только во Владивостоке будет восстановлен порядок, Сесиль ответил, что желал бы иметь этот вопрос в письменном виде. Но 15 апреля отвечая на заданный еще раз тот же вопрос, Сесиль сообщил, что такого заявления не сделано, но есть надежда, что владивостокский инцидент будет скоро ликвидирован²⁰⁴.

Остается лишь догадываться, писал Гольденберг, почему Япония остановилась во Владивостоке, не пытаясь приступить к осуществлению основной ее цели — захвату Сибирской железной дороги²⁰⁵. Свою роль в этом, по-видимому, сыграло и противодействие интервенции со стороны союзников, так как в то же именно время была предпринята попытка осуществления плана сотрудничества Антанты и Советской России — мурманский десант.

---

²⁰¹ Там же. Л. 143.

²⁰² Там же.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Там же. Л. 144.

²⁰⁵ Там же. Л. 147.

Противовес Брестскому миру

Ситуация на Русском Севере представляла собой клубок противоречий, в котором переплелись военно-политические интересы советской власти, русских антибольшевистских сил, «белых» финнов, немцев, западных союзников и местных карельских националистов²⁰⁶. Став после распада Российской империи и провозглашения независимости Финляндии новой северо-западной российской границей, европейский север России превратился в сферу притяжения и столкновения геополитических интересов держав Антанты и Четверного союза, в первую очередь Великобритании, считавшей этот регион своей сферой влияния, и Германии. Немецкое руководство вынашивало планы с помощью финских белогвардейцев выйти на побережье Ледовитого океана, прорвав морскую блокаду Антанты, и создать на севере России свои военно-морские базы. Белофинны надеялись с помощью немцев аннексировать районы Восточной Карелии и Мурмана²⁰⁷. Великобритания и ее союзники стремились любой ценой защитить свои интересы в этом геополитически важном регионе, преследуя главную цель — победу в мировой войне. На севере постоянно находились английские дипломатические и военные представители, которые хорошо изучили особенности края, завязали контакты с военной и хозяйственной администрацией. Северный морской путь, по которому во время войны Великобританией, Францией и США осуществлялись поставки в Россию оружия, боеприпасов, продовольствия, охраняла базировавшаяся в Мурманске английская военная эскадра под командованием адмирала Кемпа²⁰⁸.

Вместе с генерал-майором Фредериком Пулем, координировавшим деятельность английских представительств в России, Кемп поддержал план интервенции на Севере России. В марте 1918 г. Ф. Пуль представил военному кабинету Великобритании свой проект интервенции в Россию, причем на Север страны он предлагал послать объединенные силы Великобритании и Франции под высшим руководством англичан, военные же миссии американцев и

²⁰⁶ См.: *Мусаев В.И.* Мурманский легион в 1918—1920 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 7. С. 18—23.

²⁰⁷ *Заброшенные в небытие: интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников* / сост. В.И. Голдин. Архангельск, 1997. С. 9.

²⁰⁸ *Кубасов А.Л.* Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере России (март 1918 — февраль 1922 г.). М.; Вологда, 2008. С. 37.

японцев могли бы быть к ним прикомандированы. 5 апреля план Пуля был одобрен междуведомственным Русским комитетом, а 10 апреля военным кабинетом, обязавшим начать приготовления для его осуществления. После обсуждения британским военным кабинетом 12 и 17 апреля положения на Русском Севере было принято решение отправить генерала Ф. Пуля в Мурманск для выяснения ситуации с целью осуществления интервенции²⁰⁹.

Действия Антанты в регионе определялись развитием ситуации, — а именно, усилением позиций Германии в Финляндии и Прибалтике, прямой угрозой германской оккупации ряда русских северных территорий, включая захват или передачу в счет репараций по Брестскому миру огромных запасов продовольствия, вооружения и боеприпасов, поставленных ранее союзниками. В конце марта — начале апреля оправдались и опасения советских властей угрозы со стороны финских белых для Восточной Карелии и стратегически важной Мурманской железной дороги. Отряды финской белой гвардии вторглись на территорию Беломорской Карелии, заняли Ухту и угрожали Кеми. В связи с тем, что собственных сил для охраны железной дороги у советских властей не хватало, с руководством красных финнов было достигнуто соглашение об охране железной дороги от Кандалакши до Ладожского озера отрядом финских красногвардейцев численностью до 2000 человек²¹⁰. Большой интерес к охране Мурманской железной дороги и выходов к Белому морю проявляли державы Антанты, в первую очередь, Англия, не без оснований считавшая, что за спиной белофиннов стоит Германия. На территории Финляндии оставался немецкий экспедиционный корпус генерала Р. фон дер Гольца. В ее северной части немецких войск не было налажено тесное военно-политическое сотрудничество финского правительства П.Э. Свинхувуда с немцами. Английские офицеры в свою очередь предлагали установить сотрудничество в военной сфере с красным финским правительством.

К апрелю — маю 1918 г. реальность германской угрозы европейскому Северу была весьма сомнительной, поскольку наступательный потенциал Германии был истощен, а оккупация огромных российских территорий потребовала бы привлечения значительных людских ресурсов. Поэтому, по мнению ряда исследователей, в дальнейшем германская угроза была скорее предлогом для реше-

²⁰⁹ См.: *Голдин В.И.* Интервенты или союзники?: мурманский узел в марте — июне 1918 года // *Отечественная история.* 1994. № 1. С. 78.

²¹⁰ См.: *Мусаев В.И.* Указ. соч. С. 18.

ния геополитических, стратегических, политических и «меркантильных» (во многом откровенно грабительских) задач Антанты²¹¹. Союзники действительно старались максимально «окупить» свои расходы по поставкам в Россию военного имущества и снаряжения, угля, промышленных и продовольственных товаров, которые они заносили в реестр российских долгов. Вывозить же товары с Севера они старались в обход русских властей. В частности, об этом откровенно писал в своих воспоминаниях посол Франции Жозеф Нуланс. По его мнению, интервенция в Архангельск и в Мурманск, «оправдала себя результатами», которых они добились «с экономической точки зрения». «Наша промышленность в четвертый год войны нашла дополнительный ценный источник сырьевых материалов... Все это благоприятно отразилось на нашем торговом балансе»²¹². Уильям Эдмунд Айронсайд, главнокомандующий союзными войсками интервентов, не менее откровенно рассматривал богатство северных лесов «с точки зрения цены», окупившей с лихвой помощь союзников²¹³. Секретарь французского посольства Луи де Робиен, находясь в Вологде, записал в своем дневнике: «...пока длится война, мы должны помешать нашим противникам воспользоваться ресурсами, которые несмотря ни на что остаются значительными. Именно этим мы должны ограничиться, составляя план действий, не забывая о том, что станет с Россией...»²¹⁴.

Своеобразным противовесом Брестскому миру, который союзники отказались признать, должен был стать розыгрыш ими «мурманской карты». Идея интервенции в Россию «по приглашению», или «с согласия» советского правительства весьма активно обсуждалась в марте — апреле 1918 г. в военно-политических кругах стран Антанты. Особые надежды связывали именно с Мурманом, так как здесь уже сложились определенные основы такого сотрудничества²¹⁵. Расширяя свое военное присутствие в регионе, руководите-

²¹¹ Кубасов А.Л. Указ. соч. С. 4.

²¹² Нуланс Ж. Моя последняя миссия в Советской России, 1917—1919 // Заброшенные в небытие: интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 100.

²¹³ Айронсайд Э. Архангельск, 1918—1919 // Там же. С. 226.

²¹⁴ Робиен Л. Дневник дипломата в России (1917—1918) // Там же. С. 174.

²¹⁵ См.: Голдин В.И. : 1) Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере, 1918—1920. М.: МГУ, 1993 ; 2) Интервенты или союзники?: мурманский «узел» в марте — июне 1918 года. С. 74—88 ; Новикова Л.Г. Интервенция и Гражданская война на Русском Севере: к переоценке проблемы // Отечественная история. 2007. № 4. С. 113—126; и др.

ли стран-союзниц надеялись на восстановление Восточного фронта, полагая при этом, что втягивание России в войну будет означать падение правительства, которое обещало своему народу мир. Пытаясь расширить социально-политическую опору для действий в России, державы Антанты поддерживали в этот период контакты и с большевистским правительством, и с его противниками. Для сохранения нейтралитета России в мировой войне советские руководители соглашались на оккупацию как Германией Севастополя, так и Великобританией Мурманска. Сложность и противоречивость мурманских событий, уклончивость политики союзников вынуждала советское руководство к лавированию. Каждая из сторон вела свою политическую игру. По мнению американского историка Дж. Лонга, северная интервенция практически с самого начала «запуталась в сетях стратегических разногласий между союзниками и разгоравшейся русской гражданской войны»²¹⁶.

«Словесное, но дословно запротоколированное соглашение о совместных действиях англичан, французов и русских по обороне Мурманского края» было заключено 2 марта 1918 г. в Мурманске после того, как в ответ на запрос местного совета о возможности принять помощь со стороны союзных миссий в связи с угрозой вторжения немцев и белофиннов была получена телеграмма Троцкого, гласившая: «Вы обязаны принять всякое содействие союзных миссий... Ваш долг сделать все для охраны Мурманского пути...»²¹⁷. Официально советское правительство не утвердило это соглашение, не предоставив, таким образом, великим державам никаких международно-правовых оснований для осуществления «интервенции по приглашению». Однако некоторые политические деятели, в том числе Троцкий, надеялись на то, что мурманское соглашение может стать прообразом общероссийского соглашения со странами Антанты и приведет к признанию ими советского правительства. Заключивший «словесное соглашение» председатель Мурманского совета А.М. Юрьев даже считал его официальным признанием Францией и Англией советской власти и доказательством того, что державам Согласия выгоднее сохранить Мурманск русским, нежели обратить его в свою колонию. Отказ большевистского правительства утвердить соглашение был вызван реальным опасением разрыва Брестского мира, подписанного днем позже

---

²¹⁶ Зброшенныя в небытце. С. 13.

²¹⁷ Цит. по: *Голдин В.И.* Интервенты или союзники? С. 76.

мурманского соглашения, и началом интервенции Германии в Россию. К тому же для получения официального согласия советского правительства на ввод войск на территорию русского Севера и Дальнего Востока правительство это необходимо было признать.

По достигнутому согласованию 6 марта в Мурманске с борта флагмана союзной эскадры линкора «Глори» высадился отряд британских морских пехотинцев численностью от 130 до 200 человек²¹⁸. Прибывший в Мурманск в конце марта начальник французской военной миссии в России генерал Ниссель сказал мурманским руководителям, что Англия и Франция готовы увеличить размеры сухопутной помощи для обороны края, но «сделают это в мелком масштабе не иначе, как по инициативе местной власти, а в крупном — не иначе, как по приглашению центрального правительства»²¹⁹.

Советские руководители ввиду недостатка сил считали вполне допустимой в тот момент помощь бывших союзников при условии невмешательства их во внутренние дела страны. Так, в конце марта — начале апреля подразделения англо-французских войск вместе с советскими отрядами и красными финнами приняли участие в упорных боях, отражая наступление белофиннов на Мурмане и в Карелии, а также в совместной борьбе против немецких подводных лодок. С молчаливого согласия советского правительства, заинтересованного в обороне Мурманского побережья и железной дороги от угрозы со стороны белофиннов и немцев, но из-за трудностей военного и дипломатического характера не сумевшего организовать ее своими силами, началось формирование финского легиона на Мурмане. Численность легиона, первоначально составлявшая 900 человек, летом — осенью 1918 г. достигла 1415 человек²²⁰. Советское руководство положительно отнеслось к плану создания финского формирования на Севере при поддержке англичан, однако само отстранилось от сколько-нибудь активного участия в этом деле, опасаясь обвинений со стороны Германии в нарушении Брестского мирного договора. Как вспоминал один из лидеров «красной» финской эмиграции Оскари Токой, В.И. Ленин дал неофициальное согласие на английское предложение, сказав: «Если англичане желают помочь вам, пусть помогут»²²¹. По словам А.М. Юрьева, 2 мая на заседании правительства по вопросу о раз-

---

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Цит. по: Там же. С. 77.

²²⁰ Мусаев В.И. Указ. соч. С. 19.

²²¹ Цит по: Там же.

вители края на его вопрос об отношении к союзникам Ленин ответил: «Официально протестуйте против их нахождения на советской территории, неофициально — получайте от них продукты и военную помощь против финно-германцев»²²².

Однако в действительности эта помощь оказывалась далеко не всегда. 15 июня 1918 г. Жак Садуль в письме к Альберу Тома писал: «В конце марта Троцкий начал реорганизовывать армию, и обратился к союзникам за помощью; было решено, что ему будет немедленно предоставлена группа из 40 французских офицеров, а затем еще большее число специалистов. В действительности Троцкий видел только 3—4 человека, а остальные в комиссариате не появлялись. Безусловно, это произошло по приказам Нуланса, с момента возвращения которого американская железнодорожная миссия, находившаяся в пути в Москву, была возвращена во Владивосток»²²³. Советское правительство согласилось обсуждать с союзниками возможность военной интервенции на русской территории, как писал Садуль далее, — при условии полного согласия с его стороны. В связи с этим начавшиеся переговоры между народными комиссарами и Англией привели бы к успешному результату, если бы не стало известным интервью Нуланса, оправдывавшего интервенцию. Из него союзникам и русским стало ясно, что Антанта не стремится к достижению соглашения, желая лишь выиграть время. Позже, 26 июля, в письме к А. Тома Садуль писал, что Нуланс уже с конца февраля 1918 г. не хотел брать на себя никаких обязательств по отношению к русскому правительству, и поэтому помощь французской миссии ограничилась посылкой двух офицеров²²⁴. Большевиков легко можно было привести к заключению военного соглашения с союзниками, продолжал далее Садуль, но переговоры вскоре последними были прерваны. За время этих переговоров большевики предоставили союзникам помощь для укрепления Мурманска и Архангельска, однако страны Антанты воспользовались этой помощью для того, чтобы подготовить военные и политические операции против большевиков. «Внутри России наши контрреволюционные маневры умножились с невероятным цинизмом, — сообщал Садуль, — не было ни одного арестованного белогвардейца или контрреволюционера, у которого не находили бы французского золота и документов, устанавливающих связь с

²²² Цит. по: *Голдин В.И.* Интервенты или союзники? С. 81.

²²³ АВП РФ. Ф. 56-6. Оп.1. Д. 1. П. 1. Л. 175.

²²⁴ Там же.

нашим агентом. Наш посланник, благодаря своей глупости и ненависти к социализму, был всегда самым безжалостным и коварным врагом русской революции»²²⁵.

Таким образом, попытки Робинса, Локкарта и других союзных агентов наладить совместную работу с советской властью были обречены на провал: Робинс был отозван американским правительством, Садуль начал переходить в советский лагерь, потеряв какое-либо влияние; Локкарт оказался в стане контрреволюционеров, в числе организаторов заговора в августе 1918 г.

Однако долго политика лавирования со стороны советского руководства продолжаться не могла. Все настойчивее становились требования с одной стороны, Германии — соблюдать условия Брестского договора, с другой — держав Антанты — расширить их военное присутствие в регионе. Германский ультиматум оказался весомее. Слова Ленина на объединенном заседании ВЦИК и Московского совета 14 мая 1918 г. о том, что на нейтральной территории не может выступить вооруженная сила ни одного воюющего государства, чтобы не быть обезоруженной²²⁶, союзники восприняли как крах своих надежд на интервенцию «по приглашению». В итоге в державах Антанты верх взяли сторонники жесткой линии в отношениях с Советской Россией, считавшие невозможным сотрудничество с большевиками и сделавшие ставку на антисоветские силы.

С весны 1918 г. стало налаживаться активное взаимодействие между белыми и интервентами. В Петрограде и Москве были созданы подпольные военные организации, действовавшие в контакте с союзными представителями и занимавшиеся переправкой офицеров-добровольцев на Север²²⁷. В апреле 1918 г. в Москве был создан «Союз возрождения России», поставивший перед собой цель объединить всех, кто не признавал Брестского мира, воссоздать Восточный фронт при содействии союзников. В Петрограде при германском консульстве имелась Прибалтийская миссия, установившая тайные контакты с русскими монархическими организациями. Как указывалось выше, несмотря на Брестский мир, «в Германии опасались свержения Советской власти, и прихода правительства, ориентирующегося на Антанту, и возобновления войны на два фронта. В связи с этим, германские представители в Советской России стали налаживать контакты с теми противни-

---

²²⁵ Там же. Л. 176.

²²⁶ В.И. Ленин о советской внешней политике. М., 1979. С. 63—64.

²²⁷ См.: Новикова Л.Г. Указ. соч. С. 115.

ками большевиков, которые видели в Германии своего союзника по антибольшевистской борьбе, чтобы в случае падения правящего режима привести к власти прогермански настроенных лиц»²²⁸. В свою очередь прогермански настроенные антибольшевистские организации стремились с помощью Германии свергнуть большевиков и восстановить единую и неделимую Россию²²⁹.

14 апреля 1918 г. было опубликовано заявление премьер-министра Франции Ж. Клемансо, очевидно, с целью подчеркнуть неприемлемость к политике мурманского соглашения, в котором несколько запоздало сообщалось, что французское правительство совместно с союзниками не признает нынешнего русского правительства и заключенного им мира. Политика, враждебная сотрудничеству с Советской Россией, брала верх и в Вашингтоне, отозвавшем 9 мая из Москвы Робинса, наиболее активного сторонника политики соглашения. На сторону противников линии Робинса стал и американский посол Д. Фрэнсис. 2 мая он отправил в Вашингтон пространную телеграмму о том, что настало время союзникам вмешаться в российские дела, начав с главного: «По моему мнению, время для союзнической интервенции наступило»²³⁰. Выбор этого момента Фрэнсис объяснял тем, что в надежде, что советское правительство само попросит об этом, он «осторожно действовал в этом направлении: во-первых, оставшись здесь с одобрения Госдепартамента, в то время как другие миссии были отозваны; во-вторых, поощряя развитие дружеских деловых отношений с большевиками и позволив Робинсу остаться в Москве с этой целью; в-третьих, заняв позицию против японской интервенции; в-четвертых, предложив помощь союзников в создании новой армии, надеясь в дальнейшем оказывать на нее влияние; в-пятых, он просил послать в Вологду шестерых железнодорожников (обещание выполнено не было); в-шестых — всеми способами поддерживал торговые контакты между Америкой и русскими купцами; в-седьмых — информировал советское правительство о действиях Департамента в отношении китайского эмбарго...». Интервенция, как считал Фрэнсис, была необходима потому, что Германия через

---

²²⁸ Смоллин А.В. Немецкие войска в Прибалтике и Белое движение в условиях окончания первой мировой войны // Россия и Германия в системе международных отношений: через века истории. СПб., 2012. С. 140.

²²⁹ Минц И.И. Год 1918. М., 1982. С. 359.

²³⁰ Фрэнсис Д. Россия из американского посольства // Зброшенны в небе: интервенция на Русском Севере (1918—1929) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 77—79.

Мирбаха полностью контролировала большевистское правительство. Особое внимание он обращал на сообщение генерального консула от 29 апреля, в котором был изложен советский протест и обращение к Берлину в связи с нарушением Брестского договора, и ответ на них Мирбаха 30 апреля, что германское вторжение прекратится, когда союзники оставят Мурманск и Архангельск. Последняя информация была получена от французского посольства, которое, в свою очередь, получило ее от Локкарта. Фрэнсис пришел к заключению, что советское правительство, если будет извещено о предполагаемой интервенции, сообщит об этом Германии. В связи с этим Риггс посоветовал переехать из Вологды в Москву или учредить там дипломатическое представительство. Однако Фрэнсис считал эти шаги неразумными, так как они могли привести, по его мнению, либо к признанию советского правительства, либо к увеличению существующего разрыва. О первом не могло быть и речи.

По неудавшемуся замыслу Антанты чехословацкому корпусу отводилась главная роль в северной интервенции. 2 мая 1918 г. Верховный военный совет Антанты утвердил меморандум о переправке чехословацких войск из России. В нем указывалось на целесообразность использования частей, не достигших Омска, для обороны Архангельского и Мурманского портов и для охраны Мурманской железной дороги. Вопрос о переброске чехословацких войск на Север обсуждался в ходе встреч представителей Антанты с советскими дипломатами и военными в Москве. При этом англичанам и французам выдвигалось требование гарантировать, что эти войска не будут использоваться во вред Советской России. В результате Высший военный совет Республики (ВВСР) одобрил использование чехословацких войск для охраны Мурманского края, его побережья и Мурманской железной дороги²³¹. В начале мая ВВСР санкционировал направление на Север — в Петрозаводск и Мурманск — 50 тыс. чехов и словаков для обороны этого региона от немцев и белофиннов. В ответ на опасения Троцкого, что это решение может вызвать протест Германии, А.М. Юрьев предложил отправить чехословацкий корпус на Север без оружия, а вооружить с архангельских складов. Так и было решено²³². Но переброска чехов на Север оказалась невозможной из-за опасений командования корпуса быть отрезанными на Севере или уничто-

---

²³¹ *Голдин В.И.* Интервенты или союзники? С. 82.

²³² Там же.

женными немецкими подводными лодками при транспортировании в Европу, а также из-за боязни большевистского правительства осложнить этой акцией отношения с Германией, и наконец — из-за вспыхнувшего чехословацкого мятежа.

В конце мая ситуация на Севере России достигла апогея: 24 числа в Мурманск одновременно прибыли из Москвы чрезвычайный комиссар большевик С.П. Нацаренус с А.М. Юрьевым и из Англии британский генерал Ф. Пуль, возглавлявший военную миссию в составе 560 офицеров и опытных военнослужащих (их отправка была санкционирована британским военным кабинетом накануне²³³). Нацаренус прибыл с целью, разобравшись на месте, организовать оборону региона, выяснить планы руководителей края и союзников. После беседы с генералом Пулем и контр-адмиралом Кемпом, во время которой комиссар заявил о решимости защищать северные порты от немцев и белофиннов и о намерении направить на Мурман из центра две советских дивизии и чехословацкий корпус, им был сделан вывод о возможности использовать воинские контингенты Антанты на Мурмане для противодействия наступлению белофиннов, а также для борьбы против немецких подлодок. В телеграмме в Москву Нацаренус просил немедленно направить в регион чехов, словаков и сербов, а также формируемые советские дивизии в общей сложности не менее 10 тыс. штыков с пулеметными командами, 6 батарей и другую технику, а также перевести аванс в 4 млн руб.²³⁴ Пуль и Кемп в свою очередь рекомендовали своему правительству признать советское правительство де-факто, в противном случае — до этого признания — интервенция союзников была бы возможна только как враждебный акт. С такими же призывами к своим правительствам обратились командиры французского и американского крейсеров в Мурманске²³⁵. Однако послы этих держав военных не поддержали. Да и не только послы.

Вашингтону, как Парижу и Лондону, для окончательного выбора одной из двух политических линий (соглашение с большевиками против немцев или уничтожение советского правительства как предварительное условие в восстановлении Восточного фронта) требовалось, с одной стороны, такое событие в самой России, которое показало бы внутреннюю слабость большевистского прави-

---

²³³ См.: Там же.

²³⁴ Там же. С. 83.

²³⁵ Там же.

тельства, с другой — необходимо было такое положение, «чтобы союзная интервенция была бы последним, и скорее всего, психологическим ударом по советской власти»²³⁶. По мнению союзников, начавшееся в конце мая 1918 г. чехословацкое восстание было именно таким событием и создало такое положение.

Чехословацкое восстание

Чехословацкий корпус стал своеобразным инструментом международной политики. В конце мая 1918 г., когда началось восстание чехословаков, в союзных миссиях не осталось ни одного человека, который стоял бы на точке зрения «мурманской политики», то есть интервенции с одобрения советского правительства. Позднее стали известны факты сотрудничества союзников в организации выступления чехословаков. Так, в конце января 1920 г. в Праге на процессе Муны, одного из вождей левой чехословацкой социалистической партии, был представлен документ, в котором описывались переговоры П. Макса, вице-президента Чехословацкого национального совета, и главы французской миссии в России, который сказал, что для признания союзниками независимости Чехословакии чехословаки должны поднять восстание против Советской Республики в интересах союзников. Узнав об этом условии, Т.Г. Масарик (глава Чехословацкого национального совета в России) телеграфировал из Лондона, где в то время находился, об отсрочке выступления, пока он не сделает союзникам дальнейших представлений. Не добившись смягчения условий, в телеграмме он сообщил П. Максу, что надо выступить с целью получения признания чехословацкого государства, хотя бы ценой кровопролития в России²³⁷. Вскоре после этого чехословацкие войска захватили Сибирскую магистраль и линию Волги.

К чехословацким частям на территории России проявляли интерес и вожди набиравшего силу Белого движения. Однако все предложения со стороны генералов Алексеева и Корнилова о передаче чехословацкого корпуса в их распоряжение наталкивались на твердую позицию Т.Г. Масарика: «Я бы никогда не позволил, дабы чешская армия предложила службу контрреволюции, дабы она

²³⁶ АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 164.

²³⁷ Там же. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 24. П. 1. Л. 5.

компрометировалась русским монархизмом»²³⁸. Между тем, «Известия ЦИК» писали 6 июня 1918 г., что, по сообщению «Омского Вестника», за время военных действий по линиям сибирских дорог чехословаками захвачено 164 вагона с хлебом, предназначенных для голодающих губерний Великороссии; это продовольствие было поделено между семеновскими войсками и чехословаками, достигшими соглашения по совместному ведению дальнейших военных операций; чехословацкие вожди и отдельные казацкие командиры расстреляли омских рабочих, пытавшихся оказать сопротивление при вступлении чехословаков и казаков в Омск.

Как известно, 4 июня 1918 г. союзные представители обратились к советскому правительству с заявлением, в котором указывалось, что если будет произведено разоружение чехословаков, то державы-союзницы будут рассматривать это как акт враждебного свойства, направленный против них. Между тем накануне, 3 июня, Верховный военный совет Антанты утвердил меморандум № 31 о союзной интервенции в русских портах Северного Ледовитого океана²³⁹, которым предусматривалась отправка нескольких британских, французских, американских или итальянских батальонов (от 4 до 6) для овладения Мурманском и Архангельском. Целями интервенции называли стремление удержать последние коммуникации, связывавшие союзников с Центральной Россией; помощь союзной интервенции в Сибири, а также обеспечение успешной переброски чешских и сербских частей на Север для использования их в борьбе с немцами. В меморандуме отмечалось, что занять Архангельск и Мурманск союзников торопят не только их представители в России, но и большинство русских партий, в связи с тем, что эти порты являются единственными свободными выходами в Западную Европу, оставшимися у России; превращение же Германией Мурманска в базу для подводных лодок сделало бы недоступным для Антанты морской путь к Архангельску. Принятая в июле военным советом резолюция в основном повторяла меморандум № 31, однако в ней нашла отражение просьба Англии об отправке на Север американского контингента в составе трех батальонов пехоты и вспомогательных частей²⁴⁰.

²³⁸ Цит. по: *Ефименко А.Р.* Чехословацкий корпус в составе русской армии и революционные события 1917 г. // Военно-исторический журнал. 2010. № 6. С. 22.

²³⁹ *Заброшенные в небытие.* С. 443—444.

²⁴⁰ *Лонг Дж.У.* Американский историк об интервенции на Русском Севере // *Заброшенные в небытие: интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников.* Архангельск, 1997. С. 17.

Окончательное решение об интервенции на российском Севере было принято лишь через месяц, 3 июля 1918 г., седьмой сессией Верховного военного совета Антанты. Вызвано оно было продолжавшимся противодействием интервенции в Соединенных Штатах, несмотря на то, что она получила одобрение в ноте от 3 июня, и на то, что 8 июня в Мурманске с крейсера «Олимпия» была произведена высадка первого отряда американцев в составе более 100 человек. 22—23 июня около полутора тысяч британских военнослужащих высадились с прибывших кораблей в Мурманске. Британский генерал Э. Айронсайд в связи с этим вспоминал, что «23 июня союзническая эскадра, состоящая из двух британских, двух русских белогвардейских, одного американского и одного французского корабля прибыла в порт. С ними в Мурманск прибыло подкрепление — 600 британских пехотинцев и рота пулеметчиков. С эскадрой прибыла также британская миссия в составе 70 офицеров и пятисот рядовых... Она намеревалась проследовать в Архангельск, чтобы помочь в формировании антибольшевистских отрядов»²⁴¹. К концу июня численность интервентов на берегу составляла примерно 4—4,5 тыс. человек, а численность защитников Мурманска была, по данным военно-политического комиссара Мурманского края А. Каверина, менее 3 тыс. человек²⁴².

Чуть раньше, 14 июня, на совещании союзников в Мурманске было принято решение о создании «славяно-британского легиона» во главе с полковником Гендерсоном для борьбы с немцами и белофиннами. Однако в действительности легион должен был составить костяк антибольшевистской армии. Вооружение, обмундирование и его командный состав обеспечивали англичане. В конце июня в мурманских водах находилось 4 крейсера, линкор, гидро-матка и ряд других военных судов союзников. Союзники обладали большим преимуществом в силах на море и на суше.

В тот же день, 14 июня, НКИД направил британскому уполномоченному Брюсу Локкарту ноту, в которой указывалось на невозможность дальнейшего пребывания английских военных судов в гаванях Северного побережья. «Пребывание в них даже небольшого количества, то есть двух или трех, или хотя бы одного, и даже легких военных судов, при постоянной возможности для последних выйти для военных целей в море, должно быть нами рассмат-

---

²⁴¹ Зброшенныя в небытце. С. 220.

²⁴² *Голдин В.И.* Интервенты или союзники? С. 88.

риваемо, как подлежащее устранению явление. Не только попытки высадить какие-либо военные отряды на российском побережье встретят со стороны Российской Республики решительное противодействие, предупреждалось в документе, — но даже против дальнейшего пребывания в наших северных гаванях небольшого числа легких военных судов воюющих держав»²⁴³. Ухода из российских портов советское правительство потребовало также от Франции и Америки. 15 июня Чичерин направил председателю Мурманского краевого совета Юрьеву телеграмму о требованиях советского правительства к державам Антанты, в которой предупреждал, что «поддержка, оказываемая англичанами и их союзниками чехословакам, может принять форму враждебных действий против нас», нужно быть готовым к отпору и настаивать на удалении английских и других военных судов. «Германия заявила, — писал Чичерин, — если уйдут суда держав Согласия, наша свобода торгового мореплавания будет признана»²⁴⁴. 20 июня 1918 г. Чичерин направил телеграмму Председателю Петроградской Трудовой Коммуны Г.Е. Зиновьеву, в которой писал: «Статья “Таймса” указывает: Англия готовит вооруженное вмешательство. Очевидно, будет вторжение в Мурманск. Между тем Красовдеп устраивает митинги, где выступают адмиралы Антанты. Надо послать военные силы против высадки англичан. Обуздать Красовдеп, взять в свои руки защиту Мурманска. Красовдепу оставить дело опасно»²⁴⁵.

С расширением военной экспансии держав Антанты на российский Север менялось и отношение к ней советского правительства. Если весной и в начале лета 1918 г. оно сквозь пальцы смотрело на активность союзников в районе Мурманска, то в конце июня его отношение к военному присутствию держав Антанты на российской территории радикально изменилось.

25—26 июня наступила политическая «развязка» мурманского узла. Во время переговоров по прямому проводу между советскими руководителями и председателем краевого совета А.М. Юрьевым последний не поддержал предъявленных ему требований об отпоре бывшим союзникам на Мурмане, считая, что протест против пребывания англичан на Севере приведет лишь к гибели русской власти. «Если Вам до сих пор неуютно понять советской политики, равно враждебной и англичанам и немцам, — заявил ему Ленин

---

²⁴³ ДВП СССР. Т. 1. С. 366.

²⁴⁴ Там же. С. 367—368.

²⁴⁵ Там же. С. 370.

26 июня, — то пеняйте на себя... С англичанами мы будем воевать, если они будут продолжать свою политику грабежа»²⁴⁶. 2 июля в «Известиях ВЦИК» вместе с приказом Троцкого об обороне Мурманского побережья было помещено сообщение о том, что Юрьев объявлен «врагом народа» за принятое 30 июня Мурманским советом решение о необходимости «действовать в дружеском контакте с союзниками».

Контр-адмирал Кемп в своем послании в Лондон 17 мая 1918 г. призывал к союзной интервенции в Мурманск, утверждая, что она будет приветствоваться местным населением²⁴⁷. Действительно, к середине 1918 г. жители губернии были настроены в основном в пользу интервенции. Но эти симпатии были обусловлены не столько беспокойством за судьбу страны и отрицанием Брестского мира, сколько разочарованием в политике большевиков из-за перманентных конфликтов, связанных со снабжением населения продовольствием и с мобилизацией в Красную армию²⁴⁸. Таким образом, сочувственно встреченная на Севере интервенция союзных держав быстро утратила широкую поддержку, так и не дав народу желанных «хлеба и мира».

С каждым днем затихал и слух о германских военнопленных, якобы организованных в Сибири с ведома и одобрения советской власти для борьбы против союзников.

Вопрос о германских военнопленных

20 марта 1918 г. американец капитан У. Уэбстер — представитель американской миссии Красного Креста и сотрудник английского посольства капитан У. Хикс отправились в Сибирь, чтобы прояснить состояние дел с германскими военнопленными. Донесения их не оставляли места сомнениям: «Вооруженных военнопленных в районе от Владивостока до Читы не имеется. Некоторые военнопленные в Иркутске вооружены — все они венгерские социалисты и записываются для борьбы против Семенова в Маньчжурии», — передавал Робинс их донесения послу Фрэнсису 30 марта²⁴⁹. 1 апреля Хикс сообщил, что во всей Сибири было не более 1200 вооруженных военнопленных — социалистов-революционеров, которые

---

²⁴⁶ Там же. С. 376.

²⁴⁷ Цит. по: *Голдин В.И.* Интервенты или союзники? С. 81.

²⁴⁸ *Новикова Л.Г.* Указ. соч. С. 115.

²⁴⁹ АВП РФ. Ф. 56-б. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 153.

охраняли в основном пленных германских офицеров; в военных операциях использовать их не предполагалось; находились они под строгим контролем большевистских офицеров, возможны были проверки союзниками. На вопрос Хикса, какую помощь могли бы оказать союзники России, был получен ответ: «во-первых, необходима посылка товара из Англии и Америки через Владивосток и Архангельск; во-вторых, необходима помощь в перевозке запасов путем открытия Восточно-Китайской железной дороги по линии Харбин — Маньчжурия (закрытая с одобрения союзников); в-третьих, союзники должны помешать Китаю оказывать поддержку войскам Семенова, который реорганизуется на китайской территории»²⁵⁰. 13 апреля в английском парламенте был поднят вопрос об угрозе, которую представляли германские военнопленные. Парламентарий Л. Смес интересовался, получило ли английское правительство подтверждение сведений о вооружении австро-германских военнопленных, действительно ли вооружены только вышедшие из подданства своей страны австрийцы — социалисты? Роберт Сесиль ответил, что полученный отчет Хикса соответствует имеющимся у Смеса сведениям²⁵¹. Подтверждались эти сведения и телеграммой корреспондента газеты *The Times* из Пекина от 23 апреля: «Вопрос о германо-австрийских военнопленных в Сибири выяснился. Все военнопленные расположены в Приамурье, тщательно охраняются большевиками, те из них, кто находятся на западе от Читы — на свободе. Несколько тысяч, главным образом, венгров, присоединились к большевикам в качестве интернациональных социалистов. По-видимому, в настоящее время не существует вопроса о действии вооруженных военнопленных во вражеских интересах»²⁵².

10 апреля из Сибири в Токио прибыл глава Чехословацкого национального совета Т.Г. Масарик. В конфиденциальной беседе с американским посланником Масарик сказал, что союзники должны признать де-факто большевистское правительство; монархическое движение слабо, и не следует его поддерживать; союзники ожидали, что Алексеев и Корнилов будут иметь на Дону большой успех, но он не верил им и отказался присоединиться к ним. Нигде в Сибири Масарик не видел германо-австрийских вооруженных военнопленных²⁵³. Однако заявление Масарика о несерьезности угро-

---

²⁵⁰ Там же. Л. 154—155.

²⁵¹ Там же. Л. 160.

²⁵² Там же. Л. 171.

²⁵³ Там же. Л. 176.

зы со стороны австро-германских военнопленных было передано в Вашингтон, и оттуда, видимо, в Лондон. 23 апреля 1918 г. в Японии произошла смена министра иностранных дел: виконт Мотоно уступил свой пост барону Като. *The Times* 30 апреля сообщила в связи с этим, что данное назначение рассматривается как готовность Японии к интервенции, стремление ее к полной свободе действий.

6 мая член английского парламента Кинг вновь поднял вопрос, насколько справедливы слухи о вооружении германских военнопленных и осведомлено ли английское правительство о том, что, согласно заявлению наркома Чичерина, эти слухи не соответствовали, как утверждала англо-американская миссия, действительности. Британский министр иностранных дел А. Бальфур, безусловно, был осведомлен о докладе англо-американской миссии; 26 апреля он был опубликован также и в русской прессе. Тем не менее Бальфур ответил, что ничего не слышал о чичеринском заявлении по поводу этого доклада²⁵⁴. Доклад, видимо, не соответствовал, «политическому моменту»: вооружение германских военнопленных могло стать предлогом для начала интервенции. 9 мая в парламенте на новый запрос Кинга: подтверждаются ли англо-американской миссией сведения о вооружении тысяч германских военнопленных, Бальфур уклончиво ответил, что доклады по этому вопросу противоречивы, и их публикация не принесет какой-либо пользы²⁵⁵.

К началу чехословацкого восстания план сотрудничества с советским правительством в английских правительственных кругах был окончательно похоронен. Восстание послужило поводом к началу небывалой кампании за интервенцию в англо-французской прессе.

26 мая 1918 г. Садуль писал А. Тома, что по имеющимся у него сведениям, после Брестского мира Чехословацкий корпус должен был быть отправлен на Западный фронт, но он получил от Троцкого разрешение отправить корпус во Владивосток. После японского десанта, с одной стороны, и выступления семеновских банд в Сибири, — с другой, транспортировка чехословаков была приостановлена, несмотря на заверения в лояльности чехов по отношению к русской революции, но было разрешено направить Чехословацкий корпус в Архангельск для дальнейшей отправки во Францию при условии его частичного разоружения и гарантии со стороны союзников быстрого отъезда, чтобы не вызвать германских ультимату-

---

²⁵⁴ Там же. Л. 178.

²⁵⁵ Там же.

мов против России. Частичное разоружение чехословаков произошло, но они смогли тайно сохранить большое количество оружия. По утверждению Троцкого, переброска чехословаков к Архангельску не была осуществлена из-за того, что не был получен ответ на поставленный им вопрос: «Имеется ли в Архангельске достаточный тоннаж для переброски их во Францию?»²⁵⁶ 29 марта, в день, когда началась отправка корпуса во Владивосток, Робинс телеграфировал Фрэнсису: «Осведомлены ли Вы о позиции Вашингтонского правительства об отправке чехословаков через Соединенные Штаты во Францию? По моему мнению, посылка этих войск вокруг света станет бессмысленной тратой денег, времени и тоннажа»²⁵⁷.

Эти сообщения свидетельствовали о том, что перемена места отправки чехословаков с Владивостока на Архангельск произошла не только с ведома, но и с одобрения союзников, хотя в их официальных заявлениях изменение направления движения чехословаков инкриминировалось советскому правительству, как нежелание выпустить их из России. В донесении американского посланника в Токио своему правительству говорилось, что находившийся там Масарик, получив известие о разоружении чехословаков, заявил, что это вполне естественно, отряды должны быть разоружены²⁵⁸.

Через два месяца, 29 мая 1918 г. Садуль в письме к Тома вернулся к вопросу о чехословацком выступлении. Троцкий был убежден, писал он, что это выступление явилось генеральной репетицией японской интервенции в Сибири, планом, который был выработан союзниками в согласии с контрреволюционерами и который выполнялся французскими офицерами, находившимися в чехословацких эшелонах. По его мнению, Троцкий ошибался, так как французская миссия была там представлена только двумя офицерами, выполнявшими административную работу («Мы авансируем чехословакам их расходы») и осуществлявшими связь с советским правительством. Один из этих офицеров — полковник Гинэ, как считал Садуль, не был способен вмешаться в подобную авантюру²⁵⁹. По свидетельству А.А. Аргунова, члена партии социалистов-революционеров, Гинэ участвовал в заседаниях военного совета, руководившего чехословацким выступлением, наряду с представителями чехословаков и русских контрреволюционеров, в

---

²⁵⁶ Там же. Л. 180—181.

²⁵⁷ Там же. Л. 181.

²⁵⁸ Там же. Л. 182.

²⁵⁹ Там же.

том числе и самого Аргунова²⁶⁰. В том же письме Садуль писал о тяжелых, но приемлемых условиях, выдвинутых Троцким: немедленное прекращение военных действий, разоружение чехословаков, транспортировка их на Архангельск и Мурманск, притом отправятся они под ответственность союзных офицеров и в ближайшее время будут увезены на английских судах²⁶¹. Несмотря на согласие вице-президента Чехословацкого национального совета П. Макса с предложениями Троцкого, реализованы они не были. Позднее были обнаружены данные, свидетельствующие, что союзники всячески препятствовали ликвидации восстания.

Из письма юрисконсульта Страки (посланника Чехословацкого национального совета в Омске в 1918 г.), приехавшего в Вологду убедить французского посла и других союзников «интервенировать в пользу маршрута на восток», следует, что говорить с ними он вынужден был о маршруте на запад. Французский посол, по его словам, был удивлен, что часть оружия была чехами возвращена. Страка уверил его, что сделано это было с согласия французского комиссара. Удивила посла и просьба добиться у русского правительства разрешения отправиться на восток: союзники, по его словам, были очень довольны, что большевики сделали распоряжение об отправке чехословаков на Мурманск и Архангельск. Это было выгодно, так как «сбережет много тоннажа, если вместо нескольких месяцев, мы поедем несколько дней»; это важно и в военном отношении, ибо «сам факт нашей поездки по Мурману будет препятствовать немцам и истинным белогвардейцам оккупировать эту чрезвычайно важную линию»²⁶². Союзники в связи с этим приветствовали решение Совнаркома, считая его следствием изменившегося политического положения России.

В письме из Вологды 9 мая 1918 г. в отделение Чехословацкого национального совета Страка сообщал о своей беседе с заместителем генерала Лаверня Леленгом, которому он сказал: «Мы были, пребываем и будем нейтральны во внутренней русской борьбе. (Если) Эту борьбу могут считать внешней, но в ней могут принимать участие и русские политические партии, а наши солдаты против русских ни в коем случае не пойдут или пойдут, но крайне неохотно; кроме того, мы обязались перед Совнаркомом, догово-

---

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ Там же. Л. 183.

²⁶² Там же. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 24. П. 1. Л. 7.

рившись о нейтралитете»²⁶³. Совнарком, по его мнению, был бы очень доволен их вмешательством, «хотя и протестовал для границы против англо-французского десанта, и местные советы просили союзников о помощи». Чехословацкие войска ни в коем случае в России охотно сражаться не будут, писал Страка. Во Франции они сделают все, но можно оказать союзникам куда более важную услугу теперь здесь. Занятие Мурмана или даже Архангельска было бы крупным успехом немцев, не только военным, но и политическим. Россия будет отрезана от Запада и станет игрушкой в руках немцев, оружием против союзников, которые сделают все, чтобы Россия освободилась от немецкого влияния и поняла, где и как она должна охранять свои интересы. Союзникам безразлично, сокрушит ли немцев большевистское или иное правительство. Можно ли открыто сказать чехословацким солдатам, задавал вопрос Страка, что путь на запад выбрали союзники, а не Россия? Его ответ — ни в коем случае, это было невозможно, ведь союзники могли помочь, но не могли гарантировать свободный проезд эшелонов по пути Челябинск — Екатеринбург — Вологда и далее. «Об умысле союзников — направить нас на запад, — писал Страка, — не знали и не знают консулы в Иркутске. Это известно всего четырем-пяти лицам и должно безусловно храниться в тайне. Это требует интерес дела, и может быть от этого зависит успех»²⁶⁴. Войско неохотно поедет на Архангельск или Мурман, признавал он, «довольно с нас России, прочь отсюда».

21 октября 1918 г. временно управляющий Военным министерством и командующий белой Сибирской армией генерал П.П. Иванов-Ринов прислал министру финансов Временного сибирского правительства И.А. Михайлову телеграмму с анализом позиции союзных держав. Иванов-Ринов утверждал, что военно-политическое руководство Чехословацкого корпуса пытается добиться статуса мировой величины «за счет России». Возможность изменить ситуацию он видел в том, чтобы активизировать американскую помощь России, воспользовавшись для этого противоречиями между Японией и США²⁶⁵.

9 августа 1918 г. Чехословацкий национальный совет во главе с Т.Г. Масариком был признан британским Форин оффисом как «до-

---

²⁶³ Там же. Л. 10.

²⁶⁴ Там же. Л. 11.

²⁶⁵ См.: *Шишкин В.И.* 1918 г.: от Директории к военной диктатуре // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 48.

веритель правительства будущего Чехословацкого государства». Автор этой формулировки У. Свид не смог объяснить ее точный смысл чешскому политику Э. Бенешу, но заверил, что она «сделает для него его дело»²⁶⁶. Чехословацкий комитет был для Лондона весьма ценным союзником. К тому времени комитет имел свои вооруженные силы на территории Франции, Италии и России, причем именно действия Чехословацкого корпуса в Сибири вновь пробудили надежду союзников на возрождение Восточного фронта²⁶⁷. В 1918 г. территория России рассматривалась Антантой в первую очередь как театр военных действий мировой войны и именно этой логике следовали союзники, начиная военную интервенцию. После Бреста большевики рассматривались как союзники Германии; их свержение представлялось лишь условием для достижения иной цели — восстановления Восточного фронта²⁶⁸.

28 мая 1918 г. Наркоминдел Г.В. Чичерин писал генеральному консулу Франции в Москве Фернану Гренару о том, что в принявшем значительные размеры чехословацком деле, когда несколько отрядов чехословаков подняли мятеж в Сибири и захватили в результате кровопролитных боев некоторые железнодорожные линии, «не только были перехвачены телеграммы, показывающие наличие связей между мятежниками и русскими контрреволюционными группировками, но также установлено, что французские представители активно участвовали в этом движении. Французские военнослужащие находятся среди чехословаков, которые ведут борьбу против нашей власти, и ряд наших военных комиссаров на местах сообщают, что имеются доказательства о получении мятежниками субсидий из французских источников»²⁶⁹. Чичерин присоединился к пожеланию наркомвоенмора Троцкого, «чтобы французские военные власти в России сооблаговолили принять самые энергичные меры для того, чтобы вынудить мятежников сложить оружие». Наркоминдел сообщал о готовности содействовать отправке чехословаков при условии, что будут возвращены российские солдаты, оставшиеся во Франции, но выдвинув требование немедленного разоружения чехословацких войск.

4 июня 1918 г. представителями четырех держав (Великобритании, Франции, Италии и Северо-Американских Соединенных Шта-

---

²⁶⁶ Фомин А.М. Указ. соч. С. 88.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Там же. С. 86.

²⁶⁹ ДВП СССР. Т. 1. С. 326.

тов) по вопросу о чехословаках было сделано заявление, в котором указывалось, что если их разоружение будет приведено в исполнение, то перечисленные правительства будут рассматривать это как недружелюбный акт, направленный против них, так как чехословацкие отряды являются союзными войсками и находятся под покровительством и заботами держав Согласия. 12 июня 1918 г. в ответ на сделанное заявление Чичерин дал следующее разъяснение: разоружение чехословаков не может быть ни в коем случае рассматриваемо как акт недружелюбный в отношении держав Согласия; оно вызвано прежде всего тем, что Россия, как нейтральное государство, не может терпеть на своей территории вооруженных отрядов, не принадлежащих к армиям советской республики. Непосредственным же поводом к применению решительных и строгих мер в целях разоружения чехословаков послужили их собственные действия: задолго до вооруженного мятежа в Сибири чехословацкие отряды не подчинялись железнодорожным правилам и местным советским властям, вносили дезорганизацию в железнодорожные сообщения и особенно в продовольственное дело, силою оружия захватывая продовольственные склады, а в некоторых местах производили акты насилия над социалистами-интернационалистами. Только прямой контрреволюционный вооруженный мятеж чехословацких отрядов против Советов заставил советское правительство стать на путь строгого вооруженного подавления мятежников²⁷⁰. Чехословацкий мятеж везде сопровождался арестом советских властей, расстрелами, созданием контрреволюционных организаций, именующих себя местными правительствами, сообщалось далее. Чехословаки действуют в союзе с белогвардейцами и контрреволюционным русским офицерством; в некоторых местах среди них находились французские офицеры. «Развернувшиеся события показали, — писал Чичерин, — что перед нами в данном случае мятеж белогвардейцев, реакционного офицерства и других контрреволюционных элементов против советской республики, поддерживаемый вооруженной силой чехословацких отрядов и опирающийся на эту силу»²⁷¹. НКВД выразил уверенность, что представители держав Согласия не будут рассматривать разоружение чехословацких отрядов как акт недружелюбия и признают необходимость и целесообразность предпринятых советским правительством против мятежников меропрятий.

²⁷⁰ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 3. Д. 1. П. 2. Л. 25—26.

²⁷¹ Там же. Л. 25.

С выступлением Чехословацкого корпуса против советской власти в мае 1918 г. связана эскалация Гражданской войны в России. Если сначала советские историки рассматривали Чехословацкий корпус как непосредственного ее виновника²⁷², то в дальнейшем подход к этой проблеме стал более взвешенным. Несмотря на различия позиций, историки советской школы и эмигранты сходились в том, что особой заинтересованности в участии в Гражданской войне у военнослужащих Чехословацкого корпуса не было. Однако усилиями представителей военно-политических кругов Франции и Великобритании корпус был втянут в орбиту войны²⁷³. Чехословацкий государственный деятель Э. Бенеш вспоминал: «Наша армия в России для союзников являлась лишь одной из шахматных фигурок, (они) очень материалистически, просто даже безжалостно реалистически считали, что там столько-то людей, которыми можно пожертвовать в нужный момент...»²⁷⁴. Мятеж корпуса послужил поводом для вторжения держав Антанты в дальневосточные пределы России.

Силы чехословаков, в общей сложности достигавшие 30—40 тыс. человек, были сосредоточены в четырех группах: 1-я — 5 тыс. человек под командованием С. Чечека — в районе Сызрань — Самара; 2-я — 8 тыс. человек во главе с С.Н. Войцеховским — в районе Челябинска; 3-я (Сибирская) — 4 тыс. человек под руководством Р. Гайды в районе Омск — Новониколаевск; 4-я (Владивостокская) — 14 тыс. человек, возглавляемая М.К. Дитерихсом, была разбросана в пространстве к востоку от озера Байкал и направлялась на Владивосток. Штаб корпуса и Чехословацкий национальный совет находились в Омске²⁷⁵. 25 мая Р. Гайда поднял мятеж в Сибири, 26 мая С.Н. Войцеховский захватил Челябинск, 28 мая С. Чечек занял линию Пенза — Сызрань и направился на Самару. С ее взятием 8 июня там был образован Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), объявивший себя верховной властью. Основные силы сибирской группы чехов двинулись вдоль железнодорожных линий на Екатеринбург, а группа Чечека от Самары пошла на Уфу. С захватом чехословаками огромных территорий Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока положение советского правительства было крайне тяжелым, осо-

²⁷² См., например: *Какурин Н.[Е.]*. Восстание чехо-словаков и борьба с Колчаком. М.; Л., 1928; *Парфенов П.С. (Петр Алтайский)*. Гражданская война в Сибири, 1918—1920. Изд. 2-е испр. и доп. М., [1925].

²⁷³ См.: *Санин А.В.* Участие чехословацкого корпуса в белом терроре // Военно-исторический журнал. 2011. № 5. С. 25—27.

²⁷⁴ Там же. С. 25.

²⁷⁵ Там же.

бенно если учесть и его внутривластные трудности. Свергнув слабый большевистский режим на востоке, чехословаки дали мощный импульс развитию Белого движения, предоставив возможность белым сформировать антибольшевистский фронт и превратив Сибирь в главное поле сражений Гражданской войны.

Уверенность в непрочности власти большевиков окрепла не только у ее противников, но и у работников немецкой дипломатической миссии. По мнению барона Карла фон Ботмера, представителя Верховного главнокомандования при немецкой дипломатической миссии, положение в тот момент было слишком запутанным, чтобы предсказать момент смены власти. В своем донесении от 21 июня Ботмер сообщил, что свержение власти, как полагают, будет осуществлено непосредственно чехословаками или правительство падет вследствие перекрытия доставки продовольствия с востока. Мало кто верил в то, что падению власти могло бы способствовать наступление немцев²⁷⁶. Немецкая дипломатическая миссия вполне разделяла мнение Ботмера, что успехи чехословаков, занявших Сызрань, Кузнецк, Оренбург, могли привести к повороту событий в России. Падение большевиков означало бы победу Антанты. Продвижение же немцев встретило бы очень слабое сопротивление и привело к немедленному падению Кремля. В дневниковой записи от 23 июня Ботмер, указывая на обеспокоенность правительства Советов создавшимся положением, привел факт, что оно негласно предложило немцам согласиться на вооружение немецких военнопленных в Сибири и восточной части России с тем, чтобы использовать их против чехословаков²⁷⁷.

Для Германии чем менее благоприятно складывалось положение на Западе, тем важнее становилось положение на Востоке. В критический момент выступления чехословацкого корпуса Германия оказала большевикам косвенную, но весьма существенную военную помощь. 23 июня Вильгельм II лично отдал распоряжение, чтобы немецкие войска не предпринимали никаких военных операций в России, а советскому правительству было сообщено, что оно может спокойно отвести свои войска от Петрограда и использовать их против чехословаков²⁷⁸. Так как в Германии сохранение власти большевиков рассматривали в то время как равно-

²⁷⁶ *Ботмер К. фон.* С графом Мирбахом в Москве: дневниковые записи и документы за период с 19 апреля по 24 августа 1918 г. Нью-Йорк, 1999. С. 69.

²⁷⁷ Там же. С. 71.

²⁷⁸ См.: Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1995). [М.], 1995. С. 31.

сильное отсутствие Восточного фронта, вероятность ее падения не могла не беспокоить немцев.

Летом 1918 г. наступление Германии в глубь России было нецелесообразно не только с политической точки зрения (как считали в германском МИДе), но и с военной. Так, 9 июня генерал Э. Людендорф, фактически руководивший всеми операциями германской армии, в меморандуме статс-секретарю иностранных дел Германии отметил, что из-за нехватки кадров на Западном фронте командование армией вынуждено было еще больше ослабить дивизии на Востоке. «Они достаточно сильны, чтобы выполнять задачи оккупационного порядка, — писал генерал, — но если положение на Востоке ухудшится, они не справятся с ним»²⁷⁹. В случае же падения большевиков положение Германии лишь ухудшилось бы. С небольшевистской Россией объединилась бы Украина, и, по мнению помощника германского посла К. Рицлера, Германия могла оказаться в крайне сложном положении: «либо противостоять мощному движению, имея всего несколько дивизий», либо «принять это движение», то есть уступить требованию нового правительства и пересмотреть Брестский мир²⁸⁰.

Несмотря на дипломатические отношения с советским правительством, немецкие политические деятели предлагали поддерживать отношения и с другими движениями в России, в частности с монархистскими группами правого крыла, стараясь подчинить интересам Германии. Посол Германии Мирбах считал наиболее серьезным блок правых организаций во главе с бывшим министром земледелия А.В. Кривошеиным. 25 июня 1918 г. в письме статс-секретарю иностранных дел Р. Кюльману он подвел черту под периодом правления большевиков в России, отметив, что «после двухмесячного внимательного наблюдения» уже не может «поставить большевизму благоприятного диагноза». «Мы, несомненно, стоим у постели опасно больного человека, состояние которого может иной раз и улучшиться, но который обречен», — писал Мирбах²⁸¹. В последнем своем донесении из Москвы 28 июня посол сообщал, что следит за переворотом, который готовит группа Кривошеина и который должен был произойти через несколько недель²⁸². Учитывая, что никакое новое правительство России не согласится на

²⁷⁹ Цит. по: *Фельштинский Ю.Г.* Указ. соч. С. 422.

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ Там же. С. 425.

²⁸² Там же.

соблюдение Брестского договора, Мирбах предлагал существенное его смягчение, прежде всего присоединение к России Украины и Эстонии. Об антисоветской деятельности германского посольства были осведомлены дипломатические представители Антанты, знало и правительство большевиков. Как раз в то время, в первых числах июня 1918 г., в ВЧК был создан отдел по наблюдению «за возможной преступной деятельностью посольства», возглавил который левый эсер Я.Г. Блюмкин — будущий убийца германского посла²⁸³.

19 июня «Известия» поместили сообщение, что из Украины немцы продолжают выкачивать хлеб; в Латвии уже все выкачено: наступил голод не только в городах, но и в деревнях; в Риге выдают подобие хлеба: $\frac{1}{3}$ муки, $\frac{1}{3}$ смолотой мелкой осины и $\frac{1}{3}$ картофеля. Магазины опустели, промышленность остановилась, немцы ничего не ввозят, за исключением спиртных напитков, табака и сахара, от употребления которого местные жители отказываются; им представляется сомнительным не только табак, к которому германским правительством разрешено примешивать до 95% сушеных листьев фруктовых деревьев, но и спиртные напитки, так как из-за недостатка в Германии спирта для медикаментов напитки готовили из денатурата.

На следующий день газета написала о «бешеном голоде, царившем в России», о критическом положении русской революции: «7 месяцев Социалистической России приходится вести борьбу за свое существование, держа в одной руке кирку, а в другой винтовку. Но ее бросил о землю германский империализм. Он оторвал от нее области, которые ее кормили, он окружает ее со всех сторон. Французско-японская буржуазия двигает на нее силы с Востока. При помощи французских денег мобилизованы против нее силы Чехословацкого корпуса, успевшего отрезать ее от хлебных областей Сибири. На юге пытаются то же самое сделать банды контрреволюционеров с генералом Красновым во главе. Железный круг европейского капитализма с каждым днем становится теснее». Сообщалось и о том, что русская революция — это не отдельный акт, не эпизод, а длительный процесс побед и поражений, революция только началась и на нее работает история, которая затягивает войну, углубляя таким образом европейский революционный кризис, создает условия, при которых рабочие массы Европы не будут иметь иного выхода, кроме пролетарской революции, и чем больше ее приходится ожидать, тем глубже и основательнее она будет.

---

²⁸³ Там же. С. 426.

Кампания за интервенцию в западной прессе

В западной прессе развернулась широкая кампания за интервенцию. 3 июня 1918 г. английская газета *The Globe* выразила недовольство медлительностью союзников в решении вопроса о японской интервенции, потребовав обращения к Японии с предложением немедленно ее начать. В тот же день *The New-York Times* поместила интервью японского премьера, сопроводив его примечанием: «По всей России есть люди, готовые подняться против своих притеснителей, как только они почувствуют под собой опору. Появись в Сибири хотя бы 20—30 тыс. союзных солдат в сопровождении американских властей, которые бы заявляли о готовности проводить выборы в занятых местностях, все люди, которые хотят восстановить прежнюю Россию, собрались бы вокруг такого военного ядра в большом количестве, и союзным войскам пришлось бы немного сражаться». 4 июня о необходимости присутствия небольшого контингента союзных войск в Сибири, которое дало бы русским то ядро, вокруг которого они смогли бы собраться для обеспечения контроля над Восточной и Западной Сибирью, сообщила и газета *The Times*, упомянув о чехословаках как о наиболее опасных врагах советской власти. Консервативная *Pall Mall Gazette* в номере за то же число поставила вопрос более конкретно: «Срочной является необходимость связаться со здоровыми элементами в России и снабдить их всей морально-материальной помощью». Газеты призывали использовать «зарубежные русские силы». В Лондоне в те дни проходили собрания русских, желавших восстановить свою страну совместно с русским национальным комитетом в Париже.

Кампания за интервенцию в России началась в Италии, достигнув в июне 1918 г. наивысшей точки. Влиятельная газета *Corriere della Sera* 2 июня 1918 г. потребовала прекращения политики пассивности в русском вопросе, заявив, что молчаливая оппозиция, зародившаяся в тылу большевистского террора, должна быть всячески поддержана. В этой газете сторонниками интервенции была организована публикация целой серии статей, в которых, прикрываясь лозунгами о необходимости продолжения войны против Германии и ее союзников, они решительно призывали Италию и другие страны Антанты перейти от политики выжидания крушения советской власти к политике действий²⁸⁴. Перспективы предстоя-

²⁸⁴ См.: Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией 1917—1924 гг. М., 1993. С. 17.

шей интервенции притягивали взоры не только тех, кто не принимал революционной идеологии Советской России, ее социальной системы, формы правления и проводимых ею мероприятий, таких, в частности, как национализация. Так, деловой мир Италии, строил планы в надежде на возмещение потерь по долговым обязательствам царской России или же получение прибыли за счет расширения военных поставок. Италию особенно интересовал юг России, Кубань, Кавказ, Украина. Но она готова была связать себя обещанием участвовать во всех антисоветских действиях. Даже если от интервенции Италия и не получила бы прямых экономических выгод в районах Севера России и Сибири, где она никогда не имела ни постоянных экономических интересов, ни твердых позиций, то, как полагали многие деятели Италии, политический капитал она все же могла составить — по-прежнему быть равноправным партнером стран Антанты²⁸⁵, и следовательно, оставшись в ранге великой державы, не быть обойденной при распределении экономических привилегий в случае их получения в результате вооруженного вторжения в Россию. Опасалась Италия и возможного антиантантовского блока Германии и России. Последнюю она предпочла бы все-таки видеть сильной в качестве противовеса англо-французскому и германскому политическому влиянию в Европе.

Кампания за интервенцию в западной прессе отличалась не только единодушием общественного мнения стран-союзниц, но и небывалой откровенностью, с которой в Риме, Нью-Йорке, Лондоне и Париже указывали, что основой интервенции является свержение советской власти. В определенной степени мотивы подобной откровенности проясняла японская пресса, сообщавшая, что правительство Японии после заключения японо-китайской военной конвенции настроено в пользу интервенции. Вопрос об интервенции был вновь поднят в Европе как результат этой конвенции. Великобритания и Франция считали ее толчком к решению Японии начать интервенцию. Именно в публикациях японской прессы была вскрыта подоплека интервенционной кампании на Западе, показано, что началась она не случайно: вопрос об интервенции союзниками был уже решен и они должны были потребовать от Японии немедленного выступления; в Японии, в свою очередь, отмечали, что план интервенции уже выработан и дело за союзниками.

---

²⁸⁵ Там же. С. 16.

Таким образом, к началу июня единства между союзниками и Японией достигнуто еще не было. Как в ноябре 1917 г. и в феврале 1918 г., Япония настаивала на сепаратном выступлении, союзники требовали от нее определенных гарантий. К тому же еще не было побеждено сопротивление американского президента В. Вильсона. Хотя именно США, как писал, например, эксперт по русским делам Пэрс в *The Daily Telegraph* 5 июня 1918 г., принадлежала главная роль в решении «русского вопроса».

7 июня 1918 г. в английской прессе впервые раздался голос против интервенции. *The Manchester Guardian*, крупнейший орган либеральной партии, поместила в номере статью анонимного «русского корреспондента», доказывавшего лживость тезиса, что интервенция приведет к восстановлению Восточного фронта и возобновлению русскими войны с Германией. Тем временем кампания за интервенцию развивалась довольно энергично, но даже авторитетные политические деятели плохо представляли себе, что именно стоит за словом «интервенция».

Член английского парламента Уайт в статье, помещенной в *Pall Mall Gazette* 8 июня, писал: «Интервенция пропагандируется различными источниками, причем каждый имеет свои взгляды на ее методы, масштабы и т.д. Если бы Япония даже и смогла предпринять военную авантюру с целью спасения Европы (а она этого не может), есть основания предполагать, что Россию такая интервенция приведет в еще худшее положение. Интервенция должна иметь определенную политическую цель, и быть следствием союзной политики, поддерживаемой Америкой»²⁸⁶. Указывая далее, что большевики сами собирались воспользоваться военной помощью союзников против Германии, Уайт высказал между тем опасение, что сотрудничество союзных держав с большевиками может восстановить против них остальное население России. Он считал правильным принять предложение о создании в Сибири союзного ядра, вокруг которого могла бы собраться русская армия.

Среди союзников были те, кто стремился к интервенции как единственному средству уничтожения советской власти. Но были и те, для кого интервенция была важна по мотивам чисто психологическим — для них уничтожение советской власти являлось одним из отдаленных последствий интервенции. Английская газета *Daily News* писала 4 апреля, что невозможно восстановить путем сверже-

---

²⁸⁶ АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 190.

ния советской власти и военной интервенции Восточный фронт; единственное, что остается — признать правительство большевиков, которое, нравится союзникам это или нет, является признанным в России правительством²⁸⁷. обстоятельную статью о различных интервенционных планах поместила провинциальная британская газета *Sunday Advertiser* 8 июня: «Есть два основных направления: одни полагают, что союзная военная интервенция, в первую очередь, исходящая из Японии, приведет к тому, что большевики бросятся в объятия немцев, по мнению других, лучшая часть русских ненавидит большевиков и только ожидает союзников в качестве основного ядра сопротивления». Оба направления не были непримиримы, авторы статьи полагали, что второе более соответствовало действительности. И если союзная интервенция в России должна была быть, то как можно скорее и по приглашению какой-либо группы людей, представлявших различные российские круги. Большинство сторонников интервенции понимали, что без внешнего предложения выступить нельзя и начали его усиленно создавать, рекомендуя, в частности, прислушаться к призыву союзной интервенции разных «сибирских общественных деятелей» и русских офицеров.

Итоги кампании за интервенцию подвел в еженедельном обзоре журнал *Nation* 8 июня, сообщив, что началась согласованная оффензива прессы в пользу японской вооруженной интервенции; причем наблюдалось гораздо меньше, чем прежде, попыток скрыть политический характер интервенции. Журнал критиковал план направления японской армии, сопровождаемой союзниками, через Сибирь на запад с присоединением контрреволюционной армии, выразив надежду, что этот план, несмотря на пропаганду влиятельных газет, вдохновлен не из официальных источников. Газета *The Observer* писала на следующий день, что японская интервенция если и произойдет, то только в сотрудничестве с другими союзниками и по инициативе демократических революционных кругов России, дав рекомендацию собрать полную информацию о России.

Если не было единодушия между союзниками и Японией по поводу интервенции, то его не было и в английском правительстве. Единства мнений о необходимости участия в интервенции не было и в правительстве Италии. Наиболее здравомыслящие политики ставили этот шаг под сомнение, учитывая состояние итальянской экономики и военный потенциал страны. Однако в решении этой

---

²⁸⁷ Там же. Л. 192.

проблемы был достигнут компромисс: одновременно с подготовкой плана участия Италии в интервенции, для неофициальных связей с советским правительством был назначен бывший консул в России А. Мацони и небольшая военная миссия во главе с генералом Р. Лонгена²⁸⁸.

Замешательством в правительственных кругах союзников пользовались английские газеты. 14 июня *The Manchester Guardian* потребовала от союзников начать переговоры с советским правительством с целью его признания, ее поддержала *Ulster Guardian*, резко выступив против интервенции и за признание Советской России. Однако *The Sunday Times* писала 16 июня, что хотя и раздавалось много необоснованных критических замечаний в адрес правительства Великобритании, оно, тем не менее, уделило много внимания этому трудному вопросу, выработав план действий. Что именно имелось в виду, газета не смогла указать, но заявила, что результат должен быть благоприятным не только с агитационной, но и с практической точки зрения: создание в России ядра элементов, стоящих за национальную независимость и реорганизацию. Действительно, британское правительство выработало линию поведения и приступило к ее осуществлению. Сообщение о высадке англичанами 22—23 июня 1918 г. второго десанта в Мурманске было опубликовано в советских газетах.

29 июня 1918 г. наркоминдел Чичерин в письме французскому генеральному консулу в Москве просил разъяснить позицию его правительства в связи с публикацией в газете «Наше Слово» беседы с иностранными дипломатами по поводу условий, при которых возможно вмешательство Франции и ее союзников в России. Такое разъяснение, по мнению Народного комиссариата, было «тем более необходимо, что в упомянутой беседе нет никаких указаний на то, что предполагаемое вмешательство не будет направлено против Советской власти в России и не будет носить характера вооруженного иностранного вторжения. Особенное значение такое разъяснение будет иметь теперь, когда чехо-словацкие отряды, о которых представитель Франции и ее союзников высказывались как о находящемся под их покровительством союзном войске, упорно продолжают вооруженный мятеж против Советской власти»²⁸⁹. Была выражена надежда, что представитель Франции отвергнет всякую

²⁸⁸ Хормач И.А. Указ. соч. С. 17.

²⁸⁹ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 3. Д. 1. П. 2. Л. 30.

общность с планами вооруженного вторжения на территорию Российской Советской Республики.

Для англичан в начале лета 1918 г. переговоры с Россией потеряли привлекательность. Локкарт, еще недавно ратовавший за договоренности с большевистским правительством, стал апологетом интервенции: «Союзная интервенция будет иметь своим результатом контрреволюцию, имеющую большие шансы на успех... Определенные партии готовы поддержать нас в том случае, если мы будем действовать быстро. Если же мы не выступим немедленно, они неизбежно обратятся к Германии»²⁹⁰. По мнению британских военных экспертов, даже будучи вытесненными из Франции, Бельгии и Италии, центральные державы не будут разбиты; если Россия не восстановит свой потенциал как военная сила на Востоке, ничто не сможет предотвратить поглощение ее ресурсов центральными державами в качестве основания мирового доминирования Германии²⁹¹. Анализ британских экспертов американскому президенту был известен. Однако Вильсон лишь 6 июля 1918 г. изложил своим советникам меморандум, в котором содержались основные параметры и правила интервенции в Россию. Президент надеялся достичь прогресса, действуя двояко — предоставляя экономическую помощь и оказывая содействие чехословакам. Лишь в середине июля 1918 г. он указал, что в отношениях с Россией приоритет должен быть отдан не созданию двусторонних экономических и прочих отношений, а задаче формирования нового Восточного фронта против немцев²⁹².

С середины июня 1918 г. в Великобритании стал активно обсуждаться вопрос о ее финансово-экономических интересах в России. 18 июня британские газеты сообщили об образовании специального комитета из представителей видных финансовых кругов для защиты держателей акций русского правительства и городских и железнодорожных предприятий. Комитет был создан раньше, сообщение о нем впервые появилось в газетах 9 марта, но до 18 июня эти сведения не разглашались. 19 июня появилось известие, что еще один подобный комитет образован также по распоряжению министра иностранных дел А. Бальфура в целях регистрации всех претензий английских подданных по поводу убытков в России. В финансовых и правительственных кругах Великобритании появилась уверенность в своевременности постановки вопроса о

²⁹⁰ Lockhart R.H. British Agent. N.Y., 1933. P. 276.

²⁹¹ Цит. по: Уткин А.И. Указ. соч. С. 126.

²⁹² Там же. С. 128.

возмещении этих убытков. Однако никакого официального обращения со стороны британского правительства к советскому правительству по поводу возмещения данных убытков в то время не было. В связи с этим возникло предположение о возмещении их каким-то особым способом, без помощи советского правительства. Наличие двух комитетов, призванных выполнить одну и ту же цель, встревожило финансовые круги, и в газетах началась кампания за их объединение. 19 июня 1918 г. влиятельный финансовый орган *Financial News* писал, что комитет этот может свести на нет все попытки со стороны России совершать какие бы то ни было финансовые операции, если Россия не вернется на путь порядка и честности. 20 июня был созван митинг держателей русских ценностей в целях создания еще одного — третьего независимого комитета, который должен был предпринять необходимые шаги для обеспечения русских кредиторов. В тот же день А. Бальфур заявил в палате общин, что британское правительство не может дать обязательства в том, что не будет участвовать в вооруженной интервенции в России, а французский министр иностранных дел С. Пишон тогда же неофициально (в кулуарах парламента Франции) заявил, что президент Вильсон считает необходимой японскую интервенцию в Сибири²⁹³.

Голоса в пользу интервенции все сильнее стали раздаваться в США. Заявление Пишона о позиции Вильсона было подхвачено прессой. 22 июня британская *Pall Mall Gazette*, процитировав его, призвала союзников к немедленным действиям. 24 июня *Morning Post* информировала как об очевидном факте, что между Соединенными Штатами и союзными державами достигнуто соглашение об интервенции в Сибири. Однако о целях интервенции по отношению к советской власти газета не упоминала, ограничившись борьбой с Германией. Парижская газета *L'Homme Libre* в тот же день сообщила, что благожелательное отношение к японскому военному выступлению появилось в тех американских кругах, которые решительно протестовали против него прежде, а *Matin* напечатала интервью с известным петроградским публицистом В.Л. Бурцевым, заявившим, что благодаря чехословакам большевистская власть приближается к концу, и новое русское правительство в Сибири спасет всю Россию.

24 июня 1918 г. последовал «официальный намек» Д. Ллойд Джорджа в палате общин на интервенцию. Премьер-министр зая-

---

²⁹³ АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 199.

вил, что Англия должна помочь России, если Россия того захочет. По его сведениям, русский народ все более начинал понимать, что значит германский империализм; Россия, очевидно, в большей степени, чем раньше, готова была принять участие в вытеснении немцев. Хотя все это вселяло надежду, но существовали и определенные трудности. Япония — единственная страна, имевшая широкий доступ в Россию, но и этот вопрос был крайне непросто²⁹⁴.

Газеты *Daily News* и *Daily Mail*, занимавшие противоположные позиции, тем не менее одинаково расценили «намек» премьера как указание на интервенцию. *Daily Mail* в частности сообщила 25 июня, что интервенция приближается медленно, но процесс ускорится с появлением в России авторитетной власти, которая обратится к союзникам за помощью. Признать такой властью генерал-лейтенанта Г.М. Семенова или генерала Д.Л. Хорвата союзники не решились, но услышали «авторитетный» призыв к интервенции прибывшего в Англию А.Ф. Керенского. Газета *The Globe* в передовице 27 июня, комментируя его заявление, «что он бежал от тирании», задала вопрос: какая это была тирания — германская или большевистская?

Призыв к военной интервенции, или Эпизод с А.Ф. Керенским

Зарубежная пресса писала о том, что Англия ждет от А.Ф. Керенского указаний, какую помощь союзники могли бы оказать России. В интервью корреспонденту *Le Petit Parisien* 27 июня 1918 г. Керенский сказал, что дни большевиков сочтены, и он надеется на поддержку союзников в восстановлении порядка в России²⁹⁵. Речь Керенского на конференции лейбористов 28 июня, взывавшего не оставаться молчаливыми свидетелями российской трагедии, была расценена именно как призыв к союзной интервенции. Газеты писали, что А. Керенский желал союзной военной интервенции для победы над германским влиянием в России; ему неважно, какая именно держава поставит наибольшее количество войск, лишь бы интервенция была делом всех союзников. *The Times* назвала цель миссии Керенского: призыв к союзникам о помощи в единственно эффективной форме — войсками и военным снаряжением. Такой

---

²⁹⁴ Там же. Л. 202.

²⁹⁵ Там же. Л. 203.

призыв, сообщала *Westminster Gazette*, весьма привлекателен и «мы горячо приветствуем связанные с ним условия: все союзники должны принять участие в выступлении, и не навязывать своей воли в определении характера будущего русского правительства»²⁹⁶. Либеральная пресса называла еще одно условие: союзники должны были быть уверены, что интервенция будет приветствоваться русским народом. Россия слишком велика, сведения о ней противоречивы, и мало кто из русских за границей мог бы говорить от ее имени.

Из сообщений прессы стало известно о примечательной детали. Ллойд Джордж в сделанном им заявлении о том, что по доставленным ему сведениям, Россия более чем когда бы то ни было готова принять участие в движении против Германии, имел в виду именно Керенского, с которым беседовал 24 июня 1918 г. Премьер был скептиком, но русский политик произвел на него впечатление. Свидетельством перемены видения Ллойд Джорджем русской ситуации стало его решение опереться на чехов. Он оповестил французов о своей просьбе к чехам не покидать пока России. Чехи должны были остаться в Сибири и решить союзническую задачу: «с одной стороны, блокировать большевизм, а с другой — оттеснить японцев как часть союзных интервенционистских сил в России»²⁹⁷.

Представители различных политических течений на Западе оценили миссию Керенского одинаково. Однако в то время взаимоотношения союзников не позволили начать интервенцию и использовать призыв русского политика как официальное приглашение к ее осуществлению.

27 июня 1918 г. в опубликованном в Вашингтоне неофициальном заявлении сообщалось, что правительство Японии решило отклонить предложение Антанты о сибирской интервенции. Однако как отказ помочь России в деле ее возрождения союзниками это не расценивалось. О противоречиях внутри японского правительства сообщила в тот же день *Éco de Paris*, указав, что бывший министр иностранных дел виконт И. Мотоно и барон Като за интервенцию; против нее высказывается только морской министр Т. Като, который, однако, может изменить свою точку зрения, если станет министром иностранных дел. Неоспоримым являлось то, что большинство политических деятелей в Японии выступало за интервенцию. Следовало учитывать и такие обстоятельства, как

---

²⁹⁶ Там же. Л. 204.

²⁹⁷ Цит. по: Уткин А.И. Указ. соч. С. 125.

китайско-японское сотрудничество и концентрация войск Китая в Маньчжурии.

27 июня Роберт Сесиль объявил в английском парламенте, что между правительствами Великобритании и Соединенных Штатов, а также других союзников постоянно проходят совещания по русскому вопросу, но пока он ничего не может сказать по вопросу об интервенции. Покончить с таким неясным положением и начать действовать потребовал *The Observer* в номере от 30 июня 1918 г., осознавая, что любое из возможных действий влечет за собой риск. В самой России «большие силы патриотов ждут вождей, оружия и снаряжения; большевики, и те будут прощены, если станут сражаться за возрождение России».

В то время странам-союзницам интервенция казалась опасной в такой же степени, как и желательной.

Необходимо отметить, что НКВД неоднократно предпринимал попытки ослабить напряженность в отношениях с Великобританией и Францией, пытаясь, в частности договориться о судьбе солдат Российского экспедиционного корпуса, отправленных французами в Африку, достигнуть соглашения об отказе от принудительного набора российских граждан в британскую армию. Далеко не всегда НКВД удостоивали ответом. Так, в ответ на телеграмму Г.В. Чичерина о захвате Францией военных кораблей русского Черноморского флота Раймон Пуанкаре заявил, что французское правительство считает, что будучи непризнанным, советское правительство совершенно не полномочно требовать возвращения этих кораблей²⁹⁸. Французское правительство, по словам Пуанкаре, не намеревалось препятствовать торговле между обоими народами. Придерживаясь принципа абсолютного уважения частной собственности, оно воздержалось от ответа соответствующими актами на «беспрецедентно грубый грабёж, жертвами которого стали французские граждане в России». Русские могут, указывалось далее в телеграмме, в полной безопасности заключать во Франции торговые сделки; однако русские организации, обеспечившие себе в России монополию на внешнюю торговлю, не имели права представлять русское государство и рассматривались как частные организации.

Между тем предпринимаемые советской стороной попытки наладить торгово-экономические отношения с великими державами результатов не дали. Так, посетившая в июле 1918 г. Москву

---

²⁹⁸ АВП РФ. Ф. 136. Оп. 2. Д. 6. П. 1. Л. 2.

английская коммерческая делегация во главе с У. Кларком — высокопоставленным чиновником Министерства внешней торговли Великобритании, через неделю покинула российскую столицу, без объяснения причин своего поспешного бегства. Видимо, оно было связано с начавшимся в то время расширением похода английских войск в глубь Мурманского края. В.А. Шишкин справедливо увидел в посылке британской миссии, состоявшей из Лесли Уркарта и двух других имевших до революции предприятия в России представителей торгово-промышленных кругов, стремление их правительства скорее успокоить общественное мнение накануне высадки английских войск в Архангельск и прозондировать почву по ряду вопросов в советских кругах, чем установить экономические контакты с советским правительством²⁹⁹. Отъезд миссии Кларка 28 июля 1918 г. знаменовал собой прекращение всяких контактов в экономической области между двумя странами на весьма продолжительный срок. Французское правительство, как наиболее активный поборник вооруженной интервенции против Советской России, не только отказалось впустить на территорию своей страны советского официального представителя, но и выразило полное согласие с американской политикой экономического бойкота «пролетарского» государства.

1 июля 1918 г. газета *The Manchester Guardian* заявила, что в связи с чехословацким восстанием военная сторона интервенции резко изменилась, теперь речь шла о том, чтобы сделать чехов ядром новой армии, которая сможет сражаться против Германии и воссоздать Россию. К тому времени появились сведения, что при помощи чехословаков многочисленные сибирские правительства объединились и сконцентрировались в Томске. 1 июля *L'Homme Libre* написала, что смертельный удар большевизму будет нанесен в Сибири. Заявив, что история России приближается к поворотному пункту, газета потребовала от союзников не упускать момент для решительных действий. В это же время лорд Р. Сесиль сделал в парламенте иное заявление. В ответ на вопросы члена парламента Кинга: осведомлено ли правительство о том, что советские руководители выразили протест правительству Германии против активности немецких субмарин, действовавших с помощью Финляндии на Мурманском побережье, предлагало ли английское правительство

---

²⁹⁹ Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг.: очерки истории становления экон. отношений. Л., 1969. С. 78.

или союзники советскому правительству военную помощь для охраны Мурманска против Финляндии и Германии, и намерено ли оно таковую предложить? Лорд ответил, что в случае если советское правительство обратится с просьбой к союзникам о морской или военной помощи для защиты русской территории от Германии, это предложение будет дружески рассмотрено³⁰⁰.

С точки зрения осуществления интервенционного плана союзников интересовал как Мурман, так и Сибирь. Причем если Великобритания проявляла интерес в основном к Мурманску, то Франция сосредоточила свое внимание на Сибири. Зарубежная пресса, поглощенная вопросом об активной, как тогда писали, интервенции, была полна сообщений о том, что Мурманск и Сибирь — два пути, ведущие к одной цели; с занятием Владивостока чехословаками и Мурманска союзниками доступ «цивилизованного мира» в Россию был обеспечен с двух направлений³⁰¹. Так, газета *Daily Express*, желая сделать наглядной эту связь, поместила в номере от 13 июля рядом карты Мурманского побережья и Сибири, подпись под ними гласила: «Области, где союзники помогают России».

В начале июля 1918 г. стало ясно, что начать интервенцию через Мурманск гораздо легче, чем через Сибирь, где ситуация с каждым днем усложнялась, в том числе и для союзников: помимо так называемого Сибирского правительства в Томске, состоявшего из эсеров, и правительства генерала Д.Л. Хорвата, образовалось еще и Владивостокское правительство, также претендовавшее на Сибирь, и все они добивались союзной помощи. *Daily Chronicle* 18 июля источала восторги судьбе, ставшей на сторону союзников и успокоившей совесть президента Вильсона (считавшего, что сотрудничество со славянской нацией могло оправдать интервенцию) тем соображением, что чехословаки — нация славянская. Либеральная газета умолчала о том, что эта судьба создавалась французскими субсидиями профессору Масарику. 2 июля 1918 г. газеты *Éco de Paris* и *Galois* рекомендовали немедленно связаться с чехословаками. В статье из *Éco de Paris* слышались отзвуки борьбы, которая велась между Садулем и Нулансом. Истинные интересы Франции в России тормозились некоторыми представителями военной миссии, сообщалось в газете, и лишь теперь Нуланс смог парализовать их нежелательное влияние.

³⁰⁰ АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 209.

³⁰¹ Там же. Л. 220—221.

4 июля в английских газетах появились телеграммы из Копенгагена, в которых муссировались слухи о продвижении финско-германских войск к Мурману. 2 или 3 июля англичане, видимо, уже произвели тайные высадки на Мурманском побережье — точных сведений об этом не было. Но *Nordface Allgemeine Zeitung* писала 2 июля, что высадка уже произведена, — и вряд ли с согласия Московского правительства, так как Мурманское побережье слишком удобный пункт для английского вторжения. Английская провинциальная газета *Yorkshire Post* сообщила 4 июля, что получила эту информацию из германского источника; информация вполне согласовывалась с пребыванием в Лондоне Керенского и его заявлением. Из того факта, что Северная Россия была объявлена Советами на военном положении, газета сделала вывод, что большевики считали интервенцию враждебной себе. Только 5 июля в английских газетах появился протест наркоминдела Г.В. Чичерина от 28 июня против операции английских войск на Мурманском побережье. Факт высадки английских войск газеты не признавали. В тот же день, 5 июля в *Daily Express* появилась телеграмма о предстоящем финско-германском наступлении на Мурман, причем со ссылкой на слухи о занятии немцами Петербурга и Москвы в связи с началом союзной интервенции в России.

В то время союзники уже начали переговоры с Мурманским советом, приведшие к соглашению от 6 июля 1918 г. В тот же день агентство Рейтер опубликовало официальное заявление о Мурманске, в котором признавалось, что создавшееся германским продвижением к Мурманскому побережью через Финляндию положение было хотя и серьезным, но не представлявшим опасности. Точных сведений относительно численности немецких войск в этом районе не было, но «физические» затруднения военных операций в районе были большими, и вряд ли немцы смогли бы что-либо сделать до наступления зимы; «союзные правительства в своих отношениях с русской центральной властью неоднократно заявляли, что они не имеют никаких территориальных целей на мурманском полуострове»³⁰². Последняя фраза заявления служила, видимо, своеобразным ответом на протест Чичерина, после которого в течение недели в английских газетах о Мурмане не появилось ни слова. Вопрос, видимо, замалчивали до заключения официального соглашения с Мурманским советом: союзники хотели войти в Россию по приглашению самих русских.

---

³⁰² Там же. Л. 213.

Беспрецедентное соглашение

Соглашение между союзниками и Мурманским советом было опубликовано английской прессой 24 июля 1918 г., хотя заключено оно было раньше — 6 июля. Главными положениями мурманского соглашения, состоявшего из 14 статей, были:

1. Соглашение заключено между представителями Великобритании, Франции и Соединенных Штатов с одной стороны, и президиумом Мурманского краевого совета с другой, в целях обеспечения совместных действий подписавших настоящее соглашение в деле обороны Мурманского края от держав германской коалиции.

2. В состав Мурманского края входят: бывшие Александровский и Кемский уезды Архангельской губернии.

3. Все отдельные части русских вооруженных сил Мурманского края будут находиться под русским военным командованием, назначенным Мурманским военным краевым советом.

4. Представители союзников окажут русскому военному командованию необходимую помощь в формировании русских вооруженных сил.

5. Вся власть во внутреннем управлении краем принадлежит исключительно Мурманскому краевому совету.

Представители союзников и их агенты не будут вмешиваться во внутренние дела края и не будут обращаться непосредственно к населению, а во всех необходимых случаях будут обращаться к русским властям.

Дальнейшие пункты касались деталей оказания экономической и финансовой помощи Мурманскому краевому совету. Причем, согласно ст. 11 соглашения, «все расходы, имеющие быть произведенными правительствами Великобритании, Северо-Американских Соединенных Штатов и Франции, на основании сего соглашения», записывались в общий счет государственного долга России соответствующим державам. Соглашение вступало в силу с момента его утверждения Мурманским краевым советом и действовало до тех пор, пока не установятся нормальные отношения между русской центральной властью с одной стороны и Мурманским краевым советом и правительствами Великобритании, Франции и Северо-Американских Соединенных Штатов с другой. При подписании этого соглашения представители Великобритании, Франции и Соединенных Штатов от имени своих правительств вновь подтверждали отсутствие у них каких-либо завоевательных

целей по отношению к Мурманскому краю как в целом, так и в отдельных частях его; Мурманский краевой совет перед лицом русского народа и правительства Великобритании, Франции и Соединенных Штатов торжественно заявлял, что единственной целью заключения этого соглашения являлось сохранение Мурманского края в неприкосновенности для Великой единой России³⁰³. Соглашение было утверждено Мурманским советом 7 июля 1918 г.

Это соглашение «юридически почти не имело прецедента в истории международных отношений» и фактически, как считал И.П. Гольденберг, сводилось к «подкупу населения небольшой территории против центральной власти страны, прецедентов этому не было даже в империалистской войне»³⁰⁴. Даже владивостокский и другие десанты, по его мнению, были юридически более правомерны, чем мурманское соглашение, так как являлись результатом военных действий и входили «в концепцию права войны». 25 июля агентство Рейтер опубликовало сообщение о том, что, согласно мурманскому соглашению, союзники в России не имеют в виду каких-либо территориальных приобретений, преследуя лишь одну цель — помочь России возродиться и освободиться от германского господства. В связи с этим союзники предприняли необходимые шаги для защиты Мурманского побережья от врага, и для того, чтобы помочь чехословакам, находившимся в России, не стать жертвой германского заговора. Союзники были готовы оказать всевозможную помощь тем элементам в России, которые хотели бороться с ее германизацией³⁰⁵.

В этом заявлении целью мурманского соглашения откровенно называлось стремление помочь чехословацким силам, которые активно боролись с советской властью. Между тем, союзные правительства в то время еще не решались определенно заявить о борьбе против советской власти, продолжая выдвигать в качестве главного аргумента германскую угрозу.

Центр внимания прессы переместился с событий в Сибири к Дальнему Востоку. В газете *The Times* 6 июля 1918 г. появилось сообщение из Токио о том, что чехословаки заняли Владивосток. 8 июля эти сведения подтвердило агентство Рейтер: «Разоружение местного совета сопровождалось уличной борьбой с большевиками, в то время как союзные отряды высадились для охраны консульства; власть во Владивостоке перешла к местной город-

³⁰³ См.: ДВП СССР. Т. 1. С. 390—392.

³⁰⁴ АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 234.

³⁰⁵ Там же. Л. 235.

ской думе. Все эти события произошли еще 30 июня»³⁰⁶. Владивостокские уличные бои и стали, по мнению большевиков, первыми интервенционными боями, в которых союзники сражались с советской властью. Тем не менее *The Manchester Guardian* 8 июля отмечала, что союзники еще не выработали ясной русской политики: не разделяя планов французского министра иностранных дел С. Пишона по вооруженному уничтожению советского режима, они не стали и на позицию американского президента В. Вильсона. В России же из-за этих колебаний создавалось впечатление, что союзники фактически начали интервенцию.

Санкция на интервенцию, наконец, получила благословение В. Вильсона: 6 июля 1918 г. на совещании в Белом доме было принято решение об участии США в интервенции.

Вскоре после владивостокских боев в печати появились сведения, что Вильсон начал снова колебаться. 9 июля британская консервативная газета *Morning Post* поместила телеграмму из Вашингтона, в которой сообщалось, что решение о начале союзной интервенции в России не может быть больше отсрочено, продолжение политики бездеятельности невозможно. Поскольку во Владивостоке находились лишь небольшие силы союзников для охраны порядка, большевики не имели оснований утверждать, что союзники начали военную интервенцию, однако из-за столкновения между большевиками и чехословаками положение изменилось.

В принципе союзники всегда считали необходимым предпринять какие-либо действия в России, разногласия заключались лишь в их методах и носили технический характер. Япония, как и европейские державы, высказывалась в пользу вооруженной интервенции. Вильсон предпочитал дипломатические шаги, однако царивший в России хаос, противоречивая информация о ней привели президента к пониманию невозможности действовать дипломатическими методами. В телеграмме из Вашингтона содержалось признание, что из-за владивостокского столкновения интервенцию фактически можно было считать начавшейся³⁰⁷. Корреспондент правильно оценил сложившуюся ситуацию: бои во Владивостоке можно было использовать для втягивания Вильсона в интервенцию; намекая на это, он заявлял, что положение меняется, то есть что у большевиков все равно уже была возможность

---

³⁰⁶ Там же. Л. 214.

³⁰⁷ Там же. Л. 216.

утверждать, что интервенция фактически началась. Но понадобилось еще время, чтобы закончились колебания Вильсона.

Успехи чехословаков муссировались в западной прессе все более активно, наряду с возраставшими трудностями большевиков. *The Manchester Guardian* в частности писала 9 июля, что в России повсюду наблюдалось сильное антибольшевистское движение. В печати уже ставился вопрос о том, что стало бы с Сибирью после низвержения советского режима; на Дальнем Востоке предлагалось создать буферное государство, возглавляемое бежавшей из России сибирской буржуазией. Пекинский корреспондент газеты *The Times* 10 июля сообщил, что чехословаки, заняв Владивосток, продвигались к Никольску, и после его занятия объединятся с войсками Семенова. Корреспондент потребовал, чтобы союзники не медлили с посылкой войск в Сибирь. В той же газете было помещено заявление Чехословацкого национального комитета, в котором указывалось, что чехословацкие легионы в России были объектом атак не только со стороны большевиков, желавших зачислить их в Красную армию, но и со стороны их противников, которые, не имея смелости свергнуть советы своими силами, хотели использовать для этой цели чехословаков. В заявлении говорилось, что порядок в России мог быть возобновлен лишь силой, способной оказать длительную помощь русскому народу, и, конечно, такой силой, не могли быть чехословаки, единственная цель которых — попасть во Францию³⁰⁸.

Это заявление не смутило авторов передовицы *Daily Telegraph* от 10 июля, утверждавших, что захваченный чехословаками Владивосток мог служить ядром для создания сильного и организованного сопротивления большевикам. Ссылаясь на победоносное продвижение чехословаков на запад к Никольску, они заявили, что настал решительный момент для союзников, которые не должны были более сомневаться в лояльности Японии и в ее помощи. Однако чехословацкое заявление не могло не вызвать тревожный вопрос: «Что же будет с антибольшевистским движением, когда чехословаки покинут Россию?» В связи с этим *The Times* 11 июля рекомендовала срочное принятие интервенционных мер и поддержки только что образовавшегося Сибирского правительства. В тот же день *Daily Chronicle* потребовала как можно скорее использовать чехословаков, заявляя, что, как славянский народ, они могли наилучшим образом проложить путь в Сибирь для японской армии. «Чехосло-

---

³⁰⁸ Там же. Л. 218.

ваки, — писала газета, — широко открыли дверь в Россию, но они не могут охранять эту открытую дверь до бесконечности».

Придавая большое значение Сибири и чехословакам, газета *The Times* отметила 13 июля, что, завладев сибирской железной дорогой, чехословаки фактически завладели Сибирью, но этого мало: их успехи могли иметь значение лишь тогда, когда будут использованы союзниками, в частности Японией. Последнее слово оставалось за Вильсоном, который не мог не понять значения созданных чехословацкими успехами изменений.

Пресса, обеспокоенная судьбой чехословаков, писала в те дни и о том, что задачу облегчения действий союзников в Сибири должен был выполнить мурманский десант. Пекинский корреспондент *The Times* в номере от 16 июля порекомендовал помочь владивостокским отрядам чехов соединиться с их иркутскими отрядами. Эту идею на следующий день подхватила *Daily Mail*, уделяя значительное место генералу Хорвату. Газета потребовала его немедленного признания союзниками и оказания ему широкой военной и денежной помощи, называя генерала единственным спасителем Сибири от немцев и большевиков.

Из приведенных выше материалов прессы можно заметить, что даже в период наибольших успехов чехословаков союзники не считали возможным полностью на них полагаться, располагая информацией, что чехословаки не настроены вести активную кампанию против советской власти, и выступление их не одобрялось Масариком, Максом и другими чешскими руководителями.

Однако вышедшая 17 июля *The Times* успокоила выступавшие за интервенцию круги, сообщив, что намерение чехословаков покинуть Сибирь через Владивосток, «было, несомненно, их прежним намерением, но признание их союзными правительствами в роли союзной армии и желание помочь союзникам в деле восстановления порядка в Сибири увеличило их стремление остаться на том театре военных действий, где их помощь более всего необходима». Газета сообщила о свидании генерала М.К. Дитерихса с Д.Л. Хорватом для выработки плана совместных действий. В тот же день в газетах появилось сообщение агентства Рейтер из Шанхая о том, что в ближайшем времени возможно соглашение между чехами и Хорватом и что чехи ожидают инструкций от французских и других союзных представителей во Владивостоке³⁰⁹.

---

³⁰⁹ Там же. Л. 224.

18 июля 1918 г. *Daily Chronicle* поместила интересную заметку своего дипломатического корреспондента о неизбежности интервенции союзников в Сибири после занятия чехословаками Владивостока. По утверждению корреспондента, президент Вильсон изменил свою прежнюю позицию, что только формальное приглашение со стороны советского правительства могло бы оправдать присутствие союзных войск на русской территории, но в то же время считая, что принятие таких мер зависит от сотрудничества со славянской нацией, в данном случае — чехословаками. «Судьба шла ему навстречу и оказалась на стороне союзников, снабдив их основой для эффективной интервенции», — писал корреспондент. Стало возможным и соглашение между Токио и Вашингтоном.

Американская оппозиция интервенции перестала существовать. Но и Япония не стала относиться к интервенции с прежним энтузиазмом.

Одно из основных препятствий началу интервенции — несогласие в японском кабинете — не было полностью устранено. К военному выступлению Япония была готова, но сопротивлялась территориальным ограничениям проникновения своих войск. Осложняли положение и острые разногласия между правительством Хорвата и Владивостокским правительством. 19 июля *The Manchester Guardian* проанализировала создавшееся положение: «В Сибири есть несколько претендентов на власть: Хорват, вождь реакционных буржуа, и Владивостокское правительство, антибольшевистское, но социалистическое. Если союзники предпримут интервенцию, то кому они будут помогать, на кого опираться? Если союзная интервенция будет направлена против большевиков, — не возбудят ли они против себя все российское крестьянство? Японцы колеблются, потому что лучше осведомлены об этих затруднениях, чем французы или англичане. Япония боится быть втянутой в авантюру, конца которой невозможно предвидеть. Кроме того, морские круги, а также финансовые группы Японии против интервенции, так как она усилит позицию военной партии. Спасти положение может только Вильсон».

20 июля британская консервативная *Pall Mall Gazette* написала, что положение на Дальнем Востоке улучшается и активная интервенция Японии по поручению союзников считается решенной. По сообщению *Daily Express* от 23 июля, решение правительства Японии было окончательно принято, и она в сотрудничестве с Америкой поможет чехам, защищая опасные для них территории; соответственные шаги будут приняты немедленно.

Решение участвовать в интервенции в Сибири приняло и китайское правительство.

Отъезд союзных послов из Вологды 25 июля 1918 г. стал свидетельством того, что до начала интервенции осталось совсем мало времени.

Отъезд послов из Вологды

В Советской России создалось невиданное в дипломатической истории положение: в стране находились пользовавшиеся полной неприкосновенностью официальные представители держав, открыто высаживавших вооруженные отряды для борьбы с правительством, с которым не порывали связи и при котором их послы были аккредитованы³¹⁰. Однако так называемая «посольская неприкосновенность» сводилась к нулю непризнанием советского правительства.

Правительства Антанты не только не объявили о начале военных действий против Советской России, но и всячески отрицали то, что ведут против нее войну. Советское правительство неоднократно предлагало послам вернуться из Вологды в Москву, посылая туда делегации, но послы отказывались покидать город. «Дипломатический корпус пришел к выводу, — вспоминал американский посол Д. Фрэнсис, — что большевики во что бы то ни стало решили перевезти нас в Москву и держать в заложниках в случае интервенции...»³¹¹. Их отказ послужил причиной срочной телеграммы Г.В. Чичерина с просьбой покинуть Вологду. Дипломатические представители, поблагодарив наркома за заботу об их безопасности, решили последовать его совету покинуть город, но отправились не в Москву, а в Архангельск. «Наш план, — писал Фрэнсис, — состоял в том, чтобы покинуть Вологду 23 июля, но мы не смогли выбраться до полуночи 24-го; это промежуток времени был занят переговорами с Москвой. Дипломаты были вынуждены ночевать в поезде и ждать»³¹².

О политическом значении отъезда дипломатов Г.В. Чичерин сказал, что он не может категорически заявить, что на политике Российской Советской Республики, «целиком построенной на строго

³¹⁰ История дипломатия. М.; Л., 1945. Т. 2. С. 389.

³¹¹ Зброшенныя в небытgie. С. 39.

³¹² Там же. С. 46.

принципиальных основаниях и далекой от дипломатических комбинаций обоих воюющих лагерей» этот факт нисколько не отразится; однако советское правительство глубоко сожалеет об отъезде вологодских дипломатов из пределов России, они предпочли ехать в Архангельск, «который может быть рассматриваем только как этап для отъезда из России». Однако, решительно протестуя против вторжения англо-французских войск на советскую территорию и против политической поддержки чехословацкому мятежу, советское правительство даже при этих условиях, подчеркнул Чичерин, не желало разрыва с ними дипломатических отношений и надеялось, что отъезд вологодских дипломатов не будет в таком смысле истолкован³¹³.

Согласно международному праву отъезд послов символизирует прерывание дипломатических отношений и прекращение состояния мира. Исходя из этого, можно считать, что союзники вступили во враждебные отношения с Россией 25 июля 1918 г. Но объявления войны не последовало, более того, после отъезда послов американский генеральный консул посетил НКИД и от имени находившихся в Москве союзных консулов заявил, что нет основания предполагать, что политическое положение серьезно затронуто отъездом послов из Вологды. Тем не менее, с 25 июля 1918 г. Россия оказалась в своеобразном юридическом положении по отношению к союзникам: начались военные действия без войны.

29 июля из Архангельска дипломатические представители выехали в Кандалакшу, а 9 августа вернулись туда после высадки союзных войск. Часть дипломатов выехала из России в конце 1918 г., английское и французское посольства оставались в Архангельске вплоть до эвакуации войск Антанты в сентябре 1919 г.

Советская Россия и Германия

6 июля 1918 г. был убит посол Германии В. фон Мирбах. Результатами убийства во внутренней жизни Советов стала ликвидация политического союза большевиков и левых эсеров и утверждение однопартийной диктатуры. Зарубежная пресса живо отозвалась на эти события, хотя до известной степени и была поставлена ими в тупик. Весьма обеспокоено было советское Полпредство в Берлине. Оно обращалось в НКИД, советуя его руководству не предпри-

---

³¹³ ДВП СССР. Т. 1. С. 407—408.

нимать шагов, которые сделали бы уязвимыми советских представителей. Жесткие меры против левой социалистической партии могли вызвать возражения среди европейских социалистических партий. В связи с этим член президиума ВСНХ Г.Я. Сокольников предупреждал Г.В. Чичерина против принятия большевиками в отношении руководства левых эсеров «излишних» репрессий: «С точки зрения междун[ародных] отношений в этом нет ни малейшей надобности!»³¹⁴ Не собиралось порывать отношений с большевистским правительством и правительство Германии.

Барон Карл фон Ботмер, представитель Верховного главнокомандования, и другие члены немецкой дипломатической миссии после убийства фон Мирбаха были крайне обеспокоены тем, что рейхсканцлер и министерство иностранных дел Германии, «дабы не разрушить карточный домик так называемых хороших отношений с Россией, не займут по делу 6 июля той позиции, которая необходима для поддержания нашего авторитета и которая вместе с тем укрепила бы наши позиции в Москве»³¹⁵. Дипломат предлагал использовать это трагическое событие, чтобы выйти из той «неприятной ситуации», в которую зашли германские отношения «с правительством кровавого террора». Действия настроенных против Германии сил, за которыми, по мнению барона, явно стояли силы Антанты (Ботмер считал их, по крайней мере, в моральном отношении, участниками убийства), не встретили никакого противодействия со стороны Ленина, Троцкого и товарищей. «Если правительство хотя бы внешне, с учетом настроения масс, придерживалось мирной политики, то, с другой стороны, травля против кайзеровской Германии была ей на руку, тем более, что и в его рядах были противники Брестского мира»³¹⁶. Терпимость большевистских лидеров была вполне объяснима: немцы занимали Украину и намеревались продвинуться дальше на восток. Если, как считал Ботмер, отделение Курляндии, Литвы и Финляндии Россия может вынести, то готовности поступиться Эстонией и Латвией, имеющих выход в Балтийское море и контроль над морским выходом из Петрограда, у нее нет.

На Вильгельмштрассе дипломатов из Москвы не услышали. «Дома, — сожалел Ботмер, — нас либо не могут, либо не хотят понять... большевистские диктаторы торжествуют, российская буржуазия недоумевает... мы же чувствуем подавленность, поскольку не

³¹⁴ АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 24. Д. 99. Л. 40.

³¹⁵ Ботмер К. фон. Указ. соч. С. 91.

³¹⁶ Там же.

в состоянии с гордостью представлять великую державу»³¹⁷. Берлин отклонил идею отмежевания от правительства большевиков. Однако, по признанию дипломата, чисто по-человечески члены германской миссии не сожалели о том, что им пришлось остаться в России: «жизнь здесь столь же приятна, как и интересна, требование о допуске батальона, конечно же, не поддержано, так как русские считают, что это несовместимо с их авторитетом. В качестве компромисса Россия разрешила допустить для охраны 300 человек в гражданском и пообещала охрану из 1000 красногвардейцев, которых военный атташе может выбрать из имеющихся частей»³¹⁸. Это требование не было выполнено и в конце июля: не хватало войсковых частей из-за нестабильности обстановки во многих регионах, войны с чехословаками, близким к военным отношениям с Антантой в Мурманской и Архангельской областях³¹⁹.

14 июля дипломатический представитель Германии Рицлер вручил наркоминделу Чичерину текст полученной из Берлина ноты с требованием ввести в Москву для охраны германского посольства батальон войск германской армии. На требование немцев Ленин не мог смотреть иначе, как на подготовку к свержению Германией своего правительства. По мнению Фельштинского, отклонение германских условий было в то время необходимо для утверждения Лениным власти³²⁰. 15 июля Чичерин передал Рицлеру две ноты, категорически отклонявшие ультиматум о вводе в Москву батальона германских войск³²¹, указав, что никакая иностранная миссия в России не имеет и не может иметь отрядов из своих собственных армий для охраны, так как Россия не желает быть низведенной до уровня колониальной страны. Германия вынуждена была отказаться от своих притязаний, однако в немецких газетах, в частности в «Кройц Цайтунг» (*Kreuz Zeitung*) 19 июля 1918 г. появилось сообщение о том, что советское правительство, отклонив предложение прислать батальон немецких солдат в Москву для охраны посольства, согласилось на применение для этой цели несколько сот немецких военнослужащих в штатском.

16 июля российский полномочный представитель А.А. Иоффе заявил германскому правительству, что его правительство берет на

---

³¹⁷ Там же. С. 115.

³¹⁸ Там же. С. 114.

³¹⁹ Там же. С. 118.

³²⁰ Фельштинский Ю.Г. Указ. соч. С. 515.

³²¹ ДВП СССР. Т. 1. С. 400—401.

себя гарантии защиты германской миссии включительно до доведения охраны до 1000 самых надежных людей и до разрешения увеличить число немецкой прислуги и разрешить ей иметь оружие, но что на пожелание правительства Германии относительно ввода батальона в Москву оно ни в коем случае согласиться не может. В ответ ему было официально заявлено, что Германия войны с Россией ни в коем случае не желает, что Русское Правительство не должно так смотреть на пожелание Германского Правительства, что предложение Иоффе принимается и что немедленно постараются добиться у военного командования отказа от требования относительно батальона³²².

28 июля 1918 г. в Москву в особняк в Денежном переулке прибыл новый германский посол Карл Гельферих, приступивший к переговорам о заключении новых советско-германских соглашений. После полученного 31 июля известия из Киева об убийстве левым эсером генерал-фельдмаршала фон Эйхгорна в германское посольство почти ежедневно поступали сообщения о готовящихся на посла покушениях. И когда позднее Гельферих сообщил Чичерину о планах перевести посольство в Петроград, где находились все посланники и представители нейтральных стран, нарком ответил согласием³²³.

Из записки Иоффе наркому Чичерину 8 августа 1918 г.: «Гельферих телеграфировал, что из совершенно точных и верных источников узнал о готовящихся покушениях на него и др[угих] членов посольства, поэтому считает необходимым переезд всего посольства в Петроград. Вы будто ответили ему, что безопасность в Петрограде меньше, чем в Москве, поэтому ему отсюда предложили переехать с посольством за демаркационную линию и самому приехать в Берлин для переговоров. Здесь заявляют, что Гельфериха знают за мужественного спокойного человека и раз он заявляет о необходимости переезда посольства, то не считают возможным возражать. Вам будет передана нота, в которой будет заявлено в самых любезных тонах, что ввиду готовящихся покушений, которых не может предотвратить ни одно правительство, во избежание дальнейшего появления после нового покушения ухудшения отношений Германия считает себя вынужденной на время перевести свое посольство за демаркационную линию. Это мол несколько не повлияет на дружественные отношения России и Германии и мо-

³²² АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 12. П. 2. Л. 13.

³²³ Фельштинский Ю.Г. Указ. соч. С. 517.

жет иметь своим последствием только еще более перенесение дел в Берлин»³²⁴.

К. Радек (псевдоним *Viator*) в заинтересовавшей немцев статье о международном положении писал, что как бы ни был серьезен вопрос о безопасности дипломатических представителей — корень вещей нужно искать не в нем. Германская дипломатия плохо осведомлена о настоящем положении дел в России. Автор статьи утверждал, что положение советской власти гораздо благоприятнее, чем думали в Германии; «эти меры предосторожности брошены германскими дипломатами как фактор на весы событий: и этот фактор пошел впрок державам согласия...». «Мы не испрашиваем германской помощи при подавлении контрреволюции. С нас хватит, что германский капитал не поддерживает ее. Мы только сожалеем, — писал Радек, — что германская дипломатия вопреки своему собственному желанию укрепляет надежды держав согласия»³²⁵.

В то время А.А. Иоффе, вместе с Г.Я. Сокольниковым, Ю. Лариным (М.А. Лурье) и В.Р. Менжинским, завершил в Берлине предварительные переговоры по политическим вопросам, регулярно сообщая Чичерину, что удалось достичь в ходе их проведения. В частности, «статья об Эстляндии и Лифляндии, — писал полпред, — сформулирована теперь так: Россия, считаясь с фактическим положением дел в Эстляндии и Лифляндии, отказывается от государственного суверенитета на эти области также от права какого бы то ни было вмешательства в их внутренние дела (далее по старому)»³²⁶. Иоффе настоятельно советовал советским руководителям не затягивать переговоры.

Принимавший участие в переговорах Ю. Ларин в 20-х числах июля 1918 г. стал действовать от имени Берлинского Бюро Петроградского телеграфного агентства (ПТА) (оно же — Бюро печати при полпредстве, а с сентября 1918 г. — берлинское отделение РОСТА), помещал в берлинских газетах дементи (официальные опровержения слухов). Непременным атрибутом дементи была формула: «ПТА уполномочено заявить» — со временем трансформировавшаяся в: «ТАСС уполномочен заявить», за которой стояла официальная позиция НКВД и советского правительства. Среди первых шагов советских полпредств в деле опровержения неверных сообщений иностранной прессы была информация Ларина

³²⁴ АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 12. П. 2. Л. 28.

³²⁵ Там же. Д. 13-а. П. 2. Л. 12.

³²⁶ Там же. Л. 29.

от 26 июля о напечатанном немецкими газетами сообщении ПТА: «Ввиду систематических тенденциозных известий иностранной печати, что Россия думает заключить союз то с Германией, то с противогерманской коалицией, ПТА уполномочено заявить, что Россия нейтральна, и желает оставаться нейтральной и не имеет намерения связать себя ни с одной из борющихся коалиций»³²⁷.

9 августа 1918 г. Ларин писал из Берлина Чичерину, Ленину, Троцкому, Стеклову и Зиновьеву о том, что инспирированное сообщение немецких газет, «будто Россия уже согласилась на отделение Эстляндии и Лифляндии, остается не опровергнутым, вследствие длительной задержки немецкой цензурой нашего опровержения, цензура запретила публиковать, что минимум зарплаты русским текстильным рабочим 10 рублей»³²⁸. Ларин просил сообщить, какая информация, напечатанная в немецких газетах, верна: действительно ли Семенов разбит, выброшен из Забайкалья, а вся Восточная Сибирь кроме окрестностей Владивостока в руках большевиков; англичане высадились во Владивостоке 3 августа, кроме них со стороны Антанты дралась японцы, китайцы, чехословаки, белогвардейцы; во Владивостоке открыт Американский военный лазарет на 3000 коек, прибыло 55 американских локомотивов. Действительно ли станция Беслан занята Алексеевскими казаками, большевики осаждены во Владикавказе, а англичане заняли город Повенец Олонечской губернии, правда ли, что Царицын отрезан Красновым с севера, а усилия красноармейцев против чехословаков безуспешны, что Мезень и Пинега перешли на сторону англичан.

В конце июля 1918 г. из Берлина пришло подтверждение того, что, согласно дополнительным договорам, за выплату от 6 до 7 млрд русским дается право национализировать немецкое имущество. Представители Германии в Москве это решение расценили как слабость и намерение и в дальнейшем тесно сотрудничать с большевистским правительством. К. фон Ботмер считал, что именно из-за этих договоров германское внешнеполитическое ведомство не потребовало «удовлетворения» за убийство графа Мирбаха и не защитило авторитет Германии, добиваясь тесных отношений с правительством Советской России. В своем дневнике он записал 1 августа, что большевистское правительство серьезно рассматривало вопрос о союзе с Германией против Антанты, «чтобы вместе

³²⁷ Там же. Ф. 82. Оп. 1. Д. 99. П. 24. Л. 60.

³²⁸ Там же. Ф. 56-б. Оп. 1. Д. 13-а. П. 2. Л. 37.

с нашими финскими и балтийскими частями выступить в район Мурманска»³²⁹. Однако пойти в этом вопросе до конца большевики не решались, по мнению Ботмера, из-за опасений, что официальное объявление войны Англии и Франции не найдет поддержки у народа, а также в связи с нежеланием предоставлять немцам для операций территорию восточнее Чудского озера. Поэтому более желателен был случайный характер совместных действий. О молчаливом согласии на германское вмешательство и о проведении одновременной и скоординированной операции с войсками Советов сообщил в Берлин К. Гельферих после встречи с Г. Чичериным 2 августа. Нарком иностранных дел, проинформировав о бомбардировке англичанами Архангельска, обратился с официальной просьбой к правительству кайзеровской империи организовать герmano-финское наступление против англичан на побережье в районе Мурманска³³⁰.

Чичерин действительно считал невозможным открытый военный союз с немцами «с учетом общественного мнения»; однако «параллельную акцию» — вполне реальной. Условием такой акции, по свидетельству Гельфериха, являлось бы то, что немцы не займут Петербург, и желательно, Петрозаводск. «В действительности это заявление означало, — писал германский посол, — что советское правительство, чтобы защитить Москву, вынуждено просить нас, о прикрытии Петербурга»³³¹. 5 августа Чичерин сообщил послу, что советское правительство должно отвести свои войска от Петрозаводска к Вологде, так что путь от Мурманска в Петербург свободен, и быстрее вмешательство с немецкой стороны желательно.

Отмечая стремление Ленина использовать антагонизм двух воюющих империалистических коалиций для ослабления натиска Антанты, Чичерин писал о попытках наладить взаимодействие с немцами против интервенции союзников в августе 1918 г. Он признавал, что лично поехал к новому германскому послу Гельфериху, чтобы предложить ему условиться о совместных действиях против генерала М.В. Алексеева на юге и о возможности отправки германского отряда для нападения на войска Антанты у Белого моря. Дальнейшее развитие этого плана было прервано внезапным отъездом Гельфериха³³². Посол отбыл из Москвы в Берлин 6 авгу-

³²⁹ Ботмер К. фон. Указ. соч. С. 120.

³³⁰ См.: Случ С.З. Указ. соч. С. 32.

³³¹ Зброшенныя в небе. С. 447.

³³² Там же.

ста, распорядившись о переезде миссии в Петербург. На встрече с Гельферихом 2 августа наркоминдел высказал пожелание, чтобы Германия прекратила поддержку армии генерала П.Н. Краснова на Дону и выступила бы против Добровольческой армии генерала М.В. Алексеева на Кубани. Германский статс-секретарь П. фон Гинце предложил Верховному командованию пойти навстречу просьбам большевистского правительства, и если представится возможность, то осуществить операции в районе Мурманска и против Добровольческой армии. Такой ответ и был дан. 9 августа Иоффе сообщал Чичерину: «...наконец, те два военных обязательства, которых добивались Вы. При этом несомненный психологический перелом и искренняя готовность по крайней мере для данного периода соблюдать все это»³³³. О степени серьезности намерений обеих сторон свидетельствовал факт проведения в конце августа совещания представителей немецкого и советского высшего военного руководства по согласованию деталей предполагаемых совместных действий против англичан. Конечно, обе стороны понимали, что речь идет не о заключении военно-политического союза между Советской Россией и Германией, а лишь о временном тактическом взаимодействии в противостоянии общим врагам. Тяжелое поражение германских войск в начале августа 1918 г. во Франции под Амьеном подтолкнуло Берлин к продолжению в отношениях с Москвой «брестской линии»³³⁴, которая завершилась лишь после окончания Первой мировой войны.

В тот период политика Германии была непоследовательной. В Прибалтике, Финляндии, на Украине, на Дону и на Кавказе немецкие войска, по существу, противостояли советским, в то время как на территории России поддерживали у власти правительство большевиков. Однако переориентация германской политики и ставка на небольшевистские силы неизбежно вела бы к изменению условий Брест-Литовского соглашения в сторону их смягчения, например, отказа от отделения от России Эстляндии, Лифляндии и Украины. Попытки Гельфериха заручиться согласием германского правительства на улучшение для России условий Брестского договора в случае начала переговоров с антибольшевистскими политическими партиями или группами вызвала недовольство МИДа. На перевод посольства из Москвы в оккупированный немцами Псков

---

³³³ Там же.

³³⁴ Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. Указ. соч. С. 50.

Берлин дал удовлетворительный ответ³³⁵. 9 августа в Петроград из Москвы прибыла германская миссия, отправившаяся вскоре в Псков. Вслед за германским послом Москву покинули турецкий и болгарский послы. Покинули столицу и консулы союзных держав (защита их интересов была передана консульствам нейтральных стран).

В проекте политического контрпредложения советской делегации на переговорах в Берлине³³⁶ отмечалось: Россия, подписывая соглашение, должна настаивать: 1) чтобы немецкие и союзные им войска не вступали на территорию России в пределах Архангельской и Олонецкой губерний, несмотря на оккупацию англичанами части Мурманской дороги до тех пор, пока оккупация не достигнет района Петрозаводска, 2) чтобы Германия не считала враждебным актом, если Россия для избежания вовлечения своего в мировую войну, согласится на оккупацию Англией на время мировой войны Мурмана и части Мурманской железной дороги (в пределах Архангельской губернии, примерно Мурман — Кандалакша или даже Мурман — Кемь), подобно тому, как для избежания вовлечения в мировую войну Россия соглашается на оккупацию Германией на тот же срок Севастополя и ведущей к нему железной дороги. Такое соглашение стало бы едва ли не единственным способом сохранить нейтралитет России в мировой войне. При этом интересов России, по мнению авторов проекта, «совершенно не касались бы военные действия против англичан и их союзников, какие Финляндия и Германия начали бы в пределах уступаемого финнам куска западной части Мурмана (в случае, если англичане не очистят этого куска и Финляндия объявит Англии войну). Если бы развитие военных операций в пределах этого куска повело бы к переходу германских войск в район английской оккупации, то это не могло бы считаться Россией поводом к разрыву мирных отношений с Германией до тех пор, пока военные действия германских войск ограничивались бы тем районом Архангельской губернии вдоль Мурманской железной дороги, который будет признан Россией состоящим в сфере английской оккупации в случае заключения соответственного русско-английского соглашения (или какой англичане фактически занимают при отсутствии такого соглашения)»³³⁷. Причем речь шла лишь о естественном развитии и переносе военных операций с будущего финляндского участка Мурмана на ок-

³³⁵ *Фельштинский Ю. Г.* Указ. соч. С. 520.

³³⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. Д. 1016. П. 72. Л. 70—73.

³³⁷ Там же. Л. 73.

купированный англичанами русский участок Мурмана; остальная территория России оставалась закрытой для германско-английских столкновений. Поэтому не могло быть и речи ни о пропуске английских войск с севера или востока через Петрозаводск против Финляндии, ни немецких войск с юга или запада через Петроградскую и Олонецкую губернии против англичан и их союзников³³⁸.

2 августа 1918 г. англичане высадились в Архангельске.

3 августа Ленин писал Иоффе: «Все, что Вы пишете в последних письмах, несуразно до сверхъестественности. Проводить “прежнюю” политику неразрыва с Антантой после оного (испр: Онеги) — смешно. Нельзя же даму с ребеночком сделать опять невинной. Смешно и называть интервенцией или помощью — то, что мы продолжаем как раз лавирование, представляя немцам взять уже взятое Антантой и тем затрудняя и оттягивая англо-американо-японское удушение России»³³⁹.

5 августа 1918 г. Ю. Ларин прислал из Берлина обширную записку по поводу соглашения с Германией³⁴⁰. В ней говорилось, что когда программа переговоров с Германией три месяца тому назад была выработана, «очищение Ростова, свободные для нас руки в Донской области и на Северном Кавказе — все это имело тогда реальное значение. Быстрое исполнение немцами таких пунктов устранило бы опасность голода, сделало бы невозможной серьезную организацию реакции в той части России». Немцы, по мнению Ларина, сознательно тянули три месяца и теперь «согласие с их стороны на свободу наших действий на Юго-Востоке и на занятие Ростова не может быть реализовано, а если бы могло — не имело бы особенно важного значения». Для спасения от голода Россия могла уже обойтись и без Донской области и без Северного Кавказа, без Самарской, Уфимской и Оренбургской губерний. В не оккупированной части Европейской России, находившейся в советских руках, при среднем урожае «собирается полтора млрд пудов зерновых хлебов (считая все продовольственные и кормовые вместе). В этом году урожай надо считать не ниже среднего, а площадь посевов почти нормальная, — рассуждал Ларин. — На год, считая по полным фактическим нормам мирного времени, надо всего 2 млрд пудов для прокорма скота, для обсеменения всех полей и для пропитания всего населения не оккупированной и никем

---

³³⁸ Там же.

³³⁹ Там же. Л. 85.

³⁴⁰ Там же. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 12. П. 2. Л. 22—27.

не захваченной Советской части Европейской России (70 млн чел. в 28 губерниях). Значит, есть три четверти, пусть будет, наконец, для людей только $\frac{2}{3}$ годового мирного потребления. Это значит, что можем 8 месяцев кормить людей по мирному (в надежде к маю 1919 г. захватить Самарскую и Уфимскую губ[ернии] и их урожаем продержаться на сильно урезанном рационе до новой жатвы), либо, назначим сразу всем $\frac{2}{3}$ мирного рациона, и тогда мы обеспечены на год вперед даже в том случае, если чехи весь год будут держать Самарскую, Уфимскую и Оренбургскую губернии и Сибирь, и если казаки весь год будут держать Дон и Северный Кавказ и если с Украины за весь год не получим ни одного пуда. Надо, разумеется, на всякий случай, немедленно предписать идти по второму пути»³⁴¹. Ларин писал, что не следовало гнаться «за тяжело оплачиваемыми новыми уступками письменным формальным соглашением с немцами, даже в том случае, если бы оно действительно отдавало в наши руки Донскую область и Северный Кавказ». Но когда немцы «воспитали» там более чем 100-тысячную армию Алексева — Краснова, невозможно было завоевывать юго-восток, сражаясь на востоке против чехов и держать войска во многих других местах. Поэтому на юго-востоке ограничивались оборонительными задачами: держать Царицын для сохранения связи с Баку и Туркестаном. Автор записки считал, что Германия не объявит России войну, если не заключать с ней политического соглашения, подписав только финансовое, и не сможет насаждать новые республики в России, так как осталась лишь та ее европейская часть, где республики «не устроились при всем немецком желании». Отказ подписать отделение Прибалтики, Нарвы или Двинска, Мурмана, Грузии усилил бы, как считал Ларин, то течение среди немецких правящих кругов, которое доказывало необходимость пересмотра Брестского договора в пользу России. Проект же соглашения Иоффе лишь ухудшил бы Брестский договор, причем без всякой компенсации и «что нелепее всего — без принудительной необходимости, без опасности немецкого вторжения в Россию в случае нашего несогласия»³⁴². Худшее, что могло быть, — одностороннее провозглашение немцами отделения от России Эстляндии и Финляндии, а вероятнее всего, было бы предложено соглашение на более приемлемых условиях.

---

³⁴¹ Там же. Л. 23.

³⁴² Там же. Л. 25.

Ларин представил свой проект соглашения, в основе которого были следующие положения: «1) Мы ничего не подписываем об Эстляндии и Финляндии такого, что могло бы быть латышами воспринято, как предательство; максимум уступок с нашей стороны — признание полного суверенитета Прибалтики с включением в ее состав Риги и Курляндии. Последнее немцы могут согласиться подписать в договоре, т.к. сами имеют в виду объединить все это. Если же они потом навяжут новому государству монархию и унию с Германией, то мы из-за этого воевать не станем, но и не несем за это ответственности».

2) За отказ от суверенитета в Прибалтике, за финансовое соглашение и за подтверждение российской стороной Брестского мира фактом его настоящего пересмотра, немцы должны предоставить «нечто реальное, нечто такое, чего нам не приходилось бы сначала отвоевывать от вскормленных ими же Красновых». Краснова и Алексеева должны были усмирять сами немцы, а Россия — ограничиться защитой Царицына и давлением на Северо-Донскую область. По мнению Ларина, притязание на оккупацию русской части Донецкого бассейна до конца войны следовало отвергнуть: «пусть продолжают занимать с нарушением Брестского договора, если желают; легализовать это ни к чему. Главное — без представления нам всего угля русской части Донецкого бассейна ($\frac{2}{3}$ бассейна) Россия не может существовать длительно. Бакинскую нефть немцы должны покупать не за донецкий уголь, а за криворожскую металлическую руду и за немецкий уголь».

3) На Кавказе не следовало признавать отделения Грузии: тем, соглашаясь выдать обязательство не препятствовать в будущем воссоединению Грузии с Россией, немцы сами «как бы нарочито подчеркивают всю неультимативность своего предложения. Между тем для нас согласиться на отделение Грузии — значит убить свое будущее в Закавказье».

Что касается Северного Кавказа, то здесь было «достаточно выговорить, чтобы при борьбе с Алексеевым (если она будет иметь место) немцы не лезли в те районы, которые занимаем мы, а не Алексеев (например, Новороссийск, Екатеринодар, Грозный). Немцы должны предоставить нам право сношения через Мариуполь с занимаемой нами западной частью Северного Кавказа (провозить товары и т.д.)».

4) Немцы должны были согласиться на возврат тех нескольких белорусских уездов, которые отрезаны от России Брестским дого-

вором (Сокольский, Лидский, Волковышский и др.), в качестве некоторой компенсации за Прибалтику и устранение расчленения Белоруссии. Хотя бы часть Белоруссии (до Березины) и Крыма (Керченский и Феодосийский уезды) должны были быть очищены немедленно («эти участки не нужны немцам по военным соображениям, а нам очень пригодятся»).

5) Немцы должны были бы обеспечить отказ П.П. Скоропадского от претензий на четыре северных уезда Черниговской губернии, на Курскую и Воронежскую губернии, на Купянский узел, Бахмутский и Славяносербский уезды, Таганрогский округ и на Крым; и — Финляндия — от притязаний на Восточную Карелию, Беломорское побережье и Кольский полуостров³⁴³.

В сообщении Председателю Военного совета Северо-Кавказского военного округа Сталину из Царицына (без подписи) 8 августа 1918 г. отмечалось, что в тайном обмене нот Германия обязуется активно выступать против Алексева. «Баку остается за нами, — говорилось далее, — если только провокаторы не позовут англичан, от чего соглашение с Германией о Баку рухнет. Если придут англичане, то немцы непременно пойдут в Баку»³⁴⁴.

В немецкой печати велась оживленная полемика по поводу прибалтийских губерний: возвратить ли их России или отобрать? После возврата Прибалтики большевики, по мнению влиятельной *Vossische Zeitung* (7 августа 1918 г.) не стали бы дружественнее немцам, чем до сих пор; между тем пришлось бы иметь большевизм у собственных дверей и фактически выдать большевикам и Антанте Финляндию.

Газета сообщила и о прибытии в Берлин 6 августа делегации крымского правительства, одним из членов которой был граф В.С. Татищев. Позднее, на вопрос, доволен ли он своим месячным пребыванием в Берлине, Татищев ответил, что удовлетворен тем, что германское правительство временно упрочило за Крымом автономию, оставив тем самым «крымский вопрос» открытым до выяснения международных отношений, следовательно и до выяснения «русского вопроса». В Берлине графу было обещано предоставить для нужд крымского населения все самое необходимое: медикаменты, инструменты, всяческие орудия, стекло, гвозди и многое другое в обмен на вино, табак и сушеные фрукты³⁴⁵. Высказал Татищев и

---

³⁴³ Там же. Л. 27.

³⁴⁴ Там же. Л. 93.

³⁴⁵ Там же. Д. 13-а. П. 2. Л. 30.

свое мнение о большевистской власти. Несмотря на гибель сына от рук большевиков, граф не считал возможным приписать вину за горькую судьбу отечества только большевикам. Он обвинил тех, кто вызвал революцию во время войны, кто, захватив власть, не сумел удержать ее: Родзянко, Гучкова, Рузского, князя Львова, Терещенко, Коновалова, Рябушинского, Кишкина, Керенского и др. Татищев считал, что погоня за идеалом погубила государство; нужны были не красивые слова, не политиканство, а неусыпный разумный труд. Основными целями и положениями крымского правительства было названо: «...правительство призвано для восстановления порядка и спокойствия в стране; Крым остается автономным и самостоятельным до выяснения его международного положения; все законы, опубликованные в России до 25 октября 1917 г., остаются в силе. Все органы местного самоуправления избираются на основании нового закона (о выборах, этот избирательный закон выработан в начале 1917 г. конгрессом, в состав которого входят сельские и городские организации). Официальный язык — русский; полнейшая свобода совести; восстановлено право собственности, отменены ограничения по купле и продаже недвижимости. Право приобретения в Крыму недвижимости принадлежит всем, независимо от религии и национальности. Для улучшения народного образования планируется покрыть Крым сетью низших и средних школ и учредить университет с техническим отделением. Разрешена свободная торговля, поощряется беспошлинный ввоз; будет издано временное запрещение вывоза сельскохозяйственных продуктов, за исключением фруктов. Охрана труда на основе личной свободы...»³⁴⁶.

7 сентября 1918 г. Чичерин отправил сообщение Иоффе в Берлин: «Из Крыма сообщают (Из Бюллетеня Бюро печати при Киевском Русском Консульстве) возвратился из Берлина Татищев. Из просимых крымским правительством 500 млн германцы согласились дать 200 млн, при том условии, чтобы ссуда находилась в Германском Государственном Банке. Отпуск будет производиться по мере надобности и представления каждый раз сметы»³⁴⁷. 4 сентября 1918 г. из Симферополя сообщили, что правительством официально опубликовано сообщение о самостоятельности Крыма и вступлении в переговоры с Украинским правительством по выработке плана экономических отношений.

---

³⁴⁶ Там же. Л. 31.

³⁴⁷ Там же. Д. 12. П. 2. Л. 41.

«Интервенционная идеология», как писал Гольденберг, началась скрытно: сначала речь шла об охране запасов союзников, о восстановлении порядка во Владивостоке, об устранении германской угрозы на Мурмане, об оказании помощи чехословакам в их движении на Владивосток. Одна за другой эти причины были отброшены и за несколько дней до начала интервенции стало отчетливо ясно, что основная ее цель — сбросить советскую власть силами союзников, чехословаков и русских военных образований³⁴⁸.

27 июля 1918 г. Временное сибирское правительство во Владивостоке получило от правительства Великобритании сообщение о том, что его целью является обеспечение политического и экономического возрождения России без какого бы то ни было внутреннего вмешательства, и помощь по удалению вражеских сил с русской территории. Британское правительство категорически заявляло, что не имеет ни малейшего намерения покушаться на территориальную целостность России.

30 июля, отвечая на запрос в парламенте, Р. Сесиль сказал, что ни Англия, ни союзники не вступали ни в какое соглашение с владивостокским, восточно-сибирским или дальневосточным правительствами. В тот же день агентство Рейтер сообщило: какие бы шаги ни предпринимали союзники в России, все они будут носить исключительно временный характер и иметь строго определенную и ограниченную цель — помощь чехословацким силам и предотвращение их от грозящих опасностей, обусловленных либо действиями немцев, либо их интригами. Целью союзников является также предотвращение германизации какой бы то ни было части России. Со стороны ни одной из союзных наций «не было и никогда не будет стремления добиться своего территориального расширения за счет России, и, безусловно, в их целях нет ничего, что могло бы нарушить суверенитет России. Фактически главной целью союзников является сохранение этого суверенитета»³⁴⁹. С достижением этой цели ни одного солдата союзников не должно было остаться на русской территории.

В сообщении нельзя не заметить противоречия: с одной стороны, речь шла о помощи чехословацким силам, с другой — ставилась задача борьбы за сохранение суверенитета России.

Таким образом, для стран Антанты в рассматриваемый период главным оставалось стремление сохранить действующим Вос-

---

³⁴⁸ Там же. Д. 1. П. 1. Л. 241.

³⁴⁹ Там же. Л. 243.

точный фронт. Большевистским руководителям, опасавшимся заключения мира на Западном фронте странами-союзницами со странами Четверного союза, приходилось вести политику балансирования между Германией и державами Антанты. Не отличалась последовательностью и политика Германии: с одной стороны, она поддерживала власть советского правительства на территории России, с другой — немецкие войска противостояли войскам советской Республики на Дону, на Украине, на Кавказе и в Прибалтике. Все предпринимаемые НКВД РСФСР попытки ослабить напряженность в отношениях с союзниками были безуспешными.

Советская Россия на дипломатическом фронте в годы интервенции, вторая половина 1918 г. – начало 1919 г.

«Мы все еще ваши союзники...»

З авершение подготовки интервенции знаменовалось заявлениями, с которыми выступили правительства Великобритании, США и Японии 2 и 3 августа 1918 г. Одновременно была осуществлена высадка британских, американских и японских войск во Владивостоке и Архангельске. 3 декабря 1918 г. итальянским правительством была опубликована декларация, в которой делались попытки обосновать необходимость своего участия в интервенции на Дальнем Востоке позже других держав¹.

Япония всегда занимала особое место во внешней политике как Российской империи, так и советского государства. Японская интервенция на Дальнем Востоке, в отличие от английской, французской и американской, была вполне реальной и длительной, а просуществовавшая до 1922 г. Дальневосточная республика служила буфером против войны Японии с Советской Россией. Именно Токио первым из великих держав 2 августа 1918 г. сделал официальное заявление об отправке японских войск во Владивосток. Японское правительство, подчеркнув искренность дружественных отношений с русским народом, заявило об опасности со стороны Центральных держав и о необходимости помочь чехословакам в Сибири из-за угрозы со стороны германцев и австрийцев. Безучастными зрителями союзники оставаться не могли, и поэтому часть их войск получила приказ отправиться во Владивосток. Правительство Соединенных Штатов, говорилось в декларации, осознав серьезность положения, обратилось к японскому правительству с предложением об отправке войск, чтобы облегчить положение чехословаков, и последнее, пойдя навстречу желанию правительства США, решило немедленно предоставить военные

¹ См.: Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1921). М., 1949. С. 51–52.

силы². При этом Япония отметила, что стремится сохранить дружественные отношения с Россией, гарантируя неприкосновенность русской территории, невмешательство в ее внутреннюю политику; а по осуществлении вышеуказанных целей, увести свои войска с русской территории и в полной мере соблюдать суверенитет России, как в политическом, так и в военном отношении.

В опубликованном 3 августа 1918 г. американском заявлении сообщалось, что, как полагало правительство Соединенных Штатов, военное вмешательство в России, «способствовало бы больше усугублению теперешней запутанности, чем оздоровлению ее положения и могло бы скорее вредить России, чем помочь ей в ее затруднениях». Такое военное вмешательство, будучи целесообразным в отношении нападения на Германию с востока, своим последствием имело бы использование России в качестве орудия, вместо оказания действительной помощи ее населению. США считали, что военные действия в России были возможны лишь постольку, поскольку могли оказать наибольшую помощь «чехословакам против нападавших на них вооруженных германских и австро-венгерских военнопленных, и поддерживать усилия, направленные к самоуправлению и самозащите, во имя которых сами русские склонны принимать помощь из Владивостока, Мурмана и Архангельска. Пока же американские войска должны были быть использованы для охраны военных запасов, которые могли впоследствии пригодиться русским военным силам, и оказания той поддержки, какую русские сочтут желательной для организации своей самозащиты»³. Поскольку Соединенные Штаты и Япония являлись, как сообщалось далее, единственными державами, которые в состоянии выполнить все эти задачи, американское правительство предложило правительству Японии совместно отправить во Владивосток по одному отряду из нескольких тысяч человек и при занятии города действовать сообща в качестве единой войсковой части. Японское правительство ответило согласием на это предложение. Правительство Соединенных Штатов желало торжественно довести до сведения населения России, что не намерено ни нарушать политический суверенитет России, ни вмешиваться в ее внутренние дела, в частности, дела регионов, которые могли быть заняты американскими войсками, что оно не собирается нарушать целостность российской территории. Эти

---

² АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 5. П. 1. Л. 45.

³ Там же.

намерения Соединенных Штатов были сообщены правительствам Великобритании, Франции и Италии, которые заявили государственному департаменту, что в принципе их одобряют.

Судя по американской декларации, непосредственную угрозу чехословакам представляли германские и австрийские вооруженные военнопленные; чехословаки же двигались на запад. «Первое утверждение было явной ложью, — писал И. Гольденберг, — и американское правительство знало об этом из официального доклада комиссии Уэбстера и Хикса. Второе утверждение указывало, что чехословаки являются нападающей стороной, ибо продвигаться на запад (вместо того, чтобы отплыть из Владивостока во Францию) можно было лишь в целях нападения, и нападения только на войска и учреждения советской власти»⁴. Таким образом, из самих текстов деклараций следовало, что правительства США и Японии, заявляя о невмешательстве во внутренние дела России, в то же время обещали военную помощь чехословакам, которые во внутренние дела России активно вмешивались.

Правительство Великобритании в своем обращении к русскому народу также желало видеть Россию сильной и свободной: «Ваши союзники не забыли вас. Они помнят вас, ваши заслуги, которые оказали им ваши геройские армии в первые годы войны. Мы пришли к вам на помощь, как друзья, помочь вам спастись от развала и разрушения от рук Германии, которая старается поработить вас и использовать богатства вашей страны. Мы торжественно заявляем вам, что наши войска вступили в Россию не потому, что мы хотим захватить хотя бы одну пядь русской земли, а для того, чтобы помочь вам в ваших усилиях противодействовать Германии»⁵. В декларации отмечалось, что судьбы России в руках русского народа и только он определит форму правления и найдет решение социальных проблем государства; его настоящие интересы — поддержание завоеванных революцией свобод, которым угрожает железная рука Германии. «Мы все еще ваши союзники, — говорилось далее, — и мы стали рядом с вами на защиту этих задач, без которых не может быть окончательного мира и настоящих свобод всех народов... Мы хотим не только прекратить вступление немцев на Русскую землю, но и принести экономическую помощь разоренной и истерзанной стране. Наше желание помочь развитию промышленности и естественных богатств

---

⁴ Там же. Д. 1. П. 1. Л. 247.

⁵ Там же. Д. 5. П. 1. Л. 45.

вашей страны, а не эксплуатировать их для своей пользы. Мы хотим восстановить обмен товаров, поднять земледелие и содействовать занятию вами достойного места среди свободных народов»⁶.

В ответ на эти обращения в Известиях ЦИК 8 августа 1918 г. была опубликована статья «Союзники-разбойники оправдываются», в которой слова «союзников» (отныне это слово писали только в кавычках) сравнивали с их делами: расстрелом рабочих Кеми, наймом разбойничьих чехословацких банд, громящих рабочие организации, отрезавших Россию от хлеба, снабжением этих банд оружием и одеждой; обращения английского, японского и американского правительств к русскому народу рассматривались как разъяснения, что нападение на Россию служит только ее собственным интересам.

Для Гольденберга, писавшего по горячим следам событий, наиболее ярким и убедительным «разоблачением интервенционной политики» союзников служило заявление Чехословацкого национального совета, опубликованное еще 28 июля 1918 г. в Вашингтоне. В заявлении история выступления чехословаков была изложена как следствие германского стремления их разоружить: «Чехословаки, подвергнувшись нападению, принуждены были защищаться и в результате овладели большей частью сибирской железной дороги и Волги. Вместо того, чтобы удалиться из Европейской России, они продолжали занимать приволжские города и растянули свои отряды по направлению к Мурманскому побережью. Но вопрос о пребывании или об уходе чехословаков из России должны были решать союзники, так как чехословацкая армия являлась одной из союзных армий и находилась под командованием Версальского военного совета. Желая избежать участия в гражданской войне в России, они в то же время понимали, что могут оказать гораздо большие услуги союзникам, оставаясь в России»⁷. Публикацию этого документа Гольденберг объяснял тем, что союзники ожидали неминуемого падения советской власти, а все официальные заявления о необходимости оказать помощь чехословакам не соответствовали действительности, так как указывали, что чехословаки оставались в России по желанию союзников для попытки восстановления русско-германского фронта и для участия в гражданской войне в России. Заявление Чехословацкого совета было в русле «идеологии интервенции», согласно которой чехословаки должны

---

⁶ Там же.

⁷ Там же. Д. 1. П. 1. Л. 249.

были стать ударным ядром антисоветских сил, что, однако, вступало в противоречие с официальными декларациями союзников.

Позднее в подготовительных материалах российских экспертов для Генуэзской конференции 1922 г. по вопросу об истории возникновения чехословацкого мятежа в России отмечался возросший приток иностранных капиталов в промышленность среднеевропейских государств. «Правительственные займы государств Центральной Европы... не следует смешивать с рядом предшествующих займов многих из них в 1919 г., — писали эксперты НКИД. — То были займы чисто военного предназначения, дававшиеся Антантой тем из государственных новообразований, которые были с ней в союзе (Румыния, Сербия), либо конституирование которых совершалось при прямой поддержке Антанты (Чехословакия, Польша). Но по окончании не только разгрома германской коалиции, но и вооруженной борьбы с Советской Венгрией и Россией эти ссуды совершенно прекратились»⁸.

Архангельский десант

5 августа 1918 г. *The Manchester Guardian*, анализируя бессмысленность ссылки на помощь чехословакам, писала: «Было бы наивно заявлять, что мы не будем вмешиваться во внутренние дела России. Всеми действиями мы вмешиваемся, и весьма возможно, что это вмешательство будет все более глубоким. Мы совершаем поступок бессмысленный с военной, и весьма компрометирующий, — с политической, точки зрения. Почему Вильсон согласился против собственного желания санкционировать это безумие? Очевидно, потому, что на него было оказано сильное давление со стороны французского министерства иностранных дел, желавшего восстановить Восточный фронт из Владивостока и крайне враждебного к большевикам».

2 августа 1918 г. в Архангельске было организовано восстание против местной советской власти и высажен союзный десант. 5 августа, когда Архангельск был уже занят, но сведения об этом еще не появились в печати, британская газета *Evening Standard* писала, что занятие Архангельска окажет значительное влияние на развитие мурманской и сибирской операций, которые уже начались; возрождение же России в значительной степени зависит от проведе-

---

⁸ Там же. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 24. П. 1. Л. 30.

ния всего союзного плана. Западная пресса приветствовала союзные декларации, высказывая сожаления о том, что интервенция не была предпринята ранее. По утверждению английской газеты *Daily Chronicle* (номер от 6 августа), первой военной целью союзников станет освобождение Сибири и предоставление чехословакам коммуникационной линии в тылу. По мнению газеты, деятельность англичан должна была сконцентрироваться главным образом на мурманском побережье.

7 августа в газетах появились сообщения из России — о занятии Архангельска, и из Токио (через Париж) — о высадке японского десанта во Владивостоке. В тот же день было опубликовано официальное извещение Великобритании об оккупации Архангельска. 9 августа 1918 г. газеты поместили первые военные сводки о положении на Мурманском, Архангельском и Владивостокском фронтах.

В связи с занятием Архангельска и Мурманска, британская консервативная *Pall Mall Gazette* в номере от 9 августа сообщила, что акции русских предприятий на бирже повысились, и впервые за долгое время на них появились покупатели. Рядом с этим сообщением и была размещена декларация правительства Великобритании — обращение к русскому народу, в которой говорилось: «Мы желаем вам помочь в развитии естественных богатств вашей страны, не имея в виду эксплуатировать их в наших собственных целях...»⁹. Видимо, учитывая именно этот «бескорыстный» отказ и защиту «революционной свободы» союзными войсками, и скупали английские биржевики в день фактического начала интервенции акции русских предприятий. Сам факт этой скупки не меньше свидетельствовал о начале интервенции, чем высадка архангельского и владивостокского десантов. Английская биржа заявила, что интервенция началась.

Судьба России стала особой темой статьи в газете *The Daily News* от 13 августа 1918 г. Автор весьма туманно представлял себе военное и политическое положение в РСФСР. Осложнял ситуацию и перерыв телеграфного сообщения с Москвой. В целом состояние Советской России было описано им несколькими фразами: большевики не сумели создать прочного положения для своей страны; одна часть ее населения находится в состоянии войны с Германией, тогда как другая фактически воюет с союзниками. Кроме того, идут непрерывные сражения и стычки между различными отрядами взятых Россией во время участие в мировой войне пленных. Сообщалось также, что

---

⁹ Там же. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Л. 251.

десант союзников в Архангельске был осуществлен по просьбе местного совета, а во Владивостоке совет оказал сопротивление высадке союзных войск. Самое ужасное последствие большевистского режима — образование нескольких антигерманских и антибольшевистских правительств под покровительством чехословаков, писала газета. Значительные силы союзников высадились во Владивостоке, чтобы основать прочную базу для чехословаков и оказать им существенную помощь; в то же время союзники заняли Архангельск и высадили войска для защиты Мурманской железной дороги. Создавшаяся в России политическая ситуация, таким образом, не могла удовлетворить тех, кто верил в декларируемые союзниками утверждения о праве народов самим решать свою судьбу и устанавливать выбранную ими форму правления. Премьер-министр Великобритании в палате общин заявил, что власть большевиков зиждется только на силе и терроре, следствием их правления стало полное порабощение России Германией: большевики не являются больше представителями всей России: власть ускользает из рук Ленина и Троцкого; тем не менее до решения русской проблемы далеко, так как пока нет ни одной выдающейся личности или партии, которая могла бы остановить процесс разложения, царящий в России после Брест-Литовского мира¹⁰.

Приход в Россию войск, готовых отстаивать идеалы национально-го самоопределения и желавших защитить страну от эксплуатации Германии, и стал бы, как надеялись союзники, первым шагом к решению сложного русского вопроса.

Однако *The Manchester Guardian* (номер от 15 августа 1918 г.) высадку десанта в Архангельск назвала прямым вмешательством Великобритании во внутренние дела России, предупредив, что никто не отдает себе отчета в том, какие силы, действуют с обеих сторон в России и каковы последствия подобного «поступка» для Великобритании: вооруженное выступление в России англичане начали вдали от своей страны, имея в распоряжении только один незамерзающий порт, отделенный Белым морем от другой части экспедиции. Отныне правительство, писала газета, рассматривает чехословаков как своих союзников и признает Чехословацкий национальный совет, как представителей будущего чехословацкого государства. Однако для того, чтобы в Европе хорошо жилось любой нации, будь то сербы, греки, чехословаки или французы, необходимо победить немцев, тогда будет возможно основать «Лигу

---

¹⁰ Там же. Д. 13-а. П. 2. Л. 9.

Народов» и решать дела обездоленных народов интернациональным советом, указывалось в статье. Целью такого совета была бы выработка условий прочного мира, что возможно лишь с решением национальной проблемы после поражения Германии.

В августе 1918 г. правительство Франции, пытаясь взять под свой контроль действия Чехословацкого корпуса, направило в Сибирь генерала Жанена с заданием «организовать Восточный фронт против Германии и лояльных ей большевиков»¹¹, однако до Омска генерал добрался только в декабре, когда настроения в Чехословацком корпусе кардинально изменились. Чехословаками все больше овладевало желание вернуться домой, особенно после того, как стало ясно, что Германия и Австро-Венгрия скоро капитулируют. 28 октября 1918 г. Чехословакия объявила себя независимой. С тех пор процесс эвакуации ее граждан из России ускорился. Вольно или невольно Чехословацкий корпус заявил о себе сполна почти во всех событиях периода Гражданской войны в России. В тылу корпус вел совместно с белогвардейцами боевые действия против регулярных красных формирований и партизан Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока, его офицеры и солдаты несли службу по охране Транссибирской железной дороги, исполняли функции административно-военной власти и т.п. Немало представителей этого корпуса поддержали и власть большевиков. «Сибирь стала ярким примером того фронта борьбы, на котором споткнулись не только интересы “доморожденных” политических сил в государственном устройстве нашей страны, но и противоречивые устремления различных сообществ военнопленных, умело использовавшиеся правительствами воевавших держав»¹².

«В тисках иностранного представительства»

С начала августа 1918 г., с победой антисоветского восстания и высадкой войск Антанты, политическая обстановка на Севере России коренным образом изменилась: край оказался поделен между белыми и красными.

Первоначальные силы союзного десанта — около 1,5 тыс. человек (в конце осени его численность превысила 20 тыс. человек), не мог-

¹¹ *Гергулева А.И.* «Многие миллионы людей были вырваны войной из привычной для них обстановки»: Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой войны на территории России // Военно-исторический журнал. 2013. № 2. С. 58.

¹² Там же. С. 59.

ли установить действительный контроль над Архангельской губернией. И антибольшевистский переворот за несколько часов до высадки союзного десанта 2 августа 1918 г., и создание антибольшевистского правительства — Верховного управления Северной области (ВУСО), по мнению российского исследователя Л.Г. Новиковой, вовсе не был изолированным актом, осуществленным при помощи союзников¹³. Хотя Гражданская война на Севере и приобрела широкий масштаб только после высадки союзных войск, многие локальные ее очаги появились, в действительности, раньше. Углубление экономического кризиса, хозяйственная разруха привели к выступлениям не только бывших офицеров, предпринимателей, духовенства, но и широких слоев крестьянства и горожан. Население голодало из-за прекращения подвоза хлеба из Сибири и Поволжья. Острое недовольство также вызывала мобилизация в Красную армию. Однако нельзя игнорировать и тот факт, что, опираясь на волну недовольства в российском обществе, дипломатические представительства и военные миссии великих держав еще весной приступили к подготовке антибольшевистского переворота и захвата Севера России, рассматривая Мурманск в качестве базы для овладения Архангельском. Архангельск бывшие союзники избрали базой для интервенции по разным причинам, но главными были его доступность с моря, позволявшая быстро перебрасывать в район вторжения войска и боевую технику, а также стремление захватить большое количество сосредоточенных там во время Первой мировой войны боеприпасов. Однако еще до начала интервенции большевики сумели их вывезти.

Подрывную деятельность, проводившуюся английскими дипломатами и военными представителями в Архангельске, Петрограде, Москве, Петрозаводске, Вологде направлял и координировал британский генерал Ф. Пуль. Им была поставлена задача перед членами тайной офицерской организации и в частности перед капитаном 2 ранга Г.Е. Чаплиным, привлеченным к сотрудничеству с английской разведкой в мае 1918 г., «организовать пересылку всех возможных антибольшевистских активных элементов» в Архангельск и подготовить там вооруженное выступление, которое предшествовало бы высадке английского десанта¹⁴. Беспрепятственно

¹³ Новикова Л.Г. Интервенция и Гражданская война на русском Севере: к переоценке проблемы // Отечественная история. 2007. № 4. С. 116—117.

¹⁴ См.: Кубасов А.Л. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере России (март 1918 — февраль 1922 г.). М.; Вологда, 2008. С. 41—42.

передвигаться от Петрограда до Архангельска Чаплину позволили выданные англичанами документы на имя члена британской военно-морской миссии капитана Томсона.

В Москве Б. Локкарт установил контакты с такими подпольными организациями, как «Национальный центр», «Союз защиты родины и свободы» и др. Связь с представителями тайных антибольшевистских структур поддерживали сотрудники французского генерального консульства и военной миссии, возглавляемой генералом А. Лавернем¹⁵. В ряде северных городов планировал проведение восстаний созданный в апреле 1918 г. «Союз возрождения России». Одним из его руководителей был народный социалист Н.В. Чайковский, ставивший условием интервенции невмешательство иностранных держав в решение вопросов будущего государственного устройства России.

Анализируя причины благожелательного отношения к интервенции на Севере, Л.Г. Новикова совершенно справедливо делала различия между белыми офицерами и политиками, опиравшимися на желание бороться вместе с союзниками против немцев и большевиков, и простым населением, для которого главным было установление мира и их повседневные нужды. Однако довольно быстро и те и другие стали выражать недовольство присутствием союзников. Практически сразу после переворота в Архангельске в крае был установлен режим военной диктатуры, опиравшийся на экспедиционный корпус Антанты. Массовый характер приобретали аресты сторонников советской власти. На острове Мудьюг интервенты открыли для политических заключенных концентрационный лагерь, охрана и администрация которого состояла из французских военнослужащих¹⁶. Союзную контрразведку, получившую название «военный контроль», возглавил бывший военный атташе Великобритании в Петрограде полковник Торнхилл. Интересы Франции в этом органе представлял граф де Люберсак. По свидетельству командующего русскими войсками на Севере генерала В.В. Марушевского, «военный контроль имел значение чисто политическое. Его представители, рассыпанные по всему фронту, вели работу по охране интересов союзных войск, наблюдению за населением и сыску. По существу это была чисто контрразведывательная организация с громадными правами по лишению свободы кого угодно и когда угодно»¹⁷.

---

¹⁵ Там же. С. 41.

¹⁶ См.: Там же. С. 48.

¹⁷ Цит. по: Гражданская война в России: война на Севере. М.; СПб., 2004. С. 61.

Не имевшее собственной армии, ВУСО ревностно следило за любыми действиями союзного командования, опасаясь, как бы прерогативы русской власти не были нарушены иностранцами¹⁸. Однако отсутствие четких договоренностей о разграничении полномочий русских и союзных властей не могло не осложнять их взаимоотношений, а взаимное недоверие заложило основу внутреннего конфликта в антибольшевистской коалиции. В центре конфликта был командующий союзными войсками генерал-майор Ф.К. Пуль, не желавший признавать значимость существовавшего под прикрытием его войск Северного правительства, возглавляемого Н.В. Чайковским, у которого, по замечанию французского посла Ж. Нуланса, «судя по его управленческой деятельности, не было способности руководить и действовать»¹⁹. Что же касается позиции генерала Пуля, откровенно писал американский посол Д. Фрэнсис, «то я был удовлетворен и тем, что он не захотел поставить у власти собственное правительство, ведь британские солдаты так долго были колонизаторами, что просто не знают, что значит уважать чувства социалистов. Я не хочу сказать, что это политика британского правительства, но Великобритания имеет столько колоний, а английские офицеры так привыкли распоряжаться нецивилизованными людьми, что подчас воспринимают что-либо не столь остро, как американцы»²⁰. Не строя иллюзий в отношении целей своих партнеров, Фрэнсис писал: «В целом манеры и образ действий всех британских представителей, и военных, и гражданских, в Архангельске и Мурманске демонстрируют их веру и сознание того, что если они и не имеют особых привилегий в этих портах, то должны их получить, и они не будут удовлетворены, не заимев решительного преимущества. Каждый шаг обнаруживает их желание утвердиться здесь»²¹.

Ж. Нуланс, не желавший жертвовать интересами своей страны в пользу интересов Великобритании, которая считала себя всемогущей из-за командования экспедиционным корпусом²², также опасался, как бы чрезмерный успех генерала Пуля и английских офицеров не выплеснулся через край военной области в область дипломатических отношений. Пуль вынашивал планы масштаб-

¹⁸ Новикова Л.Г. Указ. соч. С. 117.

¹⁹ Зброшенныя в небытне: интервенцыя на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников / сост. В.И. Голдин. Архангельск, 1997. С. 101.

²⁰ Там же. С. 55—56.

²¹ Там же. С. 73.

²² Там же. С. 102.

ной военной кампании, и стремясь обеспечить тылы своей армии, объявил в Архангельске комендантский час, ввел запрет на созыв митингов и собраний без разрешения военных властей и даже назначил союзного военного губернатора Архангельска. Демократическое правительство Чайковского в определенной мере стало для франко-американских союзников инструментом сдерживания английских амбиций. Впоследствии ВУСО неоднократно упрекали в излишнем потворстве интервентам, в неспособности отстаивать русские интересы перед союзниками. Так, первый командующий белыми воинскими частями на Севере капитан Г.Е. Чаплин опасался превращения области «во временную колонию Антанты», так как ВУСО никаким авторитетом ни у генерала Пуля, ни у послов стран Антанты не пользовалось²³.

Послы не могли не признать, что у русских существовало предубеждение против всех союзников, поскольку их цели у многих вызвали подозрения (правда, менее неприязненно относились к американским дипломатам). «Некоторые русские (они недоверчивый народ), — писал Д. Фрэнсис, — полагают, что англичане, французы и японцы планируют подчинить природные и людские ресурсы России своим интересам, а большевики делают все, что в их силах, чтобы усилить эти подозрения»²⁴.

Действительно, подозрения были не беспочвенными. Так, Архангельский торгово-промышленный союз взывал к сформированному преимущественно кадетами Временному правительству Северной области (ВПСО), сменившему в начале октября 1918 г. социалистическое ВУСО, с мольбами избавить русскую торговлю от притеснений союзников и защитить край от предпринимательской активности агентов Антанты, интересовавшихся концессиями на эксплуатацию природных богатств края²⁵. Современники обвиняли иностранцев не только в попытке ограбления Русского Севера, но и в том, что богатый ресурсами регион попросту стал объектом английского колониализма.

Итальянская исследовательница Марина Росси написала о той помощи, которую союзные силы оказывали представителям социальных слоев, пострадавших от большевизма, а также о попытках наладить торговлю с выгодой для своих государств. Показывая участие Италии в этом процессе, автор привела в пример финансо-

²³ Цит. по: Новикова Л.Г. Указ. соч. С. 118.

²⁴ Там же. С. 67.

²⁵ Там же. С. 119.

во-коммерческую операцию, предпринятую консулом Коком в начале 1919 г. Американские, французские и английские оккупанты скупали товары по бросовым ценам для последующей перепродажи в своих странах. Итальянский консул считал, что как для Италии, так и для русского населения более выгодной была бы поставка продуктов в обмен на сырье. На пароходе «Маймакс», принадлежавшем местному лесопромышленному объединению «Лесосевер», Кок отправил в Италию различные местные товары: китовый жир, меха, кожу, целлюлозу, лес. Отплыв из Архангельска, пароход через Норвегию и Англию дошел до Генуи. Там с помощью посредника принял на борт цитрусовые и винопродукты, приобретенные в Италии на вырученные от продажи российских товаров средства. Все должно было происходить в полной секретности с тем, чтобы помешать Франции и Англии заниматься аналогичными операциями²⁶.

Капитан А. Мандрилли, направленный из Италии в Архангельск в качестве члена Союзнической Судебной Комиссии (ССК), вспоминал: «Так сложилась обстановка: французы пытались узнать намерения англичан, англичане — американцев, американцы — французов и так далее. В то же время каждый предпринимал самостоятельные действия в отношении Временного правительства. Неизбежны были сговор и интриги, провоцировавшие взаимную ненависть и неприятие друг друга; при этом все маскировалось видимостью самого сердечного согласия и самых дружеских отношений»²⁷.

Главным рассадником антисоюзнических настроений на Севере была армия. Формирование воинских подразделений на территории Северной области, в состав которой вошли Архангельская губерния, Мурманский край и северная часть Карелии, осуществлялось в двух направлениях: русское правительство приступило к образованию собственной армии, объявив призыв добровольцев на военную службу; командование союзного экспедиционного корпуса, в свою очередь, приступило к набору желающих в славяно-британский легион²⁸. При этом многие кадровые русские офицеры предпочитали служить рядовыми в союзных войсках, не доверяя

---

²⁶ *Росси М.* Деятельность итальянского экспедиционного корпуса на территории России (1918—1919 г.) // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919—1939 гг.: сб. ст. / отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 148.

²⁷ Там же.

²⁸ *Кубасов А.Л.* Указ. соч. С. 47.

социалистам, составлявшим большинство в Верховном управлении Северной области. В связи с этим в дальнейшем и был издан приказ, согласно которому офицеры и солдаты призывных возрастов должны были нести службу в русской армии, для службы в рядах союзных войск требовалось особое разрешение командующего. Однако без помощи союзников в решении кадровых вопросов правительство Северной области не могло обойтись. Белая армия находилась еще в стадии формирования, крупные русские воинские части появились там только весной 1919 г. Вплоть до лета 1919 г. общее руководство военными операциями на Северном фронте было в руках союзного командования, что вызывало резкое недовольство русских офицеров, попавших в подчинение уступавшим им в чине англичанам. Многие офицеры вообще начинали видеть в интервенции удар по национальной гордости и возмущались тем, что Север оказался, по сути, под союзной оккупацией²⁹. Союзникам приписывалось и то, что они опасались роста белых соединений, «дабы из роли начальствующих не перейти на роль подчиненных», и сопротивлялись успешному продвижению русских³⁰.

Подчеркнуто обособленный быт русских и союзных частей даже во фронтовых условиях резко противоречил заявлениям о единстве целей и действий союзников. Часть русских военнослужащих в составе славяно-британского легиона находилась под командованием английских офицеров, а сформированная из русских частей Северная армия — в подчинении у командующего Северным фронтом английского генерала Э. Айронсайда, сменившего в середине октября 1918 г. на этом посту генерал-майора Ф.К. Пуля. Все финансирование, снабжение и подготовка войск были в руках союзников. Русское командование вполне разделяло настроения своих офицеров. Командующий русскими войсками Северной армии генерал В.В. Марушевский в своих воспоминаниях писал, что «все горе наше на Севере, главным образом, состояло в том, что сыны гордого Альбиона не могли себе представить русских иначе чем в виде маленького дикого племени индусов или малайцев...»; отношения между вновь формируемыми русскими частями и английским командованием не ладились. По его мнению, «большинство русских людей искренне верили в то время, что англичане пришли помочь восстановить нашу родину, тогда как на самом деле это была просто

---

²⁹ Новикова Л.Г. Указ соч. С. 118.

³⁰ Там же.

оккупация края по чисто военным соображениям. Оккупация несла за собою известного рода насилие, необходимое, может быть, с чисто военной точки зрения и совершенно не понимаемое местными жителями, верившими, что перед ними только бескорыстные друзья³¹. Говоря об иностранной политике, Владимир Владимирович Марушевский подчеркивал, что «ни в армиях Колчака, ни у Деникина, ни у Врангеля влияние представителей иностранных держав не сказывалось в той мере, как это было на севере... Несмотря на ряд заявлений всего дипломатического корпуса о невмешательстве во внутренние дела области, фактически вся политика области была в тисках иностранного представительства, при явном перевесе, даже в мелочах, английского влияния». «Несомненно, что правительство нуждалось в иностранной “помощи” при первых шагах своего существования, — писал генерал, — Несомненно и то, что правительству нужна была опора твердая и продолжительная. Область получила эту опору, но вместе с тем и попала в сферу совершенно чуждого ей влияния, шедшего часто в ущерб русскому национальному делу»³². Интересно, кстати, замечание Марушевского о том, что правительство в Архангельске, каким он его застал в ноябре 1918 г., было под опекой, которая началась еще в период «сидения всех союзных послов в Вологде, где, видимо, и спроектировано было то правительство, которое оказалось у власти после изгнания большевиков». Однако, по его признанию, порядок формирования правительства Северной области так и остался для него до конца неясным.

Провозгласив в числе основных задач оборону Северной области от германских, финских и других войск неприятельских стран, союзные войска и военные антибольшевистские формирования сразу после переворота начали наступление на юг по линии железной дороги Архангельск — Вологда и по Северной Двине к Котласу с целью свержения советской власти в центральных регионах страны. Однако первоначальный расчет западных дипломатов и сотрудников спецслужб на быстрое продвижение в глубь страны, поддержанное вооруженными антисоветскими выступлениями в Вологде и Москве, не оправдался. В результате войска союзников и правительства Северной области вынуждены были вести длительные боевые действия в условиях ограниченных военных, людских и экономических ресурсов³³.

³¹ *Марушевский В.* Белые в Архангельске // Гражданская война в России: война на Севере. М.: СПб., 2004. С. 32—33.

³² Там же. С. 223.

³³ См.: *Кубасов А.Л.* Указ. соч. С. 47—48.

В записках министра Северного правительства Бориса Федоровича Соколова «Падение Северной области» приводятся слова В.В. Марушевского в ответ на упреки офицеров в том, что за целый год не было никаких активных военных выступлений: «Русское военное командование было лишено самостоятельности и исполняло предначертания союзного штаба. Все мои указания на необходимость наступления, особенно на Двинском и Мурманском фронтах, отклонялись союзниками по мотивам недостаточности войск и ненадежности населения, сочувствующего большевикам»³⁴. Перед своим уходом англичане в свою очередь категорически отвергали, что умышленно забрали власть в свои руки и, напротив, упрекали русских в полной бездеятельности и неумении организовать. После беседы с генералом Айронсайдом, считавшим, что союзные войска безусловно воевали, но наступать не могли из-за своей малочисленности, ненадежности русских войск и имевших место беспорядков, Б. Соколов пришел к выводу, что «очевидно одно, и этого не скрывают англичане, что проявлять активность не входило в их планы и намерения, что они не смотрели на свой приход как на “интервенцию” и свою роль считали подсобной. На вопрос же, препятствовало ли английское командование активности русских сил, приходится, по-видимому, ответить полуутвердительно»³⁵.

Полутона, неопределенность, всё это «более или менее» были весьма характерны для отношений союзников, особенно военных англичан с русскими военными. «Зачастую те и другие жили бок о бок, в соседних теплушках или домах — и, однако, никаких сношений между ними не было, — вспоминал Б. Соколов. — Каждый жил собственной жизнью, собственными интересами»³⁶. Англичане более или менее интересовались русскими, охотно вступали с ними в разговоры на ломаном русском языке, посещали лазареты, угощали русских. Последние же, как солдаты, так и офицеры, были преисполнены какой-то бессознательной враждебности к англичанам, говорили о них с иронией.

По мнению У. Чемберлина, корреспондента американской газеты *The Christian Science Monitor*, работавшего в 1922—1932 гг. в Советской России, на Северном фронте не происходило ничего, кроме незначительных стычек и набегов³⁷. Деятельность экс-

³⁴ Соколов Б. Падение Северной области // Гражданская война в России: война на Севере. М.; СПб., 2004. С. 323.

³⁵ Там же. С. 325.

³⁶ Там же. С. 326.

³⁷ Цит. по: Росси М. Указ. соч. С. 147.

педиционного итальянского корпуса общей картины не меняла. С точки зрения итальянского офицера, капитана А. Мандрилли, русские воинские части, сформированные Марушевским, заслуживали большего доверия, чем «партизанские» отряды из местных крестьян, наспех сформированные белыми силами. Первые были задействованы в военных операциях, вторые — несли гарнизонную службу. Мандрилли считал, что последним нельзя доверять в полной мере, поскольку союзники не смогли наладить с ними отношения. Кроме того, отмечая их преданность, отвагу, энтузиазм и специальную подготовленность для той разновидности партизанской войны, которая велась в прифронтовой полосе, он все же считал, что на гарнизонные войска нельзя было рассчитывать в полной мере вне тех мест, где они были набраны, в силу их привязанности к своим деревням³⁸. Военная активность на Северном фронте проявлялась не столько ведением регулярных действий, сколько операциями против партизан, которые проводились силами небольших подразделений. Итальянские войска, участвуя в борьбе с поддерживавшим большевиков русским гражданским населением, надеялись больше на свои собственные силы, чем на силы союзников и белогвардейцев. В начале 1919 г. союзники столкнулись с серьезными трудностями из-за нехватки офицеров при создании формирований, предназначенных для ведения боевых действий против большевиков. Отправленный англичанами в район Вологды с докладом о состоянии морального духа войск, занятых в боевых действиях. Мандрилли отметил наличие разногласий между английским и американским командованием из-за того, что первое хотело главенствовать над вторым, в то время как белогвардейцы, которых Мандрилли называл «настоящими мучениками и героями», вынуждены были подчиняться и первым и вторым³⁹.

В 1918—1920 гг. судьба Советской республики решалась на фронтах Гражданской войны. Северный фронт к числу главных не относился, хотя осенью — зимой 1918 г. и представлял наибольшую опасность для власти большевиков, когда в случае успешных действий союзнического экспедиционного корпуса и русских белогвардейцев перед ними открывался прямой путь на Москву. Наступление вдоль Северной Двины с выходом к Котласу создавало возможность для слияния с антисоветскими силами Урала и Си-

---

³⁸ Там же. С. 149.

³⁹ Там же.

бири. К сентябрю 1918 г. линия фронта продвинулась на 300 км к Котласу, Вятке, Вологде и Петрозаводску, но на этом триумфальное шествие закончилось. Советскому командованию удалось сдержать продвижение Северной армии. 21 февраля 1919 г. Красная армия вступила в Архангельск. 27 февраля Северный фронт прекратил свое существование. За зиму и весну 1919 г. белые войска были остановлены и отброшены на всех направлениях.

Активно участвовавшие в боевых действиях на Севере французские войска задолго до окончания мировой войны стали открыто выражать нежелание принимать участие в наступательных операциях в регионе. Прослышав о заключении перемирия, французы, писал в своих мемуарах американский посол Д. Фрэнсис, открыто заявили, что не собираются сражаться в России, если военные действия во Франции уже прекращены, так как не понимают, почему они должны воевать в России за британские интересы⁴⁰. Таким настроением были подвержены не только французы, но и американцы, и итальянцы. Осенью 1918 г. итальянское военное командование в России тоже начало выражать сомнение в целесообразности участия своих войск в интервенции, считая военный поход в Россию бесполезным, а образованные в Сибири белые правительства не внушали доверия.

Италия, хоть и приняла участие в интервенции, главную роль в ней не играла. Сначала итальянский экспедиционный корпус на Севере России состоял из двух рот бывших австро-венгерских военнопленных итальянской национальности. 2 сентября 1918 г. к нему присоединились присланные из Италии два батальона альпийских стрелков. Всего итальянский корпус на Севере насчитывал 1520 человек, большинство из них находились в районе Кольского полуострова (1290 чел.), 180 солдат и офицеров были размещены в Мурманске и 50 человек — в Александровске⁴¹, занимаясь в основном охраной складов и строительством барачков. Более активным было участие итальянских частей в интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке, где их численность доходила до 4000 человек, однако и там их деятельность оставалась «малоизвестной и малославной с военной точки зрения»⁴².

Командование английскими, французскими и итальянскими войсками располагалось в Мурманске, в Кеми — сербское. Итальян-

⁴⁰ Зброшенныя в небытыя. С. 74.

⁴¹ Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией, 1917—1924 гг. М., 1993. С. 21.

⁴² Там же. С. 23.

янцы помогли обустроить базу союзников, построив пригодные для проживания бараки, в которых позже сами же и разместились. В Архангельске Италия имела собственное дипломатическое представительство, в состав которого входили: поверенный в делах маркиз делла Торретта, консул и секретарь миссии г-н Кок, военный атташе полковник артиллерии князь Ш. Боргезе и технический персонал⁴³. Степень участия итальянских формирований в военных действиях на Севере России позволяют установить воспоминания капитана А. Мандрилли. По его сведениям, полученным от командующего итальянским экспедиционным корпусом Сифолы и других офицеров, большевики располагали в этом районе военными силами численностью до 14 тыс. человек⁴⁴. Причем большая часть населения скорее симпатизировала большевикам. Другая же часть его, не интересовавшаяся политикой, была «апатичной и нетерпимой к нашему (союзников) вмешательству», писал Мандрилли. В Архангельск, город с достаточно хорошо развитой промышленностью, проникали эмиссары советского правительства для проведения идеологической работы в рядах войск союзников. Их пропаганда находила горячих сторонников среди французских солдат, у которых к началу 1919 г. назревали бунтарские настроения, а также среди американских военнослужащих, особенно евреев — выходцев из России. Англичане демонстрировали свою устойчивость к пропаганде. Итальянских солдат она напрямую не коснулась, поскольку, к великой досаде делла Торретта, они были расквартированы не в архангельском гарнизоне, а в отдаленном от него районе, куда влияние большевиков еще не проникло. Тем не менее, командование Королевской итальянской армии опасалось большевистского влияния, проводниками которого были прежде всего американские солдаты итальянского происхождения. Изучение настроений в группе из 25 итальянских солдат архангельского гарнизона подтвердили пессимистические предположения офицеров. Боязнь вышеупомянутых контактов, а также дальнейшая потеря значимости Северного фронта заставили полковника Боргезе уже в конце 1918 г. запросить срочной эвакуации итальянского контингента⁴⁵. Мандрилли обвинял союзников в неспособности заслужить доверие у антибольшевистски настроенной части населения: «Их поведение помешало им преодолеть недоверие аморф-

⁴³ *Росси М.* Указ. соч. С. 143—144.

⁴⁴ Там же. С. 145.

⁴⁵ Там же.

ных масс, для которых большевистская пропаганда нашла легкую наживку — разжигание ненависти к иностранцам, которые вмешиваются во внутренние дела России, прикрывшись маской фальшивого сентиментализма»⁴⁶.

Позднее, 3 августа 1919 г. английское командование передало полковнику Сифоле приказ об эвакуации итальянского контингента, находившегося в Мурманской области. 9 августа итальянский экспедиционный корпус отплыл из России в направлении Англии⁴⁷. На созванной в Лондоне в начале августа 1919 г. конференции послов возобладало мнение, что союзники должны оставить Россию. Объяснялось это не в последнюю очередь подъемом революционного движения в странах Европы, когда стало очевидно, что «поддержка интервенции могла вызвать недовольство среди населения стран Антанты»⁴⁸.

Однако с подписанием 11 ноября 1918 г. Компьенского перемирия (соглашения о прекращении военных действий в Первой мировой войне) оккупация Русского Севера союзниками фактически перешла в прямое вмешательство в дела России, крайне обострив разногласия между ними в русском вопросе. С окончанием Первой мировой войны положение на Севере стало еще более сложным и неопределенным. Общность цели, что помогла выиграть союзникам войну, пропала с наступлением мира. Исчез и повод для активности союзников на территории России — необходимость восстановления Восточного фронта. С поражением Германии единственным противником союзников на Севере была Советская Россия.

Власть над насилием

В августе 1918 г. в Москве Б. Локкартом и С. Рейли был организован заговор с целью ареста Ленина, Троцкого, членов ВЦИК. Центральную роль в предстоящем перевороте должны были сыграть несшие охрану правительства латышские стрелки. С этой целью англичанами были предприняты попытки завербовать ряд командиров латышской стрелковой бригады. Заговорщики намеревались отправить два полка латышей в Вологду, чтобы открыть союзническим войскам путь к столице. Беспрепятственное продвижение англо-фран-

---

⁴⁶ Там же. С. 151.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

пузского экспедиционного корпуса из Архангельска в направлении Москвы должны были обеспечить взрывы мостов через реки Волхов и Шексну. Тем самым устранялась возможность переброски частей Красной армии в район Вологды со стороны Петрограда⁴⁹.

31 августа 1918 г. заговор был раскрыт органами ВЧК, приговоренные к расстрелу советским судом его организаторы в конце года были обменены по просьбе английского правительства на советских представителей, арестованных в Англии в качестве ответной меры. Так, арестованный 8 сентября полпред в Англии М.М. Литвинов через месяц был препровожден в Москву через Скандинавию в обмен на Локкарта.

2 сентября 1918 г. было сделано «Официальное сообщение о ликвидации заговора против Советской власти, руководимого англо-французскими дипломатическими представителями». В сообщении говорилось, что заговорщики действовали, прикрываясь дипломатическим иммунитетом, и на основании удостоверений, выдававшихся за личной подписью начальника британской миссии в Москве Локкарта. На конспиративной квартире заговорщиков был арестован один англичанин, который после того, как был доставлен в Чрезвычайную Следственную Комиссию, назвал себя английским дипломатическим представителем Локкартом. После установления личности арестованного Локкарта, как указывалось в сообщении, он был немедленно освобожден⁵⁰. После раскрытия заговора Локкарта в Советскую Россию в начале 1919 г. нелегально был послан англичанин Поль Дюкс, создавший в тылу Красной армии разведывательную сеть. Получаемые с ее помощью сведения регулярно поступали через Гельсингфорс и Стокгольм в Лондон, Париж, Архангельск, Омск⁵¹. Радиостанция посольства в Стокгольме служила промежуточным пунктом для обмена шифротелеграммами между членами Политического совещания в Париже, созданного из представителей русской эмиграции, Н.Н. Юденичем, генерал-губенатором Северной области Е.К. Миллером и адмиралом А.В. Колчаком. Характер поступавшей информации свидетельствовал о том, что источники ее получения находились в Реввоенсовете, штабах Красной армии в Петрограде и Москве. После возвращения П. Дюкса в августе 1919 г. за границу созданная им агентурная сеть была разгромлена Особым отделом ВЧК.

⁴⁹ См.: *Кубасов А.Л.* Указ. соч. С. 60.

⁵⁰ ДВП СССР. М., 1957. Т. 1. С. 462—463.

⁵¹ *Кубасов А.Л.* Указ. соч. С. 61.

Арест Локкарта в свое время вызвал большой резонанс в среде дипломатов. Представители почти всех дипломатических миссий, в том числе и германской, заявили протест против «красного террора», объявленного врагам Советской России.

12 сентября 1918 г. *The Times* поместила материал о содержании русских печатных изданий, которые лишь случайно попадали за границу и были, по мнению газеты, совершенно лишены как внутренней, так и внешней информации, но полны «дикими призывами к насильственным действиям против буржуазии, держав Согласия и всяких других антибольшевистских сил». Например, «Красная Газета» (армейский орган) 1 сентября крупным шрифтом напечатала призывы масс к террору: «Пулю в сердце каждому врагу народа», «Поклянемся, что убьем их без пощады». Более сдержана в своих выражениях была партийная газета «Правда», но характер ее статей был тот же. Но, по мнению западных корреспондентов, усилия большевиков возбудить народную ненависть к их врагам не имели большого успеха, так как «кровожадные желания» проявлялись только правительством и его оплачиваемыми должностными лицами, с тревогой сознававшими, что сердце народа не бьется как одно с их сердцами. Спокойствие, чтобы не сказать равнодушные, писала *The Times*, с каким массы русского народа встретили известие о покушении на жизнь Ленина, стало для большевиков «огненной надписью на стене. Они прочли ее, испугались и, пользуясь своей монополией на типографские чернила, стараются стереть, заменив собственной легендой».

Тем временем из-за того, что известия с Западного фронта не публиковались в печати, в Петрограде ходили всевозможные, порой нелепые слухи, что союзники, например, взяли Кельн и идут на Берлин. Однако перспектива умереть от голода и холода в ближайшие месяцы гораздо больше волновала людей, чем слухи и призывы в советских газетах.

30 августа 1918 г. в Петрограде был убит председатель Петроградской ЧК М.С. Урицкий; в тот же день было совершено покушение на Ленина. (Попытки считать ранение советского лидера делом рук Ф. Каплан некоторым исследователям кажутся неубедительными.)⁵² В ответ на это председатель ВЦИК Я.М. Свердлов дал обещание, что рабочий класс ответит беспощадным массовым

---

⁵² См., напр.: *Фельштинский Ю.Г.* Крушение мировой революции. Брестский мир, октябрь 1917 — ноябрь 1918. М., 1992. С. 524.

террором против всех врагов революции на покушения, направленные против его вождей⁵³. 5 сентября Совнарком издал декрет «О красном терроре». Согласно декрету, лица, «прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам» подлежат расстрелу, а «классовые враги» — заключению к концентрационные лагеря. Террор принял невиданные до сих пор размеры. Иностранные дипломаты, давно находившиеся в России на осадном положении, не могли остаться безучастными к событиям. 3 сентября полномочный министр Швейцарской конфедерации Э. Одьё от имени дипломатического корпуса обратился с нотой к наркому иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерину. 13 сентября изложение ноты было опубликовано «Известиями ВЦИК». В частности, там говорилось: «Представители дипломатического корпуса в Петрограде, констатируя массовые аресты лиц различного возраста и пола и расправы, производимые ежедневно солдатами Красной армии», попросили свидания с председателем Петроградского совета Г.Е. Зиновьевым, принявшим их 3 сентября. Они сообщили, что желали бы выразить от имени правительств, представителями которых они являются, глубокое возмущение против режима террора, установленного в Петрограде, Москве и других городах. «С единственной целью утолить ненависть против целого класса граждан, без мандатов какой бы то ни было власти, многочисленные вооруженные люди проникают днем и ночью в частные дома, расхищают и грабят, арестовывают и увозят в тюрьму сотни несчастных, абсолютно чуждых политической борьбе, единственным преступлением которых является принадлежность к буржуазному классу...»⁵⁴.

Ответом советского правительства на эту ноту явились обвинения дипломатов в шпионаже и массовые аресты правых эсеров. 12 сентября 1918 г. нарком Чичерин в ответном послании представителям нейтральных держав заявил, что нота, врученная ими 5 сентября, представляет собою акт грубого вмешательства во внутренние дела России, ибо они протестуют не по поводу отдельных злоупотреблений неотчетливых лиц, а по поводу режима, проводимого Рабоче-Крестьянским правительством в его борьбе с классом эксплуататоров⁵⁵. Перед тем как объяснить причины красного террора, в свою очередь «господам представителям нейтральных держав» были заданы следующие вопросы: известно ли им, что «пятый год уже ве-

⁵³ См.: ВЧК-ГПУ: документы и материалы. М., 1995. С. 6.

⁵⁴ Цит. по: Там же.

⁵⁵ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 3. Д. 1. П. 2. Л. 8—12.

дется международная война, в которую маленькая кучка банкиров, генералов и бюрократов бросили народные массы всего мира, чтобы они резывали друг друга, истребляли друг друга для того, чтобы капиталисты могли наживать миллиарды за их счет»; «слышали ли они о белом терроре в Финляндии, о десятках тысяч расстрелянных, о десятках тысяч томящихся в тюрьмах рабочих, их женах и детях, к которым никаких обвинений не было и не будет предъявлено? Слышали ли они о массовых расстрелах рабочих и крестьян на Украине, о массовых расстрелах рабочих доблестными чехо-словаками, этими наемными бандитами франко-английского капитала?». «Правительства так называемых нейтральных держав слышали об этом, — писал Чичерин, — но им никогда не приходило в голову протестовать против этих бесчинств буржуазии, подавляющей рабочее движение, ибо и они сами в своих странах вынуждены в защиту интересов буржуазии подавлять всякие проявления рабочего возмущения». В послании было заявлено «перед лицом пролетариата всего мира», что «лицемерные протесты и просьбы не удержат руку, которая будет карать тех, кто поднимет оружие против рабочих и беднейших крестьян России, кто их хочет заморить голодом, кто их хочет погнать на новые войны во имя интересов капитала»; выражалась уверенность в том, что «народные массы всех стран поймут, что в России насилия употребляются только во имя святых интересов освобождения народных масс»⁵⁶.

Однако в вербальной ноте норвежскому поверенному в делах, шведскому и датскому генеральным консулам 16 сентября 1918 г. говорилось, что несмотря на участие английских и французских дипломатических консульских и военных агентов в заговорах против Советской Республики, русское правительство по-прежнему готово разрешить их выезд из России через Финляндию в тот момент, когда будет получена телеграмма от российского представителя в Англии М. Литвинова о том, что он и его спутники «садятся на пароход для отплытия из Англии одновременно с телеграммой норвежского консула оттуда же с подтверждением беспрепятственного отъезда Литвинова и его спутников, причем, норвежское и шведское правительство одновременно с датским и голландским, также принявшими участие в последних шагах нейтральных северных государств, по этому поводу гарантируют беспрепятственный проезд Литвинова и его спутников до российской территории, в

---

⁵⁶ Там же. Л. 12.

число спутников Литвинова включаются арестованные англичанами на море наш агент в Христиании (Осло. — *Н.Б.*) Баитлер и его секретарь Томпсон»⁵⁷. Французским военным разрешался выезд из России тогда, когда появится уверенность в действительном исполнении обещания французского правительства возвратить желавших вернуться в Россию русских солдат, т.е. «когда будут допущены во Францию делегаты интернационального Красного Креста и 3 делегата русского Красного Креста, и мы будем видеть, что имеется план репатриации наших солдат и осуществление его начинается, в обмен на это будет осуществляться репатриация французских военных, по России интернирование членов английской и французской буржуазии мужского пола от 15 до 48 лет будет прекращено взамен прекращения всяких репрессий против приверженцев советской власти на английской и французской территориях и в районе союзной оккупации, выезд этих лиц из России будет в таком случае разрешен в обмен на общее разрешение российским гражданам выехать из соответствующих стран...»⁵⁸.

Те, кто прибывал из Петрограда в Стокгольм, рассказывали, что подданных шведского, датского и норвежского государств советские власти не беспокоили; а с подданными других государств, особенно Соединенных Штатов, обращались крайне грубо: многие из них были арестованы без каких-либо законных оснований и содержались в тюрьме в течение долгого времени, получая лишь самое необходимое продовольствие.

В конце сентября 1918 г. *Berliner Tageblatt* опубликовала статью о бедственном положении буржуазии и рабочего класса в погибавшем Петрограде. В статье сообщалось, что из города бежит не только буржуазия, но и средний класс, так как все возраставшая нужда и дороговизна, с одной стороны, и грубое преследование — с другой, довели людей до того состояния, что жизнь стала невозможной, даже бессмысленной. Если в Москве нахождение советских учреждений с их гипертрофированным правительственным аппаратом несколько замедлило неудержимый развал, то в Петрограде городская жизнь была поражена в самое сердце. При полном застое в торговле и промышленности абсолютно нечего было делать в неприглядном опустевшем Петрограде и приезжим. Однако столицу покидал и рабочий класс: в городе не было работы,

---

⁵⁷ Там же. Л. 14—15.

⁵⁸ Там же. Л. 15.

а, следовательно, и возможности снискать себе хлеб насущный. В конце 1917 г. население Петрограда составляло 2700 тыс. человек, в июне 1918 г. число жителей уменьшилось до 1400 тыс. чел., таким образом, в течение полугода население города сократилось почти наполовину⁵⁹, а к концу года — еще больше. Автор статьи писал о глубоком разочаровании многих рабочих, получивших власть в государстве, но не только не улучшивших свое экономическое положение, но оказавшихся в еще более тяжелых условиях. Видя бедственное положение России и ужас грядущей нужды, указывалось в статье, имея перед глазами яркое доказательство того, что обнищание и разгром буржуазии не приносит пользы пролетариату, осознавая, что революционная путаница лишь увеличивает экономическую разруху, вызванную мировой войной, и неизбежна гражданская война — хотелось предостеречь европейский пролетариат от опасных иллюзий, будто революция спасет его от войны и улучшит положение.

Россия – Германия: дополнительные соглашения

2 сентября 1918 г., в день, когда было сделано официальное сообщение о заговоре дипломатов, Чичерин выступил с докладом на заседании ВЦИК о русско-германском Добавочном договоре, а также о финансовом и частнопрововом соглашениях, заключенных 27 августа 1918 г. и призванных дополнить и развить Брест-Литовский мирный договор. Суммируя в целом содержание нового Добавочного договора и связанных с ним соглашений, нарком сказал, что они «фиксируют дань, уплачиваемую нами за наше революционное законодательство, которое мы теперь можем свободно продолжать, и в тоже время отчасти фиксируют и отчасти ограничивают результаты германского наступления на нас, которым Брест-Литовский договор оставил широкую возможность дальнейшего проявления и в некоторых пунктах, в особенности в вопросе о начинающемся очищении нашей территории, эти договоры представляют для нас серьезное улучшение нашего положения»⁶⁰. Договором предусматривалось образование русско-германских комиссий для установления демаркационных линий с нейтральными зонами между рус-

⁵⁹ Там же. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 13-а. П. 2. Л. 48.

⁶⁰ ДВП СССР. Т. 1. С. 467.

скими и германскими войсками. Весьма важным представлялось и обязательство Германии начать освобождение оккупированных территорий. Заявление же о том, что Россия отказывается от государственного верховенства над Эстляндией и Лифляндией, Чичерин назвал лишь констатацией фактического положения вещей. Россия обязалась принять меры для изгнания военных сил держав Соглашения с Севера России. Германией были даны гарантии, что Финляндия не будет в это время нападать на Россию. Особо оговаривалась защита Петрограда от такого нападения. После того, как военные силы держав Соглашения покинут Север России, гарантировалась «безопасность от подводных лодок русского каботажного плавания в пределах трех миль от берега и парусного рыболовства в пределах 30 миль от берега»⁶¹. Важным с хозяйственной точки зрения пунктом договора было обязательство Германии освободить железнодорожные линии Ростов — Воронеж, Таганрог — Ростов и Таганрог — Курск. До оставления этих магистралей германское правительство допускало свободный провоз по ним сырья и продовольствия в Советскую Россию. Вместе с тем под германской оккупацией оставался Донбасс, и получение угля из него ставилось в зависимость от поставок нефти и нефтепродуктов из района, который закреплялся за Советской Россией. Россия обязалась поставлять Германии четверть добываемой в Баку нефти, в свою очередь ей гарантировалось получение втрое большего количества тонн угля из Донбасса, чем она будет доставлять Германии нефти из Баку, и вчетверо большее количество тонн угля, чем Россия будет доставлять бензина.

По финансовому положению Советская Россия должна была выплатить Германии в несколько сроков 6 млрд марок. В эту сумму входила оплата содержания военнопленных и возмещение убытков, понесенных Германией и ее гражданами в результате аннулирования займов и национализации германской собственности в России. Порядок выплат был такой: 1,5 млрд марок золотом и кредитными билетами подлежали выплате частями до конца 1918 г.; 1 млрд уплачивался поставками товаров на основе особого соглашения в период между серединой ноября 1918 г. — концом марта 1920 г.; сумма в 2,5 млрд погашалась билетами особого 6% займа, обеспеченного государственными доходами, в особенности арендной платой за концессии, предоставленные Германии в России. Порядок погашения последнего 1 млрд предполагалось определить

---

⁶¹ Там же. С. 465.

особым соглашением, в случае если Украина и Финляндия откажутся принять эту выплату на себя. При всей тяжести контрибуции советской делегации удалось добиться, чтобы относительно небольшая сумма погашалась русскими товарами. Интересам Германии в наибольшей степени отвечала только одна форма уплаты по обязательствам — поставка из России товаров и сырья. Для Советского государства это было крайне невыгодно, так как при резком возрастании стоимости некоторых видов сырья на мировом рынке за них можно было получить необходимые для развития производительных сил страны машины и изделия⁶².

Переговоры с Германией до заключения Добавочного договора и соглашений были длительными и довольно тяжелыми, с советской стороны уступки сочетались с определенной твердостью, ставящей предел чрезмерной требовательности со стороны Германии. Об этом свидетельствуют архивные материалы. Так, 27 июля 1918 г. участник переговоров нарком по делам торговли и промышленности Л.Б. Красин сообщал из Берлина Г.В. Чичерину, что «общая сумма “контрибуции”, к которой пришли в результате ожесточеннейшего торга и переговоров, длившихся свыше месяца, 6 млрд марок, из коих 1 млрд приходится на Украину и Финляндию. Для русской печати советуем дать цифру в старых рублях (по паритету), что составит на нашу долю 2,32 млрд и около 0,46 млрд на Украину и Финляндию, всего несколько менее 2,8 млрд довоенных рублей». «В действительности немцы взяли с нас, конечно, гораздо больше, — писал Красин, — так как мы теряем право на претензии по нашим убыткам, в том числе за имущество (кроме кораблей), забранное после 1 часа дня 3 марта 1918 г. К сожалению, разрозненные и неполные данные не позволили нам составить никакого представления об убытках России и, называя немцам при переговорах сумму этих убытков в 2—2,5 млрд, мы должны были обосновывать ее исключительно потоками красноречия и анекдотами о мытарствах русских в Германии в августе 1914 г., да еще речами Вильгельма, хваставшего в Аахене в марте этого (1918-го — *Н.Б.*) года по поводу “богатой добычи” в Севастополе и других местах оккупации. Попытки выразить большую часть долга в займе не увенчались успехом, несмотря на бесчисленные споры и всевозможные аргументы»⁶³.

⁶² *Шишкин В.А.* Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг.: очерки истории становления экон. отношений. Л., 1969. С. 56.

⁶³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 72. Д. 1016. Л. 45—46.

Сообщая об условиях займа в «2,5 млрд марок из 6% годовых плюс 0,5% на погашение при выпускном курсе сто за сто», Красин считал их «божескими». Однако из 2,5 млрд марок нового займа 1,5 млрд представляли старые царские 4% займа и в отношении этой суммы предпринималась конверсия «наоборот», то есть с 4% на 6%. Частично это была плата за признание аннулирования займов, частью — просто контрибуция. «Вопрос о купонах по царским займам, — писал Красин, — разрешается оптовой уплатой всех этих 5 млрд и особо в договоре нигде не упоминается, дабы не создавать после прецедента для французов, бельгийцев и прочих держателей царских займов, а также — нотабене — для австрияков, которых мы можем отшить указанием на то, что Германия признала аннулирование царских займов и что мы им по этим займам не заплатим. Самые купоны, а также бумаги, облигации и прочее по мере поступления их в рейхсбанк подлежат возврату нам и будут отсылааться в Россию или уничтожаться здесь — по усмотрению Наркома Финансов»⁶⁴.

Выплата контрибуции не ограничилась первым взносом, сделанным в октябре 1918 г., и отправкой Советским правительством 83 533 кг золота, как считали советские исследователи⁶⁵. Державы Антанты после поражения Германии действительно присвоили это золото вопреки своим заявлениям о непризнании Брестского договора. Однако Советская Россия произвела две выплаты (8 и 29 сентября 1918 г.), передав Германии 120 799 240 р. 03 к. золотом и 204,5 млн «думскими» и «романовскими» деньгами. Общий вес полученного немецкими представителями золота составил 93,5 тыс. кг⁶⁶.

Именно эта сумма указана в докладе и тезисах эксперта Н.А. Падейского «О расчетах с Германией и странами Антанты по Брестскому Договору» от 11 февраля 1922 г., подготовленных к Генуэзской конференции⁶⁷. Тезисы к докладу и сам доклад содержали следующие положения.

На основании ст. 116 пунктов 2 и 3 Версальского договора, отменявшей Брест-Литовский договор и сохранявшей за Россией право на получение от Германии возмещений, Россия имеет возможность предъявить к Германии требование о возврате ей тех сумм, которые были уплачены Германии в сентябре 1918 г. во исполнение Брест-

⁶⁴ Там же. Л. 47.

⁶⁵ См.: История внешней политики СССР, 1917—1985: в 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 87.

⁶⁶ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 4. Д. 17. П. 27. Л. 1.

⁶⁷ Там же. Л. 1—6.

ского договора. Во исполнение заключенного с Германией 3 марта 1918 г. мирного договора в Бресте Россия произвела две выплаты германскому правительству: первую 8 сентября 1918 г. на сумму 55 358 263 р. 09 к. золотом и 90 000 000 р. «романовскими» и «думскими» денежными знаками и вторую 29 сентября того же года на сумму 65 440 976 р. 94 к. золотом и 113 635 000 р. «романовскими» и «думскими». Таким образом, всего Германии было уплачено 204 535 000 р. бумажными деньгами и 120 799 240 р. 03 к. золотом. Последняя цифра в переводе на метрическую систему давала 93 526 кг золота.

Все золото, полученное Германией по Брестскому договору, было затребовано от нее союзниками вскоре после заключения перемирия и отослано из Берлина в Париж в середине ноября 1918 г. Что же касается «романовских» и «думских» денег, то они остались в Германии, причем из них около 150 м.р.⁶⁸ германское правительство выплатило в качестве процентов немецким держателям русских ценных бумаг.

Никаких других выплат Германии на основании Брестского договора произведено не было ни деньгами, ни другими какими-либо предметами.

В связи с этим, могла ли Россия предъявить державам Антанты и Германии требование о возврате вышеупомянутых сумм? На поставленный вопрос автор дает утвердительный ответ, исходя из нижеследующих соображений: платежи Германии по Брестскому договору явились результатом выхода России из «Великой европейской войны», которая была окончательно завершена лишь с заключением Версальского мира. Мирный договор между союзниками и Германией, подписанный в Версале, имел своей целью урегулирование взаимоотношений с Германией со стороны всех участвовавших в войне стран Согласия, в том числе и России. Договор предусматривал отношения между Россией и Германией, установленные в Бресте, поэтому следовало прежде всего обратиться к Версальскому договору. Ст. 259 (п. 6) договора обязывала Германию передать союзникам и дружественным державам или Румынии все те наличные деньги, ценности, оборотные капиталы, торговые документы или товары, которые она получила в виде платежей во исполнение Бухарестского, Брестского и дополнительных к ним договоров.

В договоре о перемирии 11 ноября 1918 г. (ст. 15) Германия обязалась отказаться от всех выгод, вытекавших из определений Буха-

---

⁶⁸ Так в документе.

рестского и Брест-Литовского мирных договоров и дополнительных к ним соглашений.

Из текстов приведенных выше статей Падейский заключал, что:

1. Брест-Литовский и другие дополнительные к нему договоры и соглашения между Россией и Германией признаются отмененными со времени их заключения. Созданные ими взаимоотношения считаются недействительными и подлежат возвращению в то состояние, в котором они находились до заключения означенных договоров.

2. Россия получает право требовать от Германии не только вознаграждение вообще за все понесенные ею вследствие войны убытки, но также и за потери, понесенные вследствие Брестского договора.

3. Все выгоды, полученные от Брест-Литовского и дополнительных к нему договоров, насколько это фактически было возможно, Германия передала союзникам. Ст. 259 (п. 6) Версальского договора закрепила то, что было осуществлено гораздо ранее: русское золото было передано Антанте еще в ноябре 1918 г. на основании 15-го пункта перемирия.

Таким образом, Россия имела право на основании Версальского договора предъявить к Германии требование о возврате уплаченных ей по Брестскому договору сумм, а поскольку эти суммы перешли к Антанте, такое требование должно быть направлено к последней. Россия имела право предъявить к Антанте требование о возврате 93 526 кг золота (120 799 240 р. 03 к.), уплаченных Россией Германии и переданных ею Антанте.

Это золото подлежало возврату на том основании, что получено Антантой не в виде контрибуции, которых Версальский договор не знал, и не в качестве возмещения за убытки, согласно части VIII указанного договора, так как в предъявленном затем Германии счете об убытках русское золото не упомянуто и не сброшено со счетов, подобно другим платежам со стороны Германии, имевшим место до предъявления счета.

«Согласно общего смысла Версальского договора, — писал Падейский, — имеющего целью восстановление потерпевших от войны государств и в частности России, согласно отдельных статей этого договора (ст. 116 п. 3), касающихся непосредственно России, следует признать, что Антанта, забрав себе русское золото, имела в виду интересы России и возможность обеспечить ей возврат этого золота. Конечно, тогда ставился вопрос о будущей небольшевистской России. Но в данное время вопрос этот отпал и приглашаемая на Генуэз-

скую конференцию советская власть России имеет полное основание предъявить Антанте требование о возврате русского золота»⁶⁹.

Обосновать свое требование о возврате золота Россия могла следующим образом: либо она, будучи приглашенной на Генуэзскую конференцию, признает Версальский договор и тем приобретает юридическое обоснование для своих претензий; либо она, не касаясь вопроса о признании этого договора, будет основываться на нем, как на акте, определяющем международный правопорядок, равно обязательный для всех стран вне зависимости от того, участвовали они или не участвовали в акте его установления⁷⁰.

Договор от 27 августа 1918 г. укреплял позиции Советской России в отношении Турции, которая пыталась осуществить широкие захваты на Кавказе. В ответ на захват турками Баку советское правительство 16 сентября 1918 г. потребовало немедленного очищения города. Отказ Турции стал причиной сделанного советским правительством 20 сентября заявления о том, что оно считает Брестский договор отмененным с ее стороны и уже несуществующим между Турцией и Россией⁷¹. Определенная свобода рук была получена и для борьбы с усилившейся интервенцией Антанты.

Согласие советского правительства подписать 27 августа 1918 г. три дополнительных к Брест-Литовскому мирному соглашению договора Фельштинский объясняет стремлением любыми средствами продлить мировую войну, оттягивая поражение немцев⁷². Ленин, опасаясь за свою власть, считал, что война увеличивала шансы на мировую революцию, в то время как мир на Западном фронте мог привести к началу военных действий европейских держав против правительства большевиков.

Подписание дополнительных соглашений политики стран-союзниц трактовали как упрочение сотрудничества между большевиками и немцами, но в отличие от первоначальных договоров Брест-Литовска, считали их подписанными не по принуждению, а по их желанию и инициативе. В Германии ряд крупных политических деятелей резко возражали против дополнительных соглашений с Россией, особенно в связи со сделанной, как считал, например, один из лидеров немецкой партии центра М. Эрцбергер⁷³,

⁶⁹ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 4. Д. 17. П. 27. Л. 2.

⁷⁰ Там же. Л. 6.

⁷¹ ДВП СССР. Т. 1. С. 490—492.

⁷² *Фельштинский Ю.Г.* Указ. соч. С. 523.

⁷³ Цит. по: *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 56.

уступкой большевикам, признав отмену частной собственности, против которой протестовали все великие державы.

Соблюдая принятые на себя по договору и соглашениям обязательства, Советская Россия требовала того же и от Германии. Однако последняя договор грубо нарушала, в частности, всячески затягивала вывод войск с оккупированной территории РСФСР, подвергая разграблению районы эвакуации. Так, в докладной записке Д. Пржевлочкого⁷⁴ на примере русско-германского Оршанского соглашения об очищении Сенненского и Леппельского уездов от 12 сентября 1918 г. были изложены требования, которые следовало отстаивать Виленской пограничной комиссии в дальнейших переговорах с немцами. Это делалось с учетом того, что германское командование из боязни «инцидентов» упорно не желало непосредственной передачи из рук в руки советским войскам эвакуируемых ими участков Советской Республики, создавая тем самым серьезную опасность возникновения на местах в периоды «безначалия» брожений и выступлений, а также смотрело на области, выходявшие из его фактического владения, как на части неприятельских территорий, стараясь «выжать все производительные соки» из них путем скупки и реквизиции хлеба и других продуктов, массовых закупок у местного населения лошадей и скота и отправлении всего этого «германского» имущества в Германию; варварским обращением с государственным имуществом: различными легкими строениями и сооружениями, телеграфной проволокой и т.д. Все это снималось, увозилось «с совершенно несвойственной немецкому характеру и степенности, поспешностью». Оставляемые немцами части территорий представляли картину полного опустошения.

Отход немецких войск сравнивали с отступлением неприятельских армий, которые взяли из страны все, что можно, а затем кинули ее на произвол судьбы. Такие действия не могли быть названы исполнением соглашений, заключенных между находившимися в мире государствами. В связи с этим Виленской пограничной комиссии (ее русской стороне) как органу, вырабатывавшему основные положения порядка выполнения соглашений о периодических очищениях немцами российских областей, предлагалось принять и руководствоваться следующим положением: а) очищаемый участок должен был передаваться германскими властями русским непосредственно, для этого туда должны допускаться русские военные

---

⁷⁴ АВП РФ. Ф. 56-б. Оп. 1. Д. 13-а. П. 2. Л. 14—15.

единицы, достаточные по своей численности для действительного овладения передаваемой территорией; б) все общественные здания и постройки должны были передаваться русским военным властям в том виде, в каком они находились в момент занятия участка немцами; исправленные и вновь выстроенные сооружения не могли разбираться или сниматься и увозиться уходящими. Государственное и общественное имущество должно было оставаться на месте в том виде, в каком им пользовались во время оккупации; в) германское командование не должно было прибегать на территориях, подлежащих очищению, к массовым скупкам лошадей, скота и любого сельскохозяйственного инвентаря, а также ко всяким действиям, имеющим своими последствиями нанесение ущерба хозяйству как данного участка, так и всей страны; г) германское командование не должно было прибегать к реквизициям и скупке хлеба и других продовольственных товаров.

Отступления же от указанных выше правил были возможны не иначе, как по особым в каждом отдельном случае постановлениям Виленской пограничной комиссии⁷⁵.

Советское правительство неоднократно выражало по поводу такой «эвакуации» немцев решительный протест. Так, в ноте полпредства в Берлине от 29 октября 1918 г. указывалось, что советское правительство не видит из создавшегося положения иного выхода, как задержать выплату очередного взноса по финансовому соглашению до тех пор, пока все, что было эвакуировано и вывезено германскими оккупационными властями из оставленных ими районов, не будет возвращено на место⁷⁶. О готовности выполнять свои обязательства советское правительство заявило и в телеграмме НКВД правительству Германии от 30 октября 1918 г. Германское правительство, в свою очередь, обвиняло большевиков в нарушении ими второй статьи Брестского договора, запрещавшей ведение пропаганды. Советское правительство такие «необоснованные», как оно заявляло, претензии отклоняло. Хотя в одном из конфиденциальных писем Чичерина от 3 сентября 1918 г. сообщалось, что со стороны германского правительства поступил целый ряд протестов по поводу нарушения советскими должностными лицами, не исключая народных комиссаров, ст. 2 Брестского договора, обязывавшей воздерживаться от всякой агитации или пропаганды против правительственных или государственных и военных уч-

---

⁷⁵ Там же. Л. 15.

⁷⁶ ДВП СССР. Т. 1. С. 544.

реждений другой стороны, включая и области, занятые державами Четверного союза. Подобное нарушение с российской стороны усматривалось в поддержке официальными представителями советской власти «украинской железнодорожной забастовки, имевшей политический характер и обращенной против германского правительства, путем денежных сборов или воззваний». В целом ряде случаев эти нарушения объяснялись просто небрежностью или даже описками и опечатками, так как пожертвования поступали, по всей видимости, не от официальных учреждений, а от служащих или рабочих, как частных лиц⁷⁷.

Во избежание дальнейших недоразумений и осложнений по этому поводу, нарком просил иметь в виду, что выступления ответственных официальных представителей советской власти или их учреждений, которые можно расценить как нарушение ст. 2 Брестского договора, ратифицированного IV Всероссийским Съездом Советов и обязательного для всех, недопустимо. Было выражено пожелание опровергать сообщения, особенно официальной печати, о «не имевших места выступлениях и исправлять ошибки, например, в поступлении денег от того или иного учреждения вместо поступления их от служащих этого учреждения»⁷⁸.

Глава советской дипломатической миссии в Швейцарии Я.А. Берзин вспоминал, что Ленин часто говорил ему по поводу информационно-дипломатической работы в Берне, что нужно работать так, чтобы избежать обвинений в пропаганде. Однако война против Антанты «открыла шлюзы» агитационной работе большевиков. Военные действия держав Антанты против Советской России позволяли последней свободнее вести пропагандистскую деятельность. Работа эта велась в основном полпредствами в нейтральных странах — Швейцарии и Швеции, где обрабатывались и сообщения прессы стран Антанты, поступавшие в Берлин в виде телеграмм. Обладая статусом полноценной дипломатической миссии, полпредство в Берлине во главе с А.А. Иоффе имело налаженное сообщение через дипкурьеров, могло связываться с Москвой по прямому проводу, а, следовательно, его обеспеченность информационным и пропагандистским материалом была лучше, чем в других странах. Бремя ответственности за ведение информационно-пропагандистской работы падало на берлинское отделение

---

⁷⁷ АВП РФ. Ф. 56-б. Оп. 1. Д. 13-а. П. 2. Л. 13.

⁷⁸ Там же.

РОСТА при полпредстве, деятельность которого носила как официальный (легальный) (помещение в германской прессе допущенного цензурой материала), так и нелегальный характер. К примеру, нелегально распространялась присылаемая из Советской России литература: книги Ленина, Троцкого, Радека, Бухарина, центральный орган немецкой группы РКП (б) — газета *Weltrevolution* («Мировая революция»).

В состоянии «фактической войны»

Несмотря на трудности, соглашения от 27 августа 1918 г. создали базу для развития торговых отношений между Россией и Германией. Еще в июле 1918 г. при Генеральном консульстве РСФСР в Берлине был организован отдел торговых сношений; осенью 1918 г. были реализованы первые обменные внешнеторговые операции, по которым в Советскую Россию поступили две партии угля для Петрограда в обмен на некоторые виды сырья.

В докладе Х.Г. Раковского⁷⁹, посвященном вопросу возобновления торговых отношений между Россией и Германией, отмечалось, что восстановление российско-германских торговых связей является одним из важнейших пунктов всей политической и экономической программы правительства России, но ему препятствовала война, которую германское правительство, несмотря на подписанный в Брест-Литовске мирный договор и произведенную демобилизацию российской армии, вело с Россией, «почти ежедневно занимая все новые и новые области, незаконно присваивая себе миллиардные ценности, принадлежащие российской казне и российским гражданам и отрезая Великороссию последовательно от важнейших областей снабжения хлебом, рудой, металлом, каменным углем и нефтью»⁸⁰.

Германская угроза все новым и новым областям страны препятствовала возобновлению торговых отношений не только из-за разрушения транспортной системы, делавшей невозможным значительный приток экспортируемых товаров к пограничным станциям или портам вывоза, а приводила к оттоку вглубь страны из угрожаемых центров (Москвы, Петрограда и т.д.) наиболее ценных

⁷⁹ Там же. Ф. 028. Оп. 1. Д. 59454. П. 102. Л. 53—60.

⁸⁰ Там же. Л. 54.

товаров и материалов (медь, резина, ткани) в безопасные, недоступные для немецкого захвата места. «Так будет продолжаться до тех пор, — сообщалось в докладе, — пока Германское Правительство, не ограничиваясь голословными утверждениями, что русским центрам не грозит опасность немецкого нашествия, не уберет свои войска за линию, установленную Брестским договором, и не прекратит явного и тайного содействия и подстрекательства различных врагов Советской Республики, будут ли то турки, татары, донские контрреволюционеры и т.д.»⁸¹.

Единственно возможный для Германии способ получать от России сырье и материалы состоял в отказе от политики насильственного завоевания российских областей и в признании правовой основы взаимоотношений между странами, хотя бы в виде Брест-Литовского договора, — по признанию Раковского — крайне невыгодного для России. «Очищение занятых областей и отвод германских войск на линии, предусмотренные Брестским договором, прекращение всяких враждебных действий, возврат захваченного имущества и возмещение убытков и ущерба причиненных враждебными действиями после 3 марта 1918 г., восстановление свободного судоходства по Черному и Балтийскому морям, беспрепятственное разрешение сношений и обращения товаров между Великороссией и оккупированными ее частями — вот политические предпосылки, без соблюдения которых невозможно в сколько-нибудь широком масштабе восстановление торговых и промышленных сношений между Германией и Россией», — писал он⁸². В докладе подчеркивалось, что так как Россия с заключением Брестского мира перешла на положение нейтральной страны, она не могла быть «трактуема» как страна, союзная Германии; и наряду с возобновлением торговых отношений с последней, желала поддерживать торговые отношения, как с союзническими, так и с нейтральными, странами. От немцев не скрывалось, что торговые отношения России со Скандинавией и Соединенными Штатами могут быть более значительными, как со странами, способными предоставить России товарный эквивалент за доставляемые товары.

Российское правительство представляло торговые отношения с Германией отнюдь не как одностороннюю сделку продажи, так как Россия нуждалась не столько в деньгах или валюте, сколько в машинах, материалах и товарах народного потребления для поддер-

---

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. Л. 56.

жания и развития сельского хозяйства, горного дела и промышленности. От Германии ждали товарных компенсаций.

В отношении вопроса возобновления торговых отношений в докладе было заявлено, что хотя Россия имела громадные запасы сырья и отчасти готовых товаров, обмен мог бы развиваться постепенно из-за того, что, во-первых, сама Германия не могла дать многого; во-вторых, невозможно быстро устранить транспортные трудности; и, наконец, препятствием могло бы служить озлобление русского народа против немцев, вызванное агрессивным поведением Германии после Бреста. В качестве возможных объектов вывоза из России предлагались некоторые поставки платины, стальной болванки, железного лома и в ограниченном количестве — меди (причем наиболее подходящей компенсацией считали каменный уголь, которого Петроград мог бы принять до зимы до 1 000 000 тонн). Доставка угля в Петроград имела особое значение: она «облегчила бы устранение препятствий к вывозу наших товаров в Германию со стороны предубежденного против немцев населения Петрограда, показав воочию, что сношения с немцами могут представлять для нас действительную выгоду»⁸³.

В одной из юзограмм⁸⁴ российской Финансовой комиссии НКВД отмечалось, что германское правительство признает внутреннюю экономическую политику советского правительства, включая монополизацию внешней торговли, а также систему запретительных мер в отношении ввоза и вывоза, при условии, чтобы все ограничительные меры применялись не только к немцам, но и к гражданам других стран, и чтобы при всякого рода национализациях, секвестрах, ликвидациих и проч. немцы, потерпевшие убытки, получали соответственное вознаграждение⁸⁵. Твердая и выдержанная политика и отсутствие излишней уступчивости, по мнению Раковского, позволила бы советскому правительству с наибольшей выгодой реализовать свободные для экспорта излишки товаров и материалов. Не следовало спешить, нервничать и бояться угроз, шантажа и натиска немецких дельцов. 27 июля 1918 г.

В АВП РФ в материалах фонда наркома внешней торговли Л.Б. Красина, первого «красного купца», как называл его А.В. Луначарский, содержатся интересные сведения об условиях сделки с

---

⁸³ Там же. Л. 58.

⁸⁴ Юзограмма — материал, отправленный по аппарату Юза; наиболее важный, сообщавшийся в Москву по прямому проводу, в отличие от курьерского материала.

⁸⁵ АВП РФ. Ф. 028. Оп. 1. Д. 59454. П. 102. Л. 60.

Германией на доставку 6 млн пудов угля для Петрограда в навигацию 1918 г. Так, доставке подлежали: «кокса — 20 000 тонн, каменного угля большими кусками — 40 000 т; мытого орешку — 35 000 т, брикетов — 5000 т». Оплата каменного угля производилась, согласно договоренности, нижеследующими компенсационными товарами, «цены коих указаны ниже франко борт парохода Петроград:

старая резина (старые камеры и автомобильные покрышки, но не галоши) 640 т по цене 7000 марок за тонну;

сырая резина (25% парагумми, остальное по возможности гевия-плантаж сорта 1 и 2 — 25 т по цене 61 400 марок за тонну;

никель (чистый) — 16,13 т по цене 34 500 марок за тонну;

асбест — 150 т по цене 3718 марок за тонну;

медный лом и стружки (без электролитической меди) — 320 т по цене 11 650 марок за тонну;

пенька — 600 т по цене 6200 марок за тонну;

латунный лом и латунные стружки — 960 т по цене 7000 марок за тонну»⁸⁶.

Последний пароход с углем должен был выйти не позже 20 октября 1918 г. Погрузка российских товаров должна была совершиться на те из германских пароходов, которые были задержаны в Петрограде при объявлении войны, причем вестись она должна была с таким расчетом, «чтобы пока вовсе не грузить резины, никеля и асбеста, так как эти товары должны отправляться лишь по получении из Германии значительного количества законтрактованного угля»⁸⁷.

С большими трудностями, но все-таки развивались контакты Советской России с Германией в гуманитарной области: обмен военнопленными, деятельность миссии Красного Креста. Работа в Смешанной русско-германской комиссии о военнопленных осложнялась, в частности, крайним несоответствием числа русских и германских пленных (2 000 000 русских на 100 000 германцев)⁸⁸. Из числа 1 249 000 военнопленных, состоявших к 1 января 1918 г. на учете военного ведомства во внутренних округах, австрийцев было 1 125 000 чел., большая же часть русских военнопленных находилась в Германии⁸⁹.

⁸⁶ Там же. Ф. 0528. Оп. 1. Д. 43. П. 6. Л. 30.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. Ф. 04. Оп. 13. Д. 1015. П. 72. Л. 24.

⁸⁹ Там же. Л. 14.

31 мая 1918 г. Н.М. Жданов, председатель Международно-правовой консультации при Юридическом отделе Московского комитета помощи военнопленным, сделал краткое сообщение о ходе работы в Смешанной русско-германской комиссии о военнопленных: по поступившим из Австрии сведениям, более половины русских военнопленных находились на военных работах, что противоречило международному праву. Однако на выраженное им желание сделать из этого обстоятельства «соответствующие выводы по отношению к расчету на содержание военнопленных и установить для потерпевшего государства известные права на возмещение ущерба, причиненного ему незаконной эксплуатацией труда его военнопленных», было указано, в частности Г.Д. Батюшковым, на необходимость считаться с тем, что и с российской стороны имело место такое нарушение нормы международного права⁹⁰.

Германское правительство, со своей стороны, считало, что общая сумма расходов Германии по содержанию пленных превысила отработанную сумму приблизительно на 1 500 000 000 марок, эту сумму Германия и требовала от России (общее число русских пленных 1 200 000 чел.)⁹¹. Единственным основанием к принятию оптовой суммы могло бы быть желание ускорить возврат на Родину русских военнопленных, однако иллюзий на их скорейшее возвращение даже при самой быстрой уплате требуемой немцами суммы питать было нельзя, так как все ведение войны в Германии было основано на рабском труде военнопленных и, конечно, германское правительство, получив деньги за содержание военнопленных, нашло бы тысячу предлогов задержать их возвращение на Родину и сохранить в неприкосновенности свое «рабовладельческое военное хозяйство»⁹². В связи с этим советской стороной предлагалось принять меры к тому, чтобы переговоры о вознаграждении за содержание военнопленных превратить в мировой скандал и пригвоздить германское правительство к позорному столбу⁹³. Но для этого одних социал-демократических принципов и благородного негодования было недостаточно. Нужны были хорошие специалисты и дельные работники.

Западные военнопленные были отпущены из германских лагерей в середине ноября 1918 г.

---

⁹⁰ Там же. Л. 24.

⁹¹ Там же. Л. 42.

⁹² Там же.

⁹³ Там же. Л. 43.

Формирование новой внешней политики

Для Германии правительство большевиков де-факто оставалось единственным союзником на фоне продолжавшихся боевых действий против Антанты. Только осознание германским Верховным командованием в конце сентября 1918 г. неизбежности в ближайшее время поражения Германии в войне на Западе побудило и ее политическое руководство начать пересмотр восточной политики. В связи с этим обмен нотами между странами Антанты и Германией стал зримым отражением дипломатического поиска взаимоприемлемого окончания боевых действий, а отставка канцлера Г. Гертлинга открывала возможность взаимных уступок императора Вильгельма II и парламентских партий⁹⁴. Формирование новой внешнеполитической линии в октябре 1918 г. началось и в Советской России. Вопрос о том, какую роль сыграет советский режим в становлении новой системы международных отношений, окажется ли Россия «молотом или наковальней» Европы, занимал умы Ленина и его соратников не меньше, чем проблемы Гражданской войны или борьбы с голодом⁹⁵.

Руководители Советской России внимательно следили за развитием международной ситуации, надеясь, что первая годовщина их прихода к власти будет ознаменована началом всемирной революции пролетариата. Особые надежды при этом возлагались на рабочее движение Германии. Ключ к новой системе международных отношений, по мнению Ленина, лежал в Берлине. Советское представительство в Берлине выполняло не только дипломатические и пропагандистские функции, являясь для большевиков на время «окном в Европу»⁹⁶, но и выступало в роли координатора революционных сил, что не могло не вредить повседневной работе дипломатов. Наряду с дипломатическим представительством, в Берлине работало отделение Бюро печати ВЦИК под руководством Т.Л. Аксельрода, издававшее ежедневные бюллетени о германских событиях и поддерживавшее контакты с немецкими левыми социалистами. Российское посольство снабжало их деньгами и информацией. Иоффе писал в своих письмах и докладах в Наркомат иностранных дел и лично Ленину о том, как трудно быть революционным дипломатом. «Моя нелегальная служба Комиссари-

⁹⁴ *Ватлин А.Ю.* Международная стратегия большевизма на исходе Первой мировой войны // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 72.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. С. 73.

ата иностранных дел не касается и в ней я даю отчет лично Вам», — писал он Ленину⁹⁷. В свою очередь Ленин требовал не жалеть денег на пропаганду идей русской революции. В письме А.А. Иоффе 18 октября 1918 г. он писал: «Издавать надо во 100 раз больше. Деньги есть. Переводчиков нанять. А мы ничего не делаем! Скандал...»⁹⁸.

Революционизирующее воздействие «русского примера» на нарастание кризиса в Германии осенью 1918 г. отрицать нельзя, но нельзя и считать его следствием «экспорта революции» из России, хотя такие попытки были. С выводами новейших научных работ, посвященных деятельности радикальных социалистов в последний год существования Германской империи⁹⁹, плохо сочетается картина большевистского заговора с центром в советском полпредстве.

В отличие от редко попадавших в Россию зарубежных газет, главное место в изданиях, контролируемых большевиками, занимали не телеграфные сообщения о происходящем за рубежом, а комментарии партийных публицистов — экспертов по делам разных стран. Так, в газете «Известия» экспертом по германским делам выступал К. Радек (псевдонимом *Viator*), руководивший в Наркомате иностранных дел отделом Центральной Европы. Несмотря на то, что Радек был одним из «глашатаев мировой революции пролетариата», так как его основной работой была агитация среди военнопленных и коммунистическая пропаганда за рубежом, немецкие дипломаты относили его к представителям «германофильской» линии в руководстве РКП (б)¹⁰⁰.

В комментариях газет уделялось внимание и проблемам внешней политики, в частности судьбе Брестского мира.

1 октября 1918 г. В.И. Ленин отправил Л.Д. Троцкому и Я.М. Свердлову записку о новых задачах внешней политики в связи с переломом в развитии международной ситуации и приближающейся революцией в Германии. В записке ничего не сообщалось о пересмотре Брестского мира, дальнейшие переговоры с правительством Германии замораживались. «Практические предложения Ленина лежали в пропагандистской и организационно-технической плоскости: собирать хлеб и готовить Красную армию для помощи международной рабочей революции»¹⁰¹. Борьбу с Антантой

---

⁹⁷ Цит. по: Там же.

⁹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 195.

⁹⁹ См.: Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 73—74.

¹⁰⁰ Там же. С. 74.

¹⁰¹ Там же. С. 76.

советский лидер считал неизбежной, но до тех пор, пока власть не окажется в руках у пролетариата Германии, Россия должна была сохранять нейтралитет. Политика большевистского правительства строилась, таким образом, в предвидении социальной революции в обоих лагерях империализма — в англо-французском и германском. На объединенном заседании ВЦИК, Моссовета и рабочих организаций 3 октября 1918 г. в связи с этим была принята резолюция, вызвавшая озлобление в правительственных кругах Германии. Немцы отказались от поставок в Россию оружия и активизировали свою помощь правительству П.П. Скоропадского на Украине. Однако под давлением германского МИД генерал Людендорф в начале октября 1918 г. был вынужден дать согласие на передачу русским винтовок и патронов, категорически отказав, правда, в поставках пулеметов¹⁰². Украина оказалась заложницей как советско-германских отношений, так и мировой политики: большевистское руководство не без основания опасалось, что Антанта и Германия договорятся между собой и немецких солдат на украинской земле сменят англо-французские¹⁰³. Такие договоренности могли быть достигнуты лишь после подписания перемирия на Западном фронте, поэтому затягивание войны, по мнению А.Ю. Ватлина и ряда других исследователей, объективно укрепляло внешнеполитические позиции Советской России.

Положение российского внешнеполитического ведомства усложняло отсутствие налаженного механизма принятия решений. НКВД не имел стратегической инициативы: его роль сводилась к ведению оперативных дел. В основу советского подхода к механизму внешнеполитических решений лег сформулированный Л. Троцким еще в конце февраля 1918 г. принцип об отделении НКВД от политического руководства внешней политикой: «Текущие дела может вести Чичерин, а политическое руководство должен взять Ленин»¹⁰⁴. Советские дипломаты вынуждены были учитывать существующие реалии, подчеркивать необходимость маневрирования, соизмерять плюсы и минусы революционной пропаганды¹⁰⁵. Неоднократно выступал в пользу осторожной внешней политики нарком иностранных дел Г.В. Чичерин. Однако сторонники осторож-

---

¹⁰² См.: *Случ С.З.* Указ соч. С. 31.

¹⁰³ *Ватлин А.Ю.* Указ. соч. С. 79.

¹⁰⁴ См.: Седьмой экстренный съезд РКП (б). Март 1918. Стенографический отчет. М., 1962. С. 273.

¹⁰⁵ *Ватлин А.Ю.* Указ. соч. С. 75.

ного курса были, видимо, и среди лидеров большевиков. Ватлин, в частности, считает, что с таких позиций выступал Л.Б. Каменев.

Интерес к Германии подогревался и геополитическими соображениями. Окончание мировой войны открывало для РСФСР возможность не только возвратиться к границам, утраченным с подписанием Брестского мира, но и, выйдя из международной изоляции, вернуться в круг великих держав. Однако в действительности ситуация оказалась весьма противоречивой: с одной стороны, поражение Германии открывало путь к восстановлению утраченных позиций в Восточной Европе, с другой — время лавирования между двумя воюющими коалициями закончилось, и державы Антанты получили свободу действий не только в отношении Германии, но и России. Показательно, что в ст. 12 Компьенского перемирия, заключенного 11 ноября 1918 г. между Антантой и Германией, предусматривалось, что германские войска останутся в оккупированных ими районах, входивших до войны в состав России, до тех пор, пока антантовские союзники будут считать это необходимым¹⁰⁶. Все соглашения, заключенные ранее Германией с другими государствами, объявлялись недействительными, в том числе и Брестский договор.

Безусловно, в Москве учитывали возможные осложнения в связи с упомянутой выше резолюцией 3 октября, однако ее агитационный эффект представлялся, по всей видимости, наиболее важным. «Дипломатам оставалось только облекать классовый язык резолюции 3 октября в формулировки, более понятные для немецких партнеров: союз двух государств невозможен до тех пор, пока в Германии империалистическое правительство, но Россия никогда не станет на сторону Антанты и по-прежнему, поскольку возможно, готова подкармливать Германию»¹⁰⁷.

4 октября 1918 г. в Германии началась революция, к власти пришло правительство Макса Баденского (племянника императора Вильгельма II) с участием лидера правого крыла немецких социал-демократов Ф. Шейдемана, заявившее о согласии подписать мир с Антантой на условиях «14 пунктов» президента В. Вильсона. Возникла реальная опасность англо-американо-франко-германского блока против Советской России. В написанном по этому поводу обращении во ВЦИК Ленин предлагал готовиться к войне с Западной Европой, не разрывая передышки. Послание Ленина

¹⁰⁶ Системная история международных отношений: события и документы, 1918—2000: в 4 т. М., 2000. Т. 2: Документы 1918—1940-х гг. С. 21.

¹⁰⁷ Цит. по: Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 78.

было встречено холодно. ВЦИК принял резолюцию в духе доклада Троцкого, призывавшего к разрыву Брестского соглашения и революционной войне, предписав Реввоенсовету республики «немедленно разработать расширенную программу формирования Красной армии в соответствии с новыми условиями международных отношений; разработать план создания продовольственного фонда для трудящихся масс Германии и Австро-Венгрии»¹⁰⁸.

22 октября 1918 г. на объединенном заседании ВЦИК, Моссовета, фабрично-заводских комитетом и профсоюзов Ленин выступил с докладом о международном положении. В докладе сообщалось, что, с одной стороны, «мы никогда не были так близки к международной пролетарской революции, как теперь, а с другой — мы никогда не были в столь опасном положении, как теперь. Налицо нет уже двух, взаимно друг друга пожирающих и обессиливающих, приблизительно одинаково сильных групп империалистических хищников. Остается одна группа победителей — англо-французских империалистов... Она ставит своей задачей во что бы то ни стало свергнуть Советскую власть России... Вот почему, повторяю, никогда мы не были так близки к международной революции, и никогда не было наше положение столь опасным, потому что раньше никогда с большевизмом не считались как с мировой силой... Есть новый враг.. этот враг — англо-французский империализм»¹⁰⁹. Ленин предлагал выжидать, не разрывая мира, на этот раз из-за опасения интервенции стран Антанты (которая была уже осуществлена). Резолюция Ленина была принята ВЦИКом большинством голосов.

Накануне первой годовщины Октября Ленин без всякой дипломатии фактически призывал к экспорту революции в Германию и к войне в ее защиту, если эта революция произойдет. Так, 18 октября 1918 г. в своем ответе Иоффе, сообщавшего о переоценке близости германской революции, глава советского государства писал о том, что в феврале на переговорах с Германией «у нас была возможность выиграть время, отдав землю. Теперь возможности такой нет. Значит, выбора нет. Soyons fortes et accelerons la revolution in Allemagne (Давайте всеми силами ускорять революцию в Германии)»¹¹⁰. Чичерин в это же время сообщал Иоффе о настроениях в столице: самые нетерпеливые предлагают не вести больше переговоров с Германией, так как «завтра могут произойти события, которые сделают всю

¹⁰⁸ Фельштинский Ю. Г. Указ. соч. С. 526.

¹⁰⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 111—128.

¹¹⁰ Цит. по: Ватлин А. Ю. Указ. соч. С. 80.

эту работу излишней»¹¹¹. Однако к концу октября с приближением революции в Германии Иоффе признал, что все его мелкие дипломатические успехи не сравнимы с победой пролетариата.

Ставка на германскую революцию сплотила все руководство РКП (б) к концу октября 1918 г. Вновь и все более активно тезис о «мировой революции» выдвигался на первый план в документах РКП (б) и советского правительства.

Незадолго до своей капитуляции Германия пошла на разрыв дипломатических отношений с Советской Россией, надеясь, что этот антибольшевистский жест облегчит ей ведение переговоров с державами-победительницами. 5 ноября 1918 г. советский полпред А.А. Иоффе, сотрудники его миссии и других советских учреждений, вполне справедливо обвиненные в ведении враждебной пропаганды, были высланы из Германии. Выступая 13 ноября 1918 г. на сессии ВЦИК с докладом, посвященном аннулированию Брестского договора, Л.Б. Каменев, в частности, заявил, что «право было правительство Вильгельма, когда оно высылало тов. Иоффе, ссылаясь на то, что Советское посольство занималось деятельностью, направленной к ниспровержению императорского режима в Германии»¹¹².

Следует упомянуть и о другом событии, происшедшем 5 ноября 1918 г.: в ноте госсекретаря США Р. Лансинга союзные правительства объявили о своей готовности заключить мир с Германией в соответствии с условиями, изложенными В. Вильсоном в «14 пунктах», и принципами мирного урегулирования, сформулированными в его последующих выступлениях. В документе особо подчеркивалась необходимость возмещения Германией всего ущерба, причиненного гражданскому населению стран-союзниц и их собственности ее агрессией на суше, море и с воздуха¹¹³.

11 ноября 1918 г. правительство Германской республики подписало в Компьене перемирие с Антантой. Сообщение об этом событии остановило торги на Лондонской фондовой бирже. Все встало с пением «Боже, храни короля». 13 ноября 1918 г. Россия аннулировала Брест-Литовский договор. В этот день ВЦИК единогласно принял Постановление, в котором говорилось: «...Освобожденные

---

¹¹¹ Там же.

¹¹² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. Д. 1013. П. 71. Л. 6—7.

¹¹³ *Котенев В.А.* Проблема «военной вины» Германии на Парижской мирной конференции 1919 г. // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919—1939 гг.: сб. ст. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 47.

германской революцией от ига германского империализма народы России тем менее согласятся подчиниться игу империализма англо-американского или японского. Правительство Советской Республики предложило всем державам, ведущим с ними войну, мирное соглашение. Впредь же до того момента, когда трудящиеся массы этих держав заставят свои правительства принять мир с рабочими, крестьянами, солдатами России, Правительство Республики будет, опираясь ныне на революционные силы всей средней и Восточной Европы, сопротивляться попыткам вновь ввергнуть Россию под иго рабства чужеземному и туземному капитализму... Насильнический мир Брест-Литовска уничтожен. Да здравствует истинный мир — мировой союз трудящихся всех стран и наций»¹¹⁴.

В тот же день советское правительство отдало Красной армии приказ перейти демаркационные линии и вступить в занятые немцами районы бывшей Российской империи.

В Берлин А. Иоффе передавали сообщения отдела советской пропаганды ВЦИК при НКВД — СОВПРОПа о том, что в Москве, Петрограде и других российских городах состоялись митинги беженцев и жителей оккупированных немцами областей, на которых были приняты резолюции протеста против творимых там зверств, выдвинуты требования немедленного освобождения немцами оккупированных областей, открытия границы для беженцев, возвращения жителей, угнанных на работы в Германию, освобождении арестованных немцами жителей. В Москве и Петрограде состоялись также демонстрации у зданий германских консульств¹¹⁵. В столице стройными рядами, с пением революционных песен и с красными знаменами манифестанты отправились в Денежный переулок к зданию германского Генерального консульства. Приближение огромной толпы народа, говорилось в сообщении, вызвало там смятение, в окнах замелькали испуганные недоумевающие лица. Пока делегация, в которую вошло по одному представителю от каждой национальной группы, была у генерального консула, оставшиеся на улице устроили импровизированный митинг. Консул был отменно вежлив и предупредителен, дав «дипломатический» ответ: оказывается, он «совершенно не был осведомлен о находившихся в немецких рудниках и тюрьмах польских, латышских, эстонских и др. рабочих и крестьян из оккупированных германцами областей. Толпа,

¹¹⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. Д. 1013. П. 71. Л. 10.

¹¹⁵ Там же. Ф. 56-б. Оп. 1. Д. 12. П. 2. Л. 74.

возмущенная уклончивым ответом германского консула, с криками “Долой ставленников германского империализма”, “Долой Вильгельма”, “Долой социал-предателей Шейдемана, Давида, да здравствует истинный вождь германских рабочих Карл Либкнехт”, направилась к комиссару иностранных дел»¹¹⁶.

Советских руководителей волновали не только события в Германии, но и революционные возможности в странах Антанты: во Франции и Италии. 15 октября В.И. Ленин запрашивал об этом главу советской дипломатической миссии в Швейцарии Я.А. Берзина. Его интересовали факты, соображения, точные сведения¹¹⁷. В своей записке от 1 ноября Ленин просил Берзина не жалеть денег для пропаганды во Франции, предписывая ему все приготовить на случай, если Антанта заставит Швейцарию его выслать¹¹⁸. 8 ноября 1918 г., действительно, последовало решение Федерального Совета Швейцарии о высылке советской миссии из страны. 12 ноября Берзин с сотрудниками миссии были взяты под арест, а затем отправлены на родину. Таким образом, из полпредов за границей в Стокгольме в то время оставались В.В. Воровский и его уполномоченный в Копенгагене Я.З. Суриц. Официального признания они не получили и завязывали только неофициальные контакты с разного уровня государственными деятелями. Однако после их высылки, под давлением держав-победительниц, из Дании и Швеции на рубеже 1918—1919 гг. Советская Россия оказалась в полной дипломатической изоляции. Советские представительства за границей вновь открылись только в начале 1921 г.

Последние два месяца 1918 г. Советская Россия лишилась, таким образом, возможности «легально» продвигать революцию в европейских странах посредством официальной и нелегальной деятельности полпредств.

9 ноября 1918 г. в Германии к власти пришло правительство Ф. Эберта, которое стремилось представить Германскую республику как новое государство, созданное в результате демократической революции, порвавшее с имперскими традициями. В тот же день Берлинским Советом было принято постановление разрешить Иоффе вернуться в Германию, но до его реализации было еще далеко.

В октябре 1918 г. перестал существовать один из самых консервативных режимов Европы — Австро-Венгерская империя Габсбургов. На ее развалинах возник ряд самостоятельных государств: чехи

---

¹¹⁶ Там же. Л. 77—78.

¹¹⁷ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 193.

¹¹⁸ Там же. С. 201.

и словаки объявили о создании Чехословацкого государства, которое сразу было признано державами Антанты и США; было образовано и Сербо-Хорвато-Словенское Королевство (впоследствии — Югославия). В начале ноября 1918 г. революцией была сметена и кайзеровская монархия в Германии. ВЦИК РСФСР, принявший постановление об аннулировании Брест-Литовского договора и последовавших за ним соглашений, не мог не учитывать этих событий, выразив надежду, что отныне отношения между народами России, Германии и бывшей Австро-Венгрии будут не только мирными отношениями. «Это будет союз трудящихся масс всех наций, — говорилось в постановлении ВЦИК от 13 ноября, — в их борьбе за создание и укрепление социалистического строя на развалинах строя милитаризма, империализма и экономического рабства»¹¹⁹, т.е. в борьбе за победу социалистической революции в этих странах. Подтверждая свою принципиальную приверженность «праву трудящихся наций всех народов» на самоопределение, ВЦИК и советское правительство заявляли, что в основу истинного мира народов могли лечь только те принципы, которые соответствовали братским отношениям между трудящимися всех стран и наций и которые были провозглашены Октябрьской революцией и отстаивались русской делегацией в Бресте¹²⁰. Таким образом, наблюдался полный возврат к «добрестовскому» видению мира кремлевским руководством, с его заостренно «классово-пролетарским» подходом ко всем явлениям международной жизни и фетишизацией идеи «мировой революции». Все это дало основание Л.Н. Нежинскому полагать, что «осенью 1918 г. отрезвляющее действие Бреста полностью прекратилось. Эйфория, вызванная революцией в Германии и Австро-Венгрии, превалировала в сознании кремлевских лидеров над всеми другими чувствами и политическими соображениями»¹²¹.

Как известно, «пролетарского переворота» в Германии не произошло. К власти там пришли силы, считавшие необходимым вести страну по буржуазно-демократическому пути. Перед Советской Россией вставал вопрос о поиске новых методов существования советского государства на международной арене, и прежде всего о быстрейшем формировании мирных условий для восстановления

---

¹¹⁹ ДВП СССР. Т. 1. С. 566.

¹²⁰ Коммунистический Интернационал в документах, 1919—1932. М., 1933. С. 60.

¹²¹ *Нежинский Л.Н.* В интересах народа или вопреки им?: советская международная политика в 1917—1933 годах. М., 2004. С. 63.

разрушенной войной экономики и разрешения основных проблем государственного устройства России¹²².

В АВП РФ содержатся материалы по вопросам, касающимся уничтожения Брест-Литовского договора и последующих соглашений, в частности, сообщение бывшего банкира, финансиста Б.А. Каменки от 18 декабря 1918 г.¹²³ В нем утверждалось, что в период между заключением договоров и их уничтожением последовало частичное их выполнение в ущерб государственным и частным интересам России; ущерб подлежал возмещению. Союзники даже в акт перемирия включили особый пункт о возврате 320 млн рублей, которые большевистское правительство в исполнение заключенных соглашений поторопилось отправить в Берлин из золотого запаса Государственного Банка (в тот момент оно хранилось уже в кладовых Банк де Франс), но золото составляло лишь одну треть всех вывезенных ценностей. «Вторая треть состояла из 320 миллионов кредитных билетов старых купюр, так называемых романовских, рассчитанных по 110 марок за 100 рублей и составлявших следовательно 352 млн германских марок. Этот курс совершенно не соответствовал существовавшим в то время в Скандинавии валютным курсам, и применение его немцами могло быть объяснено лишь тем, что в основу расчета был положен полный золотой паритет в 39 эр за 100 марок, а не действительный биржевой курс в 56—58. При таких условиях немцы получили золотом эквивалент 320 млн кредитных рублей, почему золотом же должны быть возвращены России и 352 млн марок»¹²⁴. Третья часть отправленных в Германию ценностей состояла из мануфактурных товаров и хлопка, которые под видом реквизиции и конфискации были предварительно отобраны большевиками у русских, главным образом московских коммерсантов и фабрикантов. Стоимость этих товаров значительно превышала стоимость каждой из двух других предыдущих статей, так как товары отдавались немцам по произвольно-дружеской расценке, во всяком случае, значительно ниже цен на русских рынках, получив взамен, вероятно, различные льготы. Товары эти подлежали возвращению натурой, так как фабрикам был нужен хлопок, а населению — мануфактурные товары. Таким образом, вследствие уничтожения Брест-Литовского договора и последующих соглашений, «за полученные немцами кредитные рубли и товары, подлежащие возврату, Германия должна была уплатить Русскому государству и другим пострадав-

---

¹²² Там же.

¹²³ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 4. Д. 16. П. 27. Л. 1—4.

¹²⁴ Там же. Л. 2.

шим свыше 700 млн марок золотом, независимо от возвращенных уже 320 млн рублей»¹²⁵. Однако установить наименование и количество вывезенных товаров не представлялось возможным из-за отсутствия каких-либо данных, которые предлагалось затребовать от самих немцев.

Каменка считал необходимым признать уничтоженными все сделки, совершенные немцами в рассматриваемый период, как на недвижимое имущество, так и на всякого рода «движимости», процентные бумаги, акции, паи, художественные произведения и проч. Поскольку контрагентом немцев являлось само большевистское правительство, его органы и частные лица, действовавшие под угрозой этих органов, уничтожению могли подлежать и сделки, по своему характеру являвшиеся вредными с точки зрения государственных интересов, несмотря на то, что совершены они были по добровольным соглашениям.

Весь ущерб, который был нанесен русской казне от использования привилегий, полученных немцами по экономическим дополнительным соглашениям в августе 1918 г. (фрахтование судов, аренда и управление имуществом, рыбная ловля, таможенные пошлины, вывоз сахара за границу, налоги, установленные для иностранных подданных, и т.д.), предлагалось возместить вместе с курсовой разницей на банкноты Германского Банка, если вследствие договорных обязательств они принимались в отдельных случаях по полному паритету наравне с золотом.

Этими мерами не исчерпывалось все, что требовало восстановления и возмещения в результате полного или частичного выполнения Брест-Литовского договора и последующих соглашений. Так, например, в занятых после заключения мира немцами местностях насильственно отнимались и отправлялись в Германию и Австрию все продовольственные товары, превышавшие установленные немцами для населения нормы; в оккупированных местностях Бельгии и Северной Франции отбирались у банков деньги, числившиеся на счетах русских учреждений; оккупационные армии содержались за счет местного населения. Каменка считал необходимым закрыть все акционерные, страховые и др. немецкие общества, развернувшие свою деятельность в России на основании вышеуказанного соглашений.

18 октября 1918 г. госдепартамент США опубликовал план экономического сотрудничества с Россией, в котором ставилась задача

---

¹²⁵ Там же. Л. 3.

«помочь России, а не использовать ее слабости»¹²⁶. Но если партнером стало бы советское правительство, то де-факто осуществилось бы его признание, что было невозможно из-за сильного сопротивления со стороны правых политиков и русских врагов большевизма, обещавших найти действенную оппозицию большевистскому центру. Американское посольство в России все более подталкивало Вашингтон к эволюции позиции в антисоветском направлении.

Советское правительство предпринимало попытки дипломатическим путем добиться прекращения военных действий. Так, в ноте НКВД от 24 октября 1918 г., направленной В. Вильсону через атташе норвежской миссии в России Кристенсена, советское правительство, выразив готовность вступить в мирные переговоры с союзными державами, запрашивало США и страны Антанты условия заключения мира с советским государством. Напомнив президенту его же заявление о желании и признании необходимости обеспечить России «радушный прием в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама себе изберет», советская сторона выразила желание принять участие в переговорах о всеобщем мире, которые предлагал президент в своем послании американскому конгрессу 8 января 1918 г.¹²⁷

3 ноября 1918 г. НКВД обратился от имени советского правительства к странам Антанты и Японии с предложением, переданным им через шведского посланника в Петрограде, начать переговоры о ликвидации военного конфликта. 6 ноября V Всероссийский чрезвычайный съезд Советов принял постановление обратиться к правительствам США, Англии, Франции, Италии и Японии с предложением открыть переговоры о заключении мира и уполномочил НКВД предпринять необходимые шаги в этом направлении¹²⁸. Предложение начать мирные переговоры повергло все эти страны в замешательство, так как, по мнению Ю.Г. Фельштинского, «они не знали, что находятся в состоянии войны со своей союзницей по Антанте; нота Чичерина выглядела настолько нелепо, что на нее, по-видимому, просто не обратили внимания. К тому же надвигались новые грозные события: 4 ноября началась революция в Австро-Венгрии»¹²⁹. 5 ноября Австро-Венгрия подписала перемирие; союзные войска заняли Константинополь.

¹²⁶ Уткин А.И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М., 2004. С. 296.

¹²⁷ ДВП СССР. Т. 1. С. 531—539.

¹²⁸ Там же. С. 549, 556.

¹²⁹ Фельштинский Ю.Г. Указ. соч. С. 527.

В Болгарии была провозглашена республика. В связи с этим находившийся в Стокгольме член коллегии НКВД М.М. Литвинов, который был уполномочен советским правительством вступить в предварительные мирные переговоры с представителями Антанты, обратился 23 декабря 1918 г. с нотой, адресованной посланникам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США в Швеции, в которой содержалось официальное предложение заключить мир с Советской Россией. На следующий день Литвинов обратился лично к прибывшему в те дни в Лондон президенту США В. Вильсону с аналогичной нотой, в которой сообщил о своих полномочиях войти в переговоры о мирном разрешении всех вопросов, составлявших причину враждебных действий иностранных государств против России¹³⁰. Однако все эти адресаты, к которым обратилась советская сторона, либо ничего не ответили на обращения, либо заняли уклончивую позицию относительно поднятых в них проблем.

К.Д. Набоков, бывший временный поверенный в делах России в Великобритании, в декабре 1918 г. выразил очевидную для любого непредвзятого политика истину: «Все союзные правительства признают, что пока половина России переживает террор, анархию, голод и междоусобицу, мира быть не может»¹³¹. Между тем поиски решения «русского вопроса» были затруднены: во-первых, в силу отношений великих держав, доходивших, по словам бывшего посла России во Франции В.А. Маклакова, иногда до еле сдерживаемого недружелюбия. Причем англосаксонский тандем В. Вильсона и Д. Ллойд Джорджа отодвинул на «второстепенные роли» лидеров Италии и Франции, как раз и проявлявшим к русским белым «дружественные отношения»¹³². Во-вторых, в силу переживаемых Европой и Америкой трудностей, вызванных противоборством левых и правых политических движений. К тому же в хаосе событий Гражданской войны не просто было анализировать динамику борьбы даже основных политических сил: большевиков, представителей Белого движения и представителей более десятка национальных республик, возникших на окраинах бывшей Российской империи и добивавшихся независимости. Причем у западных держав крепла уверенность, что силовой вариант подхода к «русской проблеме» себя не оправдал.

---

¹³⁰ Там же. С. 626—630.

¹³¹ *Листиков С.В.* Белые дипломаты о «русской политике» западных держав // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919—1933 гг.: сб. ст. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 154.

¹³² Там же.

Интервенция с самого ее начала воспринималась лидерами американской демократии с большой долей сомнения. Бывший посол России в США Б.А. Бахметев, много сделавший для того, чтобы по дипломатическим каналам «подтолкнуть» хозяина Белого дома к решению послать в Россию солдат, еще в апреле 1918 г. констатировал: «С ужасом вижу, что Вильсон слишком медленно понимает, что надо делать, и избытком корректности губит Россию!»¹³³

Проамериканская ориентация многих эсеро-меньшевистских областных правительств подсказывала Вашингтону линию поведения, которая не укладывалась в упрощенные схемы по формуле «свой-чужой» и вызывала разочарование, даже осуждение, многих представителей Белого движения. В наиболее резкой форме эти настроения выразил адмирал А.В. Колчак летом 1918 г. в записке, в которой, оценивая шансы на получение помощи Белому движению со стороны союзников, писал: «США заняли положение, сочувствующее большевистскому развалу и разложению России, особенно определенно высказанное в известном письме президента Вильсона к представителям так называемой советской власти (обращение Вильсона к IV Чрезвычайному Всероссийскому съезду в марте 1918 г.). Мне были ясны, особенно после недавнего личного пребывания в США, полное непонимание их представителей положения вещей в России и представление их о происходящем государственном разложении России как о выражении демократической идеологии. Поэтому рассчитывать на помощь Соединенных Штатов в деле вооруженной борьбы с большевиками мне не представляется возможным»¹³⁴. «Не поощряя политический сепаратизм в его абсолютной форме из-за боязни сыграть на руку Германии и Японии, — отмечал В.Л. Мальков, — Вашингтон благоволил к политическим силам, которые, во-первых, одним своим существованием создавали предпосылки укоренения областнического сознания, ослабляя тенденции к централизации, и, во-вторых, предполагали замкнуться на внутренних проблемах России, оставив в стороне вопросы внешнеполитические»¹³⁵. Англичане, настроенные более решительно на поддержку сепаратизма в большевистской России, 31 октября 1918 г. направили госсекретарю США Р. Лансингу меморандум, в котором был поставлен вопрос о целесообразности поощрения отделения балтийских

---

¹³³ Цит. по: Там же.

¹³⁴ Исторический архив. 1998. № 3. С. 73.

¹³⁵ Мальков В.Л. Вудро Вильсон и Новая Россия (февраль 1917 — март 1918 г.) // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 130.

провинций от России¹³⁶. Однако в своем ответе 27 ноября Лансинг попросил Лондон смирить пыл, проявить тактичность, считаясь с фактором оскорбленного достоинства у русского народа, сражавшегося в победоносной коалиции¹³⁷.

23 ноября 1918 г. сводный британо-французский отряд десантировался в Новороссийске, через месяц Франция высадила дополнительные войска в Крыму и Одессе, англичане отбили у турок Баку, установив военный контроль над Каспийским морем; британские боевые корабли заняли позиции на восточной Балтике, неподалеку от российских берегов. Рассматривая усилившуюся после заключения перемирия интервенцию стран Антанты (ее основным мотивом стало не создание Восточного фронта, а борьба с властью большевиков) как необъявленную войну, советские руководители в последние месяцы 1918 г. предлагали бывшим союзникам открыть переговоры о заключении мира¹³⁸, поручив НКВД предпринять все необходимые для этого шаги. Однако ответных шагов со стороны держав Антанты не последовало. Проигнорирована была и упомянутая выше нота Литвинова от 23 декабря 1918 г. с официальным предложением Великобритании, Франции, Италии, Японии и США заключить мир с РСФСР. Но вот тактика экономической блокады Советской России, выдвинутая Францией, получила широкую поддержку ее партнеров по интервенции.

27 октября 1918 г. премьер-министр Франции Ж. Клемансо в письме генералу Л. Франше д'Эспере, главнокомандующему французскими силами в юго-восточной Европе, дал указание разработать план с целью не только «продолжить в России борьбу против центральных держав, но осуществить экономическую блокаду большевизма и вызвать его крах»¹³⁹. Министр иностранных дел С. Пишон в качестве основной позиции Франции в «русском вопросе» назвал директивы Клемансо от 13 и 21 декабря об организации «экономического окружения» России¹⁴⁰.

31 декабря 1918 г. в Москве было получено радиосообщение из Парижа о выступлении Пишона на совещании по внешней политике. Подробно осветив вопрос о действии союзников в России, министр иностранных дел доказывал, что союзники и Франция

---

¹³⁶ Там же. С. 131.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ ДВП СССР. Т. 1. С. 549, 556.

¹³⁹ Цит. по: *Шишкин В.А. Указ. соч.* С. 104.

¹⁴⁰ Там же.

не бездействовали по отношению к правительству большевиков. Все, что в течение года было сделано против большевиков, сказал он, делалось против немцев. «Нас спрашивали: зачем наши войска находятся в Архангельске, в Мурманске и в различных местах Сибири? Это было сделано для того, — продолжал Пишон, — чтобы германские войска не могли вернуться на Западный фронт, а также для того, чтобы не дать германцам возможности вмешаться во внутренние дела России. Это было сделано для того, чтобы дать возможность русским, оставшимся верными союзникам, организоваться и бороться с разрушением и анархией, последствия которых могли бы коснуться и нас самих. Мы защищаем в России наши права, которые были нарушены большевиками»¹⁴¹. Касаясь вопроса о предстоящих военных действиях, Пишон напомнил указания Клемансо генералам о том, что международное вмешательство не носит наступательного характера, его цель — преградить большевикам путь на Украину, Кавказ и в восточную часть России и создать фронт для обороны от большевизма силами самих русских, обеспечив им техническое превосходство над большевиками. В телеграмме от 21 декабря Клемансо выразился вполне определенно: план союзников, осуществление которого должно было происходить постепенно, заключался в том, чтобы экономически окружить большевиков. «Во всяком случае союзные правительства не хотят вмешательства во внутренние дела России; их цель заключается в том, чтобы помочь России выйти из анархии»¹⁴².

После заключения перемирия на Западе посол США Д. Фрэнсис выступил с планами использования высвободившихся воинских частей союзников против Советской России. Он обсуждал русскую проблему с госсекретарем США Лансингом, полковником Хаузом, генералом Першингом и др. Но последнее слово оставалось за президентом, который отменил «упрощенные» варианты решения русской проблемы, считая, что отправка американских солдат в Россию не сможет стать популярным предприятием в США, а лишь усложнит американские позиции на Версальской мирной конференции. Против этого Фрэнсис выдвинул такой аргумент: «Никакой мирный договор не будет настоящим, всеобъемлющим, полным, адекватным, если его не подпишет Россия: она слишком велика и потенциально опасна». Но президент заявил, что будет

---

¹⁴¹ АВП РФ. Ф. 0528. Оп. 1. Д. 20. П. 3. Л. 128.

¹⁴² Там же.

еще хуже, если мирный договор будет позволено подписать большевистской России, или России, находящейся в состоянии внутреннего раздора. Тогда у потерпевшей поражение Германии всегда будет исторический шанс — воспользоваться положением России и в союзе с ней найти выход из общих несчастий. Сближение Германии с Россией воссоздало бы безграничные ресурсы России...»¹⁴³.

В декабре 1918 г. западные державы стали оказывать воздействие на Германию, чтобы та не только защитила оккупированные ею территории в России, но и начала активные вооруженные действия против большевиков. Как пишет А.И. Уткин, сложилась необычная ситуация: «весь прошедший год, борясь с грозным противником, Запад обсуждал вопрос, как мобилизовать дополнительные силы и войти в Россию. А теперь, имея в руках победу, ликвидировав германскую угрозу, Запад думал о том, как не пустить Россию в Европу, как перехватить те позиции, которыми владела в Западной и Юго-Западной России Германия, начиная с весны 1918 г.»¹⁴⁴.

Отношение немцев к России в ноябре — декабре 1918 г. было сложным. Для реализации долгосрочного замысла укрепления своих позиций на российской периферии немцам нужно было нейтрализовать советскую пропаганду и не ослаблять там военного присутствия. Генерал Тренер (преемник Людендорфа) набирал добровольцев в немецкие войска на Востоке, а германские фирмы размышляли над возможностями освоения новых территорий. Такой политики Берлин придерживался на протяжении восьми месяцев между ноябрьским перемирием и подписанием Версальского мира¹⁴⁵.

По справедливому замечанию А.И. Уткина, Запад волновала не большевизация Германии, а геополитический аспект: нахождение ею некоей формы союза с Россией: «И немцы начали использовать рычаг этой угрозы для постепенного высвобождения Германии из-под пресса поражения. Германская сторона быстро ощутила возможность использования страха перед вооружившейся новой идеологией Россией»¹⁴⁶. Отношения с Москвой не должны были вызывать подозрений у Парижа, Лондона и Вашингтона. В результате Берлин отказался поднять уровень дипломатических отношений с Советской Россией, отверг ее предложения об экономической помощи и изолировал советских дипломатов.

---

¹⁴³ Цит. по: Уткин А.И. Указ. соч. С. 298.

¹⁴⁴ Там же. С. 290.

¹⁴⁵ Там же. С. 299.

¹⁴⁶ Там же. С. 301.

25 ноября 1918 г. министру иностранных дел Германии была послана радиотелеграмма Г.В. Чичерина, в которой говорилось, что в ответ на радиотелеграмму от 21 ноября, в которой содержалось обращение Германского правительства с вопросом, признает ли Русское правительство нынешнее Германское правительство и согласно ли оно дать обязательство, что будет воздерживаться от всякого воздействия на германское население с целью образования в Германии другого правительства, «Народный Комиссариат по Иностранным Делах указывает, что многократные предложения Русского правительства о восстановлении нормальных отношений между Россией и Германией сами по себе уже предполагают признание нынешнего Германского правительства со стороны Русского»¹⁴⁷. Что же касалось воздействия на германское население, то по мнению Русского Правительства, «гораздо более соответствовало бы достоинству обоих правительств и тем демократическим принципам, которые выставляет Германское правительство, если бы обе стороны не налагали никаких ограничений на заявления и сообщения другой стороны, и что Русское правительство нисколько не возражало бы, если бы в каких-либо радиотелеграммах Германского правительства защищались взгляды и интересы правых эсеров и меньшевиков». Правительство России, как сообщалось далее, было бы даже готово публиковать эти радиотелеграммы в своих официальных изданиях и если бы того пожелало Германское правительство, даже два раза. Хотя Русское правительство нашло бы гораздо более желательным исключить пункт об отказе от воздействия на население (тем более, что это было лишь повторение ст. 2 Брестского договора), тем не менее оно заявило, что если требование является предпосылкой, без которой Германское правительство не согласится на восстановление нормальных отношений с Россией, то Русское правительство готово принять даже это требование¹⁴⁸. В связи с тем, что все выставленные Германским правительством условия для восстановления нормальных отношений с Россией таким образом удовлетворены, Народный Комиссариат просил Германское правительство указать день, когда русский полномочный представитель Иоффе и персонал полпредства могли бы вернуться в Берлин, а также распорядиться, чтобы русское дипломатическое представительство в Вене и русские дипломатические курьеры могли бы свободно проезжать по территории Германии¹⁴⁹.

¹⁴⁷ АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 12. П. 2. Л. 94—95.

¹⁴⁸ Там же. Л. 95.

¹⁴⁹ Там же.

В заявлении Германскому правительству по поводу выполнения Брестского договора¹⁵⁰ Чичерин напомнил, что еще 10 ноября 1918 г. в обращении ко всем рабочим, солдатам и матросам Германии, а затем 12 ноября в обращении к Совету Народных Уполномоченных Германии Советское правительство настаивало на немедленном возвращении российского полномочного представительства в Берлин и восстановлении нормальных отношений между обеими странами. 14 ноября в обращении ко всем Совдепам Германии нарком настойчиво подчеркивал необходимость восстановления дипломатических отношений между обеими странами. 15 ноября состоялся разговор Чичерина и К.Б. Радека по прямому проводу с референтом по внешней политике Совета Народных Уполномоченных Германии Гуго Гаазе. 16 ноября Чичерин сообщил статс-секретарю доктору Зольфу, что все препятствия для отъезда в Германию бывших германских генеральных консулов из России устранены, и поэтому, согласно официальным германским заявлениям, ничто не препятствовало возвращению российского полномочного представительства в Берлин. Упоминалась и изложенная выше телеграмма от 25 ноября. Однако советские предложения о возобновлении двусторонних отношений остались без ответа.

6 декабря 1918 г., получив приглашение от Исполкома Берлинского Совета рабочих и солдат прислать делегацию от ЦИК на Всегерманский Съезд Советов, Чичерин высказал пожелание о скорейшем возвращении российского дипломатического представительства в Берлин и отправки германского дипломатического представительства в Москву¹⁵¹. Ответной реакции не последовало. Тем временем германские войска без объявления войны наступали на Латышскую и Литовскую Республики, делали все для подавления недавно завоеванной трудящимися и эксплуатируемыми массами свободы в этих странах и в районе своей оккупации совершая всевозможные зверства и насилия над трудящимся народом, производя систематически настоящие карательные экспедиции, — подчеркнул нарком¹⁵². Далее Чичерин привел факты, служившие доказательством того, что по отношению к Российскому Советскому правительству Германское правительство нарушало основные принципы, соблюдаемые в отношениях между двумя странами: официальные документы российского Дипломатического пред-

¹⁵⁰ Там же. Ф. 04. Оп. 13. П. 71. Д. 1012. Л. 1—6.

¹⁵¹ Там же. Л. 3.

¹⁵² Там же.

ставительства были переданы редакции издававшегося в Берлине белогвардейского контрреволюционного русского листка; в здании представительства поселен священник, торговавший бумагами и документами и «для преступных целей» использовавший оставшиеся в канцелярии представительства бланки паспортов. Нарком указывал, что никогда Российское Советское правительство не отступало от сделанных им с начала ноября 1918 г. заявлений с настойчивым требованием устранения навязанных ему Германским правительством конфликтов, так же как и от сделанного им 15 февраля заявления об отсутствии всяких агрессивных намерений по отношению к Германии и планов вторжения в ее пределы. Однако «принимая во внимание все чаще раздающиеся из рядов трудящихся масс Германии требования об установлении самой тесной дружбы с Советской Россией, Правительство РСФСР высказывает твердую уверенность, что недалек тот час, когда эти пожелания претворятся в действительность»¹⁵³. Протестуя против утверждений о якобы имевшихся у него враждебных намерениях по отношению к Германии, правительство РСФСР заявляло, что ответственность за искусственно создаваемые конфликты всецело пала на Германское правительство, Российская Советская Республика помышляла лишь о защите против нападений извне и об обороне свободы своего народа и спасении завоеваний революции.

На наш взгляд заслуживает внимания сообщение Л. Троцкого советским руководителям 22 декабря 1918 г.: «Правительство Гаазе печатает в настоящее время документы, изобличающие Вильгельма, как виновника мировой войны. Совершенно ясно, что Гаазе делает свою работу прежде всего, в угоду империалистам Согласия, чтобы завоевать их благоволение»¹⁵⁴. В связи с этим Троцкий считал целесообразным извлечь из архивов министерства иностранных дел те документы (за период с начала войны), свидетельствовавшие о том, что огромная ответственность за развязывание войны легла на союзников. Эти документы он предлагал «распространить по радио».

12 декабря 1918 г. посланная на Всегерманский Съезд Советов советская делегация в составе Бухарина, Иоффе, Радека и Раковского не смогла пересечь германскую границу и вынуждена была возвратиться в Москву. (Правда, Радеку удалось тайно пробраться в Берлин и присутствовать при создании Коммунистической партии

---

¹⁵³ Там же. Л. 5—6.

¹⁵⁴ Там же. Л. 24.

Германии — Лиги Спартака 30 декабря 1918 г.) В радиотелеграмме Ковенского Солдатского Совета Народному Комиссару по Иностранным делам 16 декабря 1918 г.¹⁵⁵, объяснявшей причины, почему въезд советской делегации не был разрешен, сообщалось, что Германское правительство и берлинский Исполком взяли обратно приглашение. Однако «о том, чтобы относиться к делегации как к заложникам, ни у кого не было мысли, и Центральный Совет Восточного фронта протестует против того, что косвенно ему делаются подобные упреки, — говорилось в телеграмме. — Будучи солидарными с русскими товарищами в борьбе против всякого империализма, мы требуем от них, чтобы они предоставили нам самим создание нашего социалистического общества и воздержались от всякого вмешательства в великое революционное движение Германии».

В целом именно заключение мира на Западе в решающей степени подорвало движение к власти крайне левых (единомышленников российских большевиков) в Германии. Их призывы не вызвали общественного отклика. В этом состояла трагедия немецких левых. Но как справедливо отмечают современные исследователи, в еще большей степени это была трагедия русских большевиков, всё поставивших на революционный взрыв в Германии¹⁵⁶.

Обострение «русского вопроса»

Выработку политики Германии в отношении Советской России взял на себя профессиональный дипломат граф Ульрих фон Брокдорф-Ранцау, занявший пост государственного секретаря по иностранным делам. Он предложил достичь соглашения с Западом по экономической реконструкции России. Германскую карту, со своей стороны, попытался разыграть и Ленин. На непродолжительный период времени интересы обеих стран совпали, и Германия и Советская Россия не хотели расширения территории восстановленной Польши. Вместе с тем первые республиканские правительства Германии (Макса Баденского и Филиппа Шейдемана), боровшиеся с левой социал-демократией, не проявляли инициативу на русском направлении, стараясь улучшить свое положение за счет помощи Западу в противостоянии с большевистской Россией¹⁵⁷. В результате англичане и амери-

¹⁵⁵ Там же. Ф. 04. Оп. 13. П. 71. Д. 998. Л. 55.

¹⁵⁶ См., напр.: Уткин А. И. Указ. соч. С. 322.

¹⁵⁷ Там же. С. 328.

канцы поддержали укрепление антирусского правительства Ф. Эберта, а французы вынуждены были смириться с усилением позиции Германии в надежде на сдерживание Советской России.

Клемансо из геополитических соображений поддержал максималистские планы Польши в отношении Украины и Литвы. Обретенная Польшей и Румынией с помощью Франции, восточная граница этих стран становилась трамплином для вторжения в Центральную Россию. Французская идея опоры на Польшу предусматривала в качестве западной российской границы Днепр.

10 ноября 1918 г. в редакционной статье газеты *Temps* говорилось, что Франция должна быть готова встретиться с неведомой Германией, потерявшей армию, но сохранившей свою мощь. Из этого следовало, что мир для Франции означал сохранение военных союзов: в одиночку Франция с Германией не справилась бы; общая граница с немцами была для нее весомым фактором, в отличие от Великобритании и Соединенных Штатов. Отсюда возник конфликт Парижа с союзниками еще до начала мирной конференции. Французы верили лишь в свою армию (в апреле 1919 г. у Франции еще была полностью отобилизованная армия численностью 2,3 млн. чел.¹⁵⁸), хотели иметь надежных союзников, надеялись на центробежные тенденции в рейхе. Экономическому подъему должны были служить германские репарации, но получить их, по мнению французских политиков и военных, можно было, лишь имея Рейнскую область, а это противоречило американскому подходу с его главным тезисом о «праве наций на самоопределение».

Франция, предпочитая видеть Советскую Россию ослабленной, хотела решить дипломатические вопросы, пока «говорили пушки». Она заняла самую жесткую позицию в «русском вопросе»: Россия не могла претендовать на роль противовеса Германии и теряла для Франции свою значимость. В этом качестве заменить Россию должны были новые государства. Форпостом своего влияния в Восточной Европе Франция выбрала Польшу. Таким образом, французская дипломатия хотела видеть сильную Польшу своим оплотом в стратегическом противостоянии с Германией и барьером на пути восстановления германского влияния в России.

Державы Антанты установили строжайшую блокаду Советской России. Большевицкое правительство, не признанное державами-победительницами, имевшими опыт (со времен Временного пра-

---

¹⁵⁸ Там же. С. 246.

вительства) решать судьбу России без ее участия, не было приглашено на Парижскую мирную конференцию в январе 1919 г. Выдвинутая Францией на конференции идея «санитарного кордона» в отношении России укрепляла позиции Польши и Румынии за счет РСФСР.

После подписания перемирия с немцами Ж. Клемансо, всегда видевшего угрозу со стороны прусского милитаризма, волновала не столько борьба с большевизмом как с политической доктриной, сколько реальная возможность заполнения образовавшегося в России силового вакуума Германией. У стран-победительниц оставался общий интерес: стабилизация обстановки в России и создание в ней правительства, с которым можно было бы достичь соглашения о границах послевоенной Финляндии, Польши, Прибалтийских республик, закавказских государств. Широко известны слова Ллойд Джорджа, что никакого мира не наступит, если мира не будет в России.

Стратегическая линия Великобритании в отношении Советской России, в отличие от Франции, в принципе желавшей восстановления в сильной России консервативного строя для противодействия своему рейнскому врагу, была иной: Лондон желал ослабления России, своего традиционного соперника на Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке; он был свободен от обещания России Проливов; уже не опасался давления на Индию с севера. Таким образом, Великобритания взяла на себя лидерство во вмешательстве Запада в российские дела.

Через два дня после подписания перемирия министр иностранных дел Великобритании А. Бальфур провел совещание с ведущими дипломатами и военными по «русскому вопросу», на котором получило поддержку предложение об активной политике на территории России от Мурманска до Кавказа. В «оппозиции» Бальфурю оказались А. Мильнер и Дж. Керзон, считавшие необходимым перенести центр тяжести британских усилий с Балтики на южное направление. Военный кабинет Великобритании пришел к решению «сохранить прежнюю дислокацию войск в Северной России и Сибири, осуществить меры по закреплению в своих руках железной дороги Баку — Батуми, оказать материальную и техническую помощь Добровольческой армии А.И. Деникина, признать в качестве представляющего Россию правительство адмирала А.В. Колчака в Омске, занять Красноводск и расширить британскую зону влияния на территории между Доном и Волгой»¹⁵⁹. Лондон признал незави-

---

¹⁵⁹ Там же. С. 345.

симость Финляндии и прибалтийских государств, стал подталкивать закавказские новоформирования к самоутверждению.

10 декабря 1918 г. Ллойд Джордж выступил инициатором дискуссии по «русскому вопросу». Руководители Военного министерства Великобритании лорд А. Мильнер и сэр Генри Уилсон ратовали за интенсификацию военных действий в Мурманске и других ключевых подходах к России. Бальфур говорил о необходимости поддержать любое правительство в странах-лимитрофах, утвердившееся с английской помощью. В конечном счете британский и французский военные министры, У. Черчилль и А. Лефевр, пришли к выводу, что отныне главная угроза западной цивилизации не германский милитаризм, а русский большевизм. Опасаясь определенного сближения России и Германии (что стало бы геополитической угрозой Западу), страны Антанты видели выход в их столкновении.

16 ноября 1918 г. первая британская эскадра вошла в Черное море. Через несколько дней из базы в Новороссийске они совершили выход в Баку и заняли железнодорожную линию Баку — Батуми. В декабре 1918 г. английские крейсера вошли в гавани Мемеля, Либавы, Риги и Ревеля. Они должны были укрепить антибольшевистские позиции населения и защитить интересы Англии на Балтике. На прибалтийских территориях Лондон поддерживал добровольческий германский «Свободный корпус». Англичане вместе с немцами тщетно пытались остановить продвижение советских войск, которые 3 января 1919 г. вошли в Ригу, а 5-го — в Вильнюс. Красная армия одерживала победы и на юге.

В начале 1919 г. стало очевидно: расчет на то, что союзные силы как организующий фактор и источник материальной и духовной поддержки всех недовольных политикой большевиков с целью их свержения, не оправдался. А между тем, в России в конце 1918 г. находилось около 180 тыс. солдат Антанты, в то время как силы Белого движения в лучшие времена не превышали 400—500 тыс. человек¹⁶⁰. Но первые во многом оставались сторонними наблюдателями русской кровавой драмы.

Понимая, что тенденцию вывода войск союзников с территории России не переломить, из белого лагеря все чаще слышалось: «Уходите, но денег и оружие дайте!». Однако поставки оружия и снаряжения шли «со скрипом», количество его было недостаточно, а качество оставляло желать лучшего; кредиты были весьма огра-

---

¹⁶⁰ Листиков С.В. Указ. соч. С. 155.

ничены. Естественной альтернативой силовому решению «русского вопроса» западные политики видели в диалоге с большевиками. Проведенный ими социальный эксперимент хоть и вызывал на Западе полное неприятие, но железная воля большевистского руководства, его политика в земельном вопросе, поддержанная крестьянством, и, конечно, победы Красной армии вызывали невольное уважение даже у врагов. Постепенно в Европе складывалось представление о возмраставшей народной поддержке Ленина и его соратников. Следствием стали предложенная В. Вильсоном и Д. Ллойд Джорджем конференция на Принцевых островах в январе — феврале 1919 г. и секретная миссия члена американской делегации в Париже У. Буллита в Москву месяц спустя.

Союзники и Белое движение

После военного разгрома Германии страны Антанты увеличили помощь антибольшевистским силам и расширили интервенцию в Россию. Британские и французские десанты высадились в Баку, Батуме и Новороссийске, а французские — в Одессе и Севастополе. Однако четких очертаний курс на свержение большевиков военной силой в среде руководителей держав Согласия не обрел. Франция занимала в этом вопросе более жесткую позицию, Великобритания проявляла осторожность, подчеркивая категорическую невозможность оккупации и завоевания России. Сдержанно вели себя и Соединенные Штаты. Интервенция была скорее средством напугать большевиков и заставить их вести переговоры на условиях Антанты, чем инструментом изменения политического строя, который к тому же не заявил о себе ничем особенным, кроме безоговорочного желания удержать власть даже ценой огромных территориальных потерь и унижения (Брест-Литовский мир)¹⁶¹.

Участники Белого движения на юге России ожидали помощи прибывшей в ноябре 1918 г. в Новороссийск эскадры военных кораблей союзников. Особые надежды возлагали на Англию. 28 ноября на банкете по случаю прибытия союзников английский генерал И.С. Пуль заявил: «Я послан своей страной, чтобы узнать, как и чем вам можно помочь; с большим удовольствием, с большой охо-

¹⁶¹ Системная история международных отношений: события и документы, 1918—2000: в 4 т. М., 2000. Т. 1. С. 87.

той мы вам эту помощь дадим»¹⁶². При этом представители английской миссии заявляли русским: «Бросьте вы разговаривать с французами — они только обещают и ничего не дадут. Прикажете прислать нам перечни необходимого для армии снаряжения»¹⁶³.

В конце 1918 г. в целом завершилось формирование антибольшевистских фронтов в разных регионах России. В Сибири к тому времени сложился новый центр Белого движения, который возглавил провозглашенный Верховным правителем России адмирал А.В. Колчак. Сибирский центр Колчака со столицей в г. Омске действовал параллельно с южным, который возглавлял генерал А.И. Деникин. Южный центр на Кубани и Северном Кавказе опирался на Вооруженные Силы Юга России, представлявшие собой объединенные Добровольческую и Донскую армии и состоявшие в основном из кадровых офицеров и казаков. Антибольшевистское сопротивление существовало также на Севере и Северо-Западе (в Прибалтике). Там при поддержке Антанты из остатков частей императорской армии генералы Е.К. Миллер и Н.Н. Юденич создали собственные формирования. Стремясь соединиться с отрядами генерала Миллера и совместными усилиями нанести удар по Москве, в ноябре 1918 г. адмирал Колчак начал поход в Приуралье, однако к концу декабря продвижение его войск было остановлено Красной армией.

Положение белых на востоке России осложнялось тем, что там практически отсутствовали военная промышленность и запасы для армии; под контролем большевиков находились все три существовавших в стране оружейных завода (Ижевский, Сестрорецкий и Тульский). Обеспечение белых боеприпасами было на грани срыва, подвоз затруднялся неразвитостью железнодорожной сети¹⁶⁴.

В связи с тем, что на юге России к концу 1918 г. сложилось весьма тяжелое положение, в южном центре Белого движения возникла идея иметь специального военного представителя белых армий в Париже — политическом центре русской эмиграции. Предполагалось, что интервенция союзных (в частности французских) войск и подвоз военного материала даст возможность предотвратить большевизацию до недавнего времени оккупированных немцами областей и даже, при наличии достаточных сил, перейти в наступление и взять Москву. В декабре 1918 г. с санкции А.И. Деникина в Париж отправился генерал

¹⁶² Деникин А.И. Очерки русской смуты: в 3 кн. М., 2005. Кн. 3, т. 4. С. 52.

¹⁶³ Там же. С. 58.

¹⁶⁴ Ганин А.В. Малоизвестная страница истории гражданской войны на востоке России // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 62.

Д.Г. Щербачев, бывший помощник главнокомандующего Румынским фронтом, считавший, как и большинство представителей Белого движения, что вопрос о союзной помощи мог решаться исключительно в военной плоскости, исходя из понятий о союзном военном долге в борьбе против общего «германо-большевистского врага»¹⁶⁵.

Несмотря на то, что консерваторы и некоторые торгово-промышленные круги Великобритании и Франции, имевшие финансовые интересы в России, оказывали влияние на свои правительства в пользу продолжения помощи белым, было очевидно, что размеры этой помощи требуют строгого контроля, а помощь живой силой, как наиболее одиозная форма интервенции, должна быть сокращена, если не прекращена вовсе¹⁶⁶. Эти страны испытывали тогда мощное социально-политическое давление изнутри, в особенности от левых и левоцентристских группировок и партий, выступавших с требованием прекратить интервенцию в России.

В процессе своего формирования антибольшевистские силы на Севере и Дальнем Востоке получили поддержку союзников через их представителей на местах. На юге и северо-западе страны положение было иным. Там белые части организовались без участия бывших союзников, во всяком случае, без их прикрытия или поддержки. Щербачев, как представитель генерала Деникина, был призван в первую очередь наладить снабжение его армии (и немного позже армии Юденича), так как «союзники не принимали такого участия в этих районах России, какое они принимали на севере и востоке»¹⁶⁷. В начале января 1919 г. Омск заключил соглашение с Францией и Великобританией о том, что снабжение армии Колчака будет идти напрямую через генерала Нокса, представителя Великобритании в Сибири. Представителем союзников на Юге России был Чарльз Бриггс, на Севере — английское военное министерство. В начале февраля Деникин говорил лишь о технической и денежной помощи союзников. К концу марта такое же отношение к союзнической помощи возобладало и в Сибири: «налаживание снабжения через Нокса и Жанена»¹⁶⁸ отвечало желанию правительства Колчака получать от союзников главным образом материальную помощь

---

¹⁶⁵ Шмелев А.В. Миссия генерала Д.Г. Щербачева и проблема снабжения белых армий союзниками // Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX — начале XX века. М., 2003. С. 329.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же. С. 333—334.

¹⁶⁸ Морис Жанен — главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке.

вооружением, обмундированием, деньгами. В соответствии с этим правительство не считало целесообразным делать дальнейшие усилия для получения от союзников помощи войсками»¹⁶⁹. Самыми неблагополучными с точки зрения снабжения были Южный и Северо-Западный фронты: главные склады и производственные базы принадлежали большевикам, но даже те склады во Владивостоке и Архангельске, которые были у белых, несмотря на десятки тысяч тонн материалов, которые они содержали, не могли удовлетворить требования фронтов. Позднее, в сентябре 1919 г., при уходе с Севера англичане топили в Северной Двине автомобили, оружие, снаряды. Заботу о снабжении Добровольческой армии Юга России взяла на себя Великобритания через свою миссию при штабе Деникина. Надо сказать, что история военного участия союзников в российской Гражданской войне — в основном это история участия в ней Великобритании, которая несла основные расходы на помощь белым войскам.

Первый пароход с английскими военными грузами пришел 5 февраля 1919 г. Тогда же прибыл генерал Чарльз Бриггс, назначенный начальником военной миссии при Добровольческой армии. Через несколько дней в Новороссийск прибыли 11 английских пароходов с тоннажем до 60 тыс. т¹⁷⁰. Однако живой силой англичане деникинцам не помогали — их войска были посланы в Баку, Батум и Туркестан. Материальное снабжение производилось, но финансовой помощи не оказывалось. В мае 1919 г. на вооружение и обмундирование армий Деникина правительство Англии «предназначило 1 млн ф. ст. Летом эти материалы были доставлены. В счет этого же финансирования прибыли также самолеты с английскими инструкторами и обслуживающим персоналом»¹⁷¹. Осенью последовали дополнительные ассигнования: 7 октября на военное снабжение армий Деникина Кабинетом министров Великобритании было предусмотрено 3 млн ф. ст., а на следующий день парламент согласился предоставить в распоряжение Деникина еще и снаряжение на сумму до 14 млн ф. ст. Так, 24 октября 1919 г. Е.В. Саблин, бывший первый секретарь царского посольства в Англии, а затем фактический представитель правительств Колчака и Врангеля в Лондоне, сообщил министру иностранных дел Омско-

---

¹⁶⁹ Там же. С. 335.

¹⁷⁰ Деникин А.И. Указ. соч. Кн. 3, т. 4. С. 58.

¹⁷¹ Владимирский М.В. К истории финансирования Белого Юга (1918—1920) // Отечественная история. 2008. № 3. С. 39.

го правительства С.Д. Сазонову из Лондона в Париж: «Узнаю из доверительного источника, что Черчиллю удалось провести через Кабинет (министров) ассигнование генералу Деникину военного снабжения всех видов, в общей сложности до 4 или 6 млн фунтов, с правом, однако, уделения некоторой части генералу Юденичу. Говорят, что это последняя попытка снабжения нас в кредит. Ходят слухи, что по прошествии шести месяцев с сего дня нам придется приобретать все за наличные непосредственно с заводов»¹⁷². Речь шла только о военном снабжении в пределах указанной суммы. В своих воспоминаниях Деникин привел фрагмент речи Ллойд Джорджа в палате общин 5 декабря, в которой упоминалось решение послать России материальную помощь в размере 15 млн ф. ст. Далее Ллойд Джордж заявил, что «помимо этого сделать ничего больше нельзя. Франция не предполагает в дальнейшем брать на себя какую-либо ответственность в этом направлении. Этой же точки зрения придерживается и Италия»¹⁷³.

О том, что поддержка, которую оказывала Великобритания белым, не была безусловной, пишет и Р. Пайпс: от нее белые получали финансовую помощь; эскадры британского флота время от времени сдерживали Красный флот; но вместе с тем британские дипломаты убеждали финнов не оказывать помощь белым в их попытке захватить Петроград¹⁷⁴. Главная заслуга в организации помощи англичан белому Югу принадлежала военному министру У. Черчиллю. Причем это происходило на фоне постоянных противоречий между Черчиллем и министром иностранных дел Дж. Керзоном. Если Черчилля вполне устраивала политика «единой неделимой России» А.И. Деникина, и он полностью делал ставку на его армию, снабжая ее всем необходимым, то Керзон скорее придерживался принципа «разделяй и властвуй» и поощрял сепаратизм, в частности, ратовал за отделение Грузии от России и поддерживал правительство грузинских меньшевиков¹⁷⁵.

Оценить общий объем поставок англичан позволяет приведенная М.В. Владимирским цифра официальной задолженности деникинцев правительству Великобритании к осени 1919 г.: задолженность составляла 40 млн ф. ст., без учета долгов по торго-

¹⁷² АВП РФ. Ф. 0528. Оп. 1. Д. 20. П. 3. Л. 55.

¹⁷³ Деникин А.И. Указ. соч. Кн. 3, т. 5. С. 585.

¹⁷⁴ Пайпс Р. Московские центры. Политический фронт в гражданской войне в России // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 61.

¹⁷⁵ Владимирский М.В. Указ. соч. С. 39.

вым операциям¹⁷⁶. К весне 1920 г. Лондон собирался свернуть кредитование армии Юга и вынудить Деникина перейти на закупки вооружения на собственные средства. Что же касается помощи Франции в период правления генерала Деникина, то следует, видимо, признать справедливыми высказывания по этому поводу самого русского генерала: «Мы ли были недостаточно логичны, французы ли слишком инертны, но экономические отношения с Францией также не налаживались... Англичане, доставляя нам снабжение, никогда не возбуждали вопроса об уплате или компенсациях. Французы не пожелали предоставить нам огромные запасы. Свои и американские, оставшиеся после войны и составлявшие стеснительный хлам, не окупавший расходов на его хранение и подлежащий спешной ликвидации. Французская миссия с августа вела переговоры о “компенсациях экономического характера” взамен на снабжение военным имуществом и после присылки одного-двух транспортов с ничтожным количеством запасов (в ноябре прибыло еще четыре транспорта), В.А. Маклаков телеграфировал из Парижа, что французское правительство вынуждено остановить отправку боевых припасов, “если мы не примем обязательство поставить на соответствующую сумму пшеницу”». Кроме того, Деникин отмечал, что «французская миссия утверждала, что половина расходов по снабжению, доставляемому англичанами, ложится на Францию; английская отрицала это обстоятельство»¹⁷⁷.

История снабжения Северо-Западного фронта отразила всю сложность политического и военного положения Белого движения в разгар Гражданской войны в 1919 г. Так, первые активные выступления генерала Н.Н. Юденича, переоценившего желание союзников помочь России, для привлечения союзной помощи к наступлению на Петроград относятся к декабрю 1918 г., а первые поставки военных материалов прибыли на фронт только в середине августа 1919 г.¹⁷⁸ Проблема снабжения белых армий была в значительной степени политической, а не военно-технической. Вопрос о снабжении армии Юденича упирался в проблему признания независимости Финляндии и Прибалтийских государств. Если Юденич, Щербачев, Миллер были готовы признать независимость Финляндии, то по мнению Сазонова, Колчака и Деникина, только Учредительное собрание было полномочно решить вопрос о ее независимости.

---

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Деникин А.И. Указ. соч. Кн. 3, т. 5. С. 567.

¹⁷⁸ Там же. С. 632.

Представитель Омского правительства генерал Н.Н. Головин, посланный 30 апреля 1919 г. в Лондон, во время переговоров с начальником оперативной части английского Генерального штаба генералом Рэдклифом достиг «полного единомыслия по военным вопросам: снабжению, использованию и перевозке военнопленных в белых армиях». Однако когда вопрос коснулся независимости Эстонии, Головин сказал Рэдклифу, что об этом не может быть и речи. В беседе с Черчиллем этот деликатный вопрос не обсуждался, и, касаясь снабжения белых армий, Черчилль отметил, что оно будет продолжено. В своем докладе Сазонову от 6 мая Головин писал: «Общее впечатление, которое я вынес из этой беседы, превзошло все мои ожидания. В Черчилле мы имеем не только симпатизирующего нам человека, но энергичного и активного друга (...) между прочим он сам выразился так: “Я сам исполняю распоряжения Колчака”»¹⁷⁹. В частном же письме Сазонову он подчеркнул весьма характерную и важную особенность английской помощи: Черчилль избегает какой-либо огласки своей деятельности в помощь белым, чтобы не создавать трений между ним и левыми общественными кругами, но он, как С. Хор и другие консервативные политики и военные, готов помогать и дальше — англичане «боятся слов, — но не боятся по секрету делать»¹⁸⁰. Помощи со стороны англичан все же не последовало в значительной степени из-за сложной внутриполитической обстановки и в связи с теми трудностями, с которыми сталкивался Черчилль, стараясь помочь белым. Для русского военного представительства это означало поиск новых источников снабжения, на этот раз в Соединенных Штатах Америки.

Американские власти официально не финансировали Белое движение России. Но и, делая ставку на А.В. Колчака, не препятствовали послу Б.А. Бахметеву делать это через счета Российского посольства, контролируя затраты. Подсчитано, что на финансирование Белых движений Бахметев потратил около 50 млн долл.¹⁸¹ Из этой суммы почти ничего не было выделено движению белого Юга, финансировали в основном белую Сибирь, экономика которой и так была в сравнительно благополучном положении благодаря золотому запасу, отбитому у красных в Казани. Лишь в конце октября 1919 г. в докладах Бахметева Сазонову из Вашингтона впервые упоминается добровольческое движение Юга: «Американцы все больше и больше

¹⁷⁹ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 3. Д. 2. П. 3. Л. 5.

¹⁸⁰ Там же. Л. 4.

¹⁸¹ *Владимирский М.В.* Указ. соч. С. 47.

интересуются всем тем, что происходит на Юге России»¹⁸². Деникин писал: «...единственная помощь, которую нам оказывали американцы — правительство и общество, — помощь весьма щедрая, заключалась в доставке нам медицинских и санитарных запасов»¹⁸³. Такая помощь поступала по линии Красного Креста. Конечно, следует иметь в виду специфику американского законодательства, запрещавшего помощь антибольшевистским силам в скрытой форме. Так, генерал Н.Н. Головин писал адмиралу А.В. Колчаку: «Сравнивая отношение к России Америки и Англии в вопросе снабжения, докладываю мое личное впечатление, что правительство последней по своему общему государственному устройству обладает несравненно большими возможностями в скрытых формах приходить нам на помощь. Американское правительство не может вести подобной скрытой политики, которая в полной мере не отвечала бы настроениям конгресса и общественного мнения»¹⁸⁴.

Помощь от правительства США антибольшевистским силам шла по двум направлениям: закупки военной техники и снаряжения на средства российского посольства, оставшиеся в виде кредита Временному правительству, а также гуманитарная помощь по линии Красного Креста. Добровольческие вооруженные силы в значительной мере создавались на иностранные деньги, но в дальнейшем поддерживались не финансами, а материальным снабжением. Так, в финансовых документах генерала М.В. Алексева среди поступлений от иностранных доброжелателей упомянуты взносы французской миссии в январе 1918 г. Поступлений от англичан в тот период не отмечено. Английский представитель Б. Локкарт также подтверждал, что на протяжении многих недель финансирование русских антибольшевистских организаций было предоставлено французам¹⁸⁵. После 4 августа 1918 г., когда союзники высадились в Архангельске, Локкарт принял часть финансирования на себя. Именно летом 1918 г. денежные фонды из Европы приходили через Локкарта, и он распределял их, отчасти по своему усмотрению, отчасти согласно распоряжениям английского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа, который давал их Локкарту на основании его же, Локкарта, шифрованных телеграмм¹⁸⁶. Под-

---

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Деникин А.И. Указ. соч. Кн. 3, т. 5. С. 585.

¹⁸⁴ Цит. по: Владимирский М.В. Указ. соч. С. 40.

¹⁸⁵ Там же. С. 38.

¹⁸⁶ Там же.

тверждала это и Н. Берберова. По ее словам, среди получателей английской помощи был не только генерал Алексеев, в ту пору возглавлявший вместе с генералом Л. Г. Корниловым Белое движение Юга, но и Б. В. Савинков, и патриарх Тихон¹⁸⁷.

По мнению М. В. Владимирского, не может быть гарантии отсутствия и денежной подпитки правительств Деникина и Врангеля от государств-союзников. В связи с этим он приводит высказывание Ллойда Джорджа 13 февраля 1919 г. в палате общин о помощи, оказываемой деньгами и снаряжением всем правительствам, борющимся с большевиками, как о свершившемся факте¹⁸⁸. Видимо, в первую очередь, премьер-министр имел в виду финансирование белого Севера, для которого были отпечатаны специальные рубли с гарантией обмена их на фунты стерлингов.

С середины 1919 г. отношение английских властей к антибольшевистским силам в России стало меняться. После поражения Колчака и Деникина и двух неудачных походов Н. Н. Юденича на Петроград Ллойд Джордж, сторонник более гибкой и реалистичной политики, посчитал нецелесообразным снабжать далее Белое движение продовольствием и оружием. Принятию такого решения способствовало движение рабочих против интервенции. Немедленно отозвать все английские войска из России требовали Национальный союз текстильщиков, Союз паровозных кочегаров и машинистов, Национальный союз механиков, а также один из крупнейших профсоюзов — Федерация горняков¹⁸⁹. Независимая рабочая партия (входившая в состав Лейбористской партии Великобритании) в апреле 1919 г. выступила с требованием отозвать все сухопутные и военно-морские силы из России¹⁹⁰. *Daily Herald*, отражавшая ее взгляды, писала 27 мая 1919 г., что в редакцию поступали многочисленные резолюции рабочих организаций, выступавших против интервенции в Россию и против сохранения воинской повинности. В британской армии в 1919 г. были случаи, когда солдаты и матросы выступали за прекращение военных операций против Советской России. Лозунг «Руки прочь от России!», видимо, сыграл свою роль, препятствуя получению белыми силами более эффективной помощи Запада.

¹⁸⁷ Берберова Н. Железная женщина. М., 1991. С. 70.

¹⁸⁸ Владимирский М. В. Указ. соч. С. 49.

¹⁸⁹ Прокопов А. Ю. Британское общество и Парижская мирная конференция // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919—1939 гг.: сб. ст. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 99.

¹⁹⁰ Там же. С. 100.

В июле 1919 г. Лондон принял решение о выводе своих воинских подразделений из России. Еще в апреле 1919 г. английские и французские части оставили Крым и Одессу, в конце лета — Баку. В сентябре — начале октября 1919 г. были эвакуированы британские войска из Мурманска и Архангельска, а вскоре — из Закавказья и Туркестана. Вместе с тем, подобные действия не означали отказа ведущих стран Запада от конфронтационного политического курса в отношении Советской России. 10 октября 1919 г. Верховный Совет Антанты объявил о начале экономической блокады большевистской России. Однако эта политика не привела к ожидаемым результатам, и уже 16 января 1920 г. решение Верховного Совета по инициативе Ллойд Джорджа было отменено.

Военные неудачи Деникина осенью 1919 г. напрямую сказались на отношении союзников к Белому движению; в ноябре премьер Ллойд Джордж заявил, что всякая поддержка генералу Деникину прекратится в марте следующего года. Это было равносильно заявлению большевикам: «Погодите до весны, а затем наступайте до победы»¹⁹¹. Однако в начале 1920 г. преимущество Красной армии над силами белых оказалось настолько очевидным, что ее наступление заставило Деникина отойти к Черному морю. Дальнейшие события описаны В.А. Маклаковым: «За несколько дней до отставки Деникина адмирал Робек от имени английского правительства обратился к Деникину с заявлением, что англичане находят, что гражданская война в России более нетерпима и потому они предлагают Деникину сдать Крым большевикам, а за это англичане обещают ему добиться у большевиков личных гарантий для его армии и его сторонников, а для желающих — и помощь в эвакуации... Так Врангель вступил во власть. Для него было очевидно, что если это предложение англичан стало бы общеизвестным, то его фронт рухнет так же быстро, как и деникинский; добровольцы, прибывшие в Крым, не были вовсе в блестящем виде, а местное население, особенно в Севастополе, было уже достаточно распространено. Тогда Врангель договорился с англичанами, что он принимает их предложение, но исполнение его просит отсрочить на 2 месяца с обязательством за эти два месяца держать это в абсолютном секрете. Его задачей было выиграть время. Если он устоит два месяца, то он надеялся и привести в порядок войска, и успокоить немного Крым, и в дальнейшем решить вопрос о его эвакуации

---

¹⁹¹ *Владимирский М.В.* Указ. соч. С. 40.

или о каком-либо ином соглашении не в том состоянии крайности, в котором это пришлось бы делать теперь. Так состоялось это соглашение с англичанами, и Врангель принялся за работу»¹⁹².

Весьма сложные взаимоотношения с англичанами заставили П.Н. Врангеля начать переговоры о помощи с французами, в частности, по вопросу о предоставлении Францией займа его правительству. Однако получить заем не удалось, несмотря на признание Францией правительства Врангеля де-факто. Долг правительства Врангеля за французские поставки вооружения и продовольствия был погашен за счет продажи французами русских кораблей, на которых в ноябре 1920 г. эвакуировались белые из Крыма, а также присвоения Францией большей части золота, переданного по условию Брестского договора Германии (122,8 млн золотых руб.), а затем оказавшегося во Франции¹⁹³. Как известно, не состоялось и признание союзниками правительства А.В. Колчака в качестве Всероссийского правительства. Как было заявлено российскому поверенному в Лондоне чиновником британского МИД Грегори, хотя «признание адмирала Колчака действительно необходимо», Ллойд Джордж «не окончательно уверен в падении большевиков и не уверен в намерениях русских национальных вождей установить в России демократический режим»¹⁹⁴. Однако главная причина состояла в осенних военных неудачах колчаковцев, снявших с повестки дня вопрос о доверии союзников к Верховному правителю.

Свой вклад в события тех лет на территории белой Сибири внесли и спецслужбы, в частности, союзники вели там активную разведывательную и подрывную работу. Под прикрытием экономических миссий и общественных организаций активно действовали американские спецслужбы. Их цели не являлись секретом для колчаковских органов безопасности. В апреле 1919 г. было установлено, что на Дальнем Востоке американцы имели связь с большевистскими и эсеровскими организациями, осенью интервенты вошли в контакт с чехословаками и решили поддержать правых эсеров, ограничив свою роль ассигнованиями крупных денежных сумм¹⁹⁵. Массированную разведку на территории Сибири и Дальнего Востока вела

---

¹⁹² Совершенно лично и доверительно! Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка, 1919—1951: в 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 205.

¹⁹³ *Владимирский М.В.* Указ. соч. С. 41.

¹⁹⁴ *Леникин А.И.* Указ. соч. Кн. 3, т. 5. С. 447.

¹⁹⁵ *Кирмель Н.С.* Контрразведка Белой армии в Сибири и на Дальнем Востоке, 1918—1920 гг. // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 92.

и Япония. Оценивая итоги японской интервенции, генерал-майор Такиуки указал на значимость разведывательных действий в России и весьма откровенно заявил: «О сибирской экспедиции 1918—1919 гг. говорят, что это не что иное, как попусту выброшенные 700 миллионов иен. Но это не совсем так. В то время в Сибири работали офицеры из всех полков Японии, которые занимались изучением края. В результате те местности, о которых мы ничего не знали, были изучены, и в этом отношении у нас не может быть почти никаких беспокойств...»¹⁹⁶. Попытки ограничения поездок представителей интервентов в районы боевых действий иногда предпринимались. Но в основном деятельность контрразведки по борьбе с американским и японским шпионажем сводилась к наблюдению: белые власти не хотели осложнять и без того непростые отношения с союзниками. Советская разведка не располагала достаточными силами и средствами, в частности не имела опытных кадров, делая ставку на массовую заброску агентуры. Для сбора сведений в колчаковском тылу вербовались возвращавшиеся домой из австрийского и германского плена офицеры и солдаты¹⁹⁷.

Русские дипломаты в борьбе за Россию

Непризнание Западом правительства Колчака привело не только к тому, что остались нерешенными вопросы о разных формах поддержки Белого движения, но и как следствие — русского представительства в Париже. На этапе подготовки к мирной конференции Франция предложила посреднические услуги по своего рода «опеке» России. Это предложение не устраивало русские эмигрантские круги, выступившие за доступ на Парижскую мирную конференцию группы известных политических деятелей всех прежних режимов России, представителей Белого движения. Инициаторами были Б.А. Бахметев и В.А. Маклаков, представлявшие Временное правительство в Вашингтоне и Париже. В январе 1919 г. для контактов с лидерами держав, приехавшими в Париж для участия в мирной конференции, была определена Русская политическая делегация, которую возглавил бывший председатель Временного правительства России Г.Е. Львов, в ее состав входили министр иностранных

---

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же.

дел Омского и Екатеринодарского правительств С.Д. Сазонов, посол России во Франции В.А. Маклаков, Председатель Временного правительства Северной области Н.В. Чайковский. Полноправное участие в мирной конференции всем им казалось вполне естественным. Для этого съехавшиеся в Париж дипломаты, политики, военные, предприниматели, представители общественности образовали в конце 1918 г. Русское политическое совещание (РПС). Однако представителей России на открывшуюся 18 января 1919 г. конференцию не пустили. Их оставили в роли неформальных советников на те случаи, когда главы держав-победителей либо не знали, что предпринять, либо опасались, что будущая Россия обид не простит¹⁹⁸. Ни одна из западных стран не выдвинула идею пригласить Советскую Россию на конференцию. В начале работы конференции министр иностранных дел Франции С. Пишон указал, что главные ее участники не признают и не позовут в Париж ни представителей Москвы, ни представителей Омска. Все главные проблемы на форуме решала четверка: В. Вильсон, Д. Ллойд Джордж, Ж. Клемансо, В. Орландо.

Требование гарантии того, что будущая Россия станет демократической, было средством давления стран-победительниц на вождей Белого движения. Британские и французские политики умело воспользовались процессом образования на окраинных территориях бывшей Российской империи республик, требовавших не только независимости, но и усиления за счет ее земель. Наибольшую активность в этом заняли приславшие в Париж свои делегации правительства Азербайджана, Грузии, Северного Кавказа, Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии и Украины. Фактически политики западноевропейских держав поощряли окружение будущей России («белой» или «красной») поясом государств, который стал бы преградой на пути «русской экспансии». После встречи с министром иностранных дел Франции Маклаков докладывал в Омск 2 февраля 1919 г.: «В пользу отторжения Бессарабии ведется путем печати и всякого иного воздействия на политические круги и общественное мнение интрига Румынского правительства. Поляки агитируют в смысле приобретения на началах федерации Литвы, части Белоруссии, населенной католиками, и всей Восточной Галиции. Положение Кавказа для меня недостаточно ясно, но с этой стороны нам может угрожать опасное осложнение». Финляндия требованиями признания независимости не ограничивалась:

---

¹⁹⁸ Листиков С.В. Указ. соч. С. 153—154.

«Финны добиваются выхода к Ледовитому океану в смысле присоединения Печенги, что представляется недопустимым. “Самоопределение” Карелов скрывает претензии на части Олонецкой и Архангельской губернии», — развивал свою мысль министр иностранных дел С.Д. Сазонов в послании от 20 июня 1919 г.¹⁹⁹

США довольно последовательно отстаивали принцип территориальной целостности России. Причем в основе такой позиции лежали не только практические соображения: несоответствие процесса «атомизации» большого многонационального государства вильсоновским планам послевоенного мироустройства; понимание, что возникшие малые государства попадут под опеку Лондона или Парижа, с которыми интересы Вашингтона совпадали далеко не во всем. Американский президент, видимо, «не был чужд идеальных побуждений и, памятуя о традициях “русской дружбы” со времен Войны за независимость США, не желал воспользоваться бедственным положением, в которое попал традиционный геополитический партнер Америки»²⁰⁰.

Полномасштабной поддержке Белого движения мешали традиционные опасения Запада, как говорил В.А. Маклаков, тень старой России, которая сама по себе уже вызывала недоверие. Всяческие напоминания о потенциальной силе России были ослаблены русской разобщенностью. А.Ф. Керенский и его соратники в Париже выдвинули лозунг: «Ни Колчака, ни Ленина», потребовав от Вильсона вмешаться в русскую политику на стороне социал-демократии и посеяв у него сомнение в отношении признания Колчака²⁰¹.

Союзники согласовали позиции по отношению к Белому движению во время дискуссии о признании Омского правительства в мае — июне 1919 г. 27 мая С.Д. Сазонов сообщил в Омск условия западных держав, составив 3 июня проект ответа. В вопросе будущего демократического устройства России (созыв Учредительного собрания, развитие местного самоуправления, демократические права граждан) больших разногласий между участниками антибольшевистской коалиции не было; они возникли по национальному вопросу. Желая сыграть роль посредников между сопредельными государствами и Россией, страны-союзницы навязывали Лигу Наций в роли инструмента для решения и пограничных споров России с Польшей и Финляндией, и вопроса о существовании независи-

¹⁹⁹ Цит. по: Там же. С. 159.

²⁰⁰ Там же. С. 159—160.

²⁰¹ Уткин А.И. Указ. соч. С. 440.

мых балтийских государств. России настоятельно рекомендовалось вступить в эту международную организацию. Сазонов решительно отстаивал суверенитет своей страны, заявляя, что только Учредительное собрание вправе решать вопрос об образовании новых государств на входивших ранее в состав Российской империи территориях; вопросы о границах с соседними республиками — предмет двусторонних договоренностей России с ними. И только в случае их провала предполагалось посредничество Лиги Наций. Каждое из этих положений разрабатывалось Русским политическим совещанием и было изложено в документах, обращенных к руководящим органам Парижской конференции. Относительно Польши учитывалось обустройство ее границ «по этнографическому принципу», так как включение в нее литовских, белорусских, украинских земель, где поляки составляли меньшинство, создавало почву для будущих этнических и международных конфликтов. Независимость Финляндии могла быть законно освящена только Учредительным собранием при обеспечении безопасности России. Балтийским государствам предлагалась широкая автономия в составе будущей демократической России. В Бессарабии с большинством молдавского населения предлагалось провести референдум для определения их желания войти в состав Румынии — при беспристрастном контроле Лиги Наций. Возможность вступления в нее для России предусматривалась только на равных условиях с другими великими державами²⁰². 4 июня 1919 г. из Омска пришел ответ на заявление держав от 27 мая. Лидеры великих держав подтвердили 12 июня, что намерены распространить на адмирала Колчака и присоединившихся к нему (т.е. Екатеринодарское и Архангельское правительства) помощь, но, как и сообщалось выше, признание находилось в прямой зависимости от успехов колчаковских войск, которые вскоре сменились поражениями.

Осенью 1919 г. на Западе стала доминировать тенденция сворачивания помощи Белому движению. Возрождение сильной России, независимо от ее политического строя, противоречило интересам стран Запада. Член Уфимской Директории генерал Болдырев в свое время писал: «Я убеждаюсь все больше и больше, что возрождения и объединения России прежде всего и более всего не хотят союзники. Собрать и укреплять раздробленного на части 180-ти миллионного колоса, бывшего в течение стольких веков

---

²⁰² Листиков С. В. Указ. соч. С. 160—161.

пугалом Европы, силами и средствами той же Европы, — шальная мысль, которая могла родиться только в сознании оглушенной революцией интеллигенции»²⁰³.

Для ограждения Европы от большевизма у западных стран после военных поражений Белого движения осенью 1919 г. появились другие методы: экономическая и дипломатическая блокада Советской России, «санитарный кордон» и надежда на эволюцию советского режима.

Проигравшие открытое сражение за Россию, белые дипломаты были уверены, что все «блокады» и «санитарные кордоны» вокруг Советской России, ее «дипломатическое непризнание» — «оружие слабое и против большевиков не сработает, потому что над всеми идейными мотивами “возобладает деловой (читай — шкурный!) интерес европейцев”»: “Мы не можем скрывать от себя того обстоятельства, говорилось в одном из обращений весной 1920 г., — что проявляемое западноевропейскими державами стремление положить предел гражданской войне в России вызвано далеко не только заботами о благе русского народа, а столько же эгоистическими попытками обеспечить себе снабжение русским сырьем”»²⁰⁴.

Экономические интересы вели, в свою очередь, к дипломатическим контактам. Б.А. Бахметев был прозорлив, говоря, что, окружение Советской России поясом враждебных республик вызовет всплеск патриотических настроений и лишь усилит большевистский режим, «агония» которого продлится десятилетия, а во внешней политике Россия переживет «возрождение империалистических устремлений»²⁰⁵.

Итак, первым шагом к решению «русского вопроса», как надеялись союзники, должен был стать приход их войск в Россию «для ее защиты от порабощения Германией». Однако соглашение о прекращении военных действий в Первой мировой войне, превратившее оккупацию союзников в прямое вмешательство в дела России, обострило их разногласия в «русском вопросе», но не помешало достичь в конце 1918 г. соглашения о целесообразности использования побежденной Германии для урегулирования этого вопроса, а в начале 1919 г. — прийти к необходимости союзной интервенции в России.

---

²⁰³ Цит. по: Там же. С. 162.

²⁰⁴ Цит. по: Там же. С. 164.

²⁰⁵ Там же.

Глава 3

Россия и Версальский мир

Главная дипломатическая битва

Международная Парижская конференция, начав работу 18 января 1919 г., завершила ее только через год, 21 января 1920 г. Целью конференции было подведение итогов Первой мировой войны и заключение мирных договоров, формирование новой политической карты мира. Пять ведущих держав-победительниц создали на этапе ее подготовки политический орган — Верховный Совет Антанты, в который вошли главы правительств и министры иностранных дел Великобритании, Франции, Италии, президент и госсекретарь США и назначенные императором дипломатические представители Японии.

В Парижской конференции приняли участие 27 государств Европы, Азии и Америки, воевавшие на стороне Антанты или объявившие войну странам Четверного союза, а также представители ряда нейтральных государств. Ведущую роль в работе форума играли государственные деятели «большой тройки» — Великобритании, Франции и США. Именно от их позиций зависело принятие решений по ключевым политическим проблемам. Японию интересовали преимущественно проблемы Азиатско-Тихоокеанского региона, а Италия фактически являлась их «младшим партнером».

Конференция стала главной дипломатической битвой. Столкновение государственных интересов и идейно-политические различия приводили к серьезным разногласиям между премьер-министром Великобритании, лидером либеральной партии Д. Ллойд Джорджем, который стремился сформировать такое послевоенное устройство мира, при котором в Европе не произошло бы чрезмерного усиления Франции, а Британия оставалась ведущим игроком в мировой политике; Ж. Клемансо, политиком национально-радикальной ориентации, видевшим главную задачу в ликвидации опасности германской гегемонии в Европе и возвращении Франции роли континентального лидера, и В. Вильсоном, отстаивавшим идеи демократизации международных отношений и правового регулирования и предлагавшим заменить принцип равновесия, как главный фактор международной

стабильности, принципом коллективной безопасности. Несмотря на все разногласия, лидеры стран-союзниц были солидарны, отказывая Советской России принять участие в конференции, хотя и не могли не уделить ей внимания в ходе работы форума. Соединенные Штаты выразили желание, чтобы в нем приняли участие и представители Германии, но союзники выступили против.

В Париж не были приглашены побежденные — государства бывшего Четверного союза (немцы, австрийцы, венгры и болгары). У них имелась возможность лишь ознакомиться с принятыми державами-победительницами решениями. Лишение России по идеологическим соображениям права участвовать в создании Версальско-Вашингтонской системы оказалось безусловно, ошибкой. В обоих случаях, как с Германией, так и с Россией, основатели Версальско-Вашингтонской системы лишили себя возможности разделить общую ответственность за ее функционирование. «Позднее это положение пытались исправить, пригласив оба государства к участию в работе Лиги Наций, которая стала эманацией порядка, заложенного Версальской системой», но эти попытки, как справедливо считает польский исследователь М. Волос, «трудно назвать удачными»¹. Развитие событий привело к ситуации, когда за рамками Версальской системы оказались три великие державы — Германия, Россия и США.

В.А. Маклаков оказался прав, оценивая Лигу Наций как «громоздкое и сложное орудие» в руках союзников, которая «в нужный момент едва ли окажется способной мобилизовать имеющиеся в ее распоряжении международные средства воздействия и давления»². Устав Лиги Наций, постоянно действующей международной организации, был официально принят конференцией 26 апреля 1919 г., после завершения работы специально созданной по его подготовке комиссии, возглавляемой В. Вильсоном. По его настоянию Устав был включен как неотъемлемая составная часть в мирные договоры с державами Четверного союза, чтобы связать его положениями и побежденные государства.

В свете организации нового политического порядка в Европе, ключевыми проблемами, стоявшими перед победителями, были

---

¹ Волос М. Место и значение Версальско-Вашингтонской (Версальско-Рижско-Вашингтонской) системы в международных отношениях XIX—XXI вв. // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919—1939 гг. / отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 13—14.

² Цит. по: Листиков С.В. Белые дипломаты о «русской политике» западных держав // Там же. С. 165.

германский вопрос и государственно-территориальное переустройство Центральной и Восточной Европы. Ведущие державы Антанты по-разному представляли себе место Германии в послевоенной Европе. Вопреки истощенной войной Франции, желавшей максимального ослабления Германии и сокращения ее территории (помимо возвращения Эльзаса и Лотарингии, французы требовали отторжения немецких земель по левому берегу Рейна и образования там буферного Рейнского государства, а также передачу Польше всех захваченных у нее ранее Пруссией земель); Великобритания и США выступали с позиций построения нового политического равновесия в Европе с учетом интересов Германии. Вильсон и Ллойд Джордж выступили и против чрезмерных репарационных обязательств Германии, на чем настаивал Клемансо. Вопрос о репарациях на конференции решен не был, его передали на рассмотрение специальной репарационной комиссии, которая должна была определить приемлемую для всех сумму репараций к маю 1921 г.

Державы-победительницы стремились к созданию зон своего влияния в геополитически важной Центрально-Восточной части Европы, где ранее доминировали Россия, Германия и Австро-Венгрия. Образованные здесь новые, ориентированные на Запад, государства — Польша, Чехословакия, Сербо-Хорвато-Словенское Королевство, а также усиленная за счет территориальных приобретений Румыния — должны были сдерживать как Германию, так и Россию. Особая роль при этом была отведена Польше, определение границ которой стало сложнейшей политической задачей. Без участия России проводились новые послевоенные границы, утвержденные решениями Парижской мирной конференции и Конференции послов четырех держав-победительниц (Великобритании, Франции, Италии и Японии) — рабочего органа, созданного после отказа от активного участия в работе мирной конференции американских представителей в связи с отъездом из Парижа В. Вильсона в июне 1919 г. и отказом сената США ратифицировать Версальский договор (ноябрь 1919 г.). Однако великие державы сознавали невозможность создания стабильного международного порядка, полностью игнорируя российские интересы. Было очевидно, что окончательное европейское территориально-государственное урегулирование возможно лишь после стабилизации положения в России и окончания там Гражданской войны, исход которой и должен был определить ее место в послевоенной системе международных отношений. Поэтому державы-победительницы старались демонстрировать в целом осторожный подход

в отношении определения восточных польских и румынских границ. Предложенная ими восточная граница Польского государства, так называемая «линия Керзона», совпадала в основном с линией этнического разграничения поляков, белорусов и украинцев. Признать права Румынии на оккупированную ею в январе 1918 г. принадлежавшую Российской империи Бессарабию Великобритания, Франция, Италия и Япония согласились только в октябре 1920 г. после окончания советско-польской войны, а независимость Прибалтийских республик (Латвии, Литвы и Эстонии) была в 1919 г. признана ими лишь де-факто. «Россия, без сомнения, больна, — как весьма образно сказал в 1918 г. румынский премьер А. Авереску, — она очень больна, но Россия не исчезла, и она выздоровеет. Нам [...] не пристало пользоваться этим состоянием паралича, в котором находится сосед»³.

28 июня 1919 г. в Версальском дворце был подписан мирный договор с Германией. В торжественной церемонии приняли участие все представленные на Парижской конференции государства Антанты, кроме Китая (не согласившегося с передачей Японии германских владений на его территории). Согласно исторической легенде, в тот день верховный главнокомандующий силами Антанты маршал Фердинанд Фош произнес знаменитую фразу: «Это не мир, это — перемирие на 20 лет». Действительно ли была Версальская система миропорядка изначально обречена на распад? В последние годы исследователи все чаще поднимают этот вопрос⁴. По результатам Версальского мира Германия понесла весьма существенные территориальные потери: она лишалась $\frac{1}{8}$ своей территории и $\frac{1}{12}$ населения. Однако это были не исконно немецкие, а аннексированные вначале Пруссией, а затем Германией у соседей земли, в большинстве своем не с немецким населением. Достаточно суровыми были финансово-экономические и военные условия союзников по Антанте. Однако вскоре они пошли на серьезные уступки немцам в финансовых вопросах, в частности, в 1924 г. был разработан план комиссии Ч. Дауэса, а спустя 5 лет одобрен план О. Юнга, которым предусматривалось снижение репарационных выплат, ликвидация иностранных контрольных органов и другие меры, призванные облегчить

³ Цит. по: *Виноградов В.Н.* Послесловие // За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 444.

⁴ См., напр.: *Шацлло В.К.* Проблема изменения территориальных границ Германии по итогам Версальского мира // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919—1939 гг. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 34—41; и др.

бремя, которое несли побежденные⁵. Хотя Германия и была сильно ослаблена и поставлена в жесткие политические рамки, на карте Европы ее сохранили как одну из крупнейших и важных величин. По мнению В.К. Шацилло, Версальско-Вашингтонская система рухнула не столько из-за чрезмерно унижительных условий в отношении Германии, сколько вследствие глубоких «системных» ошибок. Ее скорый крах был, действительно, неизбежным, поскольку ее краеугольным камнем была идея одновременно изолировать две крупнейшие европейские державы — Германию и Россию, и не дать возможности ни той, ни другой стране принять активное участие в системе европейской коллективной безопасности, вытолкнуть их на задворки мировой политики⁶. По Версальскому договору Германия должна была отказаться от Брестского договора 1918 г. с Советской Россией. На нее и на других членов Четверного союза была возложена вся полнота ответственности за развязывание Первой мировой войны. Ввиду острейших разногласий между союзниками общий размер репараций с Германии Версальским договором не определялся. На конференции было лишь решено, что до 1921 г. Германия должна будет уплатить государствам Антанты 20 млрд золотых марок⁷. В соответствии со ст. 116 Версальского договора право на репарации получала и Россия, чей вклад в победу союзники не отрицали.

Советская Россия и Версальский договор

Версальский мирный договор содержал несколько статей, возлагавших на Германию ряд обязанностей по отношению к России. Хотя Российская Советская Республика в Парижской конференции не участвовала и не признала для себя обязательным Версальский договор, неоднократно высказывая резко отрицательное к нему отношение, тем не менее Германию эти статьи связывали, и в будущих политических переговорах с Россией она не могла освободиться от принятых на себя обязательств без согласия контрагентов по Версальскому договору.

Основной статьей Версальского договора, касавшейся взаимоотношений Германии и России, являлась ст. 116: «Германия признает

---

⁵ Там же. С. 40.

⁶ Там же.

⁷ Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений, 1918—1939 гг. М., 2006. С. 66.

независимость всех территорий, которые к 1 августа 1914 г. входили в состав бывшей Российской Империи и обязуется признавать эту независимость вечно и нерушимо. Согласно определений ст. 259 и 292 части XI (финансовые определения) и части X (хозяйственные определения) настоящего договора, Германия признает бесповоротно отмену договоров, заключенных в Брест-Литовске, а равно и всех прочих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с большевистским русским правительством.

Союзные и дружественные державы сохраняют за Россией право получать от Германии всякие восстановления и возмещения, которые соответствуют основным началам настоящего договора»⁸.

Аналитики Народного Комиссариата иностранных дел, готовившие материалы для Генуэзской конференции 1922 г., писали, что целью первого абзаца этой статьи, на первый взгляд будто бы защищавшей интересы России, в действительности являлось стремление держав Антанты сделать для Германии невозможным извлечение какой-либо выгоды от разделения территории бывшей Российской империи на ряд отдельных государств и воспрепятствовать ей в ее попытках подчинить себе какое-либо из вновь образовавшихся государств в хозяйственном или политическом отношениях. Ставя, таким образом, чисто внешние препятствия к сближению окраинных государств, образовавшихся на территории бывшей Империи, с Германией, к которой они естественно тяготеют, державы Антанты, прежде всего, Франция и Англия, ставят эти молодые, неокрепшие в хозяйственном отношении несамостоятельные государства в зависимость от себя⁹. Таким образом, скрытый смысл первого абзаца ст. 116 Версальского мирного договора видели в хозяйственном господстве Англии и Франции над вновь возникшими на бывшей территории России государствами.

Признание независимости государств, возникших на территории бывшей Российской империи, по мнению аналитиков НКВД, следовало понимать не как признание их независимости в целом, а лишь как их независимость от Германии. «Абзац 1 ст. 116 Версальского Мирного договора не может быть истолкован в том смысле, что Германия обязалась признавать эти новые государства независимыми, “вечно и нерушимо”, также и от какой-нибудь русской центральной власти. Это усматривается из того, что к моменту составления

---

⁸ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 4. Д. 19. П. 27. Л. 3, 3 об.

⁹ Там же. Л. 3 об.

ст. 116 и даже к моменту подписания Версальского договора Державы Антанты все еще не решались признать независимость окраинных государств, кроме Польши и Финляндии, т.к., по их мнению, не была исключена возможность воссоздания «Единой и неделимой России» в границах бывшей Империи». Сопоставляя все относившиеся к России статьи Версальского договора, аналитики сделали вывод, что державы Антанты, скорее всего, поощряют распад России на ряд отдельных, более слабых государств, хотя в самом договоре эта мысль не была выражена. Отдельные выражения и термины статей договора (например, статьи 117, 292, 433) указывали, что вопрос о границах географического понятия «Россия» намеренно оставался открытым. Поэтому понятие «независимость» в ст. 116 Версальского договора следовало понимать исключительно как независимость от Германии, сама же статья не могла служить для Германии препятствием к признанию ею вступления в Российскую Федерацию какого-либо из государств, бывшего в момент подписания Версальского договора независимым в том смысле, как это указано в ст. 116, но утратившего некоторые элементы этой независимости из-за вступления в Российскую Федерацию (например, Грузии).

Второй абзац ст. 116 не вносил ничего нового в русско-германские отношения, так как еще задолго до подписания Мирного договора, 13 ноября 1918 г., ВЦИК РСФСР провозгласил прекращение действия Брестского договора и дополнительных к нему соглашений, сообщив об этом по радио всем государствам мира. Текст этого абзаца имел бы смысл лишь в том случае, если бы Германия стала оспаривать законность резолюции ВЦИК об аннулировании Брестского и дополнительных к нему договоров, ссылаясь на то, что международные договоры не могут прекращаться в силу одностороннего волеизъявления одного из контрагентов. В таком случае следовало сослаться на абзац 2-й ст. 116 Версальского мирного договора, хотя волеизъявление Германии, выраженное в этой статье, сделано не по отношению ее к брестскому контрагенту, а по отношению к третьим лицам, версальским контрагентам.

Определенное значение мог бы иметь вопрос о сроке прекращения действия Брестского и дополнительных договоров: следует ли его относить ко времени резолюции ВЦИК или ко времени вступления в действие ст. 116 Версальского договора.

Согласно ст. 259 Версальского договора, Германия обязалась передать союзным и дружественным державам все наличные деньги, ценности, оборотные торговые документы и товары, которые она

получила в виде платежей во исполнение Бухарестского, Брестского и дополнительных к ним договоров. Так как союзные и дружественные державы в период после заключения с Германией перемирия своим вмешательством в русскую гражданскую войну фактически создавали между собой и Россией статус белли, то дальнейшее исполнение Россией своих обязательств по Брестскому и дополнительным договорам, по мнению российских аналитиков, означало бы, в силу определения ст. 15 договора между Германией и ее противниками о перемирии и ст. 259 Версальского договора, поддержку Россией своих врагов¹⁰. Такой вывод, несомненно, указывал на нелепость исходной позиции о возможности признания Брестского и дополнительных договоров в период между принятием резолюции ВЦИК и временем вступления в силу ст. 116 Версальского договора. Русская точка зрения по вопросу о времени прекращения действия Брестского и дополнительных договоров была проста: день принятия вышеназванной резолюции ВЦИК, то есть 13 ноября 1918 г. Однако «если бы Германия, ссылаясь на односторонний характер резолюции, пожелала бы отнести момент прекращения этих договоров к более позднему сроку, то такая точка зрения находилась бы в противоречии с принятыми ею на себя обязательствами по договору о перемирии от 11 ноября 1918 г., и по Версальскому Миру, а равно и с общепринятыми принципами международного права»¹¹.

В соответствии с договором о перемирии между Германией и ее противниками и согласно ст. 259 (абзац 3) Версальского договора, Германия обязалась передать и фактически передала державам Антанты все платежи золотом, бумажными деньгами и товарами, полученными от России по Брестскому и дополнительным к нему договорам.

В связи с этим возникал вопрос: могла ли Россия в своих будущих расчетах с бывшими союзниками засчитать полученное последними от Германии русские ценности? С формальной стороны право собственности на эти ценности в момент их перехода от Германии к державам Согласия принадлежало уже не России, а Германии. Но с другой стороны, основанием для требования этих ценностей со стороны стран Согласия послужили не общие принципы об обязанностях Германии к «возмещениям и восстановлению», которые легли в основу экономической части Версальского договора, а точка зрения, получившая отражение в договоре, на особое отно-

---

¹⁰ Там же. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 5 об.

шение между Россией и Германией в силу заключения Версальского договора.

Согласно общим определениям Версальского договора, изложенным в его VIII части, на Германию возлагались обязанности по восстановлению разрушений и возмещению убытков, причиненных ее войсками в Бельгии, Франции и других государствах. Сумма платежей не была установлена договором. Эта обязанность, как сообщалось выше, была возложена на особую Комиссию, которая в мае 1921 г., то есть почти через 2 года после подписания Версальского договора, предъявила Германии счет, исключив различные платежи деньгами и натурой (железнодорожным имуществом, аэропланами, кораблями и пр.), которые Германия предоставляла государствам Антанты, но при этом не были зачтены ни русское золото, ни деньги, внесенные Россией Германии по Брестскому договору и переданные последней своим противникам. На каком же «правовом титуле» союзники получили от Германии золото, переданное Россией во исполнение Брестского и Берлинского договоров 1918 г.?

Позиция, изложенная в Версальском мирном договоре на взаимоотношения России и Германии, нашедшая свое отражение в ст. 116 (абзац 3), сводилась к тому, что Россия, как страна, понесшая большие жертвы в мировой войне и способствовавшая общей победе союзников, не только не должна давать что-либо Германии, но и имеет право на возмещение ею своих убытков. В связи с этим, полученные союзниками от Германии платежи России по Брестскому договору, «не зачтены в счет долговых обязательств Германии, а только и могли быть получены для России и записаны в кредит ее счета. Вследствие этого и вопрос о закономерности зачета этих ценностей при будущих расчетах между Россией и ее бывшими союзниками решался сам собой в положительном смысле», по мнению экспертов НКИД¹². Они признали положительным тезис, вытекавший из абзаца 2 ст. 116, что отмена Брестского и дополнительных договоров не означала возобновления состояния войны между контрагентами этих договоров. Провозглашение ст. 1 Брестского договора, прекращение состояния войны между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с одной стороны, и Россией, с другой, не могло считаться отмененным ни резолюцией ВЦИК об отмене Брестского договора, ни абзацем 2 ст. 116 Версальского Договора. То и другое положение лишь привели к осво-

---

¹² Там же. Л. 7.

бождению всех участников Брестского договора и дополнительных к нему соглашений от прав и обязанностей, установленных этим договором и соглашениями¹³.

Следует отметить, что ст. 116 не лишала Германию права после вступления в силу Версальского договора заключать с Россией и с государствами, возникшими на территории бывшей Российской империи, новые как политические, так и торговые договоры. Позднее эти положения были подтверждены Русско-германским соглашением от 5 мая 1921 г., носившем, в основном, торговый характер, но не лишенном и политического характера. В нем отмечалось, что между Россией и Германией еще до 19 марта 1920 г. был заключен договор об обмене пленными (в России официально не опубликованный). Однако в этих договорах ничего не говорилось о восстановлении мира между Россией и Германией и о признании Германией де-юре советского правительства. Предполагалось, что как прекращение состояния войны между ними, так и признание де-юре советского правительства, произошли в силу Брестского договора; разрыв же дипломатических отношений между обоими государствами 5 ноября 1918 г. не прекратил ни состояния мира, ни признания Германией российского советского правительства.

Официальная пресса, анализируя статьи Версальского договора, возвращалась к Брестскому договору, указывая, что выраженное в ст. 116 волеизъявление Германии об отказе от Брестского и дополнительных договоров, последовало лишь в отношении союзных держав, но не в отношении России, то есть Россия не могла ссылаться на волеизъявление Германии до тех пор, пока формально не примкнет к Версальскому договору. Присоединение России к Версальскому договору могло произойти лишь с помощью формального договора между Россией и ее бывшими союзниками. До того времени, если бы Германия и потребовала от России своих прав по Брестскому договору, возражать против этого могли бы только державы Антанты, но не Россия, в отношении которой Германия никогда от своих прав не отказывалась. Но если бы державы Антанты не возражали против претензий Германии и молчаливо или в силу особого соглашения отказались от своих прав, вытекавших из ст. 116, и Версальского договора, то Россия юридически не могла бы отказаться от своих обязанностей по Брестскому договору, действие которого было лишь приостановлено 5 ноября 1918 г., но не отменено.

---

¹³ Там же.

Абзац 3 ст. 116, согласно которой Россия эвентуально могла получить от Германии возмещение, «является договором в пользу третьего лица, в котором это третье лицо, в пользу которого устанавливаются права, не участвовало. Согласно юридической природе этого договора, определенные права устанавливаются только в пользу России, а не в пользу противников Германии по Версальскому договору, поэтому требовать и добиваться реализации этих прав может только Россия, а не союзные и дружественные Державы»¹⁴.

Каково политическое значение этого договора и какие цели он преследовал?

Советское правительство неоднократно высказывало свое отрицательное отношение к Версальскому договору, характеризуя его как грубое насилие над Германией, имевшее целью поработить ее народные массы в пользу капиталистических вождельцев стран Согласия. Уже по одним этим причинам советские руководители никогда не стали бы предъявлять к Германии каких бы то ни было требований на основании Версальского договора, считали эксперты. Но независимо от этого условием для возбуждения претензий, основанных на абзаце 3 ст. 116 Версальского договора, являлось предварительное присоединение к нему России или по крайней мере к ст. 116 этого Договора.

Такое присоединение могло бы произойти не с помощью одностороннего заявления со стороны России, а исключительно посредством договора с участниками Версальского мира. Поэтому «руководящей мыслью союзных и дружественных держав при включении в Версальский договор 3 абзаца ст. 116 явилось то, чтобы впоследствии заключить с Россией соглашение и предложить ей присоединиться к ст. 116 Версальского договора»¹⁵. При этом было естественным, что за те значительные выгоды, которые Россия получила бы от Германии в силу абзаца 3 ст. 116 союзные и дружественные державы потребовали бы для себя соответствующих компенсаций.

Франции и Великобритании практическое значение абзаца 3 ст. 116 договора представлялось важным, с учетом военно-политической обстановки весны 1919 г.: наступление белых армий с юга и востока при поддержке союзников было близко к успеху. По-видимому, политические круги русской эмиграции в Париже, а также официальное представительство южно-русской армии способ-

---

¹⁴ Там же. Л. 8.

¹⁵ Там же. Л. 8 об.

ствовали включению ст. 116 в Версальский договор. Но позднее ст. 116 потеряла практическое значение не только из-за смены политической конъюнктуры, но и в связи с тем, что Германии был предъявлен счет убытков, и эксперты, заседавшие осенью 1920 г. в Брюсселе и весной 1921 г. в Париже и Лондоне, пришли к выводу, что размер причиненных войной убытков настолько велик, что значительно превышает максимальную платежеспособность Германии. Потому для определения размера суммы возложенных на нее согласно Версальскому договору возмещений следовало исходить не из размера действительных убытков, а из реальной возможности Германии уплатить их. При этом о России и о ее претензиях, основанных на абзаце 3 ст. 116 Договора, речи не было. Эксперты делали в связи с этим вполне логичный вывод: если предложенный союзниками и принятый Германией счет убытков исчерпывает максимум того, что Германия в состоянии заплатить, то в эту сумму должна входить и доля России, на которую она имела право, по признанию союзников, выраженному в абзаце 3 ст. 116 Версальского договора. Если же Россия, принципиально отвергавшая Версальский договор, «не предъявляет никаких претензий на долевое отчисление ей поступающих от Германии платежей, то она все же имеет безусловное основание требовать признания погашения тех долгов своим бывшим союзникам, которые возникли во время войны и для целей войны»¹⁶. Резкое разграничение между довоенными и военными долгами России, которое проводилось позднее в ноте Чичерина о признании долгов, исходя из чисто политических предпосылок, находило оправдание и с точки зрения юридической, во взаимоотношениях России и Антанты, созданных Версальским договором и последующими событиями. Абзац 3 ст. 116 подводил под политическое требование юридический фундамент, так как вместе с определениями Лондонской конференции о возмещениях должен был заставить бывших союзников признать, что «акцептованный Германией счет убытков содержит долю, которая, по их же собственному признанию, причитается России»¹⁷.

Возникшая в те годы проблема выплаты долгов царского правительства имела долгую историю. В конце ноября 1996 г. российское правительство подписало соглашение о выплате Франции долгов царского правительства. Специалисты восприняли этот шаг как

---

¹⁶ Там же. Л. 9.

¹⁷ Там же. Л. 9 об.

игнорирование истории проблемы. Франция в той или иной мере поднимала ее и в Версале, и на Парижской мирной конференции, а в 1922 г. — на Генуэзской конференции вместе с другими союзниками предъявила претензии непосредственно советской делегации. Глава советской делегации Г.В. Чичерин заявил тогда, что поскольку правительство РСФСР отказалось от применения в отношении себя ст. 116 Версальского мирного договора, дававшей право на возмещение в 16, 1 млрд золотых рублей, то военные долги, по самому существу своему, должны считаться погашенными (военные долги России — 8,846 млрд зол. руб.)¹⁸. Что же касается довоенных долгов, то советское правительство соглашалось принять на себя уплату их при условии признания его контрпретензий за интервенцию и блокаду. Как известно, в Генуе эти вопросы решены не были.

Какие именно «восстановления и возмещения» ст. 116 Версальского мирного договора соответствовали его основным целям, усматривается из ст. 232 (второй части) договора: «Союзные и дружественные державы требуют и Германия обязуется возместить все убытки, причиненные гражданскому населению союзных и дружественных держав и его имуществу — за период военных действий каждой союзной или дружественной державы против Германии — вторжением с суши, с моря или с воздуха, и вообще всякого ущерба, определенного в Приложении 1»¹⁹, в котором говорилось о возмещении личного и имущественного вреда, а также о возмещении стоимости содержания и пайков семьям призванных в ряды армии, и суммы претензий и субсидий по случаю ранения или смерти.

На этом основании в репарационную комиссию были представлены претензии:

«Францией за ущерб, нанесенный различного рода собственности 122 млрд бум. фр. и на пенсии и пайки 72 млрд, прочие потери — 24 млрд., а всего 218 млрд бум. фр.;

Англией за убытки в торговом флоте 763 м. ф. ст., пенсии 1706 м. ф. ст., прочие 73 м. ф. ст., а всего 2542 м. ф. ст.;

Италией за ущерб в собственности 20 млрд лир, пенсии и пайки 38 млрд фр., прочее 12 млрд лир;

Бельгией за ущерб в собственности 30 млрд фр., пенсии и пайки 2,3 млрд ф., прочее 4 млрд фр.

---

¹⁸ *Воронцов А.В.* Послевоенные расчеты держав Антанты // Московский журнал. 1997. № 1. С. 2.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 4. Д. 19. П. 27. Л. 1.

Если эти суммы перевести в золотые марки, то получались такие цифры претензий: Франции 99 млрд. марок, Англии 34 млрд, Италии — 27, Бельгии — 16 ½ и прочих стран на 27 млрд; всего на сумму около 225 млрд золотых марок, в том числе на 95 млрд на пенсии и пайки и 130 по прочим основаниям. Ремонтной Комиссией сумма, подлежащая уплате Германией, определена в 132 миллиарда золотых марок»²⁰. Эта сумма, видимо, была определена потому, что большей получить с Германии не представлялось возможным.

Если бы и Россия предъявила свои претензии, то общая сумма возмещений, подлежащих уплате Германией, осталась бы та же, но были бы уменьшены доли всех остальных союзных государств. Таким образом, суммы претензий, представленные отдельными государствами, были значительно сокращены в общем на 40%.

Определяя доли каждого государства в сумме в 80 млрд, следовало распределить эту сумму пропорционально потерям в людях, понесенным каждым государством.

Соответственные данные (по «Стейтс мэн бук») следующие (в тысячах):

	Франция	Англия	Италия	Россия	Прочие
Убитых и умерших от ран и болезней	1458	872	500	2500*	450
Пропавших без вести	80	120	—	1300	—
Раненых	2700	2000	1000	3750	250
Всего с округлением	4000	3000	1500	7500	1000

* По данным В.Г. Михайловского (Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. М., 1920—1921. 5 т. (Труды ЦСУ; т. 1; вып. 1—5)).

На Россию приходилось 7500 тыс. из 17, что «дает право на сумму в 35 млрд из 80. Относительно участия России в распределении суммы в 52 млрд мар. возмещений за имущественный вред, следует иметь в виду, что военные действия на Восточном фронте происходили почти исключительно в областях, отошедших к Польше, Латвии, Литве, вследствие чего и право на соответственные возмещения могла бы иметь не РСФСР, а вышеупомянутые государства». Однако при этом не следует забывать, что неблагоприятная международная обстановка, и в частности блокада, «повлекла за собой заключение с

²⁰ Там же. Л. 1—1 об.

вновь образовавшимися государствами крайне невыгодных мирных договоров, в которых, между прочим, на РСФСР возлагались различные обязательства в связи с тем, что Польша, Литва и др. находились в зоне военных действий, вследствие чего граждане этих государств понесли значительный ущерб. Таким образом, РСФСР, со своей стороны, расплатилась за этот ущерб, что давало бы ей право регресса на основании ст. ст. 116 и 232 Версальского договора, и непредъявление соответственных требований лишь свидетельствует о готовности РСФСР идти на уступки для облегчения соглашения»²¹.

В ст. 117 Версальского договора Германия обязалась признавать действительность всех договоров и соглашений, которые «союзные и дружественные державы заключают с государствами, которые образовались или могут образоваться впредь на территории или части территории бывшей Российской Империи и границах 1 августа 1914 г. Германия обязуется далее признавать границы этих государств, так как они установлены обязательствами, возложенными на Германию ст. 117 Версальского договора, державы Согласия хотели предупредить всякое возражение с германской стороны против всякого рода соглашений, не исключая и вопроса о границах, которые будут заключены в будущем между Россией и государствами, образовавшимися на территории России, с одной стороны, и державами Антанты, с другой». Такого рода требования, предъявляемые к Германии, — признавать соглашения, еще не заключенные, содержание которых не могло быть не только установлено, но и предвидено, — противоречило принципам международного права. Как считали эксперты НКВД, это требование было не из области права, а являлось определением вынужденным, вследствие применения элементарной силы²². Российским экспертам было очевидно, что договоры и соглашения между Россией и государствами, образовавшимися на территории бывшей Российской империи, с одной стороны, и странами Согласия — с другой, Германия могла признать лишь в том случае, если их содержание не будет противоречить жизненным интересам самой Германии. Нелепо было требовать от нее признания «авансом» возможных в будущем договоров, особенно с учетом предпринятой в них попытки исключить саму Германию от всякого делового общения с Россией и государствами, возникающими на ее территории. В связи с тем, что ст. 117 имела в виду договоры меж-

---

²¹ Там же. Л. 2.

²² Там же. Л. 9.

ду Россией и странами Согласия, которые не затрагивали интересов Германии, эта статья представлялась лишней, ибо «договоры, заключаемые между суверенными государствами в признании третьих незаинтересованных государств не нуждаются»²³.

Германия по ст. 292 признавала, что все договоры, соглашения и сделки, заключенные с Россией или каким-либо государством или правительством, территория которого ранее составляла часть России, а равно и все такие же договоры, соглашения и сделки, заключенные Румынией до 1 августа 1914 г., «или же с сего последнего срока до вступления в силу настоящего договора, ныне отменены и являются отмененными навсегда». Данное определение налагало на Германию обязанность считать отмененными все без исключения соглашения, которые она заключила с Россией или с государствами, возникшими на территории бывшей Российской империи, вплоть до момента вступления в силу Версальского мирного договора. С отменой Брест-Литовского и дополнительных договоров отпали и взаимные обязательства восстановить с соответствующими изменениями договоры, действовавшие до 1 августа 1914 г., поэтому для достижения правовых результатов, изложенных в ст. 292, можно было ограничиться ст. 116, делавшей ст. 292 излишней.

Ст. 293 гласила: «Если после 1 августа 1914 г. какая-нибудь из союзных и дружественных держав, или Россия, а равно и государство и правительство, территория коего составляла ранее часть России, принуждены были предоставить Германии или германскому гражданину через посредство какого-либо представителя публичной власти какие-либо концессии, привилегии или преимущества, каковое представление было вынуждено вследствие военной оккупации или другими средствами или по другим основаниям, то эти концессии, привилегии и преимущества считаются уничтоженными без всяких дальнейших и других определений в силу настоящего договора»²⁴. Эта статья имела в виду лишь такие привилегии и преимущества, которые возникли со времени начала войны между Россией и Германией и не касалась прав и привилегий, возникших до войны. Ее практическое значение было невелико, так как, по мнению экспертов НКИД, в отношении России речь в ней могла идти лишь о привилегиях и преимуществах, предоставленных германским гражданам в короткий период действия

---

²³ Там же. Л. 10.

²⁴ Там же. Л. 11.

Брестского договора. Тогда еще не знали, были ли такие предоставления в действительности. Во всяком случае, права и привилегии, которые базировались на Брестском договоре, с прекращением его действия были отменены. Но поскольку права отдельных германских граждан в период действия этого договора или после его прекращения базировались на особых законодательных или административных актах советской власти, этой статьей они не затрагивались и запрещение германским гражданам со стороны союзных и дружественных держав пользоваться этими привилегиями и преимуществами на территории России означало бы недопустимое с точки зрения международного права вмешательство во внутренние дела России. Видимо, ст. 293 не имела в виду подобных случаев, так как говорила о таких привилегиях, которые были вынуждены вследствие военной оккупации, то есть о таких договорных отношениях, где один из контрагентов (Германия) посредством применения физической силы, угроз или других аналогичных мер, возможных лишь во время войны, принудила другую сторону (Россию) ко вступлению в договор. Но независимо от того, что свобода действий России в отношении предоставления концессий и каких-либо преимуществ Германии или отдельным ее гражданам не могла быть затронута этой статьей из-за неучастия России в Версальском договоре, из текста статьи следовало, что контрагенты Версальского договора даже не имели в виду, устанавливая мирные отношения, поднимать вопрос о полной свободе советского правительства предоставлять по своему усмотрению концессии и привилегии кому-либо, не исключая и германских граждан.

Ст. 433 Версальского договора имела целью скорейшее очищение территорий окраинных российских государств от германских оккупационных войск для того, чтобы прекратить в них всякое влияние Германии. В связи с завершением в декабре 1919 г. «очищения» этих территорий, статья сохранила лишь историческое значение: «Для обеспечения выполнения правил настоящего договора, согласно которого Германия бесповоротно признала отмену Брест-Литовского договора, а равно и договоров, соглашений и сделок, заключенных между нею и Российским Большевицким правительством, а равно и для обеспечения восстановления мира и хорошего Правительства в Балтийских Государствах и в Литве, все германские войска, которые в данный момент находятся в названных территориях, должны быть отозваны за границу Германии в тот момент, когда Правительства Союзных и Дружественных Великих Держав сочтут необходи-

мым это сделать, считаясь с внутренним положением этих областей. Эти войска обязаны воздерживаться от всяких реквизиций, арестов и других принудительных мер добывания снабжения, предназначенного для Германии, и обязаны не вмешиваться ни в какие мероприятия по обороне страны, которые предприняты временными правительствами Курляндии, Эстляндии и Литвы»²⁵.

Какой же урок, пройдя «школу Версаля», вынесла для себя Россия? Емко и в то же время эмоционально об этом говорится в «Кратком обзоре политических течений в Западной Европе. К 1 мая 1919 г. в период после подписания перемирия», датированном летом 1919 г.: «У России нет никаких внешних друзей, на альтруистическую... поддержку которых она могла бы рассчитывать в трудную минуту. На нашу Родину все — и друзья, и враги — смотрят единственно как на средство для обогащения. Наша ориентация и политика должна быть исключительно русской»²⁶. К таким же выводам пришел и занимавшийся вопросами послевоенных расчетов держав Антанты русский военный ученый А.Е. Снесарев: «Россия в итоге Мировой войны на ниве человеческих жертв понесла гораздо более, чем ее союзницы, и потеряла из-за этого неизмеримо большее количество ценностей, определяемых с экономической точки зрения 40 миллиардами рублей». Эта сумма не только не может исчезнуть по сравнению со всеми видами довоенных и послевоенных обязательств России, но и должна доминировать над ними. Не получив за эту потерю никакого экономического эквивалента, Россия в итоге оказалась обойденной и ограбленной. «Англия и Франция, требуя с нас расплаты за каждый пулемет и за каждый рубль, исчезнувшие в горниле войны, не могут вычеркнуть из своей памяти 12 миллионов энергий и рабочих сил, принесенных нами на алтарь войны»²⁷. С болью писал Снесарев о том, что от общих людских потерь союзников в мировой войне более половины пришлось на Россию: «Она потеряла вдвое больше Франции и с лишком втрое больше Англии. Можно ли эту роковую разницу считать навеки истертой из памяти Антанты и не подлежащей никакому компенсированию при той обстановке, когда союзницы ожидают расплаты за каждый устарелый аэроплан и застрявшую в Архангельске пару сапог»²⁸.

---

²⁵ Там же. Л. 12.

²⁶ Цит. по: *Листиков С.В.* Указ. соч. С. 165.

²⁷ *Снесарев А.Е.* Послевоенные расчеты держав Антанты // Московский журнал. 1997. № 1. С. 12—13.

²⁸ Там же. С. 8.

Советская Россия и державы Согласия в 1919 – начале 1920 г.

Россия и союзники после войны

Советская Россия встретила 1919-й год в условиях крайней напряженности внутренней и международной обстановки. Ленин и другие советские руководители были уверены, что как только боевые действия на Западе будут завершены, начнется «крестовый поход» против большевистского режима со стороны и победителей, и побежденных. Командование Красной армии ожидало массированной интервенции военных сил союзников в поддержку белых. Однако массированное вторжение союзники проводить не планировали. Великобритания, в частности, не могла себе позволить, по словам Бальфура, «наблюдать, как ее вооруженные силы после 4-х лет напряженных боевых действий растворяются в бескрайних просторах России, чтобы провести политические реформы в стране, которая уже не является ее военным союзником»¹. Такой позиции придерживалась и Франция.

9 января 1919 г. агентством Рейтер было опубликовано решение британского военного кабинета «более не посылать войска в Россию, за исключением технических частей в количестве, которое будет признано необходимым»². Но это были лишь попытки успокоить те слои населения западных стран, которые выступали против интервенции в Советской России. В январе 1919 г. в Лондоне состоялась национальная конференция рабочих организаций, выдвинувшая лозунг «Руки прочь от Советской России!», позднее, в сентябре, был создан национальный комитет под тем же названием. Между тем британское и другие союзные правительства воплощать в жизнь решение не посылать в Россию войска не собирались. На вопрос, как долго будут продолжаться операции союзников в России, не может быть дан ответ, писала *The Manchester Guardian* 10 января 1919 г., но очевидно, что это будет одна из пер-

¹ Ullman R.H. Britain and the Russian Civil War, November 1918 — February 1920. Princeton, 1968. P. 15.

² ДВП СССР. М., 1958. Т. 2. С. 733.

вых тем на Мирной конференции. Тем временем общее число союзных войск на Севере России достигало 20 тыс. человек, около половины из них были британцы; численность союзных войск в Сибири, которые находились под японским или французским командованием, доходила до 72 тыс., из них 2 или 3 тыс. — британцы.

1919 г. принес Советской России господство внутри страны, но перед ней встала задача собственного выживания, так как она лишилась поддержки пролетарских масс в Центральной и Западной Европе: потерпела поражение революция в Берлине, Баварии и Венгрии; окончились неудачей забастовки во Франции и Италии. С начала года практически прекратились межгосударственные связи и контакты между Россией и Германией. Усилия НКВД РСФСР были направлены на спасение нового государственного строя в стране. Причем многим его сотрудникам приходилось делать это буквально с оружием в руках: они были мобилизованы в армию и отправлены на фронт. Трудности с кадрами, имеющими опыт дипломатической работы, были огромными.

25 апреля 1919 г. на заседании Коллегии НКВД, созданной в сентябре 1918 г., было принято решение о распределении работы между членами Коллегии. Было решено, что нарком Г.В. Чичерин будет вести дела Центральноевропейских держав и Польши, М.М. Литвинову предписывалось вести дела, касающиеся Великобритании, Франции, Италии, Америки, Скандинавских стран, Финляндии³. Неоднократно Чичерин от имени советского правительства обращался к правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США с нотами о начале переговоров по урегулированию всех спорных вопросов (ноты 17 января, 4 и 18 февраля, 7 мая 1919 г.)⁴. Так, в ноте правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США 17 января 1919 г. говорилось, что правительство Российской Советской Республики не видит, чтобы до сих пор отказ посылать войска в Россию выразился в действиях. «Как и раньше, военные силы держав Антанты пытаются проникнуть в сердце России с севера, как и раньше, они поддерживают мятежников, нападающих на Россию со стороны Сибири и в районе Дона. Они вторгаются на западе и на юге в молодые Советские Республики, вновь образованные и объединенные с Российской Советской Республикой тождественностью политической

³ Очерки истории Министерства иностранных дел России, 1802—2002: в 3 т. М., 2002. Т. 2. С. 47.

⁴ ДВП СССР. Т. 2. С. 57—60, 78—79, 154—160, 739.

формы и социальной структуры, и они поставляют военный материал всем мятежникам против Советской власти»⁵. В ноте были поставлены вопросы правительствам западных стран: скоро ли за упомянутыми выше декларациями последуют действия, им соответствующие, каковы будут эти действия и когда будут начаты переговоры между правительствами держав Антанты и правительством Российской Советской Республики? Ответа на эти вопросы, как и на другие советские ноты, получено не было.

Отношение Великобритании к правительству Советской России было непоследовательным. Протоколы заседаний, фиксирующие прения в британском кабинете министров, свидетельствовали о весьма разнонаправленных его действиях. Эти же источники подтверждали, что даже опубликованные в английской прессе сообщения о зверствах большевиков, в частности об убийстве царской семьи, вызвав всеобщее возмущение, существенного влияния на британскую политику не оказали. В начале 1919 г. британским премьер-министром Д. Ллойд Джорджем был выдвинут общий план действий в отношении России, из которого следовало, что пытаться завоевать Советскую Россию силой оружия невозможно; поддержка Белому движению должна оказываться постольку, поскольку на территориях, контролируемых Деникиным и Колчаком, население выказывает антибольшевистские настроения; военные силы не должны использоваться для реставрации царского режима в России⁶. Идея британского военного участия была одобрена, и было выбрано несколько его форм: снабжение антибольшевистских сил военной амуницией, обмундированием и вооружением вплоть до танков и самолетов, в основном из оставшихся на складах со времени Первой мировой войны; содержание на российской территории военного и военно-морского контингента Великобритании, основной задачей которого называли несение сторожевой службы и обеспечение блокады, с правом в случае непосредственной угрозы вести оборонительные бои; подготовка офицерского состава для белых армий; эвакуация остатков разбитых белых частей.

Франция была более последовательна в своем антикоммунизме, чем другие великие державы. Однако поддержка, оказываемая ею Белому движению, выглядела скорее символической. Лидеры Франции не очень-то верили в успех белых и уже в марте 1919 г. по-

---

⁵ Там же. С. 33.

⁶ *Lloyd George D.. The Truth about the Peace Treaties. London, 1938. Vol. 1. P. 382—383.*

буждали союзников предоставить антибольшевистское движение его судьбе и заняться превращением Польши и Румынии в «заграждение из колючей проволоки», чтобы сдерживать коммунизм⁷. Основой заграждения должна была стать Польша, ей предназначалась роль изолятора между Россией и Германией. В сентябре 1919 г. французы было объявлено, что они прекращают все поставки белым в кредит и согласны продолжить их только за деньги или в обмен на товары.

Соединенные Штаты придерживались мнения, что после подписания перемирия союзникам не следовало оставлять войска на территории России: их надо было вывести, предоставив русским возможность самим улаживать внутренние распри⁸. Помимо невмешательства В. Вильсон придерживался принципа непризнания советского правительства и сохранения территориальной целостности России⁹. Следует отметить, что американцы считали Б.А. Бахметева русским послом до 1922 г., хотя в январе 1919 г. представителем в эту страну советским правительством был назначен Л.К. Мартенс.

Политика Японии в отношении России была последовательной и незамаскированной: она собиралась воспользоваться российской смутой для захвата и присоединения Приморья.

Белые армии особенно ощутили себя покинутыми при оставлении союзниками северных портов: в конце сентября 23 тыс. человек союзных войск и 6500 русских вывезли из Архангельска; находившийся в Мурманске контингент отбыл 12 октября 1919 г. Их место заняли 4 тыс. британских добровольцев. Чтобы защитить своих людей во время эвакуации, генерал Айронсайд отдал приказ о наступлении, в котором приняли участие британские и русские добровольцы; операция эта проводилась 10 августа и стоила британцам 120 жизней¹⁰. Всего потери Великобритании за время оккупации ею Русского Севера составили 327 чел.; Америка потеряла 139 солдат и офицеров (всех вследствие ранений и несчастных случаев)¹¹.

Страшились союзники и победы белых. Ллойд Джордж не случайно часто вспоминал Дизраэли, предостерегавшего против огромной

---

⁷ *Thompson J.H.* Russia, Bolshevism, and the Versailles peace. Princeton, 1966 [©1967]. P. 200—203.

⁸ *Ibid.* P. 46.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Churchill W.* The World Crisis. The Aftermath. London, 1929. P. 242.

¹¹ *Ibid.* P. 244; *Kenan G.F.* Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston; Toronto, 1960—1961. P. 90.

растущей России, сползающей, подобно леднику, в сторону Персии, границ Афганистана и Индии, как против наибольшей опасности, с которой могла бы столкнуться Британская империя. Борьба за воссоединенную Россию оказывалась, таким образом, не в интересах Великобритании. В марте 1920 г. она предъявила новому главнокомандующему Белой армии на территории России генерал-лейтенанту барону П.Н. Врангелю требование прекратить всяческие военные действия, лишив его помощи. В апреле 1920 г. начальником английской миссии в Севастополе генералом Перси барону была вручена нота, полученная британским верховным комиссаром адмиралом де Робекотом от министра иностранных дел лорда Керзона, в которой белых призывали немедленно прекратить «неравную борьбу»: со своей стороны королевское правительство предлагало вступить в переговоры с Москвой в расчете добиться для белогвардейцев общей амнистии. Генералитету было дано обещание предоставить убежище в Великобритании. В случае отказа белых от сделанного предложения, англичане грозились прекратить оказание какой бы то ни было помощи. В своем ответе Врангель, понимая, что рассчитывать на победу в создавшихся условиях невозможно, подтвердил готовность пойти на прекращение огня и эвакуироваться из Крыма при условии, что союзники гарантируют убежище не только ему и командному составу, но и всем, кто предпочтет оставление Родины «принятию пощады от врага». Ответа Великобритании на это требование не последовало.

20 октября 1920 г. Красная армия начала наступление на Крым; 14 ноября Гражданская война формально закончилась: 83 тыс. военных и гражданских беженцев погрузились на 126 британских, российских и французских кораблей и отбыли в Константинополь. Однако до того, как это произошло, в Советской России и в Европе совершились важнейшие для их судеб события.

«Тайна Принцевых островов»

К середине января 1919 г. британские военные, разведка и дипломаты представили Д. Ллойд Джорджу оценку ситуации в Советской России, согласно которой позиции последней были достаточно сильны, и большевики, осознав невозможность поднять революционный мятеж в соседних странах, выразили готовность участвовать в международных переговорах. 19 января британский премьер предложил созвать всеобщую конференцию враждующих представите-

лей политических фракций России. Правительство Великобритании обратилось к советскому правительству, к Колчаку, Деникину, Чайковскому и «правительствам экс-русских государств» с предложением воздержаться от дальнейшей агрессии, враждебности и репрессий как условия приглашения в Париж для дискуссий с великими державами по поводу переговоров об условиях постоянного мирного урегулирования¹². Министр иностранных дел Франции С. Пишон готов был слушать только тех русских, кто нашел пристанище на Западе. В отличие от Ллойд Джорджа, который в начале 1919 г. все больше склонялся к мысли, что в решении «русского вопроса» лучше всего было бы предоставить возможность самим русским устранить свои противоречия. Британский премьер-министр и президент США были близки к тому, чтобы иметь дело с большевиками как де-факто правительством России. Французы и итальянцы (Клемансо, Пишон и Соннино) на этом этапе отрицали всякую возможность контакта с большевистским правительством. Позицию Пишона, заявившего, что французское правительство не сотрудничает с преступниками, поддерживали итальянцы и японцы.

Английская дипломатия прилагала большие усилия, чтобы переманить на свою сторону Италию, которая решила с самого начала Парижской конференции не придерживаться «грандиозных схем» и больше думать о собственных национальных интересах: австрийской территории, получении новых городов-портов на Адриатике, усилении в собственном регионе. Итальянцы практически не интересовались проектом международной организации, все, что им было нужно, — благоприятные для них границы на севере и северо-востоке. Особый интерес они проявляли к порту Фиуме. Принцип национального самоопределения их интересовал в меньшей степени: Рим желал получить земли, где большинство населения не были итальянцами. 22 апреля 1919 г. итальянская делегация покинула переговоры.

Англичане думали об укреплении единства империи, получении германских колоний, но прежде всего их интересовало создание в Европе прочного баланса сил, при котором ни Германия, ни Франция не были бы региональными гегемонами. Великобритания была заинтересована и в том, чтобы на востоке Европы не было сильного государства, с интересами которого пришлось бы считаться. Наиболее активными сторонниками жесткой политической линии

---

¹² FRUS. 1919, Russia. P. 2—3.

в отношении Советской России были У. Черчилль, министр колоний А. Милнер и Дж. Керзон. Франция желала вернуть капиталовложения, утраченные ею вследствие большевистской экспроприации и отказа Советской республики от финансовых обязательств, а также предотвратить сближение последней с Германией.

Однако собравшиеся в Париже в начале 1919 г. государственные деятели были весьма обеспокоены тем, будет ли вообще в России единое правительство. Из-за того, что враждующие российские стороны не могли сами разобраться между собой, союзники решили договариваться с Москвой.

Франция отказалась предоставить в Париже гостеприимство предложенной Ллойд Джорджем (с согласия В. Вильсона) конференции с участием противоборствующих в Гражданской войне в России сил; ее проведение назначили на Принцевых островах, неподалеку от Константинополя. Любопытный штрих: высланный в январе 1929 г. из СССР Л. Троцкий жил именно на Принцевых островах.

Москва, как известно, приняла приглашение, но из-за отказа лидеров Белого движения конференция не состоялась. Видимо, зависевшие от союзников белые сделали это не без их помощи, особенно учитывая позицию французского правительства, выступавшего против встречи на Принцевых островах. Черчилль, занимавший в то время пост военного министра, обещал военную поддержку независимо от того, явятся белые на переговоры или нет. Вильсон, при молчаливом содействии Ллойд Джорджа, попытался наладить прямой контакт с Москвой, послав с секретной миссией Уильяма Буллита, в то время сотрудника американской разведывательной службы в Париже, который в 1933 г. стал первым американским послом в СССР. 14 марта 1919 г. Буллиту был вручен список условий, при соблюдении которых советское правительство было готово заключить мир с белыми; самым значимым было условие немедленно прекратить помощь Белому движению. Но миссия Буллита стараниями французской оппозиции и опасениями Ллойд Джорджа была сведена на нет.

В направленном 31 января 1919 г. Г.В. Чичериным С. Пишону сообщении¹³ по поводу созыва конференции представителей «всех русских правительств» на Принцевых островах было упомянуто полученное 29 января краткое изложение беседы В.А. Маклакова с представителями американской прессы, в котором отмечалось, что в ответ на приглашение на мирную конференцию Чичерин запро-

---

¹³ АВП РФ. Ф. 136. Оп. 3. Д. 16. П. 2. Л. 13.

сил «гарантии и уточнения». Нарком выразил удивление по поводу подобного утверждения, так как ему был известен по этому вопросу лишь один подписанный им документ — радиограмма, направленная 24 января российскому дипломатическому представителю в Стокгольме В.В. Воровскому и переданная в Париж газете *Le Populaire*. В ней Чичерин просил Воровского представить ему точные сведения о «так называемом приглашении», о котором его не информировали и о котором ему было известно только по сообщениям в печати; Чичерин также просил *Le Populaire* прислать ему сведения по этому вопросу. «Мне неизвестно, — писал Чичерин, — каким образом, через газету “Попюлер” или из каких-либо других источников, господин Маклаков узнал об этом документе, который не предназначался ни для него, ни для французского правительства. Во всяком случае он толковал его слишком вольно, так как просьба дать “гарантии и уточнения” могла быть направлена мною только французскому правительству и только в связи с дипломатическим документом, который я получил бы от него». «Между тем, до сегодняшнего дня, 31 января, я не получал от этого правительства никакого официального документа, — продолжал Чичерин. — Я не мог не только предъявлять какое-либо требование, но и что-либо отвечать в связи с приглашением “всем русским правительствам”, которого я не получал»¹⁴.

В упомянутой Г.В. Чичериным телеграмме В.В. Воровскому 24 января 1919 г. была изложена просьба прислать всю информацию по вопросу конференции на Принцевых островах в Мраморном море. Между тем в этой телеграмме сообщалось, что выбор отдаленного от европейских политических центров уединенного острова в качестве места для конференции может иметь целью только окружение ее непроницаемой тайной или создание ей искусственной и пристрастной гласности, так как выбор сторон, которым было разрешено участвовать в этой конференции, целиком находился в руках держав Антанты. «Конференция, проведенная в подобных условиях, никоим образом не может привести к успокоению ни в России, ни в сознательной части рабочего класса других стран; следовательно, сообщение о подобном решении держав Антанты кажется нам неправдоподобным»¹⁵.

Неясными представлялись и цели созыва этой конференции: «Если державы Антанты желают умиротворения, то единственным

---

¹⁴ Там же.

¹⁵ ДВП СССР. Т. 2. С. 43.

средством для достижения этого было бы их невмешательство во внутреннюю борьбу, и это — единственное, что мы желаем. Арбитраж третьих держав в целях прекращения борьбы невозможен, когда эта борьба ведется против крайней реакции и против монархистов», — отмечал Чичерин¹⁶. Довольно странным казалось предложение об оказании добрых услуг с целью арбитража, исходившее от правительств, принимавших участие в борьбе против Советской России и оккупировавших часть ее территории. Неправдоподобными представлялись руководителю советского внешнеполитического ведомства и условия созыва конференции: «Предложение о прекращении военных действий, которое отнюдь не выдвигалось в период, когда мы испытывали серьезные трудности, ставится в тот самый момент, когда силы реакции все более и более ослабевают»¹⁷. Нарком просил Воровского сообщить, не создается ли впечатления, что державы Антанты преследуют аннексионистские цели в отношении Архангельска, Сибири, Баку, Ашхабада, Ростова-на-Дону — или же «их поддержка в настоящее время делает возможным продолжение господства находящихся у власти реакционных группировок, господства, которое содержится в радиোগрамме из Парижа предложения якобы имеют целью увековечить»¹⁸.

Речь шла о заявлении держав Согласия, принятом Царскосельской радиостанцией 23 января 1919 г., о том, что накануне Межсоюзническая конференция пришла к важному решению относительно России. По предложению президента Вильсона она послала по беспроволочному телеграфу приглашение: «Всем организованным группам, которые пользуются сейчас политической властью или пытаются осуществить военный контроль где-либо в Сибири или в пределах Европейской России, какую она была до войны, исключая Финляндию, достигнуть между собою перемирия; отозвать все военные силы, направленные против какого-либо народа или территории вне этих пределов; послать представителей, не более трех от каждой группы, для встречи с делегатами Союзных держав на Принцевых островах в Мраморном море. Здесь всем партиям предлагается обмениваться мнениями совершенно свободно и с целью выработать какое-нибудь соглашение, которое дало бы России возможность изжить свою болезнь и установить прочную

---

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 44.

¹⁸ Там же. С. 44—45.

связь с остальным миром»¹⁹. Согласно предложению Вильсона, единственная цель, которую преследовали представители Союзных держав — помочь России. Президент уверял, что совещание признает русскую революцию без оговорок и ни при каких обстоятельствах не будет предпринимать попыток к контрреволюции. Вильсон констатировал, что большевистское движение изменилось за последнее время: «Якобы пацифистское, оно являет собой почти единственную империалистическую и агрессивную силу в мире, и в своем последнем фазисе исходит из тенденций, прямо противоположных тем, с которыми оно пришло к власти»²⁰. В связи с этим перед конференцией стояла задача, как бороться с империалистической политикой большевизма.

Одновременно был принят другой текст этой же декларации держав Согласия о России, переданный французским радио:

«Лион. 23 января. По предложению президента Вильсона главы Союзных правительств приняли следующее решение относительно России.

Единственной задачей представителей держав, принимавших участие в обсуждении тех мер, которых следует придерживаться относительно России, является желание оказать помощь русскому народу, но отнюдь не создавать ему препятствия или вторгаться в его право устраивать свои дела по собственному усмотрению»²¹. Представители Союзных держав относятся к русскому народу как к другу, а не как к врагу, говорилось в декларации, они от души хотят оказать ему помощь в том виде, который окажется наиболее желательным русскому народу, а не эксплуатировать Россию или использовать ее в каких бы то ни было «видах». Союзники без оговорок признают революцию и никоим образом и ни при каких обстоятельствах не поддерживают и не признают контрреволюционные действия. В их намерения не входит и оказание поддержки или предпочтения той или иной из общественных групп, которые оспаривают друг у друга право на управление Россией. Единственная сокровенная цель союзников, утверждалось в документе, — сделать все возможное, чтобы воцарить в России мир и предоставить ей все средства для избавления от переживаемых ею в настоящее время затруднений. «С особой зоркой внимательностью» союзники подчеркивали то «обстоятельство, что мир невозможен в Европе и во вселенной в том случае, если его не

---

¹⁹ Там же. С. 45.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 46.

будет в России...»²². Именно в таком смысле и с таким намерением союзниками, как уже отмечалось, и было принято решение пригласить все «организованные группы, осуществляющие фактически или стремящиеся к осуществлению политического господства или военного контроля, где бы эти группы ни находились, — будь то в Сибири или в пределах Европейской России, какою она была в период, предшествовавший закончившейся теперь войны, за исключением Финляндии и Польши, — прислать своих представителей, не больше трех от каждой группы, для предварительных переговоров на Принцевы острова в Мраморном море, где они будут приняты представителями Союзных держав»²³. При этом, как предусматривалось союзниками, между всеми приглашенными группами должно быть заключено перемирие, в течение которого будут отозваны все военные силы, направленные против народов тех территорий, которые находились вне границ Европейской России до войны, а также против Финляндии или тех народов и территорий, автономия которых предусматривалась в 14 пунктах, легших в основу этих мирных переговоров; всякие наступательные военные действия должны быть прекращены.

Эти представители приглашались для переговоров с союзными державами для выяснения желаний всех «частей» русского народа и достижения, по возможности, какого-либо соглашения или примирения между ними, а также установления благотворного сотрудничества между русским народом и другими народами мира. Союзники обещали российским представителям оказать содействие в их путешествии, включая переезд через Черное море. Прибытие представителей в указанное для встречи место ожидалось к 15 февраля 1919 г.

В своем ответе на запрос Г. Чичерина редакция газеты *Le Populaire* сообщила и некоторые другие обстоятельства, которые могли бы помочь РСФСР определить свою позицию в отношении конференции, в частности, отказ участвовать в конференции бывшего царского министра С.Д. Сазонова (министра иностранных дел Омского и Кубанского правительств), объявившего представителям печати, что его правительства не сядут за один стол с большевиками. Аналогичные заявления сделали все эмигрантские русские группы; представители буржуазных правительств прибалтийских провинций и Грузинской республики в свою очередь дали понять, что вопрос о конференции их не касается, потому что они

---

²² Там же.

²³ Там же.

считают себя независимыми от России; в целом, все группы, враждебные большевикам, отказались от участия в конференции²⁴.

28 января 1919 г. наркоминдел Г.В. Чичерин направил президенту США В. Вильсону в Париж радиogramму, в которой сообщалось, что Правительство Российской Советской Республики не получило приглашения на конференцию на Мраморное море, сделанное в соответствии с его предложением союзными державами различным правительствам, фактически существующим в России. «Мы вынуждены обратить Ваше внимание на этот факт для того, — писал Чичерин, — чтобы отсутствие ответа с нашей стороны не было поводом для неверного истолкования»²⁵.

Без ответа осталась нота Правительства РСФСР Правительствам Великобритании, Франции, Италии, США и Японии от 4 февраля 1919 г.²⁶, в которой говорилось, что не получив никакого приглашения на конференцию на Принцевых островах, лично ему адресованное, и узнав из радиотелеграммы, заключавшей в себе обзор печати о якобы обращенном державами Согласия ко всем фактически существующим в России правительствам приглашении отправить туда делегатов, а также, принимая во внимание, что иностранная печать систематически представляет его действия в неверном свете, Русское Советское Правительство пользуется этим случаем для того, чтобы раскрыть свою позицию в этом вопросе.

Несмотря на все более благоприятное положение Советской России и в военном отношении (напомню: 4 февраля 1919 г. Красная армия заняла Киев. — *Н.Б.*), и в отношении ее внутреннего состояния, Русское Советское Правительство считало настолько желательным заключение соглашения, которое положило бы конец военным действиям, что было готово немедленно начать переговоры даже ценою серьезных уступок, не угрожавших, правда, дальнейшему развитию страны. Принимая во внимание, что враги, против которых ему приходилось бороться, черпали свою силу исключительно из той помощи, которую им оказывали державы Согласия (именно они поэтому и были единственным действительным противником Русского Советского Правительства), последнее обращалось именно к державам Антанты с изложением пунктов, по которым такие уступки оно считало бы возможным для прекращения всякого конфликта с этими державами.

---

²⁴ Там же. С. 47.

²⁵ Там же. С. 52.

²⁶ Там же. С. 57—60.

Ввиду особенного значения, придаваемого вопросу о русских займах, советское правительство заявляло о своей готовности сделать уступку требованиям держав Согласия, не отказываясь от признания своих финансовых обязательств по отношению к кредиторам, принадлежавшим к державам Антанты, причем определение того, каким образом этот пункт был бы проведен в жизнь, должны были содержать договоры, выработка которых и стала бы задачей предлагаемых переговоров. Советское правительство предлагало также гарантировать уплату процентов по своим займам определенным количеством сырых материалов, по поводу которых должно было состояться специальное соглашение. Оно было готово предоставить подданным держав Согласия горные, лесные и другие концессии на условиях, подлежащих точному определению, с тем чтобы экономический и социальный строй Советской России не был затронут «внутренними распоряжениями этих концессий». И, наконец, пункт, к которому, по мнению советского правительства, могли бы относиться предлагаемые переговоры, касался территориальных уступок, так как оно «не имеет в виду во что бы то ни стало исключить из своих переговоров рассмотрение вопроса о каких-либо аннексиях державами Согласия русских территорий. Русское Советское Правительство прибавляет, что, по его мнению, под аннексиями следует подразумевать сохранение на той или другой части территории бывшей Российской империи, за вычетом Польши и Финляндии, военных сил Согласия или же таких, которые содержатся правительствами Согласия или пользуются их финансовой, технической, военной или иной поддержкой»²⁷. Причем размер уступок, на которые пошло бы советское правительство, должен был зависеть от военного положения России по отношению к державам Согласия. Что же касалось часто высказываемых в печати западных стран жалоб по поводу международной революционной пропаганды, то советское правительство, указывая на невозможность для него ограничить свободу революционной печати, заявило о готовности включить в общее соглашение с державами Согласия обязательство не вмешиваться в их внутренние дела.

На таких условиях советское правительство готово было немедленно начать переговоры на Принцевых островах или в любом другом месте со всеми державами Согласия, как совместно, так и с отдельными странами, или с какими-либо российскими политическими группировками в соответствии с желаниями союзников.

---

²⁷ Там же. С. 59—60.

Большевистское правительство остро нуждалось в дипломатическом признании и потому потребовало официального приглашения на конференцию, но приглашение не поступало, и тогда правительство Ленина, стратегия которого состояла в том, чтобы исключить для Запада роль инициатора реформ в русских делах, заявило, что «готово купить» такое приглашение путем признания долгов России, предоставления западным союзникам важных концессий и экономических преимуществ в России. Но выступавшая против переговоров Запада с Советами в Париже Российская политическая конференция увидела в приглашении большевиков обращение на равных с союзными Западу фракциями и отказалась принять предложение Вильсона и Ллойд Джорджа. Руководители Белого движения в самой России также отказались принять участие в конференции. Ответа от них не последовало. Тогда в ход была пущена личная дипломатия. Выяснить возможности Запада не допустить уход России в международную изоляцию должен был Буллит.

24 сентября 1919 г. *The Times* поместила материал под названием «Разъяснение одной тайны», который в значительной степени касался несостоявшейся конференции на Принцевых островах. По сообщению газеты, первой мысль о ее созыве высказала английская либеральная газета *The Manchester Guardian* еще 15 января 1919 г. Ллойд Джордж, ухватившись за эту мысль, внес ее на рассмотрение узкого круга высших представителей пяти ведущих держав-победительниц — Совета Десяти 25 января; Клемансо выступил против, но добился лишь того, что было решено эту конференцию удалить на Принцевы острова. В ноте Чичерина, посланной в ответ на это предложение, говорилось «о каких-то экономических и финансовых уступках Антанте в ответ на официальное признание большевиков». Однако союзники, приглашая последних на конференцию, не упоминали ни о каких уступках или гарантиях. Чичерин, видимо, вообразил, писала газета, что на эту удочку ему удастся поймать союзных дипломатов и в то же время их дискредитировать, или же он получил от своих европейских финансовых советников обещание, что в случае предоставления этих гарантий, они воздействуют на союзников и добьются признания власти большевиков. Конференция эта провалилась, принесла некоторые плоды тем, благодаря кому мысль о ней возникла: она возбудила против Антанты русских патриотов, бывших до тех пор ее приверженцами. Газета призывала оказать моральную и материальную помощь Деникину и тем русским, которые пытались спасти свою страну путем свержения

большевизма; только тогда возможно было создание прочной власти, которая сможет восстановить Россию, а пока не должно быть и речи о соглашении с большевиками.

Миссия Уильяма К. Буллита в Россию

НКВД в отчете VII Всероссийскому съезду Советов за период с ноября 1918 г. по декабрь 1919 г. сообщал, что в первых числах марта 1919 г. в Россию секретно приехал начальник политического информационного отдела американской делегации на Версальской конференции У.К. Буллит с предложением соглашения, исходившим от президента В. Вильсона и составленным с ведома Ллойд Джорджа. Это предложение было внимательно рассмотрено Советским правительством, и 12 марта, после принятия Буллитом поправок, признанных им вполне приемлемыми, с ним был окончательно выработан проект соглашения, который Советское правительство обязывалось принять, если он будет предложен до 10 апреля. По этому проекту должна была быть созвана специальная конференция для заключения соглашения на основании определенных, заранее установленных принципов: воюющие стороны в России перестали бы стремиться свергать друг друга силой, сохраняя занятые ими территории, за исключением таких территориальных перемещений, какие были бы произведены этой конференцией, причем само население этих территорий могло бы изменить у себя политический строй; блокада была бы снята, а Советская Россия получила свободу товарообмена и связей с другими странами; Антанта обязалась бы прекратить оказание какой бы то ни было помощи борющимся против Советского правительства политическим группировкам; все воюющие стороны провели бы у себя политическую амнистию; между Советскими Республиками и государствами Антанты были бы восстановлены дипломатические отношения²⁸.

Как позднее стало известно из «разоблачений» Буллита, его план после возвращения в Париж был сначала встречен Ллойд Джорджем с одобрением, но затем произошли какие-то политические изменения «за кулисами» и о проекте соглашения с Россией будто забыли. 16 апреля 1919 г. в палате общин Ллойд Джордж отказался признаться в том, что ему что-либо известно о поездке

---

²⁸ Там же. С. 602—603.

Буллита в Россию. На позиции премьера не могло не сказаться как усиление влияния в Великобритании противников советской власти во главе с Черчиллем, так и успехи, одержанные в России на Восточном фронте Колчаком, в котором официальная печать союзников видела всероссийского диктатора. Следует учесть и еще один фактор — образование в середине марта 1919 г. Венгерской Советской Республики. Позднее Г.В. Чичерин писал, что Буллитовское соглашение лопнуло потому, что в тот момент произошла венгерская революция и отпугнула правительства. Горячо приветствуя такие события, как венгерская революция, нарком призывал трезво учитывать их результаты для международного положения страны: «Резкий поворот американского правительства против нас произошел после грандиозной стачки в Америке, когда американские правящие круги впервые убедились, что коммунизм является и для них опасностью, — писал Чичерин. — Тогда именно вместо прежней политики соглашения с нами они повернули на политику борьбы до конца против коммунистического правительства»²⁹.

Ллойд Джордж отрекся от своего участия в миссии Буллита в Москву; Вильсон не только запретил публиковать проект соглашения, доставленный Буллитом, но и отказался от его просьбы публично заявить, что Ллойд Джордж сделал ложное сообщение.

В московских и киевских газетах за 27 мая 1919 г. были опубликованы материалы НКВД РСФСР, доказывавшие, как писали аналитики внешнеполитического ведомства, «лживость заявлений союзной печати, будто по вине Советского правительства расстроились предварительные переговоры о соглашении между Советским правительством и антисоветской коалицией»³⁰. Из ноты Чичерина, отмечалось в обзорах, видно, что некий Буллит, эксперт по русским делам американской делегации на Версальской конференции, в сопровождении американского капитана У. Петгита и журналиста Л. Стеффенса приезжал в марте 1919 г. в Россию с полуофициальным поручением от президента Вильсона. Предложение Вильсона, сделанное по уверениям Буллита, с ведома Ллойда Джорджа, имело целью установление перемирия и выработку основы временного соглашения между советским правительством и антисоветской коалицией. Согласно американскому проекту, союзные правительства должны были предложить правительствам различных государств

²⁹ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 2. П. 1. Л. 108.

³⁰ Там же. Ф. 56-б. Оп. 1. Д. 62. П. 10. Л. 163.

России, как советским, так и антисоветским, заключить перемирие и собраться на конференцию для заключения мира при условии сохранения власти в занимаемых местах и отказе от попытки свержения друг друга. Союзники должны были прекратить блокаду России и возобновить торговые, а также дипломатические отношения. Политические преступники обоюдно амнистировались. Правительства бывшей Российской империи приняли бы на себя все финансовые обязательства. Русское золото, захваченное чехами в Казани, а также отобранное союзниками в Германии, пошло бы в уплату долгов. Союзные и прочие нерусские войска уводились с территории России; оказание помощи антисоветским правительствам прекращалось.

Советское правительство согласилось принять предложение. Версальская конференция должна была пригласить воюющие стороны на конференцию для выработки деталей ее проведения. Попытка Буллита, а, может быть, и Вильсона, по-видимому, разбилась об упорство «кровожадного» Клемансо, писали российские газеты, приглашения на конференцию не последовало. Вместо этого «реакционными группами» в Версале был выдвинут связанный с именем Нансена «хитроумный» план подвоза некоторого количества продовольствия в Россию, при условии обезоружения Рабоче-Крестьянской России и выдачи ее на милость Колчаков-Деникиных. Поэтому война союзников против России падала всецело на первых.

3 апреля 1919 г. известный норвежский путешественник Ф. Нансен предложил Совету Четырех организовать в России снабжение продовольствием и медикаментами, причем то и другое должно было распределяться комиссией из нейтральных стран. 17 апреля Совет ответил согласием с оговоркой, что военные действия в областях, где будет действовать нейтральная комиссия, должны быть приостановлены. 4 мая сообщение об этом было получено советским правительством от норвежской миссии в Берлине. План Нансена не давал никаких гарантий, что приостановка военных действий не будет использована «контрреволюционными царскими генералами для своего укрепления и для подготовки решительного удара против Советской России, — сообщалось в отчете НКВД VII Всероссийскому съезду Советов, — ради самосохранения Советская Россия могла идти на это лишь под условием определенных гарантий, которые могли бы быть выработаны только с заинтересованными правительствами»³¹. 7 мая Чичерин ответил

---

³¹ ДВП СССР. Т. 2. С. 603—604.

Нансену, что советское правительство принимает его план и просит указать место и время для встречи его комиссии с российскими делегатами, но при этом было указано, что переговоры о приостановлении военных действий могут вестись лишь с самими правительствами Антанты. Такие переговоры советское правительство желало вести, и Нансену было заявлено, что оно с величайшей радостью к таким переговорам приступит. Правительствам стран Согласия через Нансена было передано предложение о переговорах с целью прекращения военных действий. Однако ответа на него получено не было. «В общем и целом программа, выработанная нами с Буллитом, — сообщалось в отчете НКИД, — сохраняла для нас силу и потом в течение некоторого времени, конечно, с теми изменениями, какие могли быть вызваны переменной обстоятельств»³².

«Русский вопрос» оказался в центре внимания доклада Буллита, представленного им в комиссии по иностранным делам американского сената в сентябре 1919 г. «Разоблачения», сделанные Буллитом, как главой информационной секции делегации США на Парижской конференции, по поводу «секретных соображений, возникших при составлении мирного договора», произвели в Америке сенсацию³³. Пресса гадала, окажут ли эти разоблачения непосредственное влияние на конгресс США при рассмотрении им вопроса о ратификации мирного договора. Республиканская партия намеревалась придать заявлениям Буллита широкую огласку, чтобы возбудить американское общественное мнение против Лиги Наций, основываясь на словах Буллита, что делегаты Соединенных Штатов сыграли при заключении мирного договора весьма незначительную роль, к тому же, сделали это против своих убеждений.

В Бюллетенях Отдела Печати НКИД РСФСР, в частности в № 36 от 15/X 1919 г., печатались материалы об Уильяме К. Буллите (молодом американце, родом из Филадельфии, принадлежал к одной из старейших фамилий страны; остроумный журналист, он получил известность, поступил на службу в иностранный департамент и был взят в Париж с мирной делегацией Соединенных Штатов) и его «бомбе». На конференции Буллит поддерживал отношения с радикалами и социалистами; один из них, Линкольн Стеффенс, последовал за ним в марте 1919 г. в Россию. Стеффенс и осветил в иностранной комиссии Сената США историю мис-

³² Там же. С. 604.

³³ Бюллетень Отдела Печати НКИД. 1919. 23.X (№ 43) // АВП РФ. Ф. 56-6; The Daily Telegraph. 1919. 15.09.

сии Буллита. Его разоблачения произвели, как писали в прессе, действие разрывной пули и базировались на следующих фактах: как известно, в январе 1919 г. Ллойд Джордж предложил созвать представителей всех российских правительств в Париж; Вильсон предлагал созвать эту конференцию на Востоке; несмотря на противодействие Клемансо, выбор пал на Принцезы острова. Однако из-за интриг русских черносотенцев и французов конференция не состоялась. По секрету от других, но с ведома английских депутатов, Буллит был послан в Россию с проектом мирного договора с большевиками, который был выработан секретарем Ллойд Джорджа Ф. Керром с помощью полковника Хауза. Мирный договор должен был быть заключен на таких основаниях: враждебные действия прекращались немедленно, и каждое правительство оставалось у власти в своей области; подданные союзных держав имели свободное право въезда в Россию; предусматривалась обоюдная политическая амнистия; возобновлялись регулярные торговые отношения между Россией и зарубежными странами; войска союзных держав вводились из России с демобилизацией русских армий. Ленин послал с Буллитом ответ, в котором выражалось согласие на мирные переговоры на вышеприведенных основаниях. Полковник Хауз энергично поддерживал заключение мира на этих условиях, в Париже, разумеется, не опубликованных. Он беседовал по этому поводу с Ллойд Джорджем и генералом Смэтсом, который считал план неосуществимым. Вынужденный считаться с английским общественным мнением, Ллойд Джордж полагал, что этот план можно было бы осуществить, если бы удалось убедить кого-либо из влиятельных деятелей консервативной партии посетить Россию, например, лорда Сесия, генерала Смэтса или лорда Солсбери. Ллойд Джордж порекомендовал Буллиту опубликовать его предложение, но сделать это не удалось, а несколько дней спустя Ллойд Джордж заявил в нижней палате английского парламента, что «он что-то такое читал в газетах о мирных предложениях Советской России»³⁴. После этого Керр пришел с извинениями к Буллиту и объяснил, что когда Ллойд Джордж возвратился в Англию, намереваясь выступить на защиту мира с Советской Россией, то лорд Нортклиф (газетный король, владелец *The Times*, *Daily Mail* и др.) и Черчилль собрали консервативное большинство, чтобы выразить недоверие премьеру. На заседании сенатской комиссии Буллит

---

³⁴ АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 30. П. 4. Л. 117.

сказал: «Имея дело с Ллойд Джорджем, мы должны помнить, что ни на одно публично им выраженное мнение нельзя полагаться»³⁵. После доклада Буллита республиканская партия посчитала, что приобрела отличные козыри против Вильсона.

Официальный протокол доклада, сделанного Буллитом в комиссии внешних сношений американского сената 12 сентября 1919 г. о его пребывании в России, был опубликован в газете *The Times* 13 ноября 1919 г. и помещен Отделом Печати НКВД в Бюллетене № 61 от 18 ноября 1919 г. В докладе содержались наблюдения Буллита, дополненные впечатлениями его ассистента, капитана Петтита из военной разведки, а также сведениями, полученными от Стеффенса и других лиц, находившихся в то время в Советской России. Буллит пробыл в России всего неделю, но сумел определить, что «разрушительный период революции прошел», «террор прекратился», «смертные приговоры исключительно редки», «растрелы прекратились, грабежей мало, проституция исчезла, семейная жизнь не изменилась, уважение к женщине никогда так высоко не стояло, открылись тысячи новых школ». С его оценками был солидарен Петтит, писавший, что приходившие из России сведения о царивших там жестокости и безнравственности вымышлены, жить в Петрограде гораздо безопаснее, чем в Париже: фактически нет ограблений, исчезли толпы проституток, террор окончен. По словам Стеффенса, Россия достигла состояния внутреннего равновесия, во всяком случае он считал, разрушительный фазис революции миновал: был виден порядок, не было слышно ни о каких волнениях; исчезли грабежи и проституция, повсеместно соблюдалось запрещение спиртных напитков; разрушительный дух революции сделал свое дело; вожди большевизма стали вождями всего народа.

Буллит и его спутники были единодушны во мнении, что советская форма правления в стране прочно установилась и пользуется поддержкой народа; оппозиция коммунистам исходила только от более радикальных партий — левых эсеров и анархистов, требовавших истребления всей буржуазии и немедленного объявления войны неревolutionционным правительствам. Петтит был все же более умерен в своих оценках, считая правительство большевиков не менее сильным, чем царское, он отметил рост должностных преступлений, необразованность и безнадежное стремление помещать проводимым правительством идеям со стороны многих лю-

---

³⁵ Там же.

дей. В Петрограде, отметил он, не менее половины населения были членами коммунистической партии.

Все трое отмечали высокий престиж лидера большевиков. По мнению Буллита, Ленин наполовину был готов идти навстречу западным державам, находясь в правом крыле политической жизни России; готов был идти на компромиссы, несмотря на то, что, с точки зрения социалистов, они были нежелательными. Он отказался от полного аннулирования внешних долгов; санкционировал концессию. Если Троцкий и генералы, по мнению американцев, проводили военно-наступательную политику, то Ленин и его сторонники защищали соглашение с Соединенными Штатами, заключенное «ценой компромисса с принципами коммунистов», и признавали необходимость оплаты иностранных долгов и предоставления иностранцам концессий для получения кредитов. Ленинской «гибкостью и восприимчивостью» был поражен и Стеффенс, считавший, что советская форма правления в стране установилась, но демократической она не являлась. По его мнению, это было наиболее самодержавное правительство, какое ему приходилось встречать; Ленин был больше отдален от народа, чем в былое время царь, но откровенно это признавал. Ни один советский работник, как считал Стеффенс, не был сторонником Советов в той форме, в какой они в то время существовали. Этот взгляд разделял, по мнению американца, и сам Ленин, считавший, что «теперь диктатура».

«Положение Ленина почти соответствует положению диктатора, — сообщал и Буллит, — о нем созданы легенды, на него смотрят почти как на пророка, считая недосягаемым; Троцкого же считают принадлежащим к низшей категории смертных». По мнению Стеффенса, оппозиции коммунистическому правительству больше не существовало: влияние левых эсеров было незначительно; меньшевики и правые эсеры надеялись на парламентские и другие методы избавления от коммунистов, но пока существовала угроза иностранного вмешательства, они помогали большевикам. По утверждению Стеффенса, лидеры последних жалели и стыдились красного террора, предпринятого в качестве ответной меры на террористические методы, к которым прибегли противники Ленина. Буллит и Петтит называли разное число жертв красного террора. Так, Буллит писал, что в течение всего владычества Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией смертной казни было подвергнуто около 1500 человек в Петрограде, 500 — в Москве и 300 — в остальной России; в целом — 5000 человек. Петтит, осно-

вываясь на сведениях, полученных от петроградских властей, называл общее число жертв — 3200 человек.

Рассказывая, что же такое марксизм на деле, Буллит отметил, что каждый мужчина, женщина и ребенок в Москве и Петрограде страдали от недоедания, в городах полностью отсутствовали лекарства, свирепствовали эпидемии тифа и оспы. Петтит также утверждал, что из миллионного населения Петрограда, по сведениям Комиссариата Здравоохранения, 200 тыс. человек больны, из них 100 тыс. лежали в больницах и дома, а другие 100 тыс. с отмороженными конечностями были еще в состоянии посещать общественные столовые. Но при этом театры, опера и балет процветали, как и в мирное время. Тысячи новых школ открылись во всех частях России. Дети, как и взрослые, смотрели пьесы, оперы, балет «в сопровождении инструкторов». Стеффенс писал о том, что видел: «В народе, очевидно, по недомыслию, иногда, как будто сожалеют о падении самодержавия, так как люди уже привыкли работать и жить при старом режиме и могли в нем ориентироваться; люди богатые его оплакивают, но даже голодный бедняк думает о том, как хорошо было бы пойти на рынок и снова получить там все необходимое за прежнюю плату. Тогда они питались, теперь это закончилось». Привилегированные классы, правительственные служащие, солдаты Красной армии, актеры и др. получали в три раза больше, чем «класс тунеядцев», чья порция была недостаточна для существования, отмечал Стеффенс, этому несчастному классу разрешалось покупать пищу тайно и по высоким ценам в расчете, что его капиталы скоро истощатся. Это все было настолько тяжело, что крестьяне восстали и вместе с рабочими стали ругать новую власть. Однако, по мнению американца, это трагическое положение было «предусмотрено» вождями революции. Так, Ленин, которого он называл то идеалистом и ученым, то мрачным реалистом, предвидел будущее общества при социалистическом строе. Лидер большевиков воспользовался государственным монопольным контролем над прессой и старой армией революционеров-пропагандистов, чтобы переложить вину за страдание России с революционного правительства на войну, блокаду. Стеффенс писал, что русские воображают, что если Россия будет процветать, то и весь мир будет процветать, хотя Россия и погрязла в нищете. С ним был солидарен и Буллит, утверждавший, что хотя женщины и готовы голодать, а молодые люди умирать за советскую власть, тем не менее большевизм является такой формой правления, при которой возможно возникновение самых больших злоупотреблений и тирании.

Хотя Ленин и умеренные круги коммунистического правительства и просили о мире, но, как считал Стеффенс, делали это не потому, что им лично был нужен мир, мир был необходим стране в то время настолько, что большевиками выражалась готовность отказаться от пропаганды. Буллиту и Стеффенсу было сказано: «Дайте нам, русским, проделать наш опыт, тогда ваш народ может за нами последовать, если захочет иметь то, что имеем мы»; при этом выражалась готовность «распространить революционную гражданскую войну по всей Европе и по всему миру». Несмотря на все увиденное им в Советской России, Стеффенс (как и Буллит, и Петтит) не сомневался, что большевикам надо «позволить их опыты»; нужно заключить с ними мир, но не из боязни перед ними, а из чувства сострадания к русскому народу.

Во Франции первой опубликовала «разоблачения» Буллита в американском сенате по «русскому вопросу» газета *Le Populaire*. МИД Франции счел их «преувеличенными»³⁶. Это уже было полупризнание (поскольку они отрицались); не скрывалось и обсуждение союзным Советом «русского вопроса». Газеты сообщали, что было решено не мешать русским революционерам в их стремлении к благу страны; но авторы публикаций признавали, что в поведении союзных правительств по отношению к России оставалось еще много недосказанного.

Третий – Коммунистический

Попыткой предотвратить создание «нового мирового порядка», который вырабатывали на Парижской мирной конференции представители западных стран без участия России, было создание Лениным в марте 1919 г. Коммунистического Интернационала — Третьего, в ответ на воссозданный в Швейцарии Второй — Социалистический Интернационал. Со 2 по 6 марта 1919 г. проходил первый конгресс Коммунистического Интернационала. Францию представлял на нем Жак Садуль (член французской военной миссии в Москве в 1918 г.). В своей речи о международном положении Николай Осинский (В.В. Оболенский), первый председатель ВСНХ РСФСР, сделал заявление, которое можно было бы назвать атакой на империалистическую конференцию в Париже: конференция попирает

---

³⁶ Бюллетень Отдела печати НКВД. 1919. 24.X (№ 43) // АВП РФ. Ф. 56-6.

«принципы национального самоопределения, выраженные в конституции советской федерации»; выдвинутая в Париже идея Лиги Наций — это схема, посредством которой Соединенные Штаты бросают вызов британским и французским колониальным интересам; в Париже царит «империалистический капитализм», он делает неизбежной дальнейшую гонку вооружений³⁷. Ленин говорил на конгрессе о победе пролетарской революции во всем мире, выдвинув задачу создания международной советской республики.

Свою главную задачу Коминтерн видел в том, чтобы опрокинуть буржуазный миропорядок «и воздвигнуть на его месте здание социалистического строя»³⁸. В дальнейшем Коминтерн стал действенным инструментом Москвы в ее влиянии на интернациональное коммунистическое движение. Состоявшийся в том же месяце VIII съезд партии принял новую Программу и специальную резолюцию, в которой всецело присоединился к платформе Коминтерна. Л.Н. Нежинский пришел к заключению, что «параллельно с образованием Коминтерна начался процесс, на долгие годы ставший составной частью международной деятельности советского государства, — не рекламируемое, но осуществляемое в нарастающих объемах бесконтрольное выделение большевистской верхушкой значительных материальных средств Исполкому Коминтерна на организацию революционных выступлений в других странах»³⁹. Так, 26 марта 1919 г. председатель Исполкома Коминтерна (ИККИ) Г.Е. Зиновьев сообщил на заседании Исполкома о решении ЦК РКП (б) выделить Коминтерну 1 млн руб. для покрытия его нужд⁴⁰. Однако этих денег оказалось недостаточно и сумма, выделяемая на нужды Коминтерна, была увеличена, в том числе и за счет экспроприированных у российской буржуазии и аристократии драгоценностей. Как писал Нежинский, «с самого начала вся организационная структура Коминтерна была взята на полное финансовое обеспечение ЦК РКП (б) (т.е. фактически за счет государственных средств Советской России), вплоть до того, что все годовые расходные сметы Коминтерна рассматривались и утверждались на заседаниях Политбюро ЦК»⁴¹.

³⁷ См.: *Уткин А.И.* Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М., 2004. С. 396.

³⁸ Коммунистический Интернационал в документах, 1919—1932. М., 1933. С. 60.

³⁹ *Нежинский Л.Н.* В интересах народа или вопреки им?: советская международная политика в 1917—1933 годах. М., 2004. С. 67.

⁴⁰ Коминтерн и идея мировой революции: документы. М., 1998. С. 118.

⁴¹ *Нежинский Л.Н.* Указ. соч. С. 68.

Большую роль в функционировании всего государственного механизма выработки и принятия главных внешнеполитических решений страны сыграло создание на VIII съезде РКП (б) в марте 1919 г. Политбюро ЦК. Без его санкции не принималось ни одного важного решения в области как внутренней, так и внешней политики. Несмотря на то, что внешнеполитические вопросы занимали немало внимания Политбюро, ни Чичерина, ни его ближайших коллег в его составе не было. Более того, не возникло даже мысли об их «приближении» к Политбюро, поскольку в среде высшей партийной верхушки они не считались, по разным причинам, «стопроцентными большевиками»⁴². Конечно, Чичерина или его заместителей приглашали на те заседания Политбюро, на которых обсуждались вопросы внешней политики, но при вынесении окончательного решения их мнение учитывали далеко не всегда. Тем не менее Чичерин и все сотрудники НКВД вынуждены были подчиняться всем исходившим из Политбюро указаниям.

Четкой картины происходившего в России в то время на Западе не было. В России между тем шли кровавые бои Гражданской войны, охватившей огромную территорию. 3 марта 1919 г. начали наступление на отряды Красной армии немецкие «свободные корпуса» под командованием генерала Р. фон дер Гольца, в течение десяти дней захватившие Латвию и Литву. Советская Россия в результате создания немцами так называемого германского оборонительно-наступательного «вала» в Восточной Европе (протянувшегося от Литвы на Гродно, далее на Брест-Литовск и на Ковель, затем от Карпат почти до Киева) оказалась полностью изолированной от Запада.

В Европе в насыщенных событиями марте 1919 г. произошло провозглашение Венгерской и Баварской советских республик. Но для их поддержки необходимой по численности армии в Советской России не оказалось: все силы были брошены на борьбу с внутренними врагами на фронтах Гражданской войны. Поэтому в противовес Троцкому и его сторонникам в большевистских «верхах» возникла группа, которая, не отказываясь открыто от лозунгов революционной войны, все же считала, что война за пределами России не является делом ближайшего будущего, поскольку массовую армию можно и нужно создать, включая в нее крестьян-середняков, пока еще не воспринявших эту идею⁴³. Позднее, 5 августа 1919 г., после падения Вен-

---

⁴² Там же. С. 69.

⁴³ Там же. С. 76.

герской советской республики, Троцкий направил в ЦК секретный меморандум, в котором ставил вопрос о необходимости переориентировать внешнюю революционную активность Советской России на Восток, поскольку, по его мнению, большие события на Западе могут грянуть нескоро, так как «инкубационный подготовительный период революции на Западе может длиться еще весьма значительное время». Учитывая изменившуюся международную ситуацию и полагая, что на азиатских полях мировой политики Красная армия является несравненно более значительной силой, чем на полях политики европейской, он призывал партийно-государственное руководство республики «стать лицом к Востоку», ибо «дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию», поэтому необходимо поддержать план «создания конного корпуса (30—40 тыс. всадников) с расчетом бросить его на Индию», который, по его словам, предложил «один серьезный военный работник»⁴⁴.

В ноябре 1919 г. Ленин продекларировал на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока, что «революционное движение народов Востока может сейчас получить успешное развитие», в связи с чем «теперь нашей Советской Республике предстоит сгруппировать вокруг себя все просыпающиеся народы Востока, чтобы вместе с ними вести борьбу против международного империализма»⁴⁵. В Индию, как известно, Красная армия не пошла.

Тем временем на конференции в Париже обострились разногласия между победителями: Великобритания и доминионы стремились поделить германское и турецкое наследство, Франция — демобилизовать Германию, нейтрализовать ее военную промышленность и осуществлять над ней контроль; малые страны требовали для себя определения с максимальным приращением своей территории. Несмотря на это, на конференции зарождалась новая международная организация. Игнорируя крупнейшие мировые силы — Советскую Россию и Германию, Лига Наций не могла называться в полном смысле мировой организацией, но это, безусловно, было новое слово в дипломатической практике. 14 февраля 1919 г. президент Вильсон представил устав Лиги Наций на пленарной сессии конференции. Руководил ею Совет из представителей

---

⁴⁴ Цит. по: Там же. С. 77.

⁴⁵ Там же. С. 78.

пяти великих держав (США, Великобритании, Франции, Италии, Японии) и четырех выборных представителей малых стран. Англичане, которые одобрили Устав, не испытывая симпатии к идее мировой организации, не хотели выступать против самой мощной индустриальной страны мира — США.

«Русский вопрос» оставался на первом плане обсуждения мирной конференции. За строительство барьера вокруг России выступал Ж. Клемансо. У. Черчилль, замещавший в Париже Ллойд Джорджа, был сторонником военного вмешательства в русские дела. С его точки зрения, Россия на карте Европы представляла собой восточный европейский противовес. Если предоставить России самой себе, то через пять-десять лет Германия оказывала бы на Россию преобладающее влияние, меняя в свою пользу ситуацию во всей Европе. Если же не сделать Россию вообще частью Европы и другом западных союзников, то «в мире не будет ни мира, ни победы»⁴⁶. Черчилль предложил создать единый союзный совет по русским делам, который состоял бы из политической, военной и экономической секций. Военная секция должна была подготовить план совместных действий против большевиков. Но идею создания такого совета никто не поддержал, хотя к совместной интервенции в России стал призывать и Вильсон. То, что империалистические противоречия не позволили интервентам создать единый фронт, в немалой мере облегчило Советской России «разрыв удушьяющего кольца интервенции»⁴⁷.

На фронте «мировой революции»

В феврале 1919 г. через Вильно Красная армия вышла к границам Пруссии. «Круг замкнулся, — заявил в начале февраля К. Радек, — только Германия, самое важное звено, все еще отсутствует»⁴⁸. В. Марковский 26 января 1919 г. писал из Берлина, что учитывая все настроение в Германии, «считаю своим долгом предостеречь от каких-либо попыток действительного вторжения Красной армии на территорию Пруссии. Это было бы только на руку реакционным партиям и повредило бы сильно коммунистической и незави-

⁴⁶ Уткин А.И. Указ. соч. С. 365.

⁴⁷ Там же. С. 401.

⁴⁸ Цит. по: Фельштинский Ю.Г. Крушение мировой революции. Брестский мир, октябрь 1917 — ноябрь 1918. М., 1992. С. 529.

симой партиям среди революционного германского пролетариата. Психологический момент для успешного вмешательства русского революционного пролетариата в борьбе германского пролетариата против своей буржуазии, еще не настал — следует избегать всяких действий, которые могут быть употреблены реакционерами и генералами для успешной агитации в пользу вступления в пограничную армию»⁴⁹. Всяческие действия Красной армии в сторону Восточной Пруссии только усилили бы чувство патриотизма в Германии, продолжал Марковский. Мелкобуржуазное население и часть рабочих были уверены, что Красная армия действительно намеревалась вторгнуться в пределы Германии для оказания вооруженной помощи коммунистической партии. Только этим объяснялся успех, которым пользовался лозунг защиты восточной германской границы. Особую популярность этот лозунг приобрел после восстания революционных рабочих, которое повсеместно в Германии представлялось шейдемановцами и буржуазией как дело рук русских агитаторов. В дни восстания в Германии усиленно муссировался слух: русские отряды вторглись в Восточную Пруссию и идут в Берлин. Население этому, видимо, верило.

Травля всего русского, сообщал Марковский, неописуема. В такой атмосфере делу революции могла помочь только крайняя осторожность и четкое разъяснение русского правительства, что оно никогда не думало и не думает занять ни одной пяди германской территории. Оно послужило бы противовесом пангерманской агитации. «Если удастся достичь замедления формирования пограничной армии из-за уменьшения наплыва добровольцев, — советовал Марковский, — то будет оказана большая услуга революционному пролетариату»⁵⁰.

В письме содержалась также важная информация о российском бюро военнопленных в Германии, помещение которого 16 января 1919 г. было разгромлено белой гвардией. Здание посольства было занято ею еще 10 января, и отправку российских военнопленных взяла на себя комиссия по делам военнопленных держав Согласия, находившаяся в Берлине. При подписании в Триере нового соглашения по продлению перемирия между Германией и державами Согласия, последние внесли в договор такой пункт: «Комиссия держав Согласия, находящаяся в Берлине, по делам военнопленных

---

⁴⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. Д. 1035. П. 73. Л. 10.

⁵⁰ Там же. Л. 11—12.

держав Согласия, образует комиссию для контроля над русскими военнопленными, находящимися в Германии. Эта комиссия, с местопребыванием в Берлине, уполномочена, согласно инструкциям правительств держав Согласия, разрешать все вопросы, касающиеся русских военнопленных, непосредственно с германским правительством»⁵¹. Цель этого мероприятия, по мнению автора депеши, была ясна: ни один русский военнопленный не будет отправлен в Россию до тех пор, пока не будет обеспечена гарантия, что он не подпадет под большевистское влияние. Марковский предлагал заявить решительный протест против подобной узурпации прав законного правительства другого народа державами Согласия и потребовать от Германии гарантии безопасности для российского бюро военнопленных и его права отправлять военнопленных по своему распоряжению.

Тем временем приходили все новые и новые сообщения о российских военнопленных в Германии. Прибывавшие на Восточный вокзал в Париже несчастные военные и гражданские пленные, отмечалось в одном из сообщений, были живым доказательством преступления перед человечеством, за которое Германия должна ответить перед всем миром. Большинство из них страшно страдало от голода. Они просили только об одном и выражали только одно желание — есть. Месяцами они испытывали жестокий голод, и их желудок был так сужен, что их приходилось сажать на паек⁵². Большая часть их, по-видимому, впала в глубокое отчаяние, некоторые казались безумными; многие были в лохмотьях, в деревянных башмаках; военнопленные из лагерей с ужасом говорили о тех, кто работал в шахтах под постоянной угрозой кнута: немцы проявляли по отношению к ним и к пленным союзников утонченную и постоянную жестокость. Многие умерли от истощения и лишений как мученики, говорилось в другом сообщении, об этом не следовало забывать, однако многие, как оказалось, были склонны к снисходительности.

Не следовало забывать и о русских солдатах, остававшихся во Франции. Между советским и французским правительствами шла нотажная переписка по поводу обмена русских, находившихся во Франции, на французов, находившихся в России. В Париж для организации возвращения на родину русских солдат была отправлена делегация Российского Красного Креста во главе с Д.З. Мануильским.

---

⁵¹ Там же. Л. 12.

⁵² Там же. Л. 15.

Репатриация военнопленных и миссия Д.З. Мануильского

Еще 7 февраля 1918 г. советским правительством было подписано Соглашение с Германией и ее союзниками о возвращении на родину их раненых и больных военнопленных⁵³. Для реализации этого соглашения после подписания Брестского мира в течение весны — лета 1918 г. были созданы Русско-Германская и Русско-Австрийская комиссии по обмену военнопленными. Но в ноябре Соглашение по обмену пленными было аннулировано. За время участия России в Первой мировой войне русская армия взяла в плен около 2 млн солдат и офицеров противника. К концу 1918 г. основная часть их либо рассеялась по фронтам Гражданской войны, воюя и за красных, и за белых, либо самостоятельно возвратилась на родину, минуя демаркационные линии и воинские кордоны. Многие умерли в плену от ран и болезней или были ранее репатрированы в связи с полученной инвалидностью как на родину, так и в нейтральные или союзные страны. Тем не менее на территории Советской России оставались еще тысячи военнопленных, требовавших возвращения домой. Поэтому в апреле 1920 г. Москва и Берлин подписали очередное Соглашение по военнопленным, дополненное документом от 7 июля 1920 г., согласно этим договоренностям, в Москве учреждалась немецкая миссия по делам военных и гражданских пленных, в Берлине — соответствующая русская миссия⁵⁴. После 1 марта 1922 г. бесплатная доставка германских репатриантов на родину прекращалась.

Договор с Австрией, аналогичный соглашению с Германией, был подписан в Копенгагене 5 июля 1920 г. В нем специально оговаривалось, что австрийское правительство будет соблюдать нейтралитет в возможной войне против России, запретит поставки и перевозку через свою территорию оружия всех видов, боевых припасов и военного имущества. Кроме того, Австрия предоставляла право свободного передвижения находившимся в стране народным комиссарам бывшего венгерского советского правительства. Бесплатная доставка бывших австрийских военнопленных до границы прекращалась с 31 августа 1922 г.⁵⁵ Преобладающим видом реэвакуации стал самостоятельный отъезд военнопленных. Всего на начало 1920 г. на территории Европейской России насчитывалось около 19 тыс. бывших

⁵³ ДВП СССР. М., 1957. Т. 1. С. 174—177.

⁵⁴ Белова И.Б. Долгая дорога домой // Военно-исторический журнал. 2013. № 1. С. 68.

⁵⁵ Там же. С. 69.

вражеских военнопленных. По неполным данным Центропленбежа, собранным в январе 1920 г., количество военнопленных в Сибири было в 5 раз больше, чем в Европейской России; в Туркестане находились еще около 10 тыс. человек⁵⁶. К 1920 г. более 90% бывших военнопленных Первой мировой войны либо покинули Советскую Россию, либо погибли в 1918—1919 гг. от эпидемий и на полях сражений Гражданской войны. Основной формой их легальной репатриации стал выезд за собственный счет, причем с 1922 по 1924 г. эта форма возвращения на родину была единственной. Плановые бесплатные эшелонные групповые отправки закончились, едва начавшись, так что процесс возвращения остававшихся в Советской России 130 тыс. военнопленных продолжался в течение 5 лет⁵⁷.

Французское правительство приняло условия обмена русских солдат, находившихся во Франции (на основании франко-русского соглашения 1916 г. «проданных за снаряды» и принимавших участие в боях на самых ответственных направлениях Западного фронта, а в дальнейшем оказавшихся заложниками политических событий), — на французских — в России. Однако процесс этот оказался весьма непростым, как и работа миссии Д.З. Мануильского, созданной для контроля за репатриацией русских солдат.

Гражданская война в России трагически сказалась на судьбе тысяч русских солдат, оторванных от родины. Во Франции их воспринимали как представителей большевистской России, а сами они все больше ощущали себя военнопленными⁵⁸. Английское правительство противилось возвращению в Россию воинских контингентов. По его настоянию, репатриация неоднократно приостанавливалась. Однако первая партия репатриантов из Франции — инвалидов и освобожденных от воинской повинности, состоящая из 711 солдат и офицеров, дополненных в Англии гражданскими лицами и экипажем реквизированных Англией русских кораблей, — была подготовлена при содействии военного министерства Великобритании в марте 1918 г. и доставлена в Мурманск 20 апреля на английском пароходе «Хартсенд»⁵⁹.

Проблема репатриации русских солдат из Франции была затронута в июле 1918 г. во время встречи французских и английских диплома-

---

⁵⁶ Там же. С. 71.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Подробнее см.: *Попова С.С.* Судьба русского экспедиционного корпуса во Франции после революции в России // *Россия и Франция, XVIII—XX века.* М., 1995. Вып. 1. С. 196—216.

⁵⁹ Там же. С. 202.

тов с Г.В. Чичериным в связи с отъездом их военных миссий из России. 13 августа генконсул Франции в России Гренар через шведского представителя в России передал в МИД Франции сообщение, что Чичерин дал письменное обязательство обеспечить отъезд французского персонала, если французское правительство согласится на участие в репатриации русских Международного Красного Креста и трех представителей советского Красного Креста. МИД Франции дал такое согласие⁶⁰. Советское правительство добивалось возвращения русских солдат через Швейцарию, но Франция этот путь отвергла, так как для этого требовалось согласие Германии. Единственно возможной представлялась репатриация через северные порты России при содействии Великобритании. В августе 1918 г. после ареста Б. Локкарта возвращение английских и французских дипломатов было поставлено в прямую зависимость от освобождения и возвращения на родину полпреда в Великобритании М.М. Литвинова и персонала советского полпредства, а бывшей французской военной миссии — от репатриации русского экспедиционного корпуса, конкретно — от того, когда делегация Советского Красного Креста во Франции сообщит, что первый поезд с русскими солдатами прибыл в Швейцарию.

В октябре 1918 г. весь персонал французского консульства и военного атташе в России вернулся на родину, кроме трех лиц, не признанных советской стороной в качестве дипломатов (Э. дю Кастель, Дарси и А. Мазон). Не вернулись во Францию и несколько десятков французов, арестованных по обвинению в заговоре против советской власти. Это поставило под вопрос репатриацию почти 40 тыс. русских военных.

Переговоры о репатриации русских солдат тем временем продолжались. 8 октября 1918 г. из России во Францию были отправлены три представителя Советского Красного Креста для контроля за эвакуацией русских солдат, но во Францию их не пустили из-за опасений в распространении большевистской пропаганды. От участия в переговорах с советским правительством о репатриации русских солдат через свою территорию отказалась и Швейцария. Советское правительство в очередной раз обратилось к правительству Франции с просьбой допустить на его территорию миссию Красного Креста в новом составе во главе с Д.З. Мануильским.

Поскольку первая партия из русских военных и гражданских лиц была уже сформирована и на начало января 1919 г. была назна-

---

⁶⁰ ДВП СССР. Т. 1. С. 422.

чена дата ее отправки, стороны договорились, что после ее приезда в Россию пароход «Мегаллас Геллас» заберет часть французских заложников и миссию Мануильского. 16 января 1919 г. первая партия русских репатриантов на этом пароходе покинула порт Дюнкерка, а 22 февраля туда прибыл пароход «Русь» с новой советской миссией и французскими гражданами.

В полученной 26 января 1919 г. из Парижа телеграмме министра иностранных дел Франции С. Пишона в адрес народных комиссаров⁶¹ сообщалось, что сведения о русских солдатах на корабле «Мегаллас Геллас», как военнопленных, вернувшихся из Германии, не точны. 1150 русских, находившихся на нем, принадлежали к прежнему контингенту русских солдат, сражавшихся во Франции. Возвращение их на родину предполагалось осуществить «в течение прошлого лета до истекшего ноября». Французское правительство изучало, как следует из текста телеграммы, возможности высадки русских в Либаве и доставки их по железной дороге до конечной станции, доступной для советских поездов. С этой целью были даны инструкции французскому министру в Копенгагене, но так как путь мог представлять затруднения, то французское правительство продолжало считать Ревель портом обмена, при условии, чтобы народные комиссары пользовались ледоколами Петроградского узла. «Ермак», например, мог бы совершить рейс Петроград — Ревель.

В ответ на радиограмму из Москвы от 27 января 1919 г. французское правительство 29 января сообщило, что у прибалтийских государств и союзных правительств запрошены все гарантии для обеспечения безопасности русских судов, которые должны прибыть в Ревель, и безопасности обмениваемых русских солдат. Переговоры с этой целью были начаты французским посланником в Копенгагене, которому поручалось решить конкретные вопросы, связанные с проведением обмена. Французское правительство подтверждало также заверения, которые оно уже дало относительно личной неприкосновенности представителей Российского Красного Креста, которые должны прибыть во Францию, однако напомнило, что эти представители могут быть высланы, если, прикрываясь своей гуманной миссией, они позволят себе какие-либо акты пропаганды во Франции⁶².

По поводу предоставления делегатам Российского Красного Креста права пользоваться шифром для переписки с Российским

⁶¹ АВП РФ. Ф. 136. Оп. 3. Д. 16. П. 2. Л. 23.

⁶² Там же. Л. 28—30.

Центральным Комитетом и права получения не подлежащей промотру почты, в телеграмме Пишона говорилось, что французское правительство не может брать на себя обязательства предоставить делегатам национального Красного Креста гарантии, которыми не обладали даже делегаты Международного Комитета в Женеве, не пользовавшиеся никаким особым иммунитетом и подчинявшиеся всем положениям, распространяемым на граждан иностранных держав. Если бы подобное право было дано другим лицам, как сообщалось, это означало бы признание за ними дипломатического характера, которым они никогда в таком случае не обладали.

3 марта 1919 г. Чичерин уведомил Пишона, что «основываясь на решительном требовании, направленном Российскому Правительству Миссией Российского Красного Креста в момент ее отъезда во Францию, и придавая выраженному ею пожеланию исключительное значение и особую важность», из-под стражи были освобождены французские военнослужащие, находившиеся в заключении. В ответ на просьбу Пишона дать разъяснения по поводу применения чрезвычайного революционного налога к гражданам иностранных государств⁶³, Чичерин заверил, что заключение с французским правительством соглашения о репатриации или об освобождении его подданных не будут ни в коем случае изменены или нарушены из-за его неуплаты. «В том, что касается обложения этим налогом в случаях, когда не затрагиваются вышеупомянутые соглашения, мы не можем рассматривать наши отношения с французским правительством как отношения на легальной основе, в то время как оно совершает на нас нападение и захватывает нашу территорию, и, следовательно, не можем сообразовать наше поведение с договорами, существовавшими до агрессии Франции»⁶⁴.

В ноте министру иностранных дел Франции от 11 марта 1919 г.⁶⁵ зам. наркома иностранных дел Л.М. Карахан констатировал, что Российское Советское Правительство освободило из мест заключения всех находившихся там граждан Французской Республики, не исключая шпионов, арестованных на месте преступления. Этот

⁶³ Декрет Совета Народных Комиссаров «О применении единовременного чрезвычайного революционного 10-миллиардного налога к гражданам иностранных государств», 25 января 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства. 1919. 30 янв. (№ 2). С. 27 (Ст. 27). Распечатан в Известиях Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов № 21 от 30 января 1919 г.

⁶⁴ АВП РФ. Ф. 136. Оп. 3. Д. 16. П. 2. Л. 16.

⁶⁵ Там же. Л. 20.

акт стал следствием ходатайства, возбужденного представителем Франции перед главой Российской Миссии Красного Креста во Франции Мануильским. Между тем, по сведениям прибывшей из Франции группы русских солдат, граждане России все еще подвергались бесчеловечному обращению, результатом которого были болезни, увечья и даже смерть. «Тяжкие страдания, причиняемые русским воинам во Франции, имеют единственным основанием то обстоятельство, что они не желали сражаться на французском фронте и добивались законнейшего права — возвращения на родину». Далее Карахан перечислял невероятные мучения, которые испытывали русские солдаты на территории Франции: «В одиночных, лишенных света с наглухо заколоченными окнами камерах каземата г. Безансона впроголодь томятся до 300 чел. русских солдат. Истерзанные жестокими страданиями, люди доходят до того, что кладут на рельсы под тачки руки и ноги для того, чтобы их отрезало, и этим путем надеются попасть в госпиталь и такой ценой стараются хоть на время избавиться от невыносимых нравственных и физических мучений. При таких же условиях гибнут в Марселе 100, Бордо 20, Бресте 15 чел., в тюрьмах Леваля, Ренна, Наварра, Клермонт-Феранда 150 ни в чем не повинных русских граждан. Потрясающую картину представляет жизнь русских узников на острове Экс. Здесь больше 300 чел., среди которых находятся главные поборники идеи возвращения на родину Я. Балтайс, М. Волков, Кидяев и Глоба. Они заключены в камерах старого замка Генриха IV, которые находятся ниже уровня моря. Отсутствие света и медицинской помощи, сырость и голод уносят жизнь 5—6 страдальцев ежедневно. На верную неминуемую смерть обречены русские граждане, сосланные в Африку. пытки их усугубляются тем, что при 50 градусной жаре и питании, состоящем из 200 гр. хлеба и кофе, даваемого раз в день, этим несчастным производят учение, взвалив на плечи им по мешку с песком, весом в 70 фунтов. Необходимым следствием этого режима является кровохаркание. Заболевших уносят и бросают без помощи. Места этих пыток Алжир, Оран, Афривиль, Крейдер»⁶⁶.

Основываясь на состоявшемся между Россией и Францией соглашении, советское правительство решительно настаивало на исполнении принятого на себя французским правительством обязательства, заключавшегося в немедленном освобождении всех русских солдат, находившихся в пределах французской территории.

---

⁶⁶ Там же. Л. 20 об.

17 марта 1919 г. был получен ответ МИД Франции по поводу обращения с русскими солдатами во Франции. Текст телеграммы за подписью министра иностранных дел Пишона гласил: «Сведения, данные Народным Комиссарам группой русских солдат, недавно вернувшихся из Франции, ни на чем не основаны и слишком абсурдны, чтобы заслуживать обсуждения. Фантастическое изображение их мучений внушено участью некоторых социальных классов в России при советском режиме, а не положением русских солдат во Франции, из которых ни один ни разу не подвергся дурному обращению. Никаких суровых мер по отношению к ним не было принято за их отказ сражаться на французском фронте, и режим, применяемый к некоторым смутьянам или зачинщикам беспорядков, которых мы весьма охотно отошлем обратно в Россию, нисколько не отличается от режима, применяемого к французам той же категории, и далек от всякой жестокости, что, впрочем, отлично знают бывшие русские революционеры, ныне Народные Комиссары, нашедшие в прошлом на территории республики самое великодушное убежище. Никогда по отношению к русским солдатам не совершались акты насилия, никогда они не лишались пищи. Французское Правительство остается при установленных условиях предложений обмена и возвращения на родину русских солдат и французских граждан»⁶⁷.

В состав миссии Российского Красного Креста, кроме ее главы — Д.З. Мануильского, входили И.Ф. Арманд и Я.Х. Давтян. В полученной 28 марта 1919 г. радиотелеграмме они сообщали об условиях, в которых находилась миссия: с момента приезда во Францию они были интернированы в Малё-Бен (недалеко от Дюнкерка), их охраняли и сопровождали во время выходов офицеры; вся корреспонденция подвергалась контролю. Не будучи в состоянии вступить в непосредственный контакт с соотечественниками, они не могли принять ни одного посетителя; радиотелеграммы подвергались ограничениям; были отвергнуты их просьбы иметь юридического советника и определенное место жительства в Париже, а также говорить без свидетелей с соотечественниками. Столь суровые меры по отношению к российским представителям Красного Креста были вызваны опасениями, навеянными паническими телеграммами французских дипломатических представителей в европейских странах, что целью приезда миссии являлись организация террористических актов против членов правительства Фран-

---

⁶⁷ Там же. Л. 40.

ции и других союзных стран и ведение большевистской пропаганды. В связи с этим прибывшая во Францию миссия Мануильского оказалась на положении арестованных.

«Одним словом до сих пор мы были в полной невозможности сделать чтобы то ни было для оказания помощи нашим соотечественникам и для организации их возвращения на родину и тем более для выяснения того, имеются ли русские заключенные в тюрьмах по политическим причинам», — констатировали члены миссии⁶⁸. Далее они перечисляли наиболее важные предложения, сделанные миссией французскими властями: радиотелеграммы миссии будут отправляться; она сможет посещать места, где находились русские граждане и говорить с ними в присутствии французских властей; русских будут информировать через печать о пребывании миссии, они смогут писать ей через посредство французского Красного Креста, миссия сможет без свидетелей говорить с теми русскими, кто будет уже посажен на пароход. После отъезда миссии защиту интересов российских граждан было предложено поручить представителю нейтрального Красного Креста. Также миссии было предложено продлить пребывание во Франции, в случае необходимости; ранее французское правительство полагало, что миссия будет завершена с отъездом на родину второй партии солдат 7 апреля 1919 г. на пароходе «Дюмон д'Юрвилль». Остальную часть русских солдат французское правительство брало обязательство возвратить на родину «в пределах имеющегося в его распоряжении тоннажа, как можно скорее», с условием, что французам будет предоставлено право свободно выехать из России, как только во Франции освободят заключенных по политическим причинам русских⁶⁹. Эти условия были переданы на рассмотрение руководству НКВД и Центральной Коллегии Российского Красного Креста для получения инструкций. В то же время миссия сообщала некоторые сведения о положении гражданских и военных лиц, часть которых находилась в тюрьмах и концентрационных лагерях за преступления, или «деликты, политические, военные, уголовные или в качестве нежелательных иностранцев». Миссии были переданы списки (по утверждению французов, полные) всех российских граждан, находившихся в тюрьмах и концентрационных лагерях. Французское правительство заявляло, что готово освободить всех находившихся

---

⁶⁸ Там же. Л. 51.

⁶⁹ Там же. Л. 52.

в тюрьмах по политическим мотивам, сомнительные случаи должны были стать предметом дискуссии. По сообщениям некоторых газет, русских солдат заставляли записываться в армию Деникина; 150 русских солдат были наказаны за отказ сражаться против советского правительства. Эти факты были приведены в палате депутатов Франции во время интерполяции социалистических депутатов по поводу военного вмешательства в России.

Свидетельств о фактах насильственной отправки солдат и офицеров в деникинскую армию, где отказывавшихся участвовать в боях расстреливали, сохранилось немало⁷⁰. В связи с репатриацией русских солдат в порты, находившиеся под контролем белых войск, Г.В. Чичерин неоднократно направлял ноты протеста правительству Франции⁷¹.

Французское правительство сообщало, что задержка в работах комиссии Красного Креста происходила, во-первых, из-за вопроса, поднятого радиотелеграммой правительства Франции 13 марта 1919 г. относительно чрезвычайного революционного налога, примененного в Москве к французам, а, во-вторых, претензий миссии Мануильского, выходящих за рамки ее полномочий, таких, как требования содействия адвоката, местопребывания в Париже (в Париже не было русских формирований), требования не подвергаться правилам цензуры и другим правилам, которым подчинялись французы и все иностранные общества, даже Международный Красный Крест⁷². Эти претензии укрепили опасения французов, что миссия Мануильского пыталась выйти из своей чисто гуманитарной роли, вынудив их принять меры предосторожности, дискуссии по которым были недопустимы. Французское правительство не признавало наличие во Франции русских политзаключенных и считало ложной информацию о принуждении российских солдат вступать в армию Деникина; отказалось оно и предоставить дополнительные льготы российской миссии.

В ответ на радиотелеграмму Пишона, полученную (частями) 28 марта и 3 апреля 1919 г. о положении миссии Русского Красного Креста во Франции и условиях возвращения на родину французских военных, оставшихся в России, Чичерин направил ему 4 апреля сообщение, в котором напомнил о цели, с которой миссия была отправлена. Так, 18 августа 1918 г., когда были определены условия

⁷⁰ См.: Попова С.С. Указ. соч. С. 211.

⁷¹ ДВП СССР. Т. 2. С. 218—219, 223—224.

⁷² АВР РФ. Ф. 136. Оп. 3. Д. 16. П. 2. Л. 53.

обмена граждан обеих сторон путем переговоров между Народным Комиссариатом Иностранных Дел и нидерландским посланником Удендиком, народный комиссар в отправленной последнему телеграмме указал, что французские военные получают разрешение покинуть Россию, когда русским военным при участии Международного Красного Креста и трех членов Русского Красного Креста будет разрешено возвращение из Франции на родину. В официальном заявлении НКВД от 6 сентября 1918 г. говорилось о том, что французские военные получают возможность покинуть Россию, когда русские солдаты при участии Международного и Русского Красного Креста «будут возвращаемы из Франции»⁷³. На основании этого соглашения народный комиссар 17 декабря в телеграмме на имя датского посланника Скавениуса, в ответ на повторные обращения французского правительства, заявил, что русское правительство вполне согласно на осуществление плана, предполагавшего посылку миссии Красного Креста с тремя русскими членами для организации возвращения русских солдат на родину. В ответ на запрос правительства Франции, Чичерин 12 января 1919 г. телеграммой на имя датского поверенного в делах Нордлинга информировал, что делегатами Красного Креста будут Мануильский, Арманд и Давтян и что им будет поручено организовать возвращение на родину русских из Франции. Их миссия заключалась в том, чтобы выработать план распределения возвращаемых русских по различным судам, установить даты их отъезда, морские и сухопутные пути их следования, разработать, таким образом, вместе с французскими властями весь план их перевозки; с другой стороны, они должны были добиться беспрепятственного возвращения в Россию для всех желающих вернуться русских и лично удостовериться, что ни одному из них в этом не отказано⁷⁴. Делегаты миссии должны были участвовать в подготовке списков подлежащих возвращению на родину русских, основываясь на выраженном каждым из них желании, и оказывать им всю необходимую помощь.

Между тем, как говорилось в послании Чичерина, миссия Русского Красного Креста во Франции «поставлена в невозможность» выполнять ту задачу, для которой она туда была отправлена: ни о каких льготах речи не было, были лишь непреодолимые препятствия. Кроме чисто гуманитарных, никаких других директив миссии Ма-

---

⁷³ Там же. Л. 28.

⁷⁴ Там же. Л. 28—29.

нуильского дано не было. Французское правительство не давало ей осуществить эту гуманитарную миссию, создав для нее такое положение, которое могло быть охарактеризовано как лишение свободы. Какую серьезную работу могла она выполнить, когда ей предлагалось в передаваемых подготовленных другими людьми списках отмечать подлежащих возвращению русских граждан, не допуская каких-либо отношений с самими заинтересованными лицами? В России же, наоборот, г. Россэ был в постоянном непосредственном контакте со всеми французами и мог составлять списки уезжавших в соответствии с желаниями самих заинтересованных лиц.

Миссии, недостаточно осведомленной о французских законах, содействие юридического советника было необходимо. По сообщению НКВД, в России все миссии иностранных Красных Крестов пользовались постоянным содействием юридических советников. Препятствия на пути возвращения русских граждан домой, так же, как и всякие акты произвола, жертвами которых они являлись, могли быть доведены до сведения миссии лишь в отсутствии официальных французских свидетелей. Заявление же французского правительства о том, что ни один русский не принуждался записываться в армию Деникина, и что во Франции нет ни одного русского, лишенного свободы по политическим причинам, не могло считаться достоверным без подтверждения самих заинтересованных лиц. «Мы рассматриваем, как политические, преследования, направленные против тех, кто отказывался продолжать сражаться после подписания мира между Россией и Германией, кто отказывался вступать в армии, борющиеся против Русского Советского Правительства, или кто отказывался выполнять непосильные принудительные работы или ехать в Африку»⁷⁵.

По данным НКВД, запись русских солдат в сражавшиеся против Советской Республики войска продолжалась, а тех, кто отказывался, подвергали наказаниям. Во всех переговорах начиная с августа 1918 г. указывалось, что освобождение французских военных в России обусловлено освобождением русских во Франции; в беседе с французским консулом Ш. Дюшеном 9 января 1919 г. зам. наркома Л.М. Карахан указал, что оставшиеся в заключении французские военные будут освобождены тогда, когда русские делегаты сообщат из Франции, что ни один русский там не лишен свободы. Французские военные были освобождены по ходатайству

---

⁷⁵ Там же. Л. 30.

миссии Мануильского, ручавшейся, что немедленно по ее приезде во Францию всех находившихся в заключении русских освободят. «Ввиду того, что это условие не выполнено и что миссия Мануильского оказывается сама в совершенной невозможности содействовать его выполнению, Русское Правительство в случае, если такое положение дел продолжится, увидит себя в печальной необходимости поставить французских военных снова в то положение, из которого они вышли лишь по просьбе миссии Мануильского. Необходимые условия для отъезда из России оставшихся французов могут считаться выполненными лишь тогда, когда при участии миссии Русского Красного Креста будет не только выработан детальный план перевозки русских на родину, но их возвращение домой будет также фактически в полном ходу»⁷⁶.

Французское правительство не могло оставить без ответа подобные утверждения и в своем сообщении 7 апреля 1919 г.⁷⁷ информировало, что возвращение русских солдат на родину происходит, и даже в настоящий момент пароход «Дюмон д'Юрвилль» готов к перевозке в Россию почти одной тысячи солдат. Начальник французской миссии, прикомандированный к делегатам Русского Красного Креста, как сообщалось далее, являлся также членом межминистеральной комиссии, на которую были возложены организация и исполнение процедуры возвращения на родину русских солдат. Никогда в предыдущих соглашениях не было речи о том, чтобы миссия Мануильского в соглашении с французскими властями вырабатывала план транспортировки. Впрочем, в то время выработать общий исчерпывающий план представлялось невозможным из-за ограниченного числа судов, недостаточного количества подвижного железнодорожного состава, а также недостатка продовольствия в Центральной Европе. Не могло быть и речи о разговорах между делегацией Русского Красного Креста и ее согражданами без свидетелей: такие же русские миссии в других странах пользовались подобными льготами, которые были им предоставлены правительствами, для того, чтобы вести активную революционную пропаганду, французское правительство не могло этого допустить. Следовало напоминание, что когда французы без объяснения причин были арестованы в России, советские власти разрешили посещения сестер Красного Креста только в присутствии свидетелей, и присут-

---

⁷⁶ Там же. Л. 59.

⁷⁷ Там же.

ствовавшие при этом русские солдаты во многих случаях требовали, чтобы разговор велся на русском языке; между тем те арестованные никогда не играли никакой политической роли, что нельзя сказать о членах делегации Мануильского. Требование о юридическом советнике, по мнению французских властей, также было ничем не оправдано для Русского Красного Креста.

Требование же освобождения «законно арестованных или осужденных русских граждан», предъявленные миссией Мануильского, касались не только преступлений политического характера, но и всяких преступлений военного характера (дезертирство, военные кражи и т.п.), и французское правительство приняло меры к помилованию и освобождению задержанных. Замедление в исполнении этой меры «зависит исключительно от отказа Советского Правительства вернуть на родину членов бывшей Французской военной миссии в России». Прения в палате депутатов Франции показали, что ни один русский не принуждался против своей воли записаться во французскую армию или в одну из армий, воюющих против советского правительства и что, напротив, глава французского правительства издал самый точный и строгий приказ в этом отношении⁷⁸. Кроме того, сообщалось, что французское правительство содержало и кормило «известное число русских солдат, совершенно отказывающихся работать, которые, впрочем, не подвергаются никакому бесчеловечному обращению».

Тон радиотелеграмм, которыми обменивались Франция и Советская Россия, становился все более резким: «Советское правительство отпустит всех без исключения французов, желающих покинуть Россию... В этом случае французское правительство немедленно освободит указанных миссией Мануильского лиц и незамедлительно переправит их в Россию вместе с большим числом русских солдат и добровольцев на “Дюмон д’Юрвилле”, который уже готов к отплытию. Кроме того, русской делегации дана будет возможность продолжить свое пребывание во Франции и выполнить возложенную на нее задачу при вышеозначенных условиях. Или же Советское Правительство задержит в России всех или часть наших граждан, и в этом случае миссия Мануильского будет отослана в Россию на “Дюмон д’Юрвилле”, который тогда возьмет исключительно русских солдат за исключением арестованных и осужденных. Французское Правительство оставит за собой пол-

---

⁷⁸ Там же. Л. 60.

ную свободу действия относительно возвращения на родину русских солдат, а также право принимать меры репрессии в ответ на акты, от которых пострадают наши граждане в России»⁷⁹. В связи со скорым отплытием парохода «Дюмон д'Юрвилль» правительство Франции ожидало срочного ответа советского правительства, который и был получен на следующий день, 8 апреля 1919 г. В нем говорилось, что прошел год с того момента, когда НКИД начал обращаться к французскому правительству с настоятельными требованиями возвращения домой русских солдат, оставшихся во Франции, и хотя для этой цели в течение определенного времени мог быть использован путь через Швейцарию и Германию, французское правительство ни разу не дало в ответ ничего, кроме неясных обещаний. Лишь после того, как свободы были лишены французские офицеры и некоторые гражданские лица, правительство Франции быстро решилось приступить к осуществлению требований. Ко всему, что уже было известно о судьбе русских солдат, сосланных в Африку, в радиограмме Чичерина от 8 апреля сообщалось, что зачастую для наказания тех из них, кто был не в состоянии выполнять непосильную работу, их принуждали целыми днями ходить под тропическим солнцем с тяжелым мешком, наполненным песком или камнями на спине, осыпая ударами, если они в изнеможении падали на землю, или привязывая веревкой к лошади араба, влекущего их за собой по песку. Некоторые оставались по 4 дня без всякой помощи; положение же тех солдат, которые были заперты в тюрьмах на острове Экс, в Марселе, Бресте, Бордо, Рене, Новере, Клермон-Ферране, могло быть охарактеризовано как медленная и мучительная казнь. Сообщал нарком и о многочисленных фактах бесчеловечного отношения к инвалидам, настойчиво требовавших возвращения на родину. «Что же касается принудительных работ, которым подвергаются русские солдаты во Франции, мы знаем о них то, что в рабочих ротах, рассеянных по всей Франции, голодные, лишённые врачебной помощи, имея своим единственным жилищем сараи и сырые подвалы, они принуждены исполнять превышающую человеческую силу работу под угрозой самых варварских наказаний вплоть до ссылки в Африку или в дисциплинарные роты, в которых их заставляют работать прикованными к тачкам». Отказ же французских властей допустить проверку этих фактов миссией Русского Красного Креста в условиях, обеспечивавших полную

---

⁷⁹ Там же. Л. 35.

откровенность со стороны всех дающих показания, могло рассматриваться, как скрытое признание верности этих обвинений. В беседах НКВД с иностранными представителями Франции всегда говорилось о том, что члены Русского Красного Креста, которые отправятся во Францию, будут участвовать в выработке плана перевозки русских на родину и руководить его осуществлением. «Тем более непонятным является для нас проведение аналогии между миссией Мануильского, официально допущенной во Францию в качестве миссии Красного Креста, и теми лицами, которые в России были по определенным причинам лишены свободы», — писал Чичерин, напомнив, что несколькими судебными процессами был установлен факт участия иностранных военных в России в заговорах с целью низвержение правительства. Русские солдаты, подвергавшиеся во Франции жестоким преследованиям, в совершении каких-либо подобных актов никогда заподозрены не были. Военнопленные держав Согласия, находившиеся в РСФСР, пользовались широкой свободой, могли ходить по городу, посещать клубы и театры. Несмотря на то, что свидания миссии Русского Красного Креста даже с гражданскими лицами, не подвергавшимися никакому обвинению, могли происходить лишь в присутствии французского представителя Красного Креста, тем не менее, Русское Советское Правительство до такой степени ставило свое желание добиться реальных результатов в вопросе возвращения соотечественников на родину выше всего остального, что готово было согласиться даже на столь преувеличенные требования, говорилось в сообщении. Итак, «Русское Советское Правительство выразило готовность» допустить возвращение домой всех французских военных и гражданских лиц, желавших уехать во Францию, после того, как миссия Мануильского посетит все тюрьмы, концентрационные лагеря, дисциплинарные комиссии и другие места заключения русских солдат и гражданских лиц, причем им будет предоставлена возможность говорить со всеми пленными даже в присутствии представителя французского Красного Креста, и после того, как миссия Мануильского успеет выработать общий план перевозки русских из Франции (осуществление его должны были гарантировать правительства Северо-Американских Соединенных Штатов и Великобритании). Чтобы сдвинуть вопрос с мертвой точки, Чичерин сообщал, что «Русское Советское Правительство готово постепенно возвращать на родину желающих вернуться во Францию французских граждан по мере возвращения российских граждан из Франции с соблюдением каж-

дый раз одной и той же пропорции между количеством возвращаемых на родину и общим количеством граждан обеих стран, находящихся в России и Франции»⁸⁰.

Министр иностранных дел Франции Пишон в радиотелеграмме от 12 апреля 1919 г.⁸¹ сообщал, что французское правительство считает исчерпанной полемику по поводу «недобросовестных и лишенных здравого смысла утверждений относительно дурного обращения, которому якобы подвергаются российские граждане во Франции. Оно констатирует, что Советы не выставляют никакого предложения, могущего повести к достижению соглашения». Объезд французских тюрем и других мест заключения, по мнению Пишона, не был вызван никакой необходимостью, так как французское правительство согласилось выслать в Россию всех находившихся в заключении русских, возвращение которых потребовала бы миссия Мануильского. Выдвинутое Россией требование дало бы возможность миссии оставаться во Франции столь продолжительное время, сколько она сама пожелает, кроме того, гарантия других союзных стран являлась оскорбительной, и Франция не собиралась ее обсуждать. Предложение Чичерина о пропорциональном возвращении на родину «чрезвычайно малого количества французов, с одной стороны, и многочисленных контингентов русских, с другой, иными словами, обмена в пропорции 1:1000 очень мало считается с ценностью французов, которые были задержаны в России»⁸². Вследствие этого, французское правительство планировало продолжать «автономным образом» возвращение на родину русских граждан, если только «Советы не сделают невозможным выполнить это фактически вследствие отсутствия гавани для обмена, на которой сошлись бы обе стороны». В конечном счете французское правительство приняло решение: миссия Мануильского будет сопровождать вторую тысячу русских, которую оно отсылало обратно, «принимая во внимание упорное нежелание Советов сообразоваться с установленными условиями»; надеясь, что в обмен на русских граждан Советы, в свою очередь, отправят на родину французов.

В ответном послании С. Пишону 15 апреля 1919 г.⁸³ преждевременный вынужденный отъезд миссии Русского Красного Креста НКИД назвал нарушением заключенного ранее соглашения между

---

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. Л. 67.

⁸² Там же. Л. 68.

⁸³ Там же. Л. 45.

советским правительством и правительствами держав Согласия об обмене и возвращении на родину граждан той и другой стороны, и в частности, выработанной по этому вопросу между Россией и Францией процедуры, особо подчеркнув, что этой мерой французское правительство нанесло серьезный ущерб интересам десятков тысяч российских граждан, оставшихся во Франции, большинство которых сражалось в рядах армии на французской территории. Французское правительство лишило миссию Русского Красного Креста, отправленную во Францию с чисто гуманитарной целью, всякой возможности оказания помощи русским, оставшимся во Франции в крайней нужде, причем миссия не могла оказать даже материальной поддержки гражданам, долгое время сражавшимся вместе с французской армией. В связи с тем, что власти Франции выразили желание узнать наиболее подходящее место для высадки возвращающихся российских граждан, НКВД, считая более благоприятным положение на Черном море, назвал Одессу.

«Дюмон д'Юрвилль» покинул Дюнкерк 17 апреля 1919 г., увозя с собой 1000 русских пассажиров, 110 гражданских лиц, 947 военных и миссию Мануильского⁸⁴. Однако с отправлением корабля с советской делегацией, так и не выполнившей своей миссии, и русскими гражданами в Россию вопрос не был исчерпан: большие трудности возникли с их высадкой на родной берег.

9 мая 1919 г. Чичерин писал в Париж, что советское правительство протестует против задержания миссии в Финляндии (в течение трех недель в порту Ганг) и настаивает на немедленном предоставлении ей возможности доехать до России; выбор для высадки пассажиров «Дюмон д'Юрвилля» финского порта сделан был против воли и согласия советского правительства, указывавшего для этой цели на другие, более безопасные для русских граждан порты⁸⁵. Советское правительство из-за того, что французским правительством игнорировались его протесты, было вынуждено «подвергнуть членов бывшей французской военной миссии, пользовавшихся в последнее время неограниченной и полной свободой передвижения, домашнему аресту». Далее следовало предупреждение: «В случае неприбытия вышеуказанных русских граждан в пределы России в течение ближайших 5 дней Советское правительство неохотно и против своей воли будет вынуждено применить более

---

⁸⁴ Там же. Л. 69.

⁸⁵ Там же. Л. 54.

энергичные меры репрессии к членам Французской Миссии и другим французским гражданам в России».

МИД Франции в ответ телеграфировал⁸⁶, что высадка русских граждан в Финляндии столкнулась с затруднениями «по местным причинам, не существовавшим в момент отбытия парохода», и запрашивал пункт Балтийского моря, где пароход «Дюмон д'Юрвилль» мог бы высадить своих пассажиров. О перемене курса в Черное море не могло быть и речи, а другой пароход, на котором должны были отъехать 2000 человек, мог бы быть направлен около 15 мая в какую-либо гавань Черного моря, желательнее — Одессу. Отправляемые в Россию корабли сопровождалась, как правило, одним или двумя легкими военными судами.

16 июня 1919 г. из Парижа пришло сообщение за подписью А. Мильерана⁸⁷ о том, что «переправляющий на родину русских из Франции и французов из России пароход “Батавия” производит в Марселе посадку на борт 2400 русских солдат и 100 граждан, среди которых приблизительно находятся все те, которые были заключены в французских тюрьмах и о возвращении на родину которых в первую очередь просил Литвинов». Пароход «Батавия» должен был покинуть Марсель 25 июня, чтобы высадить своих пассажиров в Одессе; взамен французской стороне должны были быть возвращены 100 подданных Франции, арестованных или интернированных в разных лагерях России, и направлены на финляндскую границу. В послании отмечалось, что российских граждан не высадят на берег, если французам не будет обеспечено возвращение с ближайшим эшеленом.

Франция обещала ускорить репатриацию русских солдат и гражданских лиц, но лишь при условии, что французские граждане будут незамедлительно освобождены из тюрем и эвакуированы, иначе она будет вынуждена «против своей воли принять другие меры по отношению к русским во Франции»⁸⁸.

21 июля в радиотелеграмме Чичерина, направленной в МИД Франции⁸⁹, подчеркивалось, что никакие массовые аресты французов в России не имели места; в связи с раскрытыми в Петрограде военными заговорами было арестовано некоторое количество как русских, так и иностранных граждан, среди которых были и французы, у одного из них даже найдено тайное донесение о дислокации

---

⁸⁶ Там же. Л. 73.

⁸⁷ Там же. Л. 74.

⁸⁸ ДВП СССР. Т. 2. С. 219.

⁸⁹ АВП РФ. Ф. 136. Оп. 3. Д. 16. П. 2. Л. 69.

советских войск и военных материалов. Нарком сообщил о сделанном им предложении английскому правительству о предоставлении России возможности посылать в нейтральную страну комиссии или уполномоченных для урегулирования вопросов, связанных с положением русских за границей и иностранцев в России, предположив, что положительный ответ на это предложение был бы в интересах как французских, так и английских граждан в России.

Обмен нотами и особенно сам процесс принятия и выполнения решений по отправке военнопленных на родину проходил крайне сложно. 29 июля 1919 г. в совместной радиограмме Г.В. Чичерина и Х.Г. Раковского (председателя Совнаркома и наркома по иностранным делам Украины) сообщалось, что доставив русских на «Австрии» и др. транспортах в Одесский порт, французское командование обусловило высадку их на берег выдачей французских военнопленных, взятых красными войсками в боях на территории Украины, а также всех иностранцев, включая граждан нейтральных стран, и пригрозив в случае неисполнения этого условия направлением русских солдат к Деникину, усилением блокады Черноморского побережья, конфискацией всех задерживаемых парусников и даже обстрелом Одессы. Местные власти выдали 375 иностранцев и отказались подчиняться дальнейшим требованиям французского командования, тогда французские транспорты увезли в море не высадившихся русских солдат и только из-за невозможности прокормить высадили их близ Очакова. Русские солдаты, проследовавшие из Очакова в Николаев, были обстреляны с французских военных судов⁹⁰. Правительства РСФСР и Украинской Социалистической Республики заявляли, что в случае повторения подобных случаев вынуждены будут прибегнуть к самым суровым репрессиям по отношению «к находящимся в их руках французским буржуазным гражданам и в первую очередь к членам бывшей военной миссии. Отныне эти граждане будут считаться заложниками со всеми вытекающими из этого положения последствиями за жизнь русских солдат, оставшихся в руках французских властей»⁹¹. Угроза отправки русских солдат к Деникину, говорилось в телеграмме, являлась угрозой посылки их на верную казнь, так как сражаться в армии за восстановление помещичье-монархической власти они обычно отказывались и их расстреливали. Разумеется, были и исключения.

⁹⁰ Там же. Д. 24. П. 3. Л. 73—74.

⁹¹ Там же. Л. 74.

Смертельной опасности подвергались и солдаты во Франции, взрывая проволочные минные заграждения. «Пусть Французское Правительство знает, что подвергая опасности жизнь русских солдат оно подвергает той же опасности жизнь своих собственных граждан, — писали в заключение наркомы, — пролетариат Франции по достоинству оценит приемы шантажа и низкого торгашества, для которых Французские власти пытаются использовать русских солдат».

Из Парижа была получена телеграмма бывшего посла Франции в России М. Палеолога: «Два парохода Александр III и Николай I покинули Марсель 26 августа с 2228 русскими солдатами и придут в Одессу к 5 сентября»⁹². 19 сентября он сообщил: «Корабли “Аллегрет” и “Батавия” транспортирующие 4325 русских солдат покинули Марсель и Алжир 15 сентября в Одессу и придут туда к 25 сентября»⁹³.

Итак, делегация во главе с Мануильским вынуждена была покинуть Францию, так и не выполнив своей миссии. Судьба русских солдат во многом зависела от военно-стратегических планов стран Согласия в России, опасавшихся «заражения» большевизмом и начинавших или приостанавливавших репатриацию в зависимости от положения на фронтах Гражданской войны. Так, в августе 1919 г. по просьбе Великобритании была приостановлена репатриация русских в Одессу, в связи с военными операциями Деникина. Тем не менее, 20 апреля 1920 г. в Копенгагене М.М. Литвиновым и французским консулом Ш. Дюшеном было подписано соглашение об обмене всех французов в России (около 900 человек) на русских, находившихся на территории Франции (примерно 22 тыс. человек)⁹⁴. Обмен должен был производиться в пропорциональных количествах: 100 французов на 2500 русских. Однако репатриация русских солдат еще долго оставалась труднорешаемой проблемой.

«Дипломатический фронт» союзников

В середине 1919 г. вектор основных действий западных стран в России был подвергнут пересмотру. 18 июня 1919 г. на заседании Военного кабинета Великобритании было принято решение перенести центр усилий союзников на деникинский фронт. Войска Колчака терпели поражения; не осуществилась и британская операция, на-

⁹² Там же. Д. 16. П. 2. Л. 92.

⁹³ Там же. Л. 96.

⁹⁴ ДВП СССР. Т. 2. С. 462—467.

целенная на Котлас для соединения с северным флангом армий Колчака. Если к марту 1919 г. Запад послал в Россию до миллиона солдат (200 тыс. греков, 190 тыс. румын, 140 тыс. французов, 140 тыс. англичан, 140 тыс. сербов, 40 тыс. итальянцев)⁹⁵, то теперь даже С. Пишон считал невозможным чисто военное (глубокое проникновение в Россию или посылка большого экспедиционного корпуса) решение русской проблемы.

1 июля 1919 г. Чичерину была передана телефонограмма о количестве отправленного союзниками Деникину военного имущества: в Новороссийск доставлено на 45 тыс. чел. английского обмундирования, 60 тяжелых и 150 легких английских орудий, около 125 танков, а также аэропланы, снаряды и патроны. По поводу снабжения союзниками Колчака сообщалось, что во Владивосток англичанами доставлено 30 легких орудий, и канадцами — 300 тыс. комплектов обмундирования⁹⁶. Об активном участии англичан в интервенции свидетельствует секретная телеграмма поверенного в делах в Лондоне Е.В. Саблина (октябрь 1919 г.) о кредитах для армии А.И. Деникина: «Узнал из достоверного источника, что Черчиллю удалось провести в Парламенте ассигнование кредитов для снабжения генерала Деникина всеми видами снабжения в общей сложности до 14 млн фунтов, с правом однако уделения некоторой части генералу Юденичу»⁹⁷. За пять месяцев до этого генерал-лейтенант Н.Н. Головин в своем рапорте от 6 мая 1919 г. С.Д. Сазонову и генералу Д.Г. Щербачеву сообщал о встрече с военным министром Великобритании У. Черчиллем. Разговор длился около часа. Черчилль, внешне весьма любезный, сказал, что не мог прежде встретиться с высшими представителями Русской армии из-за того, что «политическая ситуация в данный момент заставляет его, исключительно в интересах дела, придерживаться секретности»⁹⁸. Обстоятельства изменились, но он продолжал настаивать «во имя общего дела держать наши отношения и особенно наш разговор в строгом секрете». После того, как Головин описал ему общее положение дел Белых армий и их военные нужды, Черчилль заметил, что вопрос вооруженного содействия для него трудный; причины — оппозиция британских рабочих вооруженной интервенции. Он ничего не обещал в этом отношении, но сказал, что постарается помочь. Военный

⁹⁵ Уткин А.И. Указ. соч. С. 437.

⁹⁶ АВП РФ. Ф. 0528. Оп. 1. Д. 20. П. 3. Л. 22.

⁹⁷ Там же. Ф. 069. Оп. 3. Д. 2. П. 3. Л. 7.

⁹⁸ Там же. Л. 4.

министр заявил в парламенте, что свежие силы нужны для выполнения эвакуации с Севера России. Под этим предлогом он пошлет 10 тыс. добровольцев, которые заменят уставшие войска, особенно деморализованные американские и французские. Он отложит начало эвакуации на неопределенный срок (но не будет говорить об этом); соглашается использовать прибывающие британские войска для активных операций. В случае дальнейшего наступления адмирала Колчака Черчилль даже согласен на активную поддержку левого фланга, не отрицая возможность помочь Юденичу на правом фланге; он сделает все возможное, но повторил, что успех общего дела требует абсолютной секретности. Для Черчилля трудно послать вооруженную помощь генералу Деникину, так как на Севере он действует под предлогом поддержки находящихся там британских войск; но он осуществит идею поддержки Деникина добровольцами, по меньшей мере, он пошлет 2500 добровольцев под маской инструкторов в инженерные отряды, сообщал Головин.

Черчилль выразил также готовность продолжать оказывать материальную поддержку в широком масштабе, сказав, что он запросит кредит в 24 млн ф. ст. для поддержки всех белых фронтов, а также кредит в поддержку военнопленных — для отправки 500 офицеров в Архангельск, и «полный расход (подготовку, траты на перевозку, жалованье)». В заключение Черчилль сказал Головину: «Вы видите в моем лице наиболее решительного бойца за великую единую Россию и вашего близкого друга, я рад приветствовать Вас, как одного из представителей могущественной Русской армии, которая так много сделала в нашей общей борьбе против Германии»⁹⁹. После встречи с Черчиллем генерал Головин подытожил: «В лице Черчилля мы имеем не только сочувствующего, но и энергичного и активного друга». Однако беседа с британским министром привела Головина и к другому заключению: союзники полагают, что силы белых еще не достигли полного единства.

Союзники сознавали невозможность военного вмешательства в русские дела. В московских газетах (в частности, «Правда» и «Известия» от 8 мая) приводились сведения о настроениях в связи с этим в странах-союзниках. Так, итальянский журналист Арнольдо Чиколо, побывавший «в лагере русской революции», писал, что в России нет активных сил для борьбы с большевиками: большинство среднего класса и старой аристократии «не двинут пальцем

---

⁹⁹ Там же.

для спасения своей родины; они рассчитывают на союзников, не желая принести даже маленькую жертву. Деникинская армия состоит наполовину из офицеров, которые все хотят быть командирами и никто не хочет быть солдатом»¹⁰⁰.

Берлинская газета «Голос России» подробно изложила текст речи Черчилля в палате общин по «русскому вопросу». По словам английского военного министра, союзники оказывали и будут оказывать всякую поддержку Колчаку и Деникину, но создать в России новую армию считают невозможным, а без нее союзные войска бессильны, к тому же нет согласия и в стане русских противников большевиков. Черчилль назвал три возможных способа наведения порядка в России: вмешательство союзных войск, признание большевистского правительства и поручение Германии установить в России порядок; однако ни первый, ни последний способы были немыслимы; оставался только второй.

На более спокойном отношении к большевизму настаивали германские «независимые», они предлагали послать специальную комиссию в Россию для того, чтобы исследовать положение дел.

Но в державах Антанты возобладал воинственный дух. На заседании итальянской социалистической парламентской группы было предложено в связи с этим созвать совещание социалистических депутатов Италии, Франции, Англии и представителей рабочих этих стран для совместного выступления против военной экспедиции в Венгрию и Россию. Ллойд Джордж в своей речи в палате общин между тем заявил, что России больше нет, потому что Советская Россия — не Россия, ибо в ней хаос и анархия; о ее признании не может быть и речи. Однако военная интервенция в России несет огромные трудности и возложение их на Англию означало бы для нее банкротство и содействие распространению у себя большевизма. Англия хочет лишь не допустить большевизма в страны Антанты и примирить борющиеся в России партии¹⁰¹.

Московские «Известия» от 9 мая 1919 г. в речах английского министра и премьера увидели как неизменную готовность «союзного империализма» помогать русской контрреволюции, так и признание мощи Советской республики и одновременно — слабости ее врагов. Уклончивой политикой стран-союзниц и объяснялось заигрывание их представителей с большевистской властью. Харь-

¹⁰⁰ Там же. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 62. П. 10. Л. 58.

¹⁰¹ Там же. Л. 66.

ковские «Известия» 9 мая напечатали подробности переговоров миролюбиво настроенного греческого командования с советскими властями в Крыму. Впрочем, к миролюбию побуждали действия и настроения, царившие в самих союзных войсках, в частности, среди английских матросов, объявивших себя друзьями советской власти, и французских пехотинцев, высланных 17 мая в Симферополь против красных войск, но потребовавших возвращения обратно после участия в антивоенном митинге, а также французских моряков, поднявших восстание в Одессе с требованием отправки домой; и итальянских матросов, препятствовавших отправке кораблей со снабжением для белых армий в Россию.

Москва не доверяла заигрываниям «союзного империализма», стараясь подальше продвинуть свои аванпосты на Запад. Роль таких аванпостов была отведена также Крыму и Бессарабии. Перехваченное на киевской радиостанции сообщение из Лондона, поступившее 20 мая 1919 г. в Информационный отдел Народного Комиссариата Иностранных Дел, содержало сведения о запросе депутата нижней палаты английского парламента Уэджуда: «По сообщениям из Стокгольма, Антанта готовит военные операции против Петрограда с базой в Гельсингфорсе. Ведутся ли действительно какие-либо переговоры с властями Финляндии или других стран о совместном военном плане против Советской России?» Министр иностранных дел Великобритании Бонар-Лоу ответил, что хотя английская эскадра находится у Ино и стоит (на всякий случай) наготове, о подобных планах не было и речи. На следующий вопрос Уэджуда, намеревается ли английское правительство совместно с правительством Маннергейма выступить против Петрограда без ведома британского парламента? — Бонар-Лоу ответил, что никаких планов, подобно вышесказанному, не имеется¹⁰².

Сопоставляя ответы английского министра о подготовке наступления на Петроград с фактами, «Московская Правда» 23 мая писала: Бонар-Лоу не дал гарантий палате общин, что английское правительство совместно с финляндским не выступит против Петрограда, а потому «вывод ясен — наши войска в Финском заливе обстреливаются английскими судами».

Вернувшийся из Франции Д.З. Мануильский свидетельствовал в свою очередь об изменении отношения к Советской России со стороны Франции, в частности, во французской печати стали по-

---

¹⁰² Там же. Л. 112.

являться более достоверные сведения о ней. После выступления в палате депутатов М. Кашена, который сказал, что после французской революции большевизм — наиболее крупное движение, объединившее живые силы всех слоев населения, газета *Temps* писала, что приглашение Ленина на Принцесы острова потеряло отныне всякий смысл: с ним хотели разговаривать как с побежденным, а придется говорить как с победителем¹⁰³.

4 июня 1919 г. в Париже в интервью представителям газеты «Эпоха» А.И. Гучков заявил, что мысль о вооруженном вмешательстве в дела России, к сожалению, имеет очень немногих приверженцев во Франции; даже в России в последнее время преобладает мнение, что ее спасение целиком лежит на самих русских. Серьезная сила для борьбы с большевистской опасностью может быть создана при поддержке остальных славян, но не иностранцев. От союзных же держав русские ждут только финансовой помощи¹⁰⁴.

Двумя днями позже о происходивших на Парижской мирной конференции событиях беседовал с сотрудниками российских газет Х.Г. Раковский, заявивший, что Лига Наций потерпела крушение. Особое внимание журналистов было обращено на то, что 9 членов американской делегации во главе с Буллитом покинули конференцию; Вильсон оказался бессилем что-либо сделать: его предложение о прекращении блокады России и Украины было принято итальянцами и англичанами, французы, высказавшись против, провалили его; но в то же время провалилось и предложение Франции о военных действиях против России.

14 июня 1919 г. на заседании ВЦИК Раковский выступил с докладом о международном положении, в котором отметил, что начался период, когда союзный империализм должен так или иначе покончить с вопросом о Советской России: либо путем войны, либо путем того или иного соглашения, при этом непосредственное вмешательство союзников в дела России докладчик не допускал, а возможность признания мирной конференцией правительства Колчака в качестве официального представителя России рассматривал как полную ликвидацию переговоров с советским правительством. Более реальной опасностью, по мнению Раковского, был союз между Румынией, Польшей и Чехословакией, создававший единый контрреволюционный фронт от Черного до Балтийского моря¹⁰⁵.

---

¹⁰³ Там же. Л. 130.

¹⁰⁴ Там же. Л. 213.

¹⁰⁵ Там же. Л. 286.

Еще 27 мая из Америки приходили сообщения, что Франция готова признать А.В. Колчака безусловно, Великобритания — условно, Соединенные Штаты — пока еще не совсем готовы его признать¹⁰⁶. На Парижской конференции страны-союзницы рассматривали вопрос об официальном признании правительства Колчака. 26 мая Великобритания, Франция, США и Италия нотой сообщили Колчаку, что готовы его признать, выдвинув, однако, ряд условий. Нота с изложением условий признания (созыв Учредительного собрания, выплата внешних долгов, вступление России в Лигу Наций и др.) была ему направлена Советом четырех. Колчак условия принял. Однако возникли разногласия по поводу требования Англии и Франции о признании независимости государств Прибалтики. США не поддержали в этом вопросе своих союзников. В ответе Колчака было подчеркнуто, что это требование может быть удовлетворено лишь Учредительным собранием.

«Известия» за 15 июня 1919 г. напечатали сообщение Лионского радио, что Совет четырех, рассмотрев вопрос о признании Колчака, оставил его открытым из-за разгрома колчаковских войск Красной армией и сведений «о разложении власти адмирала». Полный текст ответа Колчака союзникам привела 1 июля «Петроградская Правда»: «Правительство во главе которого я нахожусь, — писал адмирал, — с радостью констатирует, что политика союзных держав по отношению к России находится в полном соглашении с задачей, которую поставило себе само Российское Правительство, желающее раньше всего восстановить русскому народу возможность осуществить свое право свободно разрешить свою судьбу путем Учредительного Собрания». Окончательную санкцию определения границ Польши и России и разрешение вопросов о судьбе Финляндии, Латвии, Литвы, Эстонии и др. «национальных групп» Колчак предоставил Учредительному собранию. К режиму, существовавшему в России до февраля 1917 г., возврата быть не могло; правительство «объявляет равенство перед законом всех классов и всех граждан без всяких особых привилегий: все без различия происхождения и вероисповеданий будут пользоваться покровительством государства». В вопросе о государственных долгах Колчак подтвердил свое заявление о том, что Российское правительство приняло все обязательства по государственным долгам России.

Державы Соглашения приветствовали тон ответа адмирала Колчака, который «соглашается в главном на их предложения и содержит в

---

¹⁰⁶ Там же. Л. 190.

себе обещания, обеспечивающие русскому народу и его соседям свободу, самоуправление и мир. Поэтому они окажут адмиралу Колчаку и его сторонникам обещанную помощь». Подписали: Ллойд Джордж, В. Вильсон, Ж. Клемансо, Витторио Э. Орландо, Н. Макино. Прочитывая эту переписку, «Известия» заключили: союзники обещали Колчаку помощь только потому, что, признав государственные долги, он «обещает союзникам закабалить Россию, уплачивая полностью ростовщические проценты по долгам, и это, а не его “демократизм” побудило даже лицемера Вильсона поставить свою подпись»¹⁰⁷.

Ответ А.В. Колчака был принят Советом четырех благосклонно. Однако во французских официальных кругах отметили, что оказание поддержки еще не означает необходимости признания Колчака. Опасались союзные правительства и того, что заявления об оказании помощи Колчаку приведут к росту волнений среди рабочих в их собственных странах. Особенно противились такому решению «русского вопроса» рабочие Франции, Италии и Великобритании. Датская газета *Politiken* 21 июня 1919 г. сообщила, что в Англии происходили массовые митинги и демонстрации против интервенции, Версальского мира и всеобщей воинской повинности. Лидерами рабочей партии были внесены в парламент запросы о секретном циркуляре У. Черчилля, в котором тот спрашивал солдат и офицеров о желании сражаться с Советской Россией. В то же время в палате общин впервые открыто обсуждался вопрос о расходе 6 млрд ф. ст. на войну с Советской Россией; но получить согласие на это английского парламента не удалось.

Сильное «раздражение» наблюдалось и в английской армии. Так, в начале мая 200 моряков были арестованы за отказ выступить против «красной» Астрахани; несколько солдат даже было расстреляно за пропаганду большевизма; 1 мая английское командование запретило выходить солдатам на улицы, но они все же приняли участие в шествии, восторженно встречая речи ораторов-коммунистов на английском языке. В связи с этим командованием было решено, «во избежание дальнейшего заражения большевизмом», заменить англичан итальянцами.

В московских и киевских газетах за 24 июня 1919 г. было помещено воззвание ЦК Коммунистического Интернационала к рабочим всего мира, в котором говорилось, что английское и французское правительства не решились объявить открытую войну

---

¹⁰⁷ Там же. Д. 63. П. 10. Л. 102.

Российским Советским Республикам. Послать несколько миллионов, хотя бы несколько десятков тысяч солдат регулярной армии против Советской России эти правительства побоялись. Но это не значит, что они отказались от войны против Советской России. Эти правительства выбрали другую, более прикрытую, форму вмешательства в русские дела и «снабжают царских генералов оружием, продовольствием, командным составом, добровольцами, шпионами, поджигателями, всем, что необходимо головорезам для их подлой борьбы с рабоче-крестьянской Россией»¹⁰⁸. Судьба пролетарского движения, как указывалось далее, зависела от рабочих Англии, Франции, Италии и Америки; от них требовали поднять знамя восстания, создавать Советы, вооружаться, готовиться к последнему решительному бою.

В тот же день, 24 июня, из Баку были получены сведения¹⁰⁹, что оккупировавшие город англичане, следуя директивам подрыва Советской России и лишения ее топлива, с помощью военной силы не давали вывозить нефть; систематически разрушали нефтяную промышленность; их запрет вывоза нефти привел к тому, что ее добыча прекратилась, возросла опасность пожара или взрыва. В связи с этим в Баку началась забастовка рабочих, требовавших восстановления торговых отношений с Астраханью и вывоза нефти в Советскую Россию; такие же требования выдвигались и предпринимателями, сознававшими губительность подобного положения дел для края.

На Парижской конференции среди ее участников в те дни было широко распространено мнение, что следующим шагом в русских делах будет отправка в Сибирь японцев, которых подталкивало на этот шаг неустойчивое внутривосточное положение в собственной стране.

28 июня 1919 г., в день, когда на конференции был подписан мирный договор с Германией, российские газеты сообщали, что хотя мир только что подписан, «Франция скалит зубы на Англию, Сербия на Румынию, Италия и Румыния на союзников вообще. Сербия вновь мобилизует солдат в возрасте старше 38 лет, чтобы продолжать бойню; правительство Англии увеличивает свой флот до неслыханных размеров. Мир заключен, а Япония и Америка, не отставая от Англии, не в силах установить мира между народами»¹¹⁰. Ни одна из стран-победительниц не чувствовала полной уверен-

---

¹⁰⁸ Там же. Л. 43.

¹⁰⁹ Там же. Ф. 0528. Оп. 1. Д. 20. П. 3. Л. 6.

¹¹⁰ Там же. Л. 101.

ности в своей победе; над Европой нависла угроза новых войн. Западноевропейская пресса так оценивала Версальский мир: «Это мир, и не мир», «сомнительный мир», «позорный мир», «в воздухе пахнет новой войной», «грабительский мир». Так же оценивал его и Х. Раковский, высказавший предположение, что Версальский договор не просуществует дольше Брест-Литовского, а его заключение «рассосет» в рабочей среде вредную иллюзию, что с окончанием войны все сразу пойдет к лучшему. «После заключения мира рабочий класс в странах победителей очутится лицом к лицу со своей буржуазией, и должен будет ее свергнуть»¹¹¹. Однако Раковский считал, что союзники едва ли смогут направить против Советской Республики те силы, которые освободятся вследствие заключения мира с Германией; но будут принимать любые меры для организации новых, враждебных большевикам, сил, особенно если им удастся установить длительный мир между поляками и немцами.

Доказательством «дипломатического наступления союзных империалистов» против советских республик Раковский считал «полупризнание» союзниками Колчака, перемирие Петлюры с поляками, объединение белогвардейских фронтов Колчака с Деникиным, а также подписание мирного договора Германии с Антантой. «Теперь, — говорил Раковский, — союзники смогут использовать свои досуги для козней против Советской России и это самое опасное — свое снаряжение для войск генерала Галлера и Колчака»¹¹². Но в признании Колчака Раковский заметил и положительный момент: Колчак согласился на признание независимости только Польши, остальные же «провинции» могли бы пользоваться лишь автономией. Такое решение не могло не вызвать осложнений, однако союзники и не желали восстанавливать единую Россию, так как она стала бы для них конкурентом на мировом рынке. Политика союзников, по мнению председателя Совнаркома Украины, преследовала цель «балканизации» бывшей Российской империи, а их соглашение с Колчаком — лишь ловкий политический обман, ибо свергнув советскую власть, союзники возьмут Россию в свои руки и предъявят ей непомерно тяжелый счет.

Версальский мир рассматривали как сигнал к наступлению рабочих западных стран на полуразрушенные войной твердьни капитализма и начало стремительного повышения их революционного

---

¹¹¹ Там же. Л. 66.

¹¹² Там же. Л. 122.

потенциала, отмечая установление советской власти в Венгерской Республике, железнодорожную забастовку в Румынии, большевистское движение в Болгарии, борьбу между коммунистами и правительственными войсками на улицах Вены, забастовки в Италии, Англии и Франции. Особое внимание на «фронте мировой революции» заслуживало предложение итальянских социалистов объявить всеобщую политическую забастовку и требование английских профсоюзов снять блокаду Советской России. В английских газетах помещались материалы, рассказывавшие о захвате союзным флотом семян, которые советское правительство закупило в Дании, препятствии вывозу вагонов и паровозов из Швеции в Россию; сообщалось и о том, что блокада революционной Европы влечет ужасные последствия для самой Англии, переживавшей тяжелый промышленный кризис из-за отсутствия сырья, вывозимого ранее из России. Однако заговорить с Советской Россией о снятии блокады, о мире, о создании полунормальных отношений союзники могли лишь тогда, когда ею будет одержана победа над Деникиным — их «последней ставкой» в борьбе с «новым Наполеоном», как окрестили большевизм на Западе. «Если эта ставка окажется тщетной, — говорил Раковский, — то не более, как через 2—3 месяца мы увидим, что революция охватит всю Европу. Западные капиталисты, зная это, вынуждены будут вступить с нами в мирные переговоры»¹¹³. Делом рук внешних врагов Раковский называл и такой способ борьбы с Советами, как кулацкие восстания, которые, по его мнению, дезорганизовали тыл, мешали проводить мобилизацию и создавали внутри страны продовольственные затруднения. Призывом к победе над Деникиным как наилучшему способу помочь как итальянской, так и всемирной революции заканчивалась его статья «Привет Красной Италии», опубликованная в киевских «Известиях» 11 июля 1919 г. О положении в Италии писал в тот же день в газете «Красная Армия» итальянский коммунист Дж. Кастро, объясняя причины роста революционного движения в своей стране дороговизной предметов первой необходимости и отчаянным положением народа, вынужденного покидать страну в поисках работы.

12 июля 1919 г. союзники сняли блокаду Германии. Франция не смогла убедить их в необходимости полного ослабления Германского государства. Великобритания сознательно шла на сохранение основы для его восстановления в качестве великой державы; 1 сентября она возобновила торговые отношения с Германией.

---

¹¹³ Там же. Л. 205.

(Разоруженная Германия находилась под прямым контролем победителей до 1926 г.) Даже после подписания Версальского договора Германия оставалась крупной державой Европы.

По вопросу о вмешательстве в дела России в рядах союзного командования наметился раскол. Французы, «охладев» к Деникину, отказались от его активной поддержки; англичане же были склонны эту поддержку ему оказывать. Союзное командование вело с белыми генералами дипломатическую игру, обещая поддержку в том случае, если они сами добьются успехов в борьбе с советской властью. Не случайно 22 июля московские газеты опубликовали письмо В.А. Маклакова, датированное 7 марта 1919 г., бывшему министру крымского правительства М.М. Винаверу из Парижа о том, что идея интервенции в дела России там крайне непопулярна; союзники вынуждены оказывать ту помощь, которая не связана с участием в ней «людского материала». Отвечая на жалобы, что антибольшевистские правительства в России не могут существовать без помощи союзников, Маклаков писал, что именно этот факт пугает союзников, ибо он слишком ясно указывает на слабость и непопулярность тех, кто этой помощи просит; с другой стороны, «французское правительство вынуждено делать все большие уступки крайней демократии, идеи которой приобретают все большую популярность среди рабочих. Большевиков здесь считают все-таки демократами, хотя и свихнувшимися. Присутствие же в нашей среде деятелей дореволюционного режима создает нам репутацию реставраторов. Никто здесь не хочет верить, что генерал Деникин и адмирал Колчак являются активными участниками мартовского переворота»¹¹⁴.

Среди союзных представителей не было единодушия и в отношении восточной политики: французы и греки являлись сторонниками оккупации Турции, англичане стремились поддержать турецкое правительство, подчинив его своему влиянию. Оставление Одессы было ими использовано в борьбе против французских представителей на Востоке, в результате положение Великобритании в Константинополе укрепилось. 21 июля туда прибыли «добровольческий» министр торговли и промышленности В.А. Лебедев и международная торговая комиссия из представителей стран-союзниц для предварительной разработки условий торгового договора между Колчаковской Россией и Антантой. Англия предлагала закупить торговый флот России, Япония готова была принять заказы на пароходы, американские

---

¹¹⁴ Там же. Л. 278.

представители имели задание «обслуживать Россию в железнодорожном и транспортном отношении»¹¹⁵. В Черноморской области в то время находились 44 тыс. английских войск, на Кавказе — 22 тыс., в Сибири — 1400 человек, в Северной России — 6 тыс. человек¹¹⁶.

21 июля 1919 г., выступая в Британо-русском клубе в Лондоне, У. Черчилль отметил, что Россия является решающим фактором в мировой истории настоящего времени: либо она будет продолжать страдать и ее страдания приведут к конвульсиям всего мира, либо ее следует спасти. Решение российской проблемы является испытанием для Лиги Наций. «Если она не сможет спасти Россию, та в своей агонии сокрушит Лигу Наций. Нельзя переделать мир без участия России»¹¹⁷. Английское правительство прислало ноту на имя наркома иностранных дел Г.В. Чичерина с предложением начать переговоры об обмене военнопленными между Великобританией и Россией. Нота отклоняла предложение НКВД о посылке специальной советской комиссии для контакта с военнопленными в Англии, предлагая послать делегацию «из нейтральных подданных». В ответной ноте Чичерин отказался послать делегацию, если она не будет состоять из людей, верных Советской России¹¹⁸.

В Советской России со второй половины 1919 г. в статьях и выступлениях лидеров большевиков, в партийных и правительственных документах стал наблюдаться постепенный отход от идеи о невозможности закрепить успех революции в России без ниспровержения власти капитала в ряде капиталистических стран; усиливалось убеждение в желательности и возможности существования Советской России с капиталистическим окружением. Важной предпосылкой для такого переосмысления стали успешный отпор внешней интервенции и постепенное укрепление позиций новой власти в России. Позднее, 23 сентября 1919 г. Ленин написал письмо «Американским рабочим», в котором подчеркнул стремление установить нормальные отношения с Соединенными Штатами, возобновить и развивать торговлю. Письмо было одним из первых документов, где выдвигалась идея предоставления концессий зарубежным предпринимателям, что предполагало уже определенные формы сотрудничества с капиталистическими странами¹¹⁹.

¹¹⁵ Там же. Ф. 56-б. Оп. 1. Д. 63. П. 10. Л. 278.

¹¹⁶ Там же. Л. 273.

¹¹⁷ Цит. по: *Уткин А.И.* Указ. соч. С. 506.

¹¹⁸ АВП РФ. Ф. 56-б. Оп. 1. Д. 63. П. 10. Л. 273.

¹¹⁹ *Нежинский Л.Н.* Указ. соч. С. 76.

12 сентября 1919 г. из Парижа пришло сообщение о том, что Румыния настаивает на признании державами Согласия независимости Украины, в расчете на то, что это придаст вес их соглашению с С.В. Петлюрой о Бессарабии. Румынский министр Антонеску заявил, что Румыния предпочитает иметь своим соседом независимую Украину, а не Россию, которая может потребовать возвращения Бессарабии. Польша поддержала требование Румынии из-за отказа Петлюры от каких-либо претензий в Восточной Галиции, тогда как Россия никогда не допустила бы оставления Восточной Галиции за Польшей. Румыния, сказал Антонеску, легче уступила бы по другим вопросам, если бы союзники признали независимость Украины, что дало бы ей возможность заключать международные соглашения¹²⁰. Румынская делегация на конференции опровергла сообщения о присоединении румынских войск к войскам Деникина.

А в Лондоне в те дни продолжалась кампания против У. Черчилля. Так, *Daily Express* от 13 сентября потребовала его отставки, как человека, лишённого доверия нации. Генерал Моррис в *Daily News* настаивал на прекращении английской интервенции в России и запрещении отправки военных материалов в Финляндию, Эстонию и Архангельск, он был уверен, что попытки наступления на Петроград обречены на неудачу, так как большевики вооружены и организованы гораздо лучше, чем весной¹²¹.

Каждый раз, когда на Парижской конференции поднимался «русский вопрос», неизбежно упоминались и Прибалтийские страны, которым была уготована роль либо «санитарного кордона» против распространения большевизма, либо плацдарма для борьбы с ним.

20 августа 1919 г. союзные державы опубликовали декларацию о признании независимости Прибалтийских стран, с оговоркой, что окончательно этот вопрос будет решен после урегулирования взаимоотношений с Россией или после третейского решения Лиги Наций. После того, как 31 августа 1919 г. Советская Россия предложила Эстонии заключить мир, признав ее национальную независимость, а 11 сентября сделала такие же предложения Латвии, Литве и Финляндии, началась острая борьба советских и западных дипломатов за привлечение на свою сторону прибалтийских и других малых государств. 10 октября 1919 г. Ж. Клемансо обратился к правительствам этих стран с нотой о присоединении к блокаде боль-

---

¹²⁰ АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 29. П. 4. Л. 71.

¹²¹ Там же. Л. 73.

шевистской России. Такая же нота была направлена и правительству Германии. В свою очередь, советское правительство в ноте от 20 октября доводило до сведения германского правительства, что будет считать враждебным актом присоединение Германии к блокаде и примет соответствующие ответные меры¹²². Такая же нота была послана Швеции, Норвегии, Дании, Голландии и Швейцарии. Федеральный Совет Швейцарии в ответ на предложение Антанты принять участие в блокаде России заявил, что разрыв дипломатических отношений с Россией последовал уже после того, как она вмешалась путем своей пропаганды во внутренние дела Швейцарии, а ее подданные подверглись преследованиям в России. Вслед за этим были приостановлены и торговые отношения, так что Швейцария уже отчасти объявила блокаду России и предложение союзников является лишним. Федеральный Совет заявил далее, что он солидарен с Антантой в том, что блокада объявлена только Советской России¹²³.

Швейцария была солидарна со странами Антанты в ее обвинениях против Советской России, в то время как другие нейтральные страны, в особенности Скандинавские, старались смягчить вынесенный России приговор: торговые отношения России и Скандинавских стран не прерывались.

Германия ответила Франции, что сомневается в успехе блокады, другие страны промолчали. В немецкой прессе тех дней писали, что Германия должна отвергнуть предложение о блокаде России, но не следует считать это стремлением помочь советской власти, поскольку весь мир знает, что правительство России относится с фанатичной враждебностью к германскому правительству. Между Германией и Советской Россией уже практически установились именно такие отношения, которых требовали союзники. Среди западной прессы более умеренную позицию занимала газета *Berliner Tageblatt*, считавшая, что Германия не может ответить прямым отказом союзникам, следует быть реалистом и сделать какое-либо конкретное предложение. Этого взгляда, видимо, придерживалось и германское правительство. В его полуофициальном сообщении отмечалось, что если Германия совершенно откажется принимать участие в борьбе с большевизмом, то потеряет доверие русской буржуазии, между тем гибель большевизма уже недалека¹²⁴.

¹²² См.: ДВП СССР. Т. 2. С. 265.

¹²³ АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 31. П. 4. Л. 160.

¹²⁴ Там же. Л. 6.

5 декабря 1919 г. в Юрьеве (Тарту) российские дипломаты, в числе которых был и А.А. Иоффе, начали переговоры с Эстонией, оказавшиеся весьма длительными и трудными. 31 декабря удалось подписать договор о приостановке военных действий между Советской Россией и Эстонией, а 30 января 1920 г. — между Россией и Латвией; и только 2 февраля 1920 г. — мирный договор между РСФСР и Эстонией, первый мирный договор с европейским государством, приведший к установлению дипломатических отношений. Если советское правительство согласно признать независимость балтийских государств, то нет больше и повода для ведения войны, — заявил эстонский министр иностранных дел — «Эстония не желает свержения советского правительства, тем более, что со стороны западного русского правительства и колчаковцев существует постоянная угроза независимости окраинных государств»¹²⁵. Установлением 31 декабря дипломатических отношений с Финляндией в результате заключения мирного договора (после переговоров в Тарту 14 октября 1920 г.) завершился 1920-й год.

Страны Антанты приступили к выводу из России своих войск до того, как стали терпеть поражение белые армии. В июле 1919 г. об эвакуации войск объявила Великобритания. Президент Вильсон, как известно, еще в мае заявил о намерении США вывести из России войска. Осенью 1919 г. английские, американские и французские части покинули районы Европейского Севера (Архангельск и Мурманск). Английские войска оставили также Закаспийскую область и Закавказье (за исключением района Батума, где они находились до 1921 г.). К весне 1920 г. на территории России оставались только оккупировавшие Приамурье, Приморье и Северный Сахалин японские войска.

Однако решения союзников о прекращении интервенции отнюдь не означало, что они готовы налаживать отношения с Советской Россией. В октябре 1919 г. Верховный Совет Антанты объявил об установлении экономической блокады Советской России.

Шаг к решению «русского вопроса»

Идее не может быть противопоставлен штык, заявил в мае 1919 г. бывший глава американской миссии Красного Креста в России Раймонд Робинс, призвавший относиться к России беспристраст-

---

¹²⁵ Там же. Л. 30.

но и дать ей возможность жить. Бесспорная истина, заключавшаяся в этих словах, казалось, наконец дошла до адресата — союзников, войска которых покидали Советскую Россию.

17 сентября 1919 г. в Гельсингфорсе в печати появились сенсационные известия, предвещавшие поворот в мировой политике. Важнейшей была весть о том, что Высший Совет союзных государств выступил против вмешательства в дела России и предоставляет возможность ее народам самим решать свою судьбу. Сообщалось также, что премьеры и министры иностранных дел Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы провели совещание в Ревеле, на котором обсуждали вопрос об отношении к России и к возможности заключения с ней мира. В то же время представители социал-демократических партий этих стран заседали в Риге, обсуждая тот же вопрос, но «с учетом интересов рабочего класса»¹²⁶; несмотря на то, что эти партии противились распространению большевизма в своих странах, они требовали предоставить право рабочему классу России самому решать судьбу революции, правда, российская революция, по их мнению, «отошла в сторону», как только коммунисты установили свою диктатуру. Эстония к тому времени уже вела мирные переговоры. Сообщения эти свидетельствовали о том, что произошел поворот в отношении к советскому правительству: если раньше союзные государства строили всевозможные планы для разрушения Советской России, помышляя о походе на ее территорию и принуждении окраинных государств к войне с Россией, то теперь стал очевиден отказ от военных действий против России. Немецкие газеты опубликовали телеграмму из Парижа, в которой подтверждалось, что Высший Совет постановил вывести из Курляндии не только немецкие войска генерала Гольца, но также и действовавшие с ними совместно русские воинские части.

Тем временем *The Times* от 12 сентября 1919 г. в передовой статье писала, что истинные планы английского правительства все еще не известны; именно нерешительность стран Антанты подтолкнула Эстонию к переговорам с большевистским правительством. Этим же объяснялись и контакт русских монархических кругов с немцами, и боязнь финнов потерять свою независимость в случае, если эти круги снова захватят власть в России. По мнению авторов статьи, Эстония более охотно пошла бы с белыми, если бы в военных действиях принимали участие союзники, гарантировавшие ее самостоятель-

---

¹²⁶ Там же. Д. 30. П. 4. Л. 13.

ность. «Черчилль знает, — писала газета, — что в случае эвакуации Архангельска и Мурмана мы оставляем без защиты большое число русских всех слоев общества, предавая их тем самым в руки мстительных большевиков. Вывезти всех и дать убежище в других странах нет возможности. Наш долг быть с нашими друзьями, как сказал Ллойд Джордж. И если надо начать наступление на Петроград, то его надо начать сейчас, а не ждать зимы, когда придут немцы или черная сотня. У нас есть силы, чтобы быть там первыми».

Полуофициальные сообщения об эвакуации войск из Архангельска в сентябре 1919 г. были встречены английским обществом весьма благоприятно, омрачало лишь сознание того, что Северную Россию сначала уговорили сопротивляться большевикам, а затем бросили, предоставив русских самим себе. *The Manchester Guardian* от 5 сентября напомнила, что «на самом деле мы не находимся в состоянии войны с большевиками. Мы отправились на юг России и в Сибирь для восстановления Восточного фронта против Германии; мы заняли Мурманск для того, чтобы помешать Германии основать там подводную базу. Юридически мы не принимали участия в войне против большевиков ни на одном фронте гражданской войны. Фактически мы поддерживали очень слабую и непопулярную партию в России, которая не могла бы существовать без нашей помощи, и теперь мы имеем основания опасаться, что она распадется. Этого не случилось бы конечно, если бы даже одна десятая того, что пишут про слабость и непопулярность большевиков оказалась правдой». Газета призывала правительство Великобритании подумать не только о положении Русского Севера после вывода оттуда английских военных частей, но и о положении на остальных русских фронтах: «Можно с уверенностью сказать, что общественное мнение, которое уже протестовало против бессмысленных жертв английских солдат в России, сделает это и по отношению к английским морякам, в дальнейшем же будет настаивать на том, чтобы не тратить миллионы на снабжение вооружением таких политических деятелей, которых не признает страна». Правительство Великобритании отчетливо представляло, что случится без его поддержки с его «протееж». Решить этот вопрос — значит заключить мир в России и с Россией. Газета признавала, что во многих важных вопросах большевики значительно смягчили свои первоначальные суровые принципы, выразив желание вести мирные переговоры с союзниками, однако со стороны последних не было стремления пойти им навстречу. Подобная политика, по мне-

нию газеты, была бы вполне правильной, так как проводить ее союзникам все равно придется, поэтому лучше раньше, чем позже.

По полученным в конце сентября от агентства Рейтер сведениям, правительство Великобритании сообщило находившейся в его стране литовской делегации, что согласно временно признать правительство Литвы де-факто на том же основании, как Эстонию и Латвию.

Англия старалась заменить возвращавшиеся с Севера России свои войска добровольцами: ежедневно на Северный фронт отправлялось 3 тыс. человек; но принимались всевозможные меры к увеличению транспортных средств, чтобы довести их число до 6 тыс. чел.¹²⁷ Однако, по сообщению британской газеты *Daily Express*, вывод английских войск был чистым вымыслом: предполагалось, что добровольческие войска прикроют отступление регулярной армии, на деле новые формирования проявляли гораздо большую активность, чем прежние регулярные войска¹²⁸. Русская авантюра еще дорого обойдется Англии, писала *Vossische Zeitung* 5 сентября 1919 г., «месяц тому назад в нее было вложено 70 млн ф. ст., а теперь еще Англия обязалась давать одежду, снаряжение и пропитание сражающимся на Северном фронте латышам, финнам и эстам, которые не изъявляют никакого желания сражаться за Англию, предпочитая ссориться между собой. Реальность же такова, что большевизм процветает больше, чем раньше, и конец этой военной авантюре трудно предвидеть».

Следует отметить, что еще в августе 1919 г. союзное командование заявило правительству Севера России, что, по всей видимости, в октябре все союзные войска будут эвакуированы из Архангельска. Правительство Севера решило защищаться — с союзниками или без них, но собиралось сообщить всем о том, насколько его огорчило решение союзников, правда, обратив внимание последних на то, что ему для этой борьбы необходимо. В Лондон была направлена делегация земств и городов северной области для того, чтобы заявить европейцам, что демократия Архангельской области не подчинится большевикам. В течение месяца члены делегации пытались всевозможными путями оповестить англичан о том, что им поручили жители региона. Формально не получая нигде отказа, делегация тем не менее не смогла передать свою информацию ни в

---

¹²⁷ Там же. Л. 72.

¹²⁸ Там же. Л. 73.

прессу, ни на митингах. Цели делегации, а скорее всего, и ее приезд остались большинству англичан неизвестны.

В интервью корреспонденту агентства Рейтер, опубликованном в *The Daily Telegraph* 13 сентября 1919 г., глава архангельского правительства Н.В. Чайковский заявил, что единственный правильный путь для эвакуации Северной России союзниками проходит через Петроград. «Я утверждаю, — говорил он, — что предполагаемый отъезд всех британских войск из Архангельска и с Мурмана грозит Северной России самыми ужасными событиями. С уходом британской армии наши местные войска лишаются главного фактора своего сопротивления большевикам, а именно той нравственной и материальной поддержки, которая в высокой мере способствовала их стойкости». Чайковский обрисовал ужасные последствия ухода английских войск с Севера России: «Среди населения возникнет паника и едва ли наши власти смогут справиться с ней. Тогда большевики, получившие за последнее время подкрепление с юга, двинутся вперед по двум параллельным путям из Вологды и Петрозаводска и сопротивление, которое могли бы оказать им наши войска, по всей вероятности, будет ослаблено попытками братания; наступит царство террора и большевики свободно смогут творить зверство над гражданским населением, которое оказывало содействие союзникам». По его мнению, единственное, что может спасти невинных людей от ужаса большевизма, — продвижение союзников на Званку для соединения с силами Юденича, чтобы вместе взять Петроград. Тем самым будет сохранен престиж союзников и нанесен твердый удар по общему врагу Европы. Чайковский с горечью отметил, что нельзя не признать всей неблагоприятности политики союзников, бросивших их в тот момент, когда большевики находились как будто при последнем издыхании; даже если бы британские войска оставались на своих местах до Рождества (Архангельск при помощи ледоколов открыт для навигации до января), много было бы сделано для спасения положения и большевики не получили бы того нравственного толчка, которым стала английская эвакуация. Военные действия необходимо продолжить, считал он, — если союзники покинут Россию, она всецело подпадет под владычество Германии и ее северный регион ожидает такое же кровопролитие, как и повсюду в России.

Член нижней палаты английского парламента Кенворти в *Daily News* от 3 сентября, со ссылкой на военного министра, назвал цифру затрат Великобритании на войну с Советской Россией: кроме

невозвратных торговых убытков со времени перемирия были затрачены большие денежные суммы — 70 млн ф. ст.

В английской «Белой Книге» приведены подробные данные о стоимости содержания британских войск и флота, действовавших против большевиков, а также о других расходах Великобритании в России:

— Оккупация и эвакуация Архангельска и Мурмана — 17.910.000 ф. ст.

— Содержание Кавказской армии — 2.860.000 ф. ст.

— Морские операции на Балтийском и Черном морях — 5.200.000 ф. ст.

— Помощь адмиралу Колчаку — 14.430.000 ф. ст.

— Помощь генералу Деникину — 25.050.000 ф. ст.

— Помощь Балтийским республикам и Северо-Западной армии — 2.835.000 ф. ст.

Всего — 70 млн ф. ст. или же около 2 млрд франков¹²⁹.

5 ноября 1919 г. *Daily Chronicle* в статье о цене английской поддержки белых армий писала, что сходство между «Белой книгой» О. Чемберлена и «Белой книгой», показывавшей расходы Великобритании в России со времени перемирия до 31 октября 1919 г., заключалось в том, что значение и той и другой легко поддавались ложному толкованию. «Если мы остановимся на голых цифрах, то увидим, что общая сумма составляет 79.830.000 ф. ст., к которым нужно прибавить еще около 15.000.000 ф. ст., обещанных генералу Деникину, как последний взнос». Но при более внимательном рассмотрении картина выглядит иначе: расходы на Архангельскую и Мурманскую операции «достигают 17 и ¼ млн. (обе операции относились еще к войне с Германией и имели мало общего с походом против большевиков). Наша цель в Северной России заключалась только в том, чтобы вывести оттуда наши отряды, не оставив русских союзников в безвыходном положении. Цена, затраченная на достижение этой цели, не может считаться высокой и только подчеркивает предубеждение оппозиции, кричавшей о том, что экспедиция в Северную Россию — это пропасть, поглощающая английские финансы. 3 с четвертью миллиона ушли на содержание в Закавказье британской армии, выполнявшей полицейские функции и оберегавшей интересы союзных держав. Еще 6 350 000 были затрачены на морские операции в Балтийском и Черном морях; не будь их, живущие на побережье морей народы оказались бы отре-

---

¹²⁹ Там же. Д. 31. П. 4. Л. 5.

занными от союзной Европы и обреченными на хаос. Крупную статью, а именно 46 935 000 фунтов, составил расход на поддержку Балтийских государств, Юденича, Колчака и Деникина. Большая часть этой суммы досталась Деникину. 29 550 000 (около $\frac{2}{3}$ этой суммы) вложены в товар, не имевший сбыта на мировом рынке, т.е. пушки, снаряды, танки, аэропланы и т.п., которые не могли бы быть использованы иным путем, а их уничтожение — очень дорого. Из числа упомянутых выше 15 000 000, не менее 12 000 000 представляли стоимость товаров «не ходких». Кроме остального, все это снабжение было выдано в виде займа, по которому будет уплачено, как только падение большевистского строя окажется совершившимся фактом. В этом случае мы не только не понесем убытки, но сэкономим 41 миллион с четвертью на товарах, реализовать которые другим путем невозможно», — писала газета. Ответ на вопрос, к чему привели эти расходы, можно было увидеть на карте России. Летом 1918 г. Деникин, начиная командовать отрядом в 5 тыс. чел., загнанных в уголок Северного Кавказа, увеличил свое войско до 400 тыс. чел., его правительству были подчинены $\frac{2}{5}$ народонаселения Европейской России, включая большинство крупных городов, весь угольный район и лучшие области плодородных губерний¹³⁰.

Обсуждая вопрос об эвакуации из Архангельска, в частности *The Times* от 29 сентября 1919 г. в передовой писала, что это никоим образом не должно восприниматься, как отказ от ответственности за то, что произойдет в России. Правительство Великобритании отвечает за защиту своих интересов во всем мире и поэтому не может быть безразлично к благополучию такой страны, как Россия. Эвакуация не означала отказа Англии поддерживать «здоровые элементы» в России, напротив, ее обязанностью стало покровительство другим ее регионам; уход из Архангельска следовало рассматривать только как уплату долга, оставшегося после войны с Германией. Обязанностью всех союзников было не дать большевикам закрепить за собой политическое положение в восточной части Прибалтики; действовать так, чтобы новое правительство, которое сменит большевиков, было им благодарно за помощь и надеялось на дальнейшую поддержку в деле возрождения российского государства. В противном случае оно могло обратиться к Германии, и опасность, с которой боролись союзники, возродилась бы в новом, еще более устрашающем виде.

---

¹³⁰ Там же. Д. 32. П. 4. Л. 127.

Между тем прибывший с Мурманского фронта русский офицер рассказывал, что англичан там уже нет. Последние их части 26 сентября вернулись на родину; на фронте только русские части под предводительством генерала Скобелицина, имевшие на несколько тысяч человек меньше, чем большевики (11 тыс. чел.), но так как люди Скобелицина хорошо обучены, то надеются, что и без англичан смогут оказать большевикам сопротивление¹³¹.

10 сентября 1919 г. в пригороде Парижа Сен-Жермен-ан-Ло был подписан мирный договор с Австрией, которая обязывалась признать все территориальные изменения, произведенные державами Антанты в Европе, а также независимость вновь образовавшихся государств. Любые действия, направленные на изменение своего независимого статуса без согласия на то Лиги Наций, Австрии запрещались (речь шла об объединении с Германией). За выполнением военных статей Сен-Жерменского договора, ограничивавших численность австрийской армии до 30 тыс. чел. и запрещавших ей иметь тяжелое вооружение, авиацию и флот, вводился строгий контроль победителей. Аналогичными постановлениям Версальского договора были решения в отношении репараций. В них оговаривалось и право России на репарации с Австрии.

В конце сентября 1919 г. Верховный Совет Антанты возбудил вопрос об усилении блокады Советской России, в связи с этим обсуждались затруднения, которые могли бы возникнуть из-за того, что Германия по вступлении в силу мирного договора получит возможность снова заключить с ней союз. Рассматривался также меморандум комиссии по вопросам прибалтийских стран относительно претензии Финляндии по отношению к Патсамии и Карелии. Однако члены Совета, согласившись изучить вопрос, отметили, что комиссия не имеет права на изменение границ территорий, принадлежащих России¹³². Между тем в конце октября на Парижской мирной конференции Балтийская комиссия, которая в июле предложила Верховному Совету отложить еще один острый — Аландский вопрос до того времени, когда Россия будет в состоянии изложить по нему свое мнение, постановила дольше его не откладывать и решить без участия России.

Глава американской мирной делегации Ф. Пальк в начале октября заявил, что «русский вопрос» в Совете Пяти еще не обсуждался¹³³.

¹³¹ Там же. Л. 144 (Бюллетень Отдела Печати НКВД. 1919. 20.X (№ 40)).

¹³² АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 32. П. 4. Л. 97.

¹³³ Там же. Л. 150.

Американцы требовали активного вмешательства в дела Советской России, главным противником такого вмешательства называли Ллойд Джорджа, отказавшегося от своей прежней политики.

13 октября 1919 г. в Лондоне состоялось собрание, на котором обсуждался вопрос об учреждении «Общества Лиги Наций». На нем присутствовали Г. Асквит и Р. Сесиль, члены парламента, иностранные дипломаты, в их числе представители Франции, Соединенных Штатов Америки, Бельгии, Норвегии, Швейцарии, Японии и Греции, а также влиятельные представители коммерческого мира. Резолюцию, в которой приветствовалось учреждение «Общества Лиги Наций» и предлагалось отмечать 11 ноября как день заключения перемирия, огласил Асквит. Он отметил, что при подписании перемирия Лига Наций была только в проекте, теперь же это понятие вылилось в конкретное соглашение, подписанное 25 государствами. Асквит выразил надежду, что вскоре под этим соглашением будет стоять подпись и Новой России, одержавшей победу над хаосом¹³⁴.

Неблагоприятные политические перспективы для социальной революции на Западе и провал большевизма в Венгрии заставили лидеров Новой России — большевиков обратить особое внимание на Восток. В Великобритании не остался незамеченным принятый ими ряд мер, направленных против английского и японского правительств. Так, «Правда» опубликовала ноту Чичерина, в которой было заявлено, что советское правительство не признает англо-персидского договора; протестует против подчинения Персии и аннулирует все бывшие русско-персидские договоры. Наркоминдел объявил все каспийские порты нейтральными, пообещав аннулировать все концессии, навязанные царским правительством персидскому народу. Заведующий Отделом Востока в Комиссариате Иностранных Дел А.Н. Вознесенский на митинге в Москве в честь независимости Китая заявил, что советское правительство распространяет сотни тысяч прокламаций на китайском языке, сообщающие китайскому народу о поражении Колчака, об аннулировании всех старых законов и о победоносном шествии Советской армии в Сибирь с целью освобождения китайского пролетариата от японского ига; в прокламациях декларировалось признание независимости Китая¹³⁵.

---

¹³⁴ Там же. Л. 180.

¹³⁵ Там же. Л. 173 (Бюллетень Отдела Печати НКВД. 1919. 27.X (№ 45)).

Между тем продолжались приготовления к наступлению белых на Петроград. Северо-западная русская армия получила от союзников вооружение; значительно увеличена была и численность войск: с Архангельского фронта прибыл легион русских добровольцев, бывших на службе у французов; войска князя Ливена вместе с этим легионом образовали ядро наступающей армии; перед Кронштадтом стояла часть флота союзников. Однако Русская Западная армия встречала значительные препятствия: большевики не собирались отступить от Петрограда, враждебно друг к другу относились Юденич и командующий Западной добровольческой армией Бермонт-Авалов; к тому же правительство Северо-Западной России находилось «в явных разногласиях» с находившимися в Париже русскими.

В Париже собралось большое количество разных официальных представительств, политических салонов и «кружковых организаций», представлявших русские интересы. Среди них: русская делегация на мирной конференции (С.Д. Сазонов, Н.В. Чайковский, Г.Е. Львов, В.А. Маклаков, Б.В. Савинков); Русская военная миссия при главнокомандующем союзными силами маршале Фоше (Щербачев и Погуляев); посольство с В.А. Маклаковым и его советником Н.А. Базили во главе; Генеральное Консульство; Канцелярия упраздненного особого политического совещания; Украинская чрезвычайная миссия с графом М.И. Тышкевичем во главе и Белорусская делегация, возглавляемая генералом Кондратьевым и бывшим членом Государственного Совета Н.Н. Ознобишиным. Особую роль в Париже играли монархические кружки, работа которых значительно затрудняла деятельность русских представителей на конференции, из них, впрочем, высказывался там только В.А. Маклаков (по бессарабскому вопросу).

В секретной телеграмме Н.Н. Юденичу 20 ноября 1919 г. С.Д. Сазонов сообщал, что французский министр иностранных дел лично заявил ему, что Франция вместе с Англией будет оказывать им содействие снабжением, во всяком случае, до весны будущего года. Перевод Армии на другой фронт или в Финляндию считался, правда, едва ли выполнимым¹³⁶. Ранее, 19 сентября 1919 г., Е.В. Саблин, представитель белых правительств в Лондоне, извещал, что Черчилль относится скептически к возможности кооперации с Финляндией, полагая, что «в утвердительном случае она потребует слишком высоких компенсаций, что не будет в интересах России»¹³⁷.

¹³⁶ АВП РФ. Ф. 0528. Оп. 1. Д. 20. П. 3. Л. 56.

¹³⁷ Там же.

В послании бывшего военного министра Временного правительства А.И. Гучкова из Лондона адмиралу Колчаку, полученному 17 октября 1919 г., упоминалось, что в Версальском союзническом военном совещании прошло постановление, утвердившее план снабжения Северо-Западного фронта Англией, Францией и Америкой, причем «снабжение русской Северо-Западной Армии исчислено значительно ниже самых скромных потребностей, а снабжение Эстонии, Латвии, Литвы и Финляндии намного превышает действительные потребности»¹³⁸. Гучков привел откровенное признание Черчилля: у представителей союзников на местах нет надежды, что эти армии примут участие в активной борьбе против большевиков, поэтому вооружения их направляются не против большевиков в настоящем, а против будущей России.

Франция проявляла большую активность на Дальнем Востоке. По имеющейся в АВП РФ аналитической сводке¹³⁹, не будучи непосредственно заинтересованной в русском Дальнем Востоке, Франция стремилась использовать его для организации японского «черного буфера» как орудия реставрации Сибири и, возможно, России в целом. Сводка содержала сведения о вероятных переговорах французского посольства в Пекине с японским командованием по вопросу о подготовке контрреволюционного выступления к весне 1920 г.; отмечалось, что японские монархисты в свое время не считали возможным признавать Врангеля, поскольку были заинтересованы в русском Дальнем Востоке как части России, а не в целом, как Франция, способная возместить убытки, причиненные пролетарской революцией в России через реакционное центральное правительство; но с ликвидацией Врангеля возможность соглашения Франции и Японии о совместных действиях на Востоке стала более вероятной¹⁴⁰. Позиция Англии в этом регионе была «неопределенной»: она не была непосредственно экономически заинтересована в русском Дальнем Востоке; интересы ее входили в противоречие с интересами Японии и Америки в других областях Дальнего Востока. Китай — объект игры империалистических сил на Дальнем Востоке — был неспособен как самостоятельная единица участвовать в возможной борьбе между Японией и Америкой. Китайские правящие круги, по мнению автора сводки, представляли агентуру различных империалистов (японских, американских,

---

¹³⁸ Там же. Л. 57.

¹³⁹ Там же. Л. 84—101.

¹⁴⁰ Там же. Л. 93.

английских), и любая попытка путем тех или иных договорных отношений с Китаем добиться противоречия между империалистскими силами была обречена на неудачу. «Центр тяжести» в Китае следовало перенести на подготовку представлявших легко воспламеняющийся материал широких народных масс Китая. Работа «по организации китайских масс», которая уже велась, должна была быть «углублена и расширена путем подготовки кадров китайских товарищей в области партийной, профессиональной и военной работы»¹⁴¹. Если исходить из того, что Япония уклоняется от войны с Россией из-за предстоящей борьбы с Америкой, а конфликт с Америкой откладывается, то опасность вовлечения в борьбу с Японией (в случае ее поддержки белогвардейского продвижения с Востока), может стать реальной, и тогда революционное движение в Китае станет «фактором, удесятеряющим наши силы сопротивления».

С начала проведения буферной политики на Дальнем Востоке советское правительство совершило ошибку, выдвинув на первый план ее политические компоненты, а не экономические. «Буфер устойчив постольку, поскольку он создает возможность для иностранных империалистов, в первую очередь для Японии, мирного закрепления экономической позиции на Дальнем Востоке в результате уступок с нашей стороны», — говорилось в сводке. Автор сводки считал недоказанным предположение, что благодаря буферу удалось отвести японский удар, так как для японцев не была секретом политическая гегемония коммунистической партии в буфере, его органическая связь с Советской Россией и масштаб коммунистической опасности, которую заслоняла ее демократическая видимость. Япония вывела войска из Забайкалья. Она оказалась неспособна материально осуществить оккупацию региона из-за давления внутри страны (в результате экономического и финансового кризиса, обусловленного, наряду с причинами иного порядка, затратами на оккупацию), а также «под натиском других империалистических сил, находившихся в противоречии с Японией». Японское военное командование пыталось добиться от межсоюзного комитета разрешения продвинуть японские войска к границам Маньчжурии, чтобы отбросить партизан, одержавших победу над семеновцами и каппелевцами, и сохранить из «гуманитарных» соображений части белых, прижатые к границам Маньчжурии, для переброски их в Приморье. Предложение японского командования не получи-

---

¹⁴¹ Там же. Л. 96.

ло поддержки: против него голосовали американские и китайские представители. Однако это не означало, что буфер должен был быть уничтожен. При создавшейся на Дальнем Востоке обстановке его уничтожение и установление советской власти означало бы поддержку Японии в ее стремлении получить «мандат на оккупацию». Буфер, бесспорно, должен быть сохранен, указывалось в сводке, но с тем, чтобы была намечена определенная экономическая база переговоров с Японией¹⁴². Есть основание полагать, резюмировал автор сводки, что Франция, готовившая новый нажим против советской власти на Западе, нашла верного союзника в лице японского империализма для одновременного нажима с Востока. (Дальний Восток при этом должен был играть роль контрреволюционного возбудителя для предрасположенной к таким действиям Сибири.) Вероятность «нажима» с Востока определялась существованием и использованием противниками Советов русской армии, сколоченной из каппелевцев, семеновцев, гродековцев¹⁴³.

В докладе французского генерального штаба А. Мильтерану, сменившему в январе 1920 г. на посту премьер-министра Франции Ж. Клемансо, содержалось красноречивое признание, что Красная армия не такая, как все, и весь боевой опыт на Востоке не давал французам нужных познаний для понимания событий этой «странной антибольшевистской войны»¹⁴⁴. Что касается Запада, то после изучения ситуации на фронтах российской Гражданской войны французские военные аналитики сообщали, что необходимы срочные меры: с одной стороны, следовало упорно работать над усилением польской армии и Врангеля и всеми средствами препятствовать созданию Красной армии; не отзываться французских офицеров из Польши и не прекращать доставку туда снаряжения и обмундирования. С другой стороны, следовало с помощью умелой пропаганды «заручиться верностью нескольких предводителей шаек, оперирующих вокруг Врангеля». Необходимо было усилить межсоюзнический контроль в Балтийском море, в Восточной Пруссии и в «германо-большевистском соединительном знаке» — Литве¹⁴⁵.

Позднее, в ноябре 1922 г., М.М. Литвинов писал, что интервенцию в России и дальнейшие враждебные действия против нее французское правительство оправдывало и оправдывает тем, что оно фактически

---

¹⁴² Там же. Л. 100.

¹⁴³ Там же. Л. 101.

¹⁴⁴ Там же. Л. 102.

¹⁴⁵ Там же. Л. 105.

защищает интересы русского народа против советского правительства. В ноябре 1919 г. западная пресса отмечала, что сохранением своей власти большевики обязаны реакционности Колчака и Деникина, притеснению последним украинцев, взаимному раздору Прибалтийских государств, наступлению германцев на латышской и т.д. Большевики сумели воспользоваться разногласиями между великими державами и предотвратить общее наступление против них, в этом-то им и помогла реакционность белых. Большевики смогли объяснить народу, какая ситуация возникла бы в России, в случае победы Белого движения. Пресса сообщала и о получении Советской Россией помощи от Германии. Так, 8 ноября 1919 г. финская газета *Helsingin Sanomat* напечатала перехваченную телеграмму Ленина П.Р. Бермонту-Авалову: «Сердечное спасибо вам и генералу фон дер Гольцу за доставленную вами помощь моей Красной армии в длительной войне с контрреволюционерами. Весь рабочий мир может засвидетельствовать, что вы оба являетесь теми героями, которые спасли Петроград».

К середине ноября из Парижа была получена информация, что великие державы решили «русский вопрос» оставить на усмотрение Лиги Наций; над теми регионами России, на которые не распространялась власть большевиков, предполагалось установить протекторат великих держав.

Тяготы Гражданской войны, напряженность отношений с западными державами в ходе их военного вмешательства во внутриполитическую борьбу в Советской России, попытки организовать ее экономическую блокаду увеличивали заинтересованность большевиков в развитии торговых отношений с Германией. В силу своего поражения в войне и тяжелых условий мирного договора торговля с Германией должна была занять особое место во внешнеполитических расчетах советского руководства. Не говоря уже о том, что «альфой и омегой советской внешней политики была ставка на разжигание противоречий между другими державами»¹⁴⁶. Однако все попытки Советской России после разрыва отношений с Германией наладить конструктивный диалог не имели успеха. Ситуация изменилась лишь в середине 1920 г. во время советско-польской войны, когда Германия сделала ставку на Россию как на силу, противостоящую Антанте и способную облегчить ее положение. Но осложненный результатами советско-польской войны

---

¹⁴⁶ См.: Случ С.З. Германия и СССР в 1918—1939 гг.: мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1995). М., 1995. С. 40.

и пропагандистской деятельностью большевистских эмиссаров в Германии советско-германский диалог в торгово-экономической сфере оставался практически на нуле и осенью 1920 г.

«Неразгаданная» позиция Англии в «русском вопросе»

8 ноября 1919 г. на банкете в Гильд Холле в речи лорда мэра Лондона прозвучала надежда на то, что Лига Наций станет средством к достижению длительного мира. Ллойд Джордж в своем выступлении заявил, что окончилось время страшной угрозы, которая в продолжении полувека набрасывала тень на Европу, но все еще остаются известные опасности. Требуется решения ряд вопросов, в первую очередь — Адриатический: несмотря на все затруднения, справедливое решение по отношению к интересам союзников итальянцев будет найдено, но следует быть справедливыми и к тем народам, которые освободились из-под австрийского ига, чтобы встать на сторону союзников, прежде всего, к итальянцам, сказал Ллойд Джордж. В турецком вопросе у союзников было единство мнений: проливы Черного моря должны быть свободны для всех народов и контроль над ними не мог быть более предоставлен державе, которая обманула возложенное на нее доверие и по приказанию Пруссии закрыла проливы для союзников. (Следует отметить, что в то время Великобритания использовала проливы в своих стратегических целях, установив их блокаду.)

Что же касалось «русского вопроса», то претендовать на единодушное его решение было нельзя: «Мы не можем пользоваться никаким миром, если нет мира в России, но здесь перспективы неблагоприятны, — заявил Ллойд Джордж. — Еще неделю назад была надежда на быстрое разрешение вопроса. Сегодня же все указывает на долгую и кровопролитную борьбу»¹⁴⁷. Наступление на Петербург и продвижение Деникина на Москву было приостановлено; известия из Омска мало утешительны. Ллойд Джордж, и раньше предсказывавший, что большевизм не может быть подавлен силою меча, сказал, что для восстановления мира и порядка в России следует обратиться к другим методам. Терпеть хаос в России цивилизованный мир не может, но и ожидать возврата к нормальному положению за один год, конечно, нельзя. Для этого необходимы два условия: работа и доверие.

---

¹⁴⁷ АВП РФ. Ф. 56-6. Оп. 1. Д. 31. П. 4. Л. 176 (Бюллетень Отдела Печати НКВД. 1919. 28.XI (№ 69)).

Как сообщалось в печати, после выступления английского премьера в европейских руководящих политических кругах ни о чем другом не говорили, как только о «русском вопросе». Речь Ллойд Джорджа побудила к бурному обмену мнениями. Как в Англии, так и во Франции она была воспринята как намерение в недалеком будущем начать переговоры между Россией и ее противниками. В то время, как блокада Советской России усиливалась, столь резкая перемена позиции одного из лидеров великих держав не могла не вызвать «бурю» по обеим сторонам Ла-Манша. Правда, через несколько дней Ллойд Джордж попытался смягчить произведенное его словами впечатление, опубликовав официальное разъяснение, что союзникам следовало бы сделать первый шаг, созвав русские борющиеся партии на новую конференцию, подобную конференции на Принцевых островах. Ллойд Джордж хотел лишь сказать, что было бы желательно заключение перемирия между Советской Россией и ее недругами. Только после этого можно было бы думать об успешном посредничестве союзников в русских делах. Однако эти разъяснения не произвели должного эффекта, и как английская консервативная, так и французская пресса продолжали нападки на Ллойд Джорджа, указывая на неустойчивость его политики, склонной меняться под влиянием «любого дуновения ветра».

Любопытно, впрочем, проследить, как исходя из разных позиций, английские и французские газеты сходились в критике русской политики Ллойд Джорджа. Английские консервативные газеты видели опасность в том, что примирительные шаги по отношению к Советской России бросят всех русских, кто сражался против большевиков, в объятия Германии, тогда политическое влияние союзников в России будет потеряно навсегда, Германия же подчинит Россию своему влиянию и получит многократное возмещение понесенных ею во время войны убытков.

Во Франции крепили опасения, что целью «колеблющейся» русской политики Ллойд Джорджа является поддержка перманентного состояния развала в России и укрепление в ней английского влияния. Газета *Temps*, в частности, по этому поводу писала, что английские намерения в отношении России резко противоречат насущным интересам Франции, которая стремится создать Великую единую Россию, тогда как Англия — разделить ее на куски¹⁴⁸.

---

¹⁴⁸ Там же. Л. 178.

Английскую тактику поддержки всех российских правительств сравнивали с тактикой Брест-Литовского договора, с той лишь разницей, что вместо Германии защитницей автономных государств Прибалтики и Кавказа называли другую великую державу — Англию, что послужило бы важным фактором расширения сферы английского влияния в мире. Единственно разумной, с точки зрения интересов Франции, политикой являлась энергичная поддержка Деникина, Колчака и Юденича в их стремлении воссоздать прежнюю Великую Россию. Помощь окраинным государствам была несовместима с такой политикой, не говоря уже о примирении с Советской Республикой. Франция испытывала сомнения в отношении политических расчетов своей союзницы, что, в свою очередь, породило неблагоприятный отклик не только среди английских противников Ллойд Джорджа, но и в лагере его сторонников. Появившееся вскоре в прессе сообщение о том, что М.М. Литвинов вел в Лондоне переговоры с некоторыми министрами коллегами Ллойд Джорджа, только подтвердило, что политик продолжительное время выступал под двумя масками: объявляя с союзниками усиленную блокаду Советской России и оказывая тем помощь Колчаку, Деникину и Юденичу, в то же время он не отвергал и предложения посланцев Ленина о налаживании контактов.

В конце концов, неопределенность русской политики английского премьера привела к оживленным дебатам в нижней палате парламента Великобритании. На Ллойд Джорджа и справа и слева посыпались запросы с требованием ясного освещения русской политики его правительства. Давая пространные пояснения по поводу царившего в России хаоса, военного положения Колчака и Деникина и оказываемой им союзниками помощи, на главный вопрос премьер-министр так и не дал четкого ответа. Но уточнил, что правительство намерено в русских делах принять за исходный пункт свою прежнюю политику, и подтвердил, что ее конечной целью всегда было достижение мира в России. Поэтому «английское правительство было всегда готово пользоваться всеми положениями для установления режима, который действительно бы обеспечил мир, порядок и конституционное правительство в России, на условиях, одобренных самим русским народом»¹⁴⁹. Ранее уже предлагали созвать конференцию, где министры союзных и дружественных держав могли бы обсудить вопросы, которые мир-

---

¹⁴⁹ Там же. Л. 178.

ная конференция в Париже по разным причинам не имела возможности разрешить. Одним из таких вопросов и был «русский вопрос». Ллойд Джордж не отрицал готовности созвать такую конференцию, но прикрывался рассуждениями о совместной политике союзников, в свое время считавших так же, как и он. И так как Англия последовательно придерживалась своей прежней политики, какие же могли быть дополнительные разъяснения? Ллойд Джордж произнес лишь несколько конкретных фраз: переговоры с посланцами Ленина велись без его ведома, никто с его ведома не входил в контакт с большевиками по поводу мирных переговоров; предполагаемые же переговоры между английскими представителями и М.М. Литвиновым по вопросу об освобождении военнопленных не должны рассматриваться как политические переговоры с большевиками. *The Times* в номере за 14 ноября назвала их единственным утешительным местом во всем длинном объяснении премьер-министра, а позицию Ллойда Джорджа в «русском вопросе» — по-прежнему весьма колеблющейся и неразгаданной.

Желание мира в английских правительственных кругах стало следствием поражения белых армий. Не известно было только, каким образом начать мирные переговоры, писала в те дни *The Times*: Ллойд Джордж «стеснялся первым пожать руку Ленина, вот если бы другие союзники присоединились к этому рукопожатию, то тогда он готов решить спор и даже распределить всю добычу»¹⁵⁰.

Лидер либеральной партии Г. Асквит, выступая в Оксфорде 16 ноября 1919 г., говорил об ошибочности политики Великобритании в «русском вопросе». По его мнению, существовало только два варианта политики по отношению к России: один из них — рассматривать большевизм, как настолько сильную угрозу всему цивилизованному миру, что необходимо международное воздействие для его уничтожения. *The Manchester Guardian*, опубликовавшая на следующий день его выступление, зафиксировала и реакцию публики на его слова: после возгласов «позор» Асквит уточнил, что говорит не о желательной, а о возможной политике (возгласы одобрения). Единственное, что возможно для реализации этой цели — открыто вступить в союз с Колчаком и другими антибольшевистскими военными вождями, поддерживать их деньгами, снаряжением и людьми во что бы то ни стало и до конца. На его взгляд, это никуда не годная политика (одобрение). Другая по-

---

¹⁵⁰ Там же. Л. 179.

литика — рассматривать вопрос о русском правительстве, как дело самого русского народа (о д о б р е н и е). По мнению оратора, в этом не следовало усматривать симпатии к большевизму, который оставался формой тирании; но такая политика не сделала бы державы Согласия ответственными за замену одних правителей России другими, конечные цели и методы которых не известны. Единственная задача союзников — защищать независимость и свободное развитие новых стран от нападения и угроз как Германии, с одной стороны, так и русских большевиков и антибольшевиков — с другой. Однако ни того, ни другого не делалось, лишь повторялись торжественные уверения, что будущее России должно решаться самой Россией, и в то же время блокировались ее порты, бомбардировались крепости и снабжались всем необходимым антибольшевистские генералы. Несомненным было лишь то, что обещанное занятие Петрограда и Москвы далеко чем когда бы то ни было от осуществления. Если будущее мира основано на солидном и прочном фундаменте, подчеркнул Асквит, то не может быть повторения этого колебания и метания из стороны в сторону¹⁵¹.

Поддержать отказ премьера от политики авантюр в России призвал всех либералов и свободомыслящих британский государственный и политический деятель Джон Саймон, напомнив яркое послание, с которым обратился к английскому народу член военного кабинета генерал Сметс: «У меня есть серьезное сомнение в судьбе той политики, которую мы преследуем в России. Россию можно спасти только изнутри усилием самих русских, действующих соответственно с русскими методами и идеями. Наши военные силы, широкая поддержка танками и другими военными материалами может на время укрепить одну сторону, но трудность решения задачи — далеко за пределами такого рода воздействия. Оставьте Россию в покое, снимите блокаду, проводите политику дружественного нейтралитета и беспристрастия по отношению ко всем борющимся группам. Будьте терпеливы с больной Россией, уделите ей время и подарите ваши симпатии и ожидайте результата ее выздоровления»¹⁵².

Выразив сожаление, что английское правительство сделало шаг навстречу большевикам, лорд Сесиль во время дебатов в парламенте по «русскому вопросу» тем не менее признал, что военное вмешательство в русские дела невозможно. Но не потому, что у Великобритании

---

¹⁵¹ Там же. Л. 111—112.

¹⁵² Там же. Л. 112.

не хватило бы на это живой силы или денежных средств: недопустимо действовать против воли нации. Подавление большевизма в России вооруженной силой довело бы Британию до разорения, которое, в свою очередь, могло бы вызвать в ней нежелательные большевистские настроения¹⁵³. Политика интервенции потерпела крушение, сказал лорд, но соблазниться легкостью выполнения и дешевой полумер было бы большой ошибкой. Субсидии, снабжение военными материалами, инструкторами только затягивали Гражданскую войну в России и агонию страны. Между тем призрак голода надвигался повсеместно и великим державам следовало бы направить все усилия на разрешение гораздо более важной задачи: наступавшая зима несла опасность всей Европе. «Мы все еще держим Россию под блокадой и частично блокируем Германию, и в этих странах уже появился призрак голода. Задолго до реализации урожая будущего года число жертв мирного времени превысит число жертв пятилетней войны: запасы продовольствия в Европе недостаточны, большинство ее населения должно либо эмигрировать, либо умереть с голода. Россия больше всего нуждается в мире и мир больше всего нуждается в мире в России: приток крупных хлебных запасов отсюда был бы весьма благоприятным для продовольственного положения Европы»¹⁵⁴.

Советские руководители были ознакомлены почти со всеми английскими газетами за 18 и 19 ноября 1919 г., содержащими отрицательную характеристику дебатов по «русскому вопросу» в палате общин 17 ноября. Так, *The Times* писала, что комментировать дебаты по внешней политике, в частности по «русскому вопросу» стыдно, так как неправильные аналогии, странная полемика, бесцельный обмен мнениями не давал никакого представления о том, что необходимо для обеспечения спокойствия России и успеха того дела, за которое она проливала кровь. Единственным оратором, высказавшимся определенно, но не понятым коллегами, газета назвала полковника Уорда. Побывав в России, Уорд подчеркнул, что все увиденное там произвело на него ужасное впечатление и что он не колеблясь ответил бы своему оппоненту: «Если вспыхнет революция, мы станем жить так, как живут в джунглях. Если бы мой уважаемый коллега пожелал сделать Англию ареной деятельности такой банды, которая работает в России, я бы не стесняясь убил бы его при первой же возможности»¹⁵⁵.

¹⁵³ Там же. Л. 126 (Бюллетень Отдела Печати НКВД. 1919. 19. XII (№ 81)).

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же. Л. 132 (Бюллетень Отдела Печати НКВД. 1919. 24. XII (№ 82)).

Ни один из членов палаты общин не отнесся трезво к русской проблеме, рассматривая ее сквозь призму противоречивых слухов, писала газета, а вопрос между тем очень серьезный: можно оставить дружественный русский народ в горе после того, что он для Англии сделал во время войны, или помочь ему освободиться от кровавой тирании. Однако в связи с тем, что средства союзников ограничены и вооруженная интервенция для уничтожения большевизма невозможна, следовало усилить позицию русских друзей, оказав им наибольшую моральную и материальную поддержку. В противном случае придется считаться с тем фактом, что против союзников будут сражаться объединенные армии большевиков и Германии.

Daily News 18 ноября отметила, что заявление Р. Сесилия о том, что присутствие иностранных войск в России приведет к продолжению агонии гражданской войны, не нуждается в защите: с окончанием иностранного вмешательства в русские дела завершится и гражданская война, по всем признакам, большевистской победой. Отмечая разногласия по «русскому вопросу» среди членов кабинета и противоречивость английской политики в отношении России, газета писала, что декларация премьера не решила «русского вопроса».

Достижение мира в России оставалось одной из главных задач мировой политики. Для ее решения Ллойд Джордж предлагал очередную конференцию; Роберт Сесиль утверждал, что лучшим судьей в «русском вопросе» будет Совет Лиги Наций; по мнению лидера лейбористской партии Артура Гендерсона, для исследования вопроса Лига Наций должна послать компетентную комиссию в Россию.

В Советской России откликнулись на заявление Ллойд Джорджа о мирном урегулировании отношений. 19 ноября 1919 г. Г.В. Чичерин дал интервью корреспонденту газеты *Daily News* Артуру Ренсому. «Заявление Ллойд Джорджа о том, что английское правительство уже не стремится раздавить нас оружием контрреволюционных генералов, — сказал нарком, — а стремится мирным образом уладить свирепствующую в России борьбу, и его дальнейшее заявление о намерении созвать конференцию с участием всех воюющих в России правительств, заслуживают, несомненно, очень серьезного внимания и притом в положительном смысле. Я усматриваю в этих заявлениях утешительный признак поворота английского правительства по отношению к России к здоровой политике, скажу более, к политике реальных интересов Англии. Это первый шаг к установлению нормальных отношений с Россией, отношений, вполне возможных даже при существовании глубо-

ко отличающихся один от другого режимов в Англии и России»¹⁵⁶. В повороте английской политики Чичерин видел в значительной степени влияние английского организованного рабочего движения. (Именно рабочее движение Великобритании приостановило интервенцию в России в 1919 г. и помешало объявлению ей войны в 1920 г., заявил в сентябре 1925 г. председатель политической группы рабочей партии англо-русского парламентского комитета Уолхед.)¹⁵⁷ Однако на этот шаг Ллойд Джорджа, как отметил глава НКВД, оказали влияние не только тредюнионы, но и английские деловые круги, не желавшие долгие жертвовать своими интересами. Заявление Ллойд Джорджа Чичерин назвал поворотом к политике реальных интересов Англии, а также попыткой английского премьера «эманципироваться из-под ферулы Клемансо». Дав чрезвычайно высокую оценку политическим способностям Ллойд Джорджа и особенно его умению ориентироваться в сложной международной обстановке, Чичерин выразил недоумение в связи с «безграничной уступчивостью» английского премьера по отношению к французскому правительству. По мнению наркома, политика Франции в тот момент отличалась близорукостью и «вдохновлялась исключительно страхом» перед возрождением Германии, бросаясь из одной политической системы в другую: то возлагая надежды на сильную восстановленную монархическую Россию в качестве германского противовеса, то проникаясь новым страхом, что монархическая Россия будет прислужницей Германии¹⁵⁸. «Захолустную провинциальную ограниченность» политических взглядов правительства Франции, «низкий уровень его международной политики» Чичерин объяснял ее слабым экономическим развитием, как страны ростовщиков, зависимой в финансовом отношении от Англии и Америки. «Почему же, ради чего руководитель политики британской мировой империи жертвовал интересами последней в угоду нелепым требованиям упрямого и узкого Клемансо? Между тем, именно такой смысл имела вся интервенция Англии в России», — сказал в интервью Чичерин¹⁵⁹. Дипломатичными эти высказывания наркома назвать трудно, да и цель его, по-видимому, была в другом: вбить клин в отношения Франции и Англии, сыграть на их, порой противоречивых интересах.

¹⁵⁶ Там же. Ф. 69. Оп. 4. Д. 4. П. 4. Л. 14.

¹⁵⁷ Там же. Ф. 56. Оп. 7. Д. 5. П. 68. Л. 105.

¹⁵⁸ Там же. Ф. 69. Оп. 4. Д. 4. П. 4. Л. 16.

¹⁵⁹ Там же. Л. 16.

Констатируя поворот в английской «русской политике», Чичерин сказал, что поворот означает, что правительство Англии стало смотреть трезво, по-деловому на отношение к России — экономические отношения принесли бы выгоду как России, так и Англии: «Деловые круги последней давно ощущают потребность в нашем сырье и в возможности использования нашего рынка, и нам необходим английский клиент и английский поставщик». Чичерин также говорил о том, что кроме потребности в мире России необходимо экономическое содействие со стороны наиболее развитых передовых стран, в первую очередь, Англии, выразив готовность идти даже на жертвы ради установления с ней тесных экономических связей. Нарком приветствовал заявление английского премьера как первый шаг по направлению к здоровой, отвечающей интересам обеих стран, реальной политике.

Великобритания и Франция являлись крупнейшими кредиторами России, они не могли забыть о финансовых последствиях русской революции, однако между ними существовали различия в трактовке русской проблемы. В то время как «Англия, видимо, плыла в фарватере социал-революционных догм Керенского, Франция убежденно приняла на буксир мертвый балласт всех “бывших” людей из России, которые сконцентрировались в Париже»¹⁶⁰. Италия в «русском вопросе» шла своим путем, не выделяя ни денег, ни оружия на «русские дела». Очень сдержанна была и итальянская пресса в его трактовке. В фарватере Франции не плыли и Соединенные Штаты. О французских долгах Америке, о последствиях Первой мировой войны в журнале *The Observer* 16 мая 1925 г. была напечатана статья американского сенатора Бора. В этой статье в противовес заявлениям ряда английских экономистов, в частности, Кейнса, что долги эти не коммерческие, а политические, что Франция поставляла на фронты Мировой войны людскую силу, Англия — морскую, а Америка — денежную, сенатор Бор утверждал, что Англия и Франция в результате войны выиграли громадные территории в то время, как США не получили ничего. Однако если принять во внимание мобилизацию людских ресурсов, писал Бор, то Россия смогла бы, таким образом, покрыть все свои долги союзникам: она «мобилизовала 14 млн человек, которые дрались на фронтах длиной в 3500 миль. Она потеряла 2 500 000 убитыми и 3 000 000 ранеными, 2 000 000 пленными, из ко-

---

¹⁶⁰ Дьяконова И.А. 1917 год в России: гибель и возрождение: из швейцарского архива // Мир и политика. 2009. № 11. С. 84.

торых половина вымерла в плену. Это ее солдаты, как говорил Ллойд Джордж, во время кризиса спасли цивилизацию»¹⁶¹.

РСФСР «желает жить в мире со всеми народами...»

Идея об установлении мира на внешних рубежах Советской России постепенно пробивала себе дорогу даже в умах самых закоснелых сторонников распространенного тогда в России лозунга «Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем»¹⁶². Советские руководители не могли не учитывать тот факт, что у лидеров западных стран наметились отход от категорического непризнания Советской России и стремление к более реалистичному подходу к контактам с Москвой некоторых деловых кругов, в частности, английских. В начале декабря 1919 г. на VIII конференции РКП (б) Г.В. Чичерин подчеркнул, что «крупная часть правящих кругов Антанты пришла к осознанию необходимости примириться с Советской Россией»¹⁶³. На основе доклада главы НКВД был выработан проект резолюции о международном положении, предложенный VII Всероссийскому съезду Советов, в котором говорилось, что РСФСР «желает жить в мире со всеми народами и направить все свои силы на внутреннее строительство, чтобы наладить производство, транспорт и общественное управление на почве Советского строя, чему до сих пор мешали вмешательство Антанты и голодная блокада». В связи с этим Советская Россия предлагала всем «державам Антанты, Англии, Франции, Соединенным Штатам Америки, Италии, Японии, всем вместе и порознь, начать немедленно переговоры о мире»¹⁶⁴.

Вместе с тем в основе международной политики руководства Советской России по-прежнему лежало стремление соединить ожидание и содействие мировой революции с непрекращающимися усилиями по созданию мирной обстановки вокруг советского государства. Зарубежная пресса напечатала заявление наркома иностранных дел о готовности Советской России заключить мир, но при условии, что все военные операции на территории бывшей Российской империи будут немедленно прекращены и блокада России снята. Главными поводами стремления Советов к миру

¹⁶¹ The Observer. 1925. 16.05.

¹⁶² *Нежинский Л.Н.* Указ. соч. С. 78.

¹⁶³ Восьмая конференция РКП (б). Декабрь 1919 г. Протоколы. М., 1961. С. 52.

¹⁶⁴ Там же. С. 54.

были названы нежелание навязывать кому бы то ни было коммунистический образ правления и тяжкий вред, нанесенный блокадой.

13 декабря 1919 г. Чичерин получил письмо от бывшего члена российского посольства в Лондоне Н.А. Семенова¹⁶⁵, в котором тот «ввиду начинающих предварительных мирных переговоров с Антантой и возможности в ближайшем будущем действительных переговоров», предлагал включить в состав российской мирной делегации специалистов по военным вопросам, мнение которых необходимо при установлении пунктов договора о границах со смежными государствами и «возможных иных чисто военных и военно-морских сторон договора». Бывший капитан, хорошо знакомый со странами Антанты, Семенов предлагал услуги как свои, так и бывшего капитана первого ранга В. Саговского, одного из лучших в России специалистов по военно-морским, торгово-транспортным и судостроительным вопросам. Семенов напоминал, что в архиве советского посольства в Лондоне, привезенном М.М. Литвиновым в Москву, находятся список и материалы о всех русских судах, захваченных Антантой. Этот список автор письма передал из Судходной комиссии русского правительственного комитета в Лондоне, секретарем которой он был. По его мнению, в договор необходимо включить пункт о возврате упоминаемых судов Советской России, возмещение убытков за потопленные и испорченные суда и уплату за время пользования ими, а также за связанные с этим денежные убытки. Кроме того, в качестве условия договора должно быть выдвинуто требование передачи архива русского правительственного комитета в Лондоне, Нью-Йорке и Париже, содержащего ценные материалы для российской промышленности и торговли.

Блокада Советской России вызывала возмущение и протест социалистов западных стран. Так, социалисты Италии включили в свою программу требования признания правительства Ленина, установления с Москвой политических и экономических отношений. Горячее воззвание под заглавием «Мы обвиняем» напечатал в «Юманите» Анри Барбюсс. Он обвинил правительства Антанты в оказании поддержки «слугам царизма вроде Колчака и Деникина» и одобрении действий германских вооруженных отрядов на защиту реакции в России. «Интернациональный союз империалистов, милитаристов и коммерсантов борется против социалистического

---

¹⁶⁵ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 4 Д. 5. П. 4. Л. 9.

строю России, основанном на принципе равенства. Надо спасать русскую правду, чтобы не погибла общечеловеческая правда, — писал Барбюсс. — Должен же народ знать, наконец, против кого ему надо идти, должен понять, что, укрепляя реакцию в России, он наносит себе самому величайший вред»¹⁶⁶.

Французские, итальянские, скандинавские социалисты протестовали против участия своих правительств в борьбе с Советской Россией. Немедленного заключения мира с ней требовали и социалисты Великобритании. После окончания войны и Версальского мира положение Британской империи по сравнению с другими странами упрочилось. Британия добилась юридического оформления захвата новых колониальных владений, достигнув максимального размера территории за все время своего существования; стала одним из наиболее влиятельных членов Лиги Наций, заняв прочные позиции в ее руководящих органах; ей удалось не допустить доминирования в Европе Франции и чрезмерного ослабления Германии, вследствие чего немецкое государство могло играть роль «противовеса» по отношению и к Франции, и к России. Между тем лидеры рабочей партии Великобритании, Сноуден и Дж. Лэндсбери, заявляли, что ни одна из жестокостей Красной и белой армии не была так ужасна, как объявленная Советской России блокада, требовали от своего правительства немедленного вывода английских войск из России; прекращения снабжения оружием белой армии, и заключения мира с советским правительством на основе самоопределения всех национальностей в России.

Перед политической элитой государств послевоенной Европы, помимо проблем, связанных с ликвидацией последствий Мировой войны и восстановлением внутренней жизни в собственных странах, помимо проблем взаимоотношений с Советской Россией, стояли и другие проблемы. Непросто складывались внутриблоковые отношения в Антанте. Еще в декабре 1918 г. лорд Д.Н. Керзон, в то время заместитель министра иностранных дел Великобритании, писал, что великая держава, которую больше всего следовало бояться англичанам в будущем, это Франция¹⁶⁷. Последняя была озабочена поиском антигерманской комбинации. Включение же американского фактора в европейскую систему носило временный характер.

¹⁶⁶ АВП РФ. Ф. 56 б. Оп. 1. Д. 32. П. 4. Л. 51 (Бюллетень Отдела Печати НКВД. 1919. 11.XII (№ 76)).

¹⁶⁷ См.: Магадеев И.Э. Британские оценки французской угрозы в 1920-е гг. // Военно-исторический журнал. 2012. № 11. С. 25.

Однако Великобритания и Франция, не желавшие терять плоды своих побед, понимали необходимость тесного союза как гарантии всеобщего мира; колониальные интересы не должны были вносить разлад между великими державами. Из Парижа пришло сообщение, указывавшее на дружественные отношения Франции и Англии к Италии: обе державы решили оказать поддержку итальянскому правительству в его требовании решения Фиумского и Адриатического вопросов.

Советская Россия и державы Антанты в начале 1920 г.

9 января 1920 г. продолжила работу Парижская мирная конференция. По требованию Великобритании в повестку дня, помимо итало-славянского конфликта на Адриатическом море, была включена восточная (турецкая) проблема; несмотря на утверждения, собирались рассмотреть и русские дела. Французские газеты писали в те дни, что если и будет предпринята еще одна попытка создать конференцию на Принцевых островах, то приглашать на нее придется только народных комиссаров, так как их противники исчезли с политической арены.

На позицию западноевропейских стран, особенно Великобритании, в «русском вопросе» воздействовало развернувшееся летом 1920 г. движение «Руки прочь от Советской России!». Французская газета *Temps* 17 января 1920 г. задавалась вопросом: было ли время, когда союзные правительства проявляли последовательную и логичную политику по отношению к России? *«Последовательная политика:* французы теряли Одессу и Крым в то время, как англичане напрягали все силы на поддержку Деникина; союзники парализовали Польшу, удерживали Финляндию, отталкивали Румынию в то время, когда они же снаряжали армию Юденича. *Логичная политика:* проект Принцевых островов и обещания Колчаку, миссия Буллита и помощь Деникину; договор с Персией и эвакуация Кавказа». Все это было весьма противоречиво. Только в декабре 1919 г. Клемансо и Ллойд Джордж договорились замкнуть вокруг большевизма «кольцо из колючей проволоки», теперь же идея «санитарного кордона» экономически становилась нерентабельной, но политически продолжала оставаться актуальной. В 1920 г. вошло в обиход выражение «железный занавес».

L'Humanité 18 января 1920 г. риторически спрашивала: приняла ли Антанта окончательное решение по «русскому вопросу» перед

опубликованием сообщения о частичном и условном прекращении блокады? Никакой общей позиции выработано не было; военные советники Ллойд Джорджа, внезапно отозванные в Лондон, последнего слова так и не сказали. Двусмысленный текст официального сообщения вызывал недоверие; его расценили как маневр, имевший двойное действие: против рабочей партии, которая энергично требовала прекращения блокады, и против Советов, которых пытались «соблазнить» возобновлением товарообмена.

Настойчивые призывы Москвы к миру, успехи Красной армии наряду с осознанием лидерами ведущих европейских стран необходимости нормализовать торгово-экономические отношения с Советской Россией начали давать результаты. Так, 16 января 1920 г. Верховный Совет Антанты принял резолюцию, согласно которой отныне разрешался обмен товарами между Россией, союзными и нейтральными странами, тем самым фактически отменялась экономическая блокада. Правда, в резолюции содержалась оговорка, что общая политическая линия стран Антанты остается неизменной¹⁶⁸. Завязать торговые отношения собирались с русским народом, минуя советское правительство, то есть попытаться торговать только с частными кооперативами. Руководители РСФСР позитивно восприняли шаг западных стран в сторону налаживания экономических связей с Новой Россией. В частности, Ленин назвал решение стран Антанты «крупным фактом международного значения», означавшим, что Россия оказалась «в сфере всемирных межгосударственных отношений»¹⁶⁹. Заявление это было излишне оптимистичным. Только после разгрома армии Врангеля и ликвидации Южного фронта в конце ноября 1920 г. Ленин смог сказать, что страна вступила в новую полосу, когда существование Советской республики в сети капиталистических государств отвоено, и во главу угла ставится хозяйственный фронт, чтобы решать созидательные задачи социалистической революции, строить новые экономические отношения. По признанию Ленина, переход здесь был «чрезвычайно резкий и трудный, — требующий иных приемов, иного распределения использования сил, иного устремления внимания, психологии и т.д.»¹⁷⁰.

Ллойд Джордж, призывавший в феврале 1920 г. установить торговые отношения с Советской Россией, выразил надежду, что если

¹⁶⁸ ДВП СССР. Т. 2. С. 748.

¹⁶⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 88—89.

¹⁷⁰ Там же. Т. 42. С. 28.

силой привести в чувство Россию не сумели, возможно, удастся сделать это путем торговли. (Ведущие европейские державы уже к весне 1921 г. установили торговые отношения с Советской Россией.) Принятие такого решения повлекло за собой и иные соглашения. В частности, 12 февраля 1920 г. было принято Соглашение между Правительством Великобритании и Правительством РСФСР об обмене пленными. Оно имело определенное политическое значение, так как впервые устанавливало официальные контакты Советской России с одной из ведущих капиталистических держав. В дальнейшем соглашения об обмене пленными были заключены с Германией, Францией, Бельгией, Италией и Венгрией на более широкой политической основе, поскольку в некоторые из них были включены такие положения, как невмешательство во внутренние дела и др.¹⁷¹ За соглашениями последовало и дипломатическое признание.

В 1920 г. советское правительство предприняло попытку наступления в западном направлении: войну с Польшей оно вело в значительной степени как войну революционную. Однако революционной войны польского пролетариата против собственного правительства не произошло; национальный фактор перевесил фактор интернационально-классовый. Это была борьба за определение западных границ Советской России, но вместе с тем, что, по-видимому, важнее, решался и вопрос о том, будет ли с помощью Польши в качестве буфера изолирована русская революция или с советизацией Польши и наступлением Красной армии ареал ее распространения достигнет Германии. Между тем, как считает Ю.Г. Фельштинский, Ленин рассматривал эту войну не с точки зрения мировой революции, а с точки зрения конкуренции с Германией: «По крайней мере, сначала он стремится отрезать Германию от Данцига, а затем заключает мир, по которому уступает территории, граничащие с Восточной Пруссией (и так создает буферное пространство, лишая Советскую Россию и Германию общей границы). Для сторонников мировой революции такая территориальная уступка означала невозможность наступления непосредственно на Германию с целью экспорта революции. Ленина, наоборот, отсутствие общей границы страховало от непосредственного военного столкновения двух государств»¹⁷². Как известно, в начале 1920 г.

---

¹⁷¹ ДВП СССР. Т. 2. С. 364. См. также: Там же. Док. № 309—313, 326, 357.

¹⁷² *Фельштинский Ю.Г.* Указ. соч. С. 543.

советские руководители заняли позицию территориальных уступок Польше в обмен на мирный договор. Совнарком выступил за возобновление советско-польских переговоров¹⁷³, предложив, по словам Ленина, полякам «всю Белоруссию и порядочный кусок Украины»¹⁷⁴. Но Польша эти предложения отвергла. Впоследствии польский дипломат генерал Т. Махальский писал о заключенном в марте 1921 г. в Риге мирном договоре, что «как выяснилось, война собственно не была нужна, перед киевским походом мы имели возможность получить лучшую границу без боев... Если бы приняли в 1919 г. предложение Ленина, то имели бы не только значительно более благоприятную для нас границу на востоке, но, что важнее, отменить эту границу в Ялте было бы для Сталина трудно»¹⁷⁵.

В апреле 1920 г. советское правительство приняло решение о подготовке к активным военным действиям, расценивая его как противодействие необоснованным притязаниям Польши на ряд исконно российских земель. Позднее, с середины июля 1920 г., когда Красная армия добилась значительных успехов на фронте, а британская дипломатия предложила России условия мира, произошел поворот к идее установления советской власти в нескольких странах¹⁷⁶. Страны Согласия помогали Польше, однако опасность дестабилизации Версальской системы вынуждала Великобританию выступать за мирное решение советско-польского конфликта. Большевицкое руководство, видя в Польше объект политики стран Согласия, оценили военные действия Польши как «третий поход Антанты».

Советско-польская война, в свою очередь, послужила катализатором активизации французской помощи белой армии в Крыму. Франция стала единственной страной, которая 10 августа 1920 г. признала де-факто правительство Юга России; но разгром Белого движения и усиление в связи с этим международных позиций правительства РСФСР игнорировать она не смогла. Страны Антанты принуждены были менять свою тактику, хотя в возобновлении отношений с Россией, даже торговых, многие видели политическую опасность укрепления власти большевиков руками самих европейцев. Но для того, чтобы эти возражения были более убедительны-

¹⁷³ ДВП СССР. Т. 2. С. 312—313 (док. № 207), 331—332 (№ 226).

¹⁷⁴ Ленин В.И. Неизвестные документы, 1891—1922. М., 1999. С. 371.

¹⁷⁵ Цит. по: Зубачевский В.А. Советско-польская война 1920 года: геополитический аспект // Военно-исторический журнал. 2013. № 10. С. 22.

¹⁷⁶ Там же.

ми, не хватало, как писала газета *Temps* 18 января 1920 г., одного: четкого указания, каким образом можно было теперь ограничить власть большевиков, если Колчак, Юденич и Деникин разбиты в России, которая находилась в строжайшей блокаде, не имея ни Сибири, ни Юга с его хлебными житницами, ни Донецкого угольного бассейна. Странники блокады требовали, чтобы союзники «безнадежно уселись на гробе России, мы же хотим ее воскресенья», утверждала газета. В материалах французской прессы прослеживаются и антибританские настроения правительства Франции, в частности, в связи с возможным возобновлением торговых отношений Великобритании с русскими кооперативами. Это было расценено как дело исключительно внутренней английской политики. Но в целом, большинство сообщений парижской прессы подчеркивали неясность общей политики стран Антанты в отношении Советской России.

В конечном счете государствами Европы тактика была избрана, заключалась она в признании большевиков фактическим правительством России, одновременно проводилась линия на дискриминацию РСФСР и ограничение ее роли в международных отношениях. В мае — июне 1920 г. в Лондоне проходили неофициальные переговоры между советским торговым представителем Л.Б. Красиным и британским премьером Д. Ллойд Джорджем. Поводом к началу переговоров послужили экономические вопросы между Россией и западноевропейскими странами, однако британская сторона увязала их разрешение с восстановлением нормальных отношений. В целом эта инициатива была расценена на Западе положительно. На проходившей 21—22 июня 1920 г. в Булонь-сюр-Мер во Франции очередной сессии Верховного Совета Антанты было решено продолжить переговоры с торговыми представителями России¹⁷⁷.

В 1920—1921 гг. состоялись первые экономические переговоры России с западными партнерами по линии Всероссийского центрального совета потребительских обществ, на которых обсуждались в первую очередь вопросы экспорта российского сырья и золота. Соглашение шведских экспортеров с Центросоюзом о поставках товаров в мае 1920 г. означало признание Советской России де-факто. Вслед за шведами в сентябре 1921 г. норвеж-

---

¹⁷⁷ Системная история международных отношений: события и документы, 1918—2000: в 4 т. М., 2000. Т. 1. С. 93.

цы заключили на более почетных для Советской России условиях Христианийское временное соглашение¹⁷⁸. По отношению к интервенции в России Скандинавские страны держали нейтралитет, блажелательный в отношении стран Антанты. Дания и Норвегия помогали Белому движению оружием и деньгами, участвовали в блокаде России, но сняли ее одними из первых на Западе. Временное торговое соглашение с СССР Дания подписала в 1923 г. после двух лет переговоров. Бельгия в своей официальной политике примкнула к Франции, по-прежнему поддерживая идею экономического бойкота России, причем поддержку эта идея получила не только со стороны правых, но и левых социалистических групп парламента и прессы. Притом в русских делах Бельгия была заинтересована больше, чем в делах других стран: из десяти граждан у шести имелись русские бумаги; заинтересованность Бельгии выражалась суммой в 3 ½ млрд франков золотом по балансу 1914 г.; иными словами, по 500 франков на «голову» населения, считая женщин и детей¹⁷⁹. Бельгийские предприниматели, заинтересованные в России, и все держатели русских ценных бумаг объединились в «Союз защиты интересов бельгийских кредиторов России», составляя часть международного союза аналогичных учреждений в Англии, Франции, Италии, Швейцарии и т.п. В состав Союза, не желавшего иметь какое бы то ни было дело с большевиками, входили как финансовые деятели и активные руководители политики, так и самые широкие слои населения, держатели мелких облигаций и акций российских южных угольных и металлургических предприятий.

На Лондонском совещании в феврале 1920 г. Верховный Совет Антанты предложил Лиге Наций назначить комиссию, которая должна была отправиться в Россию и собрать сведения, необходимые государствам Согласия, для выяснения линии своего поведения по отношению к московскому правительству по вопросу о возобновлении торговых отношений. 26 апреля председатель совета министров Италии Ф. Нитти отправил наркоминделу Г.В. Чичерину телеграмму о том, что Лига Наций выбрала членов этой комиссии, но комиссия все еще не смогла выехать, «ввиду того, что не получила еще от русского правительства уверения в том, что ей разрешен будет въезд в Россию»¹⁸⁰. Если правительства государств

¹⁷⁸ Кан А.С. История скандинавских стран. М., 1971. С. 198.

¹⁷⁹ АВП РФ. Ф. 0528. Оп. 1. Д. 43. П. 6. Л. 13.

¹⁸⁰ Там же. Ф. 98. Оп. 4. Д. 4. П. 2. Л. 14; См. также: ДВП СССР. Т. 2. С. 505—506.

Европы желали возобновить торговые сношения с Россией при достаточных гарантиях, говорилось в послании, то московское правительство должно быть еще больше заинтересовано в том, чтобы предоставить правительствам Соглашения все сведения, которые смогут продемонстрировать европейским народам целесообразность возобновления в кратчайший срок товарообмена между Россией и всей остальной Европой. Нитти признал, что от скорого восстановления торговых сношений между Россией и другими европейскими государствами «зависит отчасти и восстановление нормальной жизни Европейского континента и, особенно, самой России, перенесшей такие тяжкие испытания»¹⁸¹. Отметив, что Италия отнюдь не желает возбуждать никаких вопросов, касающихся внутренних порядков России, он выразил надежду, что деятельность московского правительства не будет преградой к восстановлению дружеских отношений и его внешняя политика будет руководствоваться принципами международного уважения, которые должны быть положены в основу Лиги Народов.

5 мая 1920 г. Г.В. Чичерин в ответном послании Ф. Нитти поблагодарил за телеграмму от 26 апреля и заверил, что советское правительство чрезвычайно ценит те дружественные шаги, которые были предприняты Италией в отношении России, выразив надежду, что «в ближайшее время могут быть преодолены все трудности, и между двумя державами будут установлены нормальные отношения к их взаимной выгоде»¹⁸². По поводу поездки назначенной Лигой Наций комиссии нарком сообщил, что соответствующая радиотелеграмма в свое время была передана секретарю Центрального Исполнительного Комитета Ю.Х. Лутовинову (председатель ВЦИК М.И. Калинин в то время отсутствовал) и будет обсуждаться на его ближайшей сессии.

7 февраля 1920 г. было заключено Соглашение между представителями командования Красной армии и чехословацких войск, гарантировавшее чехословацким войскам в Сибири свободный отъезд на родину через Владивосток. По условиям соглашения между советскими и чехословацкими войсками устанавливалось перемирие¹⁸³. Соглашение определяло порядок передвижения чехословацких войск и помощь Красной армии и советских органов при их передвижении на восток (обеспечение топливом,

¹⁸¹ АВП РФ. Ф. 98. Оп. 4. Д. 4. П. 2. Л. 15.

¹⁸² ДВП СССР. Т. 2. С. 504—505.

¹⁸³ Там же. С. 752—753.

организация железнодорожного движения и т.д.). Чехословаки должны были следовать в составе войсковых соединений, куда входили также румынские, латышские и югославские части, находившиеся под общим командованием чехов; они брали на себя обязательство сохранять нейтралитет в отношении отрядов, действовавших против советской власти, и не оказывать им никакого содействия. Арестованные Иркутским ревкомом А.В. Колчак и его сторонники должны были оставаться под охраной советских войск, чехословаки не должны были вмешиваться в распоряжения советской власти по отношению к арестованным. Чехословацкое командование обязывалось передавать в полной сохранности Красной армии и советским властям все железнодорожное имущество (за исключением паровозов, топлива и смазочных материалов), военное имущество, станционные и др. сооружения. Статья 6 Соглашения обуславливала сохранение золотого запаса РСФСР и передачу его Иркутскому исполкому при уходе последнего чешского эшелона из Иркутска. Для наблюдения за правильным выполнением условий Соглашения и ликвидации возможных недоразумений с советской и чешской стороны были назначены специальные представители. Соглашение вступало в силу с момента его подписания.

25 февраля 1920 г. наркоминдел Г.В. Чичерин отправил министру иностранных дел Чехословакии Э. Бенешу радиотелеграмму¹⁸⁴, в которой говорилось, что посторонние влияния и давление извне привели одетых в солдатские мундиры выходцев чехословацких народных масс к тому, чтобы совершить нападение на рабоче-крестьянскую революцию в России и стать главной опорой милитаристской и царистской контрреволюции. Обманутые коварными интригами чехословацкие солдаты в России в результате трагической ошибки обратили свое оружие против своих братьев из народных масс России. После бесчисленных жертв и страданий, те из чехословацких солдат, которые уцелели в Сибири после всех испытаний, поняли, что они стали жертвами ужасного заблуждения и заключили с борцами за свободу российских трудящихся соглашение, гарантировавшее им свободный отъезд, «которого они могли впрочем во всякий момент достичь, если бы приняли наши доброжелательные предложения». «Мы можем лишь радоваться этому счастливому результату, — писал нарком, — устра-

---

¹⁸⁴ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 3. П. 1. Д. 1. Л. 5.

няющему одно из главных препятствий для полного соглашения с вашей стороной, с которой Советская Россия искренно желает жить в дружбе». Российское Советское правительство обращалось к правительству и ко всему народу Чехословацкой Республики с предложением о начале переговоров с целью установления мирных отношений и заключения соглашений, выгодных для обеих сторон. «Мы убеждены, — говорилось в телеграмме, — что торговые сношения между обеими странами могут привести к величайшей выгоде для обеих и что между нашими двумя республиками могут установиться прочные дружественные отношения к наибольшей пользе каждой из них»¹⁸⁵.

15 февраля 1920 г. К. Радек прислал Чичерину доклад о возобновлении экономических и дипломатических отношений с Германией, подготовленный на основе сообщений о переговорах, которые они с уполномоченным НКВД в Германии В. Коппом вели с представителями германского правительства и германских промышленников¹⁸⁶. Из всех стран наиболее заинтересованной в российских концессиях была именно Германия. На запросы Коппа, когда германское правительство думает возобновить дипломатические и экономические отношения с Россией, германская сторона сначала отвечала, что речь об этом может идти только после ратификации Версальского договора; когда же договор был ратифицирован, Копп собирался вручить германскому правительству официальную ноту, в которой содержались требования возобновления дипломатических отношений. Радек и Литвинов советовали Коппу с этим подождать до того, как будет получена гарантия со стороны Германии о выполнении требований России. Отказ немцев ослабил бы ее позицию при переговорах со странами Антанты. «Для Германии вопрос об отношении к нам — это вопрос о будущих хозяйственных отношениях обеих стран, предпосылкой этих отношений является реставрация транспорта», — писал Радек¹⁸⁷. Германия могла бы дать значительное количество паровозов, машин и инструментов для ремонта, инженеров и квалифицированных рабочих. Только Германия, в случае получения от России концессий или других привилегий, была бы вынуждена платить продуктами своего труда и работы, а не деньгами (или погашением долгов, на котором настаивали представители Антанты).

---

¹⁸⁵ Там же. Л. 6.

¹⁸⁶ Там же. Ф. 0528. Оп. 1. Д. 43. П. 6. Л. 31—33.

¹⁸⁷ Там же. Л. 32.

К. Радек в своем докладе главе НКВД сообщал, что МИД Германии предложил послать несколько человек для экономических переговоров «под видом красно-крестной комиссии»; сам он настаивал на том, чтобы миссия имела чисто деловой характер, строжайшим образом ей должно быть запрещено вмешиваться во внутренние политические дела Германии. То, что немцы первыми (в радиотелеграмме от 14 февраля 1920 г.) напомнили советским руководителям о необходимости посылки такой миссии, говорило об их оценке снятия блокады Советской России.

Понимая трудности реализации решения Парижской конференции об установлении торговых отношений с русскими кооперативами, советские руководители хотели воспользоваться им как предложением для создания положительного имиджа РСФСР в мире. С этой целью в Россию приглашались иностранные корреспонденты. В течение всего их пребывания в стране они находились под строгим наблюдением. Наблюдатели подробно описывали все шаги иностранцев, их высказывания и оценку ситуации в Советской России. Так, 18 апреля 1920 г. один из таких наблюдателей представил отчет о посещении корреспондентом французской газеты *Le Petit Parisien* храма Христа Спасителя в Москве: «Какие вынес впечатления: Понравилась пышность внутренности, сравнил службу с католической службой. Общие наблюдения: Открыто заявляет не только о своем сочувствии, но уверяет, что понял и более или менее принял коммунистическую программу, что, главным образом, повлияли в этом отношении 4 года войны, которые провел простым солдатом в окопах. Но программа не сможет осуществиться — общественная обработка земли невозможна; также невозможно изменение психологии крестьянина в такой отсталой стране, даже трудовая армия в этом отношении не поможет»¹⁸⁸. После сообщения была сделана помета красным карандашом: «Пребывание журналистов плохо используется. Необходимо заранее написать порядок и тактично показывать». Указание старались выполнять. 19 апреля 1920 г. журналист Ламперт в течение двух часов проводил интервью с председателем ВСНХ А.И. Рыковым. Наблюдатель Кушинский докладывал: «Со слов гражданина Ламперта можно заключить, что он вполне остался доволен состоявшимся интервью. На него произвел впечатление оптимизм т. Рыкова и его заявление, что имеются большие запасы сырья в России, но что

---

¹⁸⁸ Там же. Ф. 136. Оп. 4. Д. 54. П. 4. Л. 1.

Советская Россия готова обмениваться с Западом на равных началах, т.е. как равный с равным». Общие наблюдения: «Считаю необходимым знакомить иностранцев с промышленной жизнью страны: совхозами и т.п., что для них представляет большой интерес, согласно моим впечатлениям, вынесенными в общении с ними»¹⁸⁹.

Все замечания, сделанные зарубежными гостями, записывались. Так, корреспондент *Le Petit Parisien* интересовался предполагаемым переселением 50 тыс. квалифицированных рабочих из Германии в Россию и высказывал в связи с этим свои возражения: «1) немецкое засилье, даже если их распределят по всей России у них останется достаточно связи, чтобы стать хозяевами. 2) Германия пошлет самых плохих неквалифицированных рабочих, ненужных ей; несмотря на это засилье будет. Все эти немцы в душе бывшие патриоты, 3) прокормить лишних 50 000 чел.»¹⁹⁰. Комментарии наблюдателя: типичное для французов шовинистическое отношение к Германии.

Корреспондент *Excelsior* Лондр 19 апреля 1920 г. посетил редактора газеты «Известия» Ю.М. Стеклова в Кремле. «Восхищался Кремлем, видом с него и особенно старыми уголками Кремля. Жалеет, что старые характерные черты стусеиваются временем и, в особенности, большевизмом, — сообщил наблюдатель. — Утонченный интеллигент, открыто заявляющий о своем не сочувствии коммунизму и Советской власти. Главный камень преткновения — отказ от личных вкусов, привычек в одежде, питании, всем образе жизни, милитаристская обязательность труда и жизнь в коммуне, желательная полная обособленность и независимость жизни. Интересуется более вопросами просвещения, воспитания, агитации и т.п.»¹⁹¹.

Отметим, что в это время в Советской России начинает складываться механизм и практики приема иностранных гостей. Но рассмотрение этих вопросов выходит за рамки нашего исследования.

Итак, в окружении капиталистических государств Советская Россия выработала достаточно гибкую линию поведения. Возможность укрепиться хотя бы в одной стране (иллюзии о скорых революционных выступлениях рабочего класса в крупнейших европейских странах с течением времени рассеялись) давала советскому руководству тактика «выжидания и использования конфликтов и противоречий между империалистами»¹⁹². Образ мировой пролетар-

---

¹⁸⁹ Там же. Л. 2

¹⁹⁰ Там же. Л. 3.

¹⁹¹ Там же. Л. 4.

¹⁹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 341.

ской революции постепенно терял свои очертания, вместе с тем политика советского руководства становилась все более прагматичной. Настойчивые призывы Москвы к диалогу, обращенные к лидерам великих держав, начали давать свои результаты: в конце 1919 г. странами Антанты было принято решение о прекращении не сумевшей уничтожить большевизм интервенции; в январе 1920 г. фактически снята экономическая блокада Советской России; начали завязываться торгово-экономические отношения. Как повторял А.А. Иоффе, революция революцией, а бензин бензином. Даже в такие переломные для ее судьбы годы, каким был период с 1917 по начало 1920 г., Россия оставалась страной, которой нельзя было пренебречь. Это понимали как в Советской России, так и на Западе.

Заключение

В начальный период существования советского государства высокая идеологизированность внешнеполитической активности его руководителей для обеспечения выживания страны не исключала применения ими различных дипломатических приемов, таких, как использование противоречий между великими державами. Заигрывая то с одним, то с другим блоком государств, вызывая их давление друг на друга, большевистские лидеры пытались создать возможности для геополитического утверждения Советской России.

В идейную политику советского правительства, по словам наркоминдела Г.В. Чичерина, «клином врезывалось» требование безопасности, усложнявшее попытки совместить революционность в идеологии с необходимостью нормализации отношений со странами внешнего мира.

Стремясь расширить социально-политическую опору для действий в России, союзные державы поддерживали контакты и с большевистским правительством, и с его противниками. Советские руководители для сохранения нейтралитета России в мировой войне после Бреста соглашались и на оккупацию Севастополя Германией, и Мурманска — Великобританией. Каждая из сторон вела свою политическую игру. Однако политика лавирования со стороны советского правительства не могла длиться долго. Требования Германии, заинтересованной на время войны в сохранении большевистского режима, соблюдать условия Брест-Литовского договора, который страны-союзницы восприняли как одностороннюю капитуляцию России, оказались весомее пожеланий стран Согласия расширить их военное присутствие в стране. В странах Антанты в итоге верх взяли сторонники жесткой линии в отношениях с Советской Россией, сделавшие ставку на антисоветские силы. Свообразным инструментом международной политики стало чехословацкое войско, втянутое союзниками в орбиту российской Гражданской войны.

Если во время мировой войны военно-стратегическая цель союзников — удержание России в войне — сочеталась с тактикой контакта с Советами, то по окончании войны отношения между

державами и Советской Россией находились вне общепринятых норм и вопреки законам логики. Державы субсидировали врагов русской революции, а революционеры помогали врагам существующего в этих державах строя.

Политика большевистского правительства строилась в надежде на социальную революцию в обоих лагерях: в англо-французском и германском. Именно в Берлине, как считал Ленин, лежал ключ к новой системе международных отношений. Советское представительство выполняло там не только дипломатические и пропагандистские функции, но и выступало в роли координатора революционных сил, что не могло не вредить работе российских дипломатов. Но надежды большевиков на пролетарский переворот в Германии и других странах Европы оказались тщетными.

Время лавирования между двумя воюющими коалициями закончилось с окончанием мировой войны — для Советской России открывалась возможность выхода из международной изоляции и возвращение в круг великих держав. Но и державы Согласия получали свободу действий в отношении России. На рубеже 1918—1919 гг. Россия оказалась в полной дипломатической изоляции. С окончанием Первой мировой войны общность цели, которая помогла союзникам выиграть войну, исчезла. Оккупация российской территории союзниками с наступлением мира обратилась прямым вмешательством в дела России, крайне обострив их разногласия в «русском вопросе».

Поиски решения «русского вопроса» в хаосе Гражданской войны в России были весьма нелегкими. Сложности возникли как из-за непростых внутривблоковых отношений между великими державами (Великобритания и США «теснили» Италию и Францию), так и из-за трудностей, вызванных противоборством левых и правых политических движений в странах Запада.

Достижение мира в России оставалось одной из основных задач международной политики. Для ее решения страны-союзницы предлагали созвать конференцию, подобную той, что не удалось провести в 1919 г. на Принцевых островах; «русский вопрос» предлагалось передать на рассмотрение Лиги Наций, ее Совету, а также отправить в Россию специальную международную комиссию для его изучения. Отнюдь не последнюю роль в решении «русского вопроса» играли США. В течение долгого времени они отдавали предпочтение дипломатическим методам его решения, в отличие от выступавших за военную интервенцию их европейских союзни-

ков и Японии. Но в конечном счете санкция на интервенцию была дана и Соединенными Штатами.

В отличие от американской, английской, французской и итальянской, японская интервенция на Дальнем Востоке была вполне реальной и длительной, а просуществовавшая до 1922 г. Дальневосточная республика служила буфером против войны Советской России с Японией. Самую жесткую позицию в «русском вопросе» занимала Франция, избрав своим оплотом в стратегическом противостоянии с Германией и барьером на пути восстановления германского влияния в России Польшу, так как Россией роль противоядия Германии была утеряна.

Рассматривая усилившуюся после Компьенского перемирия интервенцию стран Антанты, основным мотивом которой стало не создание Восточного фронта, а борьба с властью большевиков, как необъявленную войну, советские руководители неоднократно предлагали бывшим союзникам начать переговоры о заключении мира. Ответных шагов со стороны великих держав не последовало. Тем временем широкую поддержку получила выдвинутая Францией тактика экономической блокады Советской России.

Лидерство во вмешательстве западных стран в российские дела взяла на себя Великобритания. В целом, история военного участия союзников в российской Гражданской войне — это история участия в ней Великобритании, ее расходы на поддержку Белого движения были основными. Однако желание союзников помочь России белые генералы переоценили. Уже в начале 1919 г. стало очевидно, что расчет на то, что союзные силы как организующий фактор и источник материальной и духовной поддержки противников большевиков с целью их свержения, не оправдался. Осенью 1919 г. на Западе стала доминировать тенденция сворачивания помощи Белому движению. Возрождение сильной России, независимо от ее политического строя, противоречило интересам великих держав. В конечном счете они пришли к выводу, что силовой вариант решения «русского вопроса» неприемлем.

Естественной альтернативой силовому решению «русского вопроса» западные политики видели в диалоге с большевиками. Следствием этого стали предложенная американским президентом В. Вильсоном и британским премьер-министром Д. Ллойд Джорджем конференция на Принцевых островах в январе—феврале 1919 г. и секретная миссия члена американской делегации в Париже У. Буллита в Москву месяц спустя.

Попыткой предотвратить создание нового миропорядка, вырабатываемого на Парижской мирной конференции представителями стран-победительниц без участия России, было создание В.И. Лениным в марте 1919 г. Коммунистического Интернационала, который в дальнейшем стал действенным инструментом Москвы в ее влиянии на международное коммунистическое движение.

Большую роль в функционировании всего государственного механизма выработки и принятия главных внешнеполитических решений страны сыграло создание тогда же, в марте 1919 г. политбюро ЦК РКП (б), без санкции которого не принималось ни одного важного решения не только в области внутренней, но и внешней политики. В основе международной политики советского руководства лежало стремление соединить ожидание и содействие мировой революции с постоянными усилиями по созданию мирной обстановки вокруг советского государства.

Советская Россия, не приглашенная на Парижскую мирную конференцию, не признала для себя обязательным Версальский договор, выказывая к нему резко отрицательное отношение. Без участия России проводились новые послевоенные границы, утвержденные решениями мирной конференции. Однако великие державы сознавали невозможность создания стабильного международного порядка при полном игнорировании российских интересов. Союзники не отрицали вклад России в победу в мировой войне, предоставив ей право на репарации. «Русский вопрос» оставался на первом плане обсуждения конференции. Было очевидно, что окончательное европейское территориально-государственное урегулирование возможно лишь после стабилизации положения в России и окончания там Гражданской войны, исход которой и должен был определить ее место в послевоенной системе международных отношений.

Большевики сумели воспользоваться разногласиями между великими державами и предотвратить всеобщее наступление против них, в этом им помогли разобщенность и реакционность Белого движения. Для того, чтобы оградить Европу от большевизма, у стран Запада после военных поражений белых и вывода союзных войск с российской территории (к весне 1920 г. на территории России оставались только оккупировавшие Приамурье, Приморье и Северный Сахалин японские войска) появились другие методы: экономическая и дипломатическая блокада Советской России, «санитарный кордон» и надежда на эволюцию советского режима.

Вместе с тем идея «санитарного кордона», продолжая оставаться актуальной *политически, экономически* становилась все менее рентабельной. В январе 1920 г. Верховный Совет Антанты принял резолюцию, согласно которой разрешался обмен товарами между Россией, союзными и нейтральными странами, то есть фактически отменялась экономическая блокада.

Советские руководители не могли не принимать в расчет и наметившийся у лидеров стран Запада отход от категорического непризнания Советской России, и стремление западных деловых кругов к более реалистичному подходу к контактам с Москвой. Принятое в феврале 1920 г. Соглашение между РСФСР и Великобританией об обмене пленными имело уже определенное политическое значение, так как впервые устанавливало официальные контакты Советской России с одной из ведущих западных держав. В целом тактика западных держав заключалась в признании большевиков фактическим правительством России при одновременном проведении линии на дискриминацию РСФСР и ограничения ее роли в международных отношениях.

Вопрос о том, как правители великих европейских держав представляют себе Новую Россию, оставался открытым, но у них появилось стремление к тому, чтобы Россия вновь вступила в мировой концерт народов и занялась восстановлением своего хозяйства. Для последней, оказавшейся в сфере сложнейших межгосударственных отношений, начался период полублокады-полумира. Победа большевиков в Гражданской войне заставила страны Запада считаться с новой реальностью: их власть в России укрепилась надолго, и в таких условиях политика непризнания представлялась бесперспективной.

Первым европейским государством, признавшим Советскую Россию, стала Эстония. 2 февраля 1920 г. в Юрьеве (Тарту) был подписан советско-эстонский мирный договор, по которому Россия, в свою очередь, признавала независимость Эстонии. Вскоре были подписаны мирные договоры и с другими государствами Прибалтики. В марте 1921 г. с подписанием англо-советского торгового соглашения, выходящего за рамки экономических отношений, так как оно предусматривало установление и политических связей между двумя государствами, Великобритания признала Советскую Россию де-факто. Она же первая из держав Антанты признала Советский Союз де-юре в 1924 г. Международное признание власти большевиков было приближено образованием СССР, став-

шим первым важнейшим шагом к возрождению России в исторически сложившихся границах на новой социальной основе.

Советская Россия сумела восстановить свои позиции после геополитического краха 1918 г. Для этого ей пришлось пройти сложный, полный лишений путь от блокады к полублокаде-полумиру, от единичных и весьма специфических актов признания де-юре 1920—1922 гг. к широкой «полосе признаний» в 1924—1925 гг., когда с Советским Союзом установили дипломатические отношения 13 государств, в том числе Великобритании, Италия, Франция, Австрия, Япония и др. Если в первый год существования советского государства союзники принимали совместные «формулы непризнания» его, то к середине 1920-х годов каждая страна выработала с учетом своих геополитических особенностей собственную «формулу признания», а Советская Россия стремилась к тому, чтобы все это не противоречило ее национально-государственным интересам.

Указатель имен

- А**
Авереску А. 241
Айронсайд У.Э. 11, 98, 108, 171, 173, 259
Аксельрод Т.Л. 198
Алексеев М.В. 39, 106, 111, 148, 149, 152—154, 229, 230
Андреев Н. 85
Антонеску 317
Аргунов А.А. 113, 114
Арманд И.Ф. 291, 294
Арцыбашев В.А. 51
Асквит Г. 327, 336, 337
- Б**
Баденский М. 201, 218
Базили Н.А. 328
Баитлер 182
Бальфур А. Дж. 7, 23—25, 35, 37, 53, 54, 56, 58, 59, 66, 68, 70—72, 76, 112, 127, 128, 220, 221, 256
Балтайс Я. 290
Барбюсс А. 343, 344
Батюшков Г.Д. 197
Бахметев Б.А. 27, 67, 211, 228, 232, 233, 237, 259
Белова И.Б. 285
Бенеш Э. 116, 118, 352
Берберова Н. 230
Берзин Я.А. 192, 205
Бермонт-Авалов П.Р. 328, 332
Бертело А. М. 35
Бжезинский З. 47
Блюмкин Я. Г. 85, 121
Болдырев 236
Бонар-Лоу Э. 37, 308
Бор 341
Боргезе Ш. 176
Ботмер К. фон 11, 12, 119, 143, 147, 148
Бриан А. 9
Бриггс Ч. 224, 225
Брокдорф-Ранцау У. фон 218
Бубнов А.С. 63
Булдаков В.П. 21, 87
Буллард А. 52
Буллит У.К. 8, 222, 262, 269—278, 309, 345, 359
Бурцев В.Л. 128
Бухарин Н.И. 61, 63, 193, 217
- Бьюкенен Дж. 12, 17, 20—22, 24, 26, 27, 32, 33, 41, 53
Бьюкенен М. 20
Бэкстон Н. 24, 25
- В**
Ватлин А.Ю. 13, 198—202
Вильгельм II 119, 185, 198, 201, 203, 205, 217
Вильсон В. 7, 25, 47—51, 56, 57, 67—71, 74, 77, 124, 127, 128, 133, 137—140, 162, 201, 203, 209—211, 222, 234, 235, 238—240, 259, 262, 264, 265, 267, 269—272, 274, 275, 281, 282, 309, 311, 319, 359
Вильямс А.Р. 14, 49
Вильямс Г. 75
Винавер М.М. 315
Виноградов В.Н. 241
Владимирский М.В. 225, 226, 228—232
Вознесенский А.Н. 327
Войшеховский С.Н. 118
Волков М. 290
Волос М. 239
Воровский В.В. 10, 28, 205, 263, 264
Воронцов А.В. 250
Врангель П.Н. 172, 225, 230—232, 260, 329, 331, 346
- Г**
Гаазе Г. 216, 217
Гайда Р. 118
Галлер 313
Ганелин Р.Ш. 13, 22, 27, 37, 40, 48, 51, 64, 74
Ганин А.В. 223
Гельферих К. 145, 148, 149
Гендерсон 108
Гендерсон А. 94, 339
Генрих IV 290
Гергилева А.И. 165
Гертлинг Г. фон 83, 84, 198
Гинце П. фон 149
Гинэ 113
Глоба 290
Голдин В.И. 12, 96—99, 101, 104, 108, 110, 168
Головин Н.Н. 228, 229, 305, 306

Гольденберг И.П. 12, 18—20, 32, 41, 76,
93, 95, 136, 156, 160, 161
Гольц Р. фон дер 97, 280, 320, 332
Гофман М. 50, 61
Грегори 232
Гренар Ф. 116, 287
Гучков А.И. 155, 309, 329

Д

Давтян Я.Х. 291, 294
Дарси 287
Даус Ч. 241
Деникин А.И. 65, 172, 220, 223—227,
229—232, 258, 261, 269, 272, 293, 295,
303—307, 313—315, 317, 324, 325, 332,
333, 335, 343, 345, 349

Джадсон У.В. 36, 40
Дзержинский Ф.Э. 63, 85
Диаманди К. 51
Дизраэли Б. 259
Дитерихс М.К. 118, 139
Дутов А.И. 82
Духонин Н.Н. 26, 35
Дьяконова И.А. 341
Дюкс П. 178
Дюшен Ш. 295, 304

Е

Ефименко А.Р. 107

Ж

Жанен М. 165, 224
Жданов Н.М. 197

З

Зиновьев Г.Е. 45, 109, 147, 180, 279
Зольф 216
Зубачевский В.А. 13, 348

И

Иванов-Ринов П.П. 115
Иоффе А.А. 11, 38, 63, 81—83, 144—146,
149, 151, 152, 155, 192, 198, 199, 202—
205, 215, 217, 319, 356

К

Каверин А. 108
Какурин Н.Е. 118
Каледин А.М. 32, 39, 40
Калинин М.И. 351
Каменев Л.Б. 201, 203
Каменка Б.А. 207, 208
Кан А.С. 350
Каплан Ф. 179
Карахан Л.М. 11, 289, 290, 295

Карл 50
Кастель Э. 287
Кастро Дж. 314
Като К. 112, 130
Като Т. 93, 94, 130
Кашен М. 309
Кейв Дж. 25
Кейзерлинг Р. 61
Кемп 96, 105, 110
Кенворти 323
Кеннан Дж. (Kennan G.F.) 14, 26, 259
Керенский А.Ф. 7, 18—20, 22, 24, 129,
130, 134, 155, 235, 341
Керзон Д. Н. 220, 226, 241, 260, 262, 344
Керр Ф. 274
Кидяев 290
Кинг 23, 24, 42, 43, 58, 112, 132
Кирбах Г. фон 79
Кирмель Н.С. 232
Кишкин 155
Кларк У. 132
Клейменова Н.Е. 38, 149, 242
Клемансо Ж. 50, 103, 212, 213, 219, 220,
234, 238, 240, 261, 269, 272, 274, 282,
311, 317, 331, 340, 345
Ключников Ю.В. 49
Кок 170, 176
Колфорд Л. 68, 69, 77
Колчак А.В. 118, 172, 178, 211, 220,
223—225, 227—230, 232, 233, 235, 236,
258, 261, 271, 272, 304—307, 309—311,
313, 315, 324, 325, 327, 329, 332, 335,
336, 343, 345, 349, 352
Коновалов 155
Копп В. 353
Корнилов Л.Г. 17—20, 32, 106, 111, 230
Котенев В.А. 203
Красин Л.Б. 11, 185, 186, 195, 349
Краснов П.Н. 23, 82, 121, 147, 149, 152,
153
Крестинский Н.Н. 63
Кривошеин А.В. 120
Кристенсен 209
Кросби 40
Крыленко Н.В. 26, 33
Кубасов А.Л. 96, 98, 166, 170, 172, 178
Кушинский 354
Кюльман Р. фон 44—46, 50, 83, 120

Л

Лавернь А. 114, 167
Ламперт 354
Лансинг Р. 27, 43, 203, 211, 212
Ларин Ю. (Лурье М.А.) 146, 147, 151—
153
Лебедев В.А. 315

- Левицкий-Цедербаум В.О. 84
 Леленг 114
 Ленин В.И. 21, 23, 25, 29, 30, 44, 45, 48, 51, 60, 61, 63—65, 74, 77, 79, 84, 100—102, 109, 143, 144, 147, 148, 151, 164, 177, 179, 189, 192, 193, 198—202, 205, 218, 222, 235, 256, 259, 269, 274, 276—280, 309, 316, 332, 335, 336, 343, 346—348, 355, 358, 360
 Лефевр А. 221
 Либкнехт К. 205
 Ливен 328
 Липер Р. 54
 Липпман У. 48
 Листиков С.В. 14, 67, 210, 221, 234, 236, 239, 255
 Литвинов М.М. 11, 28, 41, 53—55, 57—60, 178, 181, 182, 210, 212, 256, 287, 302, 304, 331, 335, 336, 343
 Ллойд Джордж Д. (Lloyd George D.) 34, 42, 46, 50, 55—57, 75, 128, 130, 210, 220—222, 226, 229—232, 234, 238, 240, 258—262, 269—271, 274, 275, 282, 307, 311, 321, 327, 333—336, 339, 340, 342, 345, 346, 349, 353, 359
 Локкарт Б.Р. 40, 41, 44, 63, 66, 73, 74, 91, 102, 104, 108, 127, 167, 177—179, 229, 287
 Ломов Г.И. 63
 Лонг Дж. 99, 107
 Лонгена Р. 126
 Лондр 355
 Луначарский А.В. 195
 Лутовинов Ю.Х. 351
 Львов Г.Е. 155, 233, 328
 Лэнсбери Дж. 344
 Люберсак 167
 Людендорф Э. 88, 120, 200, 214
- М**
 Магадеев И.Э. 344
 Мазон А. 287
 Макаренко П.В. 29, 60
 Макдональд Р. 18
 Макино Н. 311
 Маклаков В.А. 35, 70, 210, 227, 231—235, 239, 262, 263, 315, 328
 Макс П. 106, 114, 139
 Мальков В.Л. 47, 48, 52, 67, 86, 211
 Мальцев Д.А. 32
 Мандриллы А. 170, 174, 176
 Маннергейм К. Г. 308
 Мануильский Д.З. 8, 284—288, 290—294, 296, 297, 299, 300, 301, 304, 308
 Маркин Н.Г. 30
- Марковский В. 282—284
 Мартенс Л.К. 259
 Марушевский В.В. 167, 171—174
 Маршан Р. 19
 Масарик Т.Г. 106, 111, 113, 115, 133, 139
 Махальский Т. 348
 Мацони А. 126
 Мезес С. 48
 Менжинский В.Р. 146
 Миллер Д. 48
 Миллер Е.К. 178, 223, 227
 Милнер А. 262
 Мильеран А. 302, 331
 Мильнер А. 220, 221
 Милоюков П.Н. 10
 Минц И.И. 103
 Мирбах В. фон 12, 61, 81—85, 104, 119—121, 142, 147
 Михайлов И.А. 115
 Михайловский В.Г. 251
 Моррис 317
 Мотоно И. 92, 93, 112, 130
 Мумм А. 82
 Муна 106
 Мусаев В.И. 96, 97, 100
 Мякотин В.А. 22, 84
- Н**
 Набоков К.Д. 37, 58, 210
 Нансен Ф. 272, 273
 Наполеон 314
 Нацаренус С.П. 105
 Нежинский Л.Н. 13, 21, 34, 61, 87, 206, 279, 316, 342
 Ниссель 100
 Нитти Ф. 350, 351
 Новикова Л.Г. 12, 98, 102, 110, 166, 167, 169
 Новицкий В.Ф. 87—90
 Нокс А. 19, 20, 22, 73, 224
 Нордлинг 294
 Нортклиф 274
 Нуланс Ж. 11, 41, 46, 63, 76, 98, 101, 133, 168
- О**
 Одье Э. 180
 Ознобишин Н.Н. 328
 Орландо В.Э. 234, 311
 Осинский Н. (Оболенский В.В.) 278
- П**
 Падейский Н.А. 186, 188
 Пайпс Р. 14, 22, 83, 91, 226
 Палеолог М. 304

Пальк Ф. 326
Парфенов П. С. 118
Перси 260
Петлюра С. В. 313, 317
Петтит У. 271, 275—278
Пишон С. 46, 70, 128, 137, 212, 213, 234,
261, 262, 288, 289, 291, 293, 300, 305
Погуляев 328
Полк Ф. Л. 68
Попова С. С. 286, 293
Потресов А. Н. 84
Пржевлотский Д. 190
Прокопов А. Ю. 230
Пуанкаре Р. 131
Пуль И. С. 222
Пуль Ф. К. 96, 97, 105, 166, 168, 169, 171
Пэрс 124

Р

Раггс 92
Радек К. Б. 146, 193, 199, 216, 217, 282,
353, 354
Раковский Х. Г. 11, 193—195, 217, 303,
309, 313, 314
Рейли С. 177
Ренсом А. 339
Риггс 92, 104
Рид Дж. 49
Ришлер К. 83, 120, 144
Робек 231, 260
Робиен Л. 98
Робинс Р. 19, 36, 40, 41, 48, 63, 68, 73—
75, 91, 92, 94, 102, 103, 110, 113, 319
Родзянко М. В. 155
Розанов В. Н. 84
Росси М. 169, 173, 176
Россэ 295
Русский Н. В. 155
Рыков А. И. 354
Рэдклиф 228
Рябушинский 155

С

Сабанин А. 49
Саблин Е. В. 225, 305, 328
Савинков Б. В. 230, 328
Саговский В. 343
Садуль Ж. 40, 41, 63, 64, 76, 91, 92, 94,
101, 102, 112—114, 133, 278
Сазонов С. Д. 226—228, 234—236, 266,
305, 328
Саймон Дж. 337
Санин А. В. 118
Свердлов Я. М. 63, 179, 199
Свинхувуд П. Э. 97

Семенов Г. М. 67, 110, 111, 129, 138, 147
Семенов Н. А. 343
Сергеев Е. Ю. 14, 67, 72, 170, 239
Сесиль Р. 24, 26, 31—33, 35, 43, 56, 70, 76,
95, 111, 131, 132, 156, 274, 327, 337, 339
Сидоров А. Ю. 38, 149, 242
Сиссон Э. 40, 48, 60
Сифола 176, 177
Скавениус 294
Скобелицин 326
Скоропадский П. П. 81, 82, 154, 200
Случ С. З. 44, 45, 65, 79, 86, 148, 332
Смилга И. Т. 63
Смис Л. 111
Смолин А. В. 79, 103
Смэтс 46, 274, 337
Снесарев А. Е. 255
Сноуден 344
Соболев Г. Л. 12
Соколов Б. Ф. 173
Сокольников Г. Я. 63, 65, 143, 146
Солсбери Р. 274
Соннино 261
Сталин И. В. 154, 259, 348
Стеклов Ю. М. 147, 355
Стеффенс Л. 271, 273, 275—278
Стид У. 116
Страка 114, 115
Суриц Я. З. 205

Т

Такиуки 233
Татищев В. С. 154, 155
Тераучи 59
Терещенко 155
Тисе 50
Тихон, патриарх 230
Токой О. 100
Тома А. 64, 76, 92, 94, 101, 112, 113
Томпсон 182
Томсон Дж. (Thompson J. H.) 14, 259
Торетта 176
Торнхилл 167
Тренер 214
Троцкий Л. Д. 7, 26, 28—30, 32, 36, 44,
46, 50, 53, 54, 61—64, 73, 75, 77, 90,
92, 94, 99, 101, 104, 110, 112—114, 116,
143, 147, 164, 177, 193, 199, 200, 202,
217, 262, 276, 280, 281
Тышкевич М. И. 328

Ф

Фельштинский Ю. Г. 38, 44—46, 62, 64,
77, 83, 85, 120, 144, 145, 150, 179, 189,
202, 209, 282, 347

Фомин А.М. 31, 49, 55, 56, 116
Фош Ф. 66, 241, 328
Франше д'Эсперэ 212
Фрэдерикс 80
Фрэнсис Д.Р. 7, 11, 22, 36, 37, 40, 41,
52, 64, 68, 74—76, 92, 94, 95, 103, 110,
113, 141, 168, 169, 175, 213

У

Уайт 124
Уайтхауз Ш. 22
Улендик 294
Уилсон Г. 221
Уолхед 340
Уорд 338
Уорт Р. 14, 20, 22, 26, 34, 51, 66
Урицкий М.С. 63, 179
Уркарт Л. 132
Уткин А.И. 25, 27, 34, 44, 51, 127, 130,
209, 214, 218, 235, 279, 282, 305, 316
Уэбстер У. 110, 160
Уэдждуд 308

Х

Харт У. (Hard W.) 19
Хауз Э.М. 48, 52, 274
Хикс У. 110, 111, 160
Хор С. 228
Хорват Д.Л. 129, 133, 139, 140
Хормач И.А. 39, 122, 126, 175

Ч

Чайковский Н.В. 167—169, 234, 261,
323, 328
Чаплин Г.Е. 166, 167, 169
Чемберлен О. 324
Чемберлин У. 173
Чернин О. 46, 49, 50, 55
Черчилль У. (Churchill W.) 24, 221, 226,
228, 259, 262, 271, 274, 282, 305—307,
311, 316, 317, 321, 328, 329
Чечек С. 118
Чиколо А. 306
Чичерин Г.В. 11, 28, 30, 54, 73, 80—83,
85, 109, 112, 116, 117, 126, 131, 134,
141, 143—149, 155, 180, 181, 183—185,
191, 200, 202, 209, 215, 216, 249, 250,
257, 262—264, 266, 267, 269, 271, 272,
280, 287, 289, 293, 294, 298—303, 305,
327, 339—343, 350—352, 357

Чубарьян А.О. 62

Ш

Шацилло В.К. 241, 242
Шейдеман Ф. 201, 205, 218
Шмелев А.В. 224
Шишкин В.А. 13, 132, 185, 189, 212
Шишкин В.И. 115
Штейн Б.Е. 158
Шуман Ф. (Schuman F.L.) 14, 27

Щ

Щербачев Д.Г. 224, 227, 305, 328

Э

Эберт Ф. 205, 219
Эйхгорн Г. фон 82, 145
Эрибергер М. 189

Ю

Юденич Н.Н. 178, 223, 224, 226, 227,
230, 305, 306, 323, 325, 328, 335, 345,
349
Юнг О. 241
Юрьев А.М. 99, 100, 104, 105, 109, 110

С

Churchill W. см. Черчилль У.

Н

Hard W. см. Харт У.

К

Kennan G.F. см. Кеннан Дж.

Л

Lloyd George D. см. Ллойд Джордж Д.

Р

Rothwell V.H. 14, 56

С

Schuman F.L. см. Шуман Ф.

Т

Thompson J. H. см. Томсон Дж.

У

Ullman R.H. 256

Научное издание

Быстрова Нина Евгеньевна

«Русский вопрос» в 1917 — начале 1920 г.:
Советская Россия и великие державы

Редактор: *О.А. Пруцкова*

Макет и оформление *Ю.В. Балабанов*

Подписано к печати 12.05.16 Формат 60×90/16. Заказ № 176.
Тираж 500 экз. 23 п.л. 24,2 уч.-изд. л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в Публичном акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»

109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:

«**Центр гуманитарных инициатив**»

e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям, библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему спектру гуманитарных наук – философии, филологии, лингвистики, истории, социологии и политологии. Вы можете приобрести у нас по издательским ценам продукцию ведущих научно-гуманитарных издательств России.

Контакты:

в Санкт-Петербурге: Тел. (812)640-08-71, e-mail: ukniga1@westcall.net
в Москве: ООО «Университетская книга-СПб». Тел. (495)915-32-84,
e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Книжные новинки издательства всегда представлены
в киоске Государственного института искусствознания:
Москва, Большой Козицкий переулок, д. 5 (ст. метро «Чеховская»,
выход в сторону Музыкального театра им. К.С. Станиславского
и В.И. Немировича-Данченко).
Тел./факс: (495) 692-29-39, e-mail: kiosk_gii@sias.ru

Рассылка по России:

Интернет-магазин Лабиринт.ру: <http://www.labyrinth.ru/>

«Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы

Быстрова

Нина Евгеньевна,

выпускница исторического факультета

МГУ им. М.В. Ломоносова,

доктор исторических наук,

ведущий научный сотрудник Центра

«Россия в международных отношениях»

Института российской истории

Российской академии наук, специалист

по истории внешней политики России

и международных отношений в XX в.

Автор свыше 40 научных работ,

в том числе двух монографий:

«СССР и проблема создания

безъядерных зон в Европе

(середина 50-х – конец 80-х годов)»

(М., 1995); «СССР и формирование

военно-блокового противостояния

в Европе (1945–1955 гг.)» (М., 2007)

